

ПЬЕР БУРДЬЕ

один из наиболее влиятельных социологов и антропологов второй половины XX в. Работал профессором социологии в Коллеж де Франс и руководителем исследований в Высшей школе социальных наук. В числе основных работ: *Ното academicus* (М.: Издательство Института Гайдара, 2018), *О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992)* (М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016), *Политическая онтология Мартина Хайдеггера* (М.: Праксис, 2003), *Практический смысл* (СПб.: Алетейя, 2001).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

ПЬЕР БУРДЬЕ

ПЬЕР БУРДЬЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

КУРС ЛЕКЦИЙ
В КОЛЛЕЖ
ДЕ ФРАНС
(1992–1993)

ПЬЕР БУРДЬЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
АНТРОПОЛОГИЯ

Pierre Bourdieu

Anthropologie économique

Cours au Collège
de France
(1992–1993)

Édition établie par

PATRICK CHAMPAGNE ET JULIEN DUVAL

avec la collaboration de

FRANCK POUPEAU ET MARIE-CHRISTINE RIVIÈRE

Postface de

ROBERT BOYER

RAISONS D'AGIR/SEUIL

Пьер Бурдьё

Экономическая антропология

Курс лекций
в Коллеж де Франс
(1992–1993)

Под редакцией

ПАТРИКА ШАМПАНЯ и ЖЮЛЬЕНА ДЮВАЛЯ

при участии

ФРАНКА ПУПО и МАРИ-КРИСТИН РИВЬЕР

Послесловие

РОБЕРА БУАЙЕ

Перевод с французского

ДМИТРИЯ КРАЛЕЧКИНА

| ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ДЕЛО |

Москва

Бурдьё, Пьер

Б92 Экономическая антропология: курс лекций в Коллеж де Франс (1992–1993) / Пьер Бурдьё; [под ред. П. Шампаня, Ж. Дювала при участии Ф. Пупо, М.-К. Ривьер; послесл. Р. Буайе]; пер. с фр. Д. Кралечкина. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС — 416 с.

Распространилась ли та революция, что привела от экономики дара, характерной для большинства докапиталистических обществ, к экономике в стиле «ты мне — я тебе», свойственной современным обществам, на все области существования, как молчаливо предполагают те, кто стремятся применить ко всем практикам модель расчета издержек и выгод (в том числе к образованию или же браку, понимаемому как экономический обмен услугами производства и воспроизводства)? Завершилась ли она хотя бы в той сфере, что основана исключительно на учреждающей тавтологии «business is business»?

Выявляя предпосылки воображаемой антропологии, свойственной теории экономики в ее господствующем определении, Пьер Бурдьё в этой работе требует создать другую теорию, которая порвала бы с идеей индивидуальных решений, свободных от любых ограничений, и заменила бы понятие чистого и совершенного рынка понятием экономического поля, структурированного силовыми отношениями и символической борьбой.

Таким образом, он показывает, не обращаясь к рассчитывающему и абсолютно прозрачному сознанию *homo economicus* или же к логике «ограниченной рациональности», что «разумный» характер большинства разновидностей экономического поведения можно объяснить согласованием субъективных надежд и объективных возможностей.

УДК 330.8
ББК 60.55

Содержание

<i>От редакторов французского издания</i>	7
ЛЕКЦИЯ 1 АПРЕЛЯ 1993 ГОДА	11
<i>Пreamбула: новая постановка проблем экономики. — Теория рационального действия. — Деисторизация экономических форм поведения и экономических универсумов. — Случай дара. — Феноменологический подход к дару (Деррида). — Антропологический анализ дара. — Реинтеграция жизненного опыта: как заниматься теорией практики. — Деструкция времени в науке. — Схоластическая точка зрения</i>	
ЛЕКЦИЯ 8 АПРЕЛЯ 1993 ГОДА	45
<i>Вопросы слушателей: бесстрашие философов. — Ошибка проекции ответного дара в дар. — Преодоление субъективистской и объективистской точки зрения на дар. — Три различия. — Угнетение духа расчета в докапиталистических экономиках. — Экономические предрасположенности и коллективное вытеснение. — Заколдованные экономические отношения. — Основания коллективного непризнания. — Ностальгия по потерянному раю</i>	
ЛЕКЦИЯ 29 АПРЕЛЯ 1993 ГОДА	85
<i>Согласование с правилом и self-deception. — Экономика символических благ. — Забвение исторических и экономических условий экономического поведения. — Появление калькулируемости</i>	
ЛЕКЦИЯ 6 МАЯ 1993 ГОДА	107
<i>Символические революции и переворачивание категорий. — Параллельный генезис экономического мира и экономического дискурса. — Всеобщая ложность рассчитывающего сознания. — Модель обмена. — Вызов и выражение презрения. — Коллективные ожидания (1). — Дар и власть. — Коллективные ожидания (2)</i>	

Лекция 13 мая 1993 года	143
<i>Символическая экономика и пределы экономической экономики. — Конструирование длительных отношений символическим обменом. — Постоянное воссоздание веры. — Миф империализма рынка и сопротивление коммерциализации. — Символическое измерение экономических отношений, пример трудового контракта. — Символическая логика в потреблении. — Экономические условия рационального поведения</i>	
Лекция 27 мая 1993 года	175
<i>Социологи и экономисты. — Внеисторический дедуктивизм. — Двойная деисторизация. — За истористский рационализм. — Определение рынка. — Исторические условия чистой теории</i>	
Лекция 3 июня 1993 года.	213
<i>Невозможное определение рынка. — Экономическая теория против самой себя. — Экономическое поле как поле сил. — Имманентные тенденции экономического поля. — Эффект отличия и конкуренции</i>	
Лекция 10 июня 1993 года.	249
<i>Понятие рынка у Макса Вебера. — Косвенный конфликт. — Модель Харрисона Уайта. — Гомология и двухуровневый выбор потребителей. — Тройное расхождение с Вебером. — Государство создает рынок: пример рынка односемейного дома</i>	
Лекция 17 июня 1993 года.	289
<i>Вопросы аудитории. — Борьба за классификацию в экономическом поле. — Три постулата homo ecopotіcis. — Первая оппозиция: индивидуальное и коллективное. — (Социально) ограниченная рациональность. — Вторая оппозиция: финализм и механицизм. — Иллюзия целенаправленности. — Третья оппозиция: микро и макро</i>	
ЗНАЧЕНИЕ КУРСА О «СОЦИАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ» В ТВОРЧЕСТВЕ ПЬЕРА БУРДЬЕ	333
ПОСЛЕСЛОВИЕ. ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ: АЛЬТЕРНАТИВА БЕССИЛИЮ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ?	369
ПРИЛОЖЕНИЕ. РЕЗЮМЕ КУРСА, ОПУБЛИКОВАННОЕ В ЕЖЕГОДНИКЕ КОЛЛЕЖ ДЕ ФРАНС.	405

От редакторов французского издания

ЭТА КНИГА включена в программу публикации курсов Пьера Бурдьё в Коллеж де Франс. Через несколько месяцев после своей последней лекции в этом институте, прочитанной в марте 2001 года, Бурдьё опубликовал сокращенную версию своего последнего курса (прочитанного в 2000–2001 гг.) под заглавием «Наука о науке и рефлексивность»¹. Курс лекций «О государстве» вышел в 2011 году, после его смерти, а в 2013 году — «Мане. Символическая революция», что соответствует 1989–1992 и 1998–2002 учебным годам². Затем состоялась публикация «курса по общей социологии», который читался Пьером Бурдьё в течение первых пяти лет его преподавания в Коллеж де Франс, с апреля 1982-го по июнь 1986 года: первый том, в котором были собраны лекции, читавшиеся с некоторыми перерывами в 1981–1982 и 1983–1984 учебных годах, вышел в 2015 году, второй — в 2016 году, в нем были собраны три следующих года³. Данный курс, прочитанный в 1992–1993 учебном году и на-

-
1. *Bourdieu P.* Science de la science et réflexivité. Paris: Raisons d’agir, 2001.
 2. *Бурдьё П.* О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016; *Bourdieu P.* Manet. Une révolution symbolique. Cours au Collège de France 1998–2000, suivis d’un manuscrit inachevé de Pierre et Marie-Claire Bourdieu. Paris: Seuil/Raisons d’agir, 2013; переиздано: Points Essais, 2016.
 3. *Bourdieu P.* Sociologie générale. Paris: Seuil/Raisons d’agir. Vol. 1. 2015; Vol. 2. 2016.

званный Бурдые «Социальные основания экономического действия», состоит из девяти лекций, каждая из которых длительностью примерно 1 час 20 минут. Лекции проходили еженедельно по четвергам в первой половине дня, в период с апреля по июнь 1993 года⁴.

Издание этого тома следует редакторским решениям, которые были приняты при публикации курса, посвященного государству, и нацелены на совмещение верности тексту и читабельности⁵. Опубликованный текст соответствует транскрипту лекций, как они были прочитаны. В одном случае (лекция от 29 апреля 1993 года) из-за отсутствия записи в начале курса рассуждения Пьера Бурдые были восстановлены на основе письменных записей одного слушателя.

Как и в предыдущих томах, трансформация устной речи в письменную сопровождается незначительной редактурой, в которой мы стремились соблюсти подход, применявшийся самим Бурдые, когда он редактировал свои лекции и семинары: нами были внесены определенные стилистические исправления и сглажены огрехи устной речи (повторения, слова-паразиты и т. п.). Немногочисленные отрывки, которые оказались плохо или вовсе не слышны, были отмечены многоточием в квадратных скобках. Некоторые слова или фрагменты фраз были добавлены при редактировании текста, чтобы упростить чтение или прояснить слишком краткие формулировки; поскольку самим Бурдые они не произносились, то были заключены в квадратные скобки.

Деление на разделы и параграфы, промежуточные заголовки и пунктуация — редакторские.

4. Два перерыва (между лекциями 8 и 29 апреля, а потом 13 и 27 мая) связаны соответственно с пасхальными каникулами и Вознесением.

5. См. примечание редакторов: *Бурдые П.* О государстве. С. 43–46.

«Скобки», в которых Бурдые отходит от основной линии, трактуются по-разному в зависимости от их объема и отношения к контексту. Самые краткие заключены в тире. Когда отступления приобретают определенную независимость и указывают на разрыв в цепочке рассуждений, они отмечены скобками, когда же слишком длинные, то могут выноситься в самостоятельный раздел.

Постраничные сноски в большинстве своем относятся к одному из трех типов. Первые указывают тексты, на которые Бурдые специально (или в некоторых случаях неявно) ссылается. Всякий раз, когда источники последних удалось установить, в случае необходимости из этих текстов приводятся короткие цитаты. Ссылки второго типа должны указать читателю на тексты Бурдые, предшествующие данному курсу или написанные после него, которые содержат более подробное обсуждение затронутых тем. В сносках третьего типа даны элементы контекстуализации, например связанные с отсылками, которые могли бы оказаться непонятными для современного читателя или же слабо связанными с французским контекстом.

В приложении воспроизводится резюме курса, которое было в свое время опубликовано в «Ежегоднике Коллеж де Франс — курсы и работы». Также в данное издание включена, помимо описания положения курса в творчестве Бурдые, статья Робера Буайе, который помещает курс 1992–1993 учебного года в определенный контекст, в частности соотносит его с теорией регулирования; одним из основателей которой он является, и с современной экономической наукой.

Лекция 1 апреля 1993 года

Преамбула: новая постановка проблем экономики. — Теория рационального действия. — Деисторизация экономических форм поведения и экономических универсумов. — Случай дара. — Феноменологический подход к дару (Деррида). — Антропологический анализ дара. — Реинтеграция жизненного опыта: как заниматься теорией практики. — Деструкция времени в науке. — Схоластическая точка зрения

Преамбула: новая постановка проблем экономики

НА ЭТОТ год я предложил тему, в общем-то безмерную, и теперь немного напуган приступить к ней здесь, стоя перед вами. Хочу сразу указать границы своих планов. Я, конечно, не собираюсь заниматься критикой экономики, то есть речь не об одной из тех несколько претенциозных атак, у которых нет основания, помимо невежества. Это не имело бы никакого смысла, хотя у социологов такое происходит сплошь и рядом. Я хотел бы, опираясь на дискуссии, которые проходят в рамках самой экономики, попытаться выделить непротиворечивые основания экономического поведения. В самом деле, экономика — наука чрезвычайно развитая, очень сложная, сильно специализированная внутри себя самой, и нападки социологов на нее отчасти объясняются этой реальной или кажущейся развитостью. Большинство упреков, которые можно было бы предъявить экономике в целом — как и большинство упреков социологии в целом — не имеют никакого смысла, поскольку почти всегда найдется какой-нибудь экономист, который уже успел упрекнуть в чем-то подобном других экономистов или же самого себя. Стоит только войти в экономический дискурс, и найдешь внутри него все фундаментальные рефлексии, касающиеся экономики. (По доверенности я говорю также

о социологии, и очень часто бывает так, что социолог просто теряет терпение, когда слышит, что именно несоциологи говорят о социологии. В частности, охотно валят все в одну кучу философы, предъявляя глобальные, но бессмысленные упреки. Не так плохо, когда они говорят «социология», имея в виду какого-то конкретного социолога, но даже в этом случае часто обращаются скорее к муляжу, чем к реальности научной практики.) Поэтому хочу предостеречь, чтобы вы ничего такого не ждали: я собираюсь заняться совершенно другими вещами. Попытаюсь взять экономику в том виде, в каком она существует, и ее проблемы — в том виде, в каком она ставит их, чтобы попробовать поставить их строже и, быть может, систематичнее. Если я и смогу сделать какой-то новый вклад в рефлексию, развиваемую внутри самой экономики как дисциплины, таковым вкладом, возможно, станет реинтеграция экономического поведения в универсум различных видов поведения. Хотел бы попробовать показать, как это экономическое поведение, рассматриваемое в качестве данности, предмета или отправной точки, на самом деле является исторической конструкцией.

Еще одно затруднение, возникающее в дискуссии со столь сложной и разделенной на множество направлений дисциплиной, каковой является экономика, состоит в том, что, как и все современные дисциплины, будучи сформированной в виде поля, она образует пространство объективных отношений между производителями, у которых разные позиции в социальном пространстве, конститутивном для дисциплины, а также дифференцированные позиции, высказываемые по вопросам различий, заданных в пространстве позиций. Иначе говоря, когда у тебя складывается хоть какое-то знакомство с определенной дисциплиной, начинаешь понимать, что атаковать эту дисциплину в лоб нет никакого смысла. Любая дис-

циплина немного напоминает Лернейскую гидру, стоголавое чудовище: думаешь, что отрубает ему голову, но тут же вырастает девяносто девять новых голов, которые говорят, что ваше покушение было тщетным и в то же время глуповатым. Часто, если есть соответствующая выучка, — я попытаюсь действовать так в границах моих познаний — можно заставить экономику вести диалог с самой собой и можно пользоваться — что я как раз и постараюсь сделать — экономикой и ее многообразными достижениями, завоеванными в конфликте и посредством конфликта, чтобы попробовать дать какой-то чуть более систематичный ответ на вопросы об основаниях и темпоральной структуре экономического действия. Вот в общих чертах цель [курса]; я хотел с самого начала устранить двусмысленности, которые могли образоваться из-за названия, данного мной курсу.

Теория рационального действия

Эта рефлексия об основаниях экономического поведения кажется мне важной именно потому, что сегодня она вернулась в центр дискуссий о социальных науках в целом. Странным образом пресловутый *homo economicus* именно тогда, когда он стал предметом насмешек не только неэкономистов, но и самих экономистов, неожиданно вернулся (по причинам, которые нужно было бы прояснить социологически) на интеллектуальную авансцену — в форме так называемой теории рационального действия. Последняя развивалась несколько лет в [Университете] Чикаго и объединила экономистов, философов экономики (например, Юна Эльстера¹), теоретиков когнитивной психо-

1. Юн Эльстер, получивший образование во Франции и Норвегии, рассматривал, особенно в своей работе «Иссле-

логии и т. д. Вокруг определенной антропологической концепции или философии человека, которая сводится к тому, что за основания человеческих действий выдаются рациональные намерения, выстроился значительный комплекс дисциплин. Эта теория рационального действия, какой бы специализированной внутри себя она ни была (в некоторых случаях она приобрела весьма специфические формы, поскольку ряд теоретиков рационального действия, например Эльстер, считают себя марксистами и стремятся переинтерпретировать марксизм в логике этой философии действия), принимает несколько фундаментальных постулатов касательно человеческого действия, заслуживающих, с моей точки зрения, обсуждения. На самом деле эти авторы на вопрос об антропологических основаниях человеческого действия, который я выдвинул в качестве темы данного курса, отвечают теорией, которую можно назвать интеллектуалистской, поскольку принципом действия она полагает сознательные намерения и рациональные расчеты. Она пытается объяснить все виды человеческого поведения и не только экономические разновидности поведения в узком смысле слова (инвестиции, сбережения, кредитование и т. д.). Например, Гэри Беккер, который недавно получил, как это ни удивительно, Нобелевскую премию по эконо-

дования рациональности и иррациональности» (*Elster J. Studies in Rationality and Irrationality. Cambridge: Cambridge University Press, 1979*), теорию рационального действия с точки зрения ее философских оснований и приложений в социальных науках. Позднее он займет в 2006–2011 гг. кафедру «Рациональность и социальные науки» в Коллеж де Франс. Он не раз критиковал социологию и теорию действия Пьера Бурдьё: см., в частности: *Elster J. Le pire des mondes possibles. À propos de La Distinction de Pierre Bourdieu // Commentaire. 1982. № 19. P. 451; Elster J. Le Laboureur et ses enfants. Deux essais sur les limites de la rationalité / A. Gerschenfeld (trad.). Paris, Minuit, 1986. P. 15–16.*

мике², давно уже старается объяснять этой моделью такие виды поведения, как брак³: не ведая страха и ровным счетом ничего не зная о работах антропологов, теоретиков родства и т. д., он предложил теорию брака, выписанную в категориях издержек, выгод и потерь. Он первым заявил о намерении применить этот образ экономической мысли, основанный на только что указанной мной антропологической теории, ко всем видам человеческого поведения. В моделях такого рода экономика представляется как общая наука человеческих практик, и она ставит проблему перед всеми остальными науками, поскольку захватывает разные территории, в том числе социологии, антропологии, истории в широком смысле слова и т. д. Этот вызов не является, на самом деле, причиной, по которой я выбрал эту тему, поскольку мои первые работы в области этнологии, антропологии и социологии были посвящены проблемам экономической социологии, кредита, сбережений⁴. Но хотя причина, по которой я решил заняться данной темой, другая, наличие этого очень сильного и даже господствующего направления подкрепляет, как мне кажется, значимость и необходимость осмысления этих проблем. Я не буду заниматься самой этой тео-

-
2. Гэри Беккер получил в 1992 году, то есть за шесть месяцев до этого курса П. Бурдьё, «Премия Шведского национального банка по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля».
 3. *Becker G. S. The Economic Approach to Human Behavior*. Chicago: University of Chicago Press, 1976. Chap. 11 "A theory of marriage"; *Becker G. S. A Treatise on the Family*. Cambridge: Harvard University Press, 1981.
 4. *Bourdieu P., Darbel A., Rivet J.-C., Seibel C. Travail et travailleurs en Algérie*. Col. 2. La Haye: Mouton, 1963; *Bourdieu P. Algérie 60. Structures économiques et structures temporelles*. Paris: Minuit, 1977; см. также исследование, которое координировал П. Бурдьё вскоре после своего возвращения из Алжира: *Boltanski L., Chamboredon J.-C. La banque et sa clientèle* (распечатка Европейского центра социологии 1963).

рией рационального действия, о которой много раз говорил⁵. Говоря попросту, я буду отстаивать совершенно иную антропологию, основанную на той мысли, что для объяснений тех видов поведения, что воспринимаются в качестве рациональных, нет необходимости выдвигать гипотезу, будто их основанием выступает разум или сознательное рациональное намерение. Это в общих чертах основание анализа, который будет мной предложен.

Деисторизация экономических форм поведения и экономических универсумов

Эта теория рационального действия в значительной мере опирается на практику экономистов (в этом случае можно, я думаю, говорить о ней в целом), которая всегда, безо всяких исключений, характеризуется своего рода чрезвычайно глубокой деисторизацией экономических агентов и экономических универсумов. Вот в чем смысл того, что я предложу: мне кажется, что для настоящего объяснения различных видов человеческого поведения, включая те, что наиболее близки к моделям рациональности, а именно экономического поведения в весьма развитых обществах, следует заново историзировать антропологическую теорию и принять в расчет два аспекта, проигнорированных экономической теорией. С одной стороны, нужно привлечь генезис экономических предрасположенностей, в которых нет ничего естественного: достаточно заняться сравнительной антропологией, чтобы выяснить, что такие предельно очевидные экономические формы поведения, как сбережение или кредит, являются историческими изобретениями, до которых очень сложно дойти обществам, которые не были сформированы в этом универсуме.

5. См.: *Bourdieu P. Sociologie générale. Vol. 2. Op. cit. P. 983–992.*

С другой стороны, нужно привлечь генезис экономических универсумов: и рынок, и кредит — это институты, которые всегда являются историческими изобретениями; в них нет ничего универсального, они не могут быть продуктами исключительно разума. То есть следует привлечь историю процесса, в котором образованы эти универсумы, называемые нами «экономикой», и, говоря точнее, историю процесса автономизации экономического универсума, который никогда полностью не отделяется от других универсумов, например универсума семьи, но в наших обществах он специфическим образом обособлен, хотя этот процесс обособления шел медленно и в них, заняв значительное время. Обо всем этом следует вспомнить, и об этом я попробую говорить.

Логика ошибки (здесь, по-моему, можно говорить именно об ошибке), которую совершают сторонники теории рационального действия, состоит в том, что они деисторизируют экономическое поведение и универсализируют частный исторический случай, которым мы ограничены. Отправляясь от частного случая экономического действия в тех обществах особого типа, каковыми являются наши общества, и, говоря конкретнее, от специфических регионов этих специфических обществ, они, как мне кажется, допускают одну из наиболее пагубных ошибок, какие только бывают в социальных науках, а именно ту, что заключается в неосознанной универсализации частного случая, то есть в том, что за универсальность выдаются частности частного случая, который даже не опознается в таком качестве. То есть они универсализируют свойства социальных универсумов вроде наших, в которых экономическое поле автономизировано, а принципы его функционирования (реального или должного) заданы в качестве таковых. Одна из причин, по которым важно дать экономической теории другое основание, заключается в том, что изобретаемая

теоретиками рационального действия фантастическая антропология запрещает экономистам заниматься какими бы то ни было докапиталистическими обществами — а если она и может рассуждать о них, то так же, как, по словам Маркса, Отцы Церкви говорили об обществах до Писания, до Евангелия⁶. В обществах, в которых экономический универсум сформировался в качестве чего-то независимого, она не позволяет им заниматься теми регионами, которые пока еще свободны от власти экономической модели, например семьей, отношениями в семье и т. д. Вот общий план того, что я собираюсь вам предложить. Чтобы дать вам более доступное и удобное представление о том, что я собираюсь рассказывать, я подумал, что можно воспользоваться рассмотрением дара как своего рода вводной притчей.

Случай дара

Итак, на первом шаге я хотел бы подойти к фундаментальным проблемам, которые намереваюсь поставить, в связи с тем особым случаем, коим является феномен дара. Этот феномен, как вам известно, благодаря Моссу, Леви-Строссу⁷ и всем тем,

6. «Формулы, на которых лежит печать принадлежности к такой общественной формации, где процесс производства господствует над людьми, а не человек над процессом производства, — эти формулы представляются ее буржуазному сознанию чем-то само собой разумеющимся, настолько же естественным и необходимым, как сам производительный труд. Добуржуазные формы общественного производственного организма третируются ею поэтому приблизительно в таком же духе, как дохристианские религии отцами церкви» (*Маркс К. Капитал* // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. Т. 23. С. 91).

7. Два текста, на которые ссылается здесь и далее в этой лекции П. Бурдьё, — это «Опыт о даре. Форма и основание обме-

кто осмыслял понятие обмена, оказался в центре антропологической теории. Рефлексия дара оказывается столь важной, заняла центральное место потому, что она, если довести ее до конца, обязывает прояснить фундаментальные послылки, которые привлекает экономическая теория, каждый раз их при этом вытесняя, то есть уклоняясь от их явной артикуляции. Благодаря этому примеру можно будет, следовательно, составить интуитивное общее и систематическое представление о том, что я хотел бы попытаться сказать: мы столкнемся с проблемами, поставленными, с одной стороны, теориями агента, теорией действия, теорией времени, теорией экономических предрасположенностей, а с другой — теорией экономического универсума и особой формы *illusio*, веры, которую этот универсум предполагает и которая делает возможным экономические действия.

Я буду рассматривать вполне классические вещи, но с точки зрения, которая, как мне кажется, сама классической не является. Речь идет о вещах, которые принадлежат к научной традиции, о которых писал я сам, но с другой точки зрения, с намерением выявить общие закономерности. В исследованиях, представленных мной в «Практическом смысле»⁸, я показал, что относительно дара можно занять три разных точки зрения, которые кажут-

на в архаических обществах» Марселя Мосса (1902–1903) и «Введение в творчество Марселя Мосса» Клода Леви-Стросса. Оба текста включены в издание: *Maüss M. Sociologie et anthropologie*. Paris: PUF, 1997 [1950]. P. ix–lii и P. 143–279. Впервые текст Марселя Мосса был опубликован в 1923–1924 гг. (*L'Année sociologique, seconde série, t. 1*). (Русские переводы: *Мосс М. Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии*. М.: КДУ, 2011; *Леви-Стросс К. Предисловие к трудам Марселя Мосса // Мосс М. Социальные функции священного*. СПб.: Евразия, 2000.)

8. *Бурдьё П. Практический смысл*. СПб.: Алетейя, 2001. С. 192.

ся взаимоисключающими, но на деле они дополняют друг друга. Основополагающий текст Мосса, являющийся одним из величайших, базовых текстов антропологической науки⁹, показывает, что дар не может мыслиться так, как его мыслит туземный опыт. Мосс утверждает (по Леви-Строссу, не вполне достаточным образом — и потом я немного проясню разницу двух этих авторов) несводимость дара к жизненному опыту, складывающемуся у агентов. Этот жизненный опыт, который можно приобрести посредством самоанализа или же наблюдения и анализа стихийных или закрепившихся дискурсов (поговорок, пословиц и т. д.), оказывается двусмысленным или двузначным. Дар, бескорыстность, щедрость — вот что превозносится и восхваляется в качестве высочайших проявлений человечности. Они превозносятся повсеместно, и, если нам нужны эмпирически обоснованные универсалии, я думаю, что признание щедрости — одна из таких универсалий. Можно сказать, что нет такого общества, которое не отдавало бы привилегию универсальному в ущерб частному: универсально признано то, что универсальное лучше частного. Это эмпирическое утверждение, верифицируемое, поскольку одним из случаев, где его можно наблюдать, является как раз установка по отношению к дару.

Конечно, встречаются некоторые иронические оговорки, например, кабилы говорят так: «дар — это беда», или «получишь яйцо, а отдать надо быка». Но, несмотря на такой фольклор, говорящий об издержках и двусмысленностях дара, нет общества, которое не признавало бы щедрость, то есть безвозмездный дар, в качестве своего рода победы над эгоизмом. Иначе говоря, всеобщим наблюдаемым фактом является превознесение щедрости, щедрого дара, дара «без возврата» — и это выражение «без возврата» чрезвычайно важно, поскольку

9. Мосс М. Опыт о даре.

именно на этот пункт будут опираться антропологи в своей критике жизненного опыта дара. Универсально прославляется щедрость, щедрый дар, дар без возврата, то есть дар одновременно безвозмездный и милостивый. Восхваляется безвозмездный дар, то есть дар, который преподносится просто так, без оплаты, без возмещения, без значимой причины. В пределе он оказывается произвольным и неоправданным и в таком определении представляет собой своего рода фундаментальный вызов социологии. Последняя, как и всякая наука, своей задачей считает объяснение. И в этом же случае она сталкивается с действием, которое полагает себя не имеющим никакой причины, неоправданным, произвольным, без какого бы то ни было оправдания, помимо чистого желания сделать широкий жест. Без причины, а также без определения: такое действие не определяется ни причинами, ни экономическими или социальными ограничениями. Дар, безвозмездный дар, является также милостивым: поскольку им одаривают, хотя и не должны, не требуя ничего взамен, и он представляется в качестве одного из высочайших проявлений человечности. Когда социальные агенты в разных обществах говорят о даре, они говорят о даре в его истине, о даре как поистине даре: дар, который полагает себя истинно щедрым, должен быть таким, как я только что его определил. То, что выдается за сущность дара — и очень часто сущностные анализы, как показывал философ Остин¹⁰, стремятся представить истину определенного поведения, практики, сущности, определенной в ее истине, —

10. Вероятная ссылка на конвенциональную концепцию иллюкутивных актов в противоположность анализу в категориях сущности, который Джон Лэнгшо Остин защищает в «Смысле и сенсibiliях» (см.: *Остин Дж. Избранное*. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999 [1962]) и в работе «Как совершать действия при помощи слов» (Там же).

это, следовательно, дар, который действительно дар и который неявно противопоставляется дару, который на самом деле не дар. То есть в это определение, вроде бы совершенно констативное, привносится нормативное содержание. (Я думаю, что это важная техника рефлексии — всегда, когда имеешь дело с определением, спрашивать себя, относится ли оно к тому, что есть [в данном случае — дару], или же к тому, что поистине есть то, что оно есть [дару, который на самом деле дар]: не включает ли в себя констативное утверждение нормативного утверждения в силу отсылки к идеалу осуществления этой рассматриваемой в данном случае вещи?)

Феноменологический подход к дару (Деррида)

Жак Деррида недавно снова поднял проблему дара, в частности в книге под названием «Дать время. 1. Фальшивая монета»¹¹. Он в высшей степени систематично и радикально воспроизводит определение, возникшее в жизненном и туземном опыте, доводя его до логического завершения. Он выводит всевозможные следствия из этого бытового определения, и вы, мне кажется, поймете, что он делает то, что можно назвать операцией Остина, которая состоит в том, чтобы, прикрываясь разговором о даре, говорить о даре, который поистине дар. Прочитую: «Чтобы был дар, необходимо, чтобы не было никакой взаимности, возврата, обмена, ответного дара или долга. Если другой *возвращает* мне, или же *обязан* мне, или же должен вернуть мне то, что я даю ему, никакого дара не будет независимо от того, осуществляется ли такое возмещение сразу же или же оно запрограммировано в более

11. *Derrida J. Donner le temps. 1. La fausse monnaie. Paris: Galilée, 1991.*

сложном исчислении долгосрочного откладывания [différance]¹². Это более чем очевидно в том случае, когда другой, получатель дара, *сразу же* возвращает мне ту же самую вещь»¹³. И далее: «Чтобы был дар, *необходимо*, чтобы получатель дара не возвращал, не погашал, не компенсировал, не расплачивался, не вступал в договор, никогда не был связан долговым договором»¹⁴. Деррида хорошо понимает, что он уже в области нормативного... [...] Кстати говоря, интересно то, что, как он предполагает, истина долга зависит от представления, которое о нем составляет не только тот, кто дарит, но и тот, кто получает, поскольку с того самого момента, как — и это, по Деррида, и есть парадокс дара — получающий знает, что речь о даре, это больше не дар, ведь дар перестает быть безвозмездным из-за того, что другой знает, что он получил, а потому признателен: возникает признание долга, которое уничтожает дар как дар. Отсюда доказательство Деррида: дар невозможен, поскольку в простом факте его осуществления, даже если он основан на желании забыть то, что он дар, он рискует тем, что другой не забудет, и даже если другой не забудет, и т.д.

Это замечательный и очень важный анализ, который радикализирует всю эту проблематику. Я считаю его неверным, но радикальным, а потому интересным: он ставит в очень строгой форме проблему, которую должна решить экономика дара. Продолжу цитату: «Чтобы был дар, *необходимо*, чтобы получатель дара не возвращал, не погашал, не компенсировал, не расплачивался, не вступал в договор, никогда не был связан

12. «Différance» (с «а») — неологизм, созданный Жаком Деррида в 1960-х гг., чтобы в какой-то мере компенсировать замыливание слова «различие» («différence»). Оно обозначает активное движение всех различий.

13. Ibid. P. 24–25.

14. Ibid. P. 26.

долговым договором. Если он признает его в качестве дара...». Здесь Деррида играет на двойном смысле слова «признавать»: признание долга — это факт признания в том смысле, в каком я узнаю кого-то на улице; я признаю долг как долг (то есть знаю, что речь идет о долге), и (Деррида не говорит этого, но это очень важно, и это то, что добавляет социолог) тот, кто не в теме, кто не был сформирован обществом, в котором обмен дарами практикуется так-то и так-то, может не признать дар за дар (так же как и в том случае, когда он, если его потрепали за щеку, может решить, что это пощечина). Признать — значит суметь распознать дар как таковой, но также это значит быть признательным тому, кого признаешь в качестве дарителя. Два смысла слова «признания» очень важны для понимания всего этого анализа в целом: «Если он признает его как дар, если дар представляется ему в качестве такового, если подарок представлен ему как подарок, в настоящем, этого простого признания уже достаточно, чтобы упразднить дар. Почему? Потому что оно ставит на место, скажем так, самой вещи символический эквивалент. [...] Следовательно, достаточно того, чтобы другой *воспринял дар*, не только в том смысле, в каком [...] принимают определенное благо, деньги, компенсацию, а просто воспринял саму природу дара [...] *интенциональный смысл* дара, и это простое *признание дара как такового*, не успев даже стать *признанием как благодарностью*, упразднит дар как дар»¹⁵. Я думаю, это понятно.

Чтобы на самом деле был дар, необходимо, следовательно, чтобы даритель не знал, что он дает, а получатель дара не знал, что он получает. Я тут ничего не выдумываю, см. стр. 27: «Если другой воспринимает его, смотрит на него как на дар, дар упраздняется [*П. Бурдьё добавляет*: он упраздняет-

15. Derrida J. Donner le temps. 1. La fausse monnaie. P. 26.

ся в качестве безвозмездного, щедрого, милостивого, безвозвратного и т. д.]. Но тот, кто дарит, тоже не должен видеть его или знать его, иначе он с самого начала начинает платить себе символическим признанием [...]». В самом деле, даритель, если он воспринимает дар как дар, говоря себе: «да, я подарил, я такой щедрый, такой добрый», получает, по крайней мере, символическую награду, компенсацию: награду признания самого себя в качестве щедрого. Это важно, поскольку в религиозной традиции присутствуют размышления о проблеме святости — я к этому еще вернусь, — тесно связанной с этой проблемой. Святейший из всех святых может задаться вопросом о безвозмездности своей бескорыстности: нет ли посягательства на эту безвозмездность уже в самом факте признания (в двойном смысле слова) в качестве святого и в получении всех тех символических выгод, которые дает святость, то есть подношений, даров или попросту уважения? Святые-радикалы ставили перед собой эту проблему и доходили до совершения грехов. Это исторические проблемы: история замечательна тем, что дает то, что мог вообразить лишь самый проникательный из философских умов, такой, как у Деррида, и в этом она превосходит любые измышления.

Если дар воспринимается в качестве такового тем, кто его преподносит и/или тем, кто его получает, он перестает быть даром. Деррида говорит это снова страницей далее: «Как условие того, чтобы дар даровался [здесь происходит некоторое соскальзывание к Хайдеггеру (*es gibt*)¹⁶, но это неважно], это забвение должно быть радикальным не только со стороны получателя дара, но и сна-

16. В своей книге (в частности, на с. 34–37) Жак Деррида комментирует формулировки Хайдеггера, основанные на выражении «*es gibt*» (означающем «есть», «имеется» или буквально «это дает»): «*es gibt* Sein», «*es gibt* Zeit» и т. д.

чала, если можно говорить о начале, со стороны дарителя. И на стороне „субъекта“-дарителя дар не только не должен получать возмещения, но даже и сохраняться в памяти, удерживаться в качестве символа жертвоприношения, символического в целом. Поскольку символ сразу же предполагает возмещение. [...] Простое сознание дара [П. Бурдьё уточняет: это как в только что упомянутой мной истории святого, но в других терминах] сразу же отсылает к вознаграждающему образу доброты или щедрости бытия-дарующего, которое, зная себя в качестве такового, признает себя в круговом, зеркальном движении, в своего рода самопризнании, одобрении самого себя, в нарциссической благодарности»¹⁷. Это все равно что сказать: «Какой же я щедрый!» Привлекательность анализа Деррида связана с тем, что в нем определенным образом радикализуется обычная точка зрения; в нем дается крайнее, сверхпоследовательное выражение обычному опыту дара как чистой безвозмездности и в то же время как вторжения: «подарок — это беда», как говорят кабилы, именно потому, что все отлично знают, что его нужно вернуть, причем сторицей, в большем объеме; это и есть фундаментальное правило обмена дарами в любых обществах. Тот, кто преподносит дар, запускает процесс, объектом которого является получатель дара: в самом факте подношения дара присутствует определенное вторжение.

Это вторжение, как вы увидите впоследствии, присутствует во всех актах, инициирующих обмен, например в факте обращения с речью к какому-то другому человеку. Из лингвистов, я думаю, именно Балли¹⁸ отметил то, что к другому обращаются

17. *Derrida J.* Donner le temps. 1. La fausse monnaie. P. 38.

18. Ссылка на начало следующего курса: *Bally C.* Le Langage et la Vie. Genève: Droz, 3e éd. augmentée, 1965. Возможно, она относится прежде всего к пассажи, где Шарль Бал-

с вопросом, всегда сопровождая этот вопрос рядом эвфемистических замечаний: «Могу я позволить себе поинтересоваться у вас, который час?» Люди не всегда настолько вежливы, но всегда заметно соответствующее усилие (например, императивную форму заменяют вопросительной), поскольку запуск обмена всегда является вторжением, вмешательством — в той мере, в какой запускается процесс, в который вовлечен другой, хочет он того или нет. Я покажу вам это: он может ответить положительно или отрицательно, ответить презрением, но, что бы он ни сделал, он даст ответ. Начальные акты обмена крайне двусмысленны, и именно так их воспринимает обыденное сознание. И, в частности, фундаментально двусмысленным является опыт дара. Деррида, предлагающий своего рода феноменологию этого опыта, которую он противопоставляет любой антропологической теории, о которой я буду говорить, пользуется этой двусмысленностью, чтобы прийти к выводу, что дар в его идеальном определении, то есть дар как поистине дар, невозможен, поскольку он является своего рода саморазрушительным поведением. Я думаю, можно было бы сказать, что, подобно раствори-

ли рассматривает инстинктивное употребление в «разговорном языке» красноречия: «Если вы хотите, чтобы кто-то пришел к вам, вы не всегда говорите об этом одним и тем же образом; ваше высказывание будет меняться в зависимости от отношений между вами и человеком, к которому вы обращаетесь, и особенно в зависимости от степени предсказываемого вами сопротивления или согласия с его стороны; отсюда все эти бесконечно изменчивые формы: Приходите! — Приглашаю вас прийти! — Не желаете прийти? — Вы придете, да? — Скажите мне, что придете. — Не зайдете ли? — Вам стоит прийти! — Идите сюда. — Сюда! — В гости зайдете? и т. д. Все эти фразы, какими бы разными они ни были, позволяют догадаться о напряжении того, кто говорит, о борьбе с возможным сопротивлением, о действии, прилагаемом к собеседнику» (Р. 21).

мой рыбе Бретона¹⁹, дар разрушает себя, поскольку, как только он мыслит себя или мыслится в качестве дара, то тут же перестает существовать в качестве дара. Ему достаточно мыслить себя в качестве безвозмездного, щедрого, милостивого, чтобы тут же помечаться в качестве порочного, корыстного, в качестве расчета и даже особенно порочного расчета, поскольку от него отнекиваются, изощренно скрывая его в самой его противоположности. Можно было бы сказать, что это крайняя стратегия социального лицемерия, поскольку обычно это дань уважения, которую порок платит добродетели²⁰, но также я мог бы процитировать, как уже сделал в «Практическом смысле»²¹, ряд пословиц и поговорок из кабийской традиции, которые показывают, что дар воспринимается именно в своей двусмысленности, в своем противоречивом характере.

Антропологический анализ дара

Антропологическая традиция, учрежденная Моссом и развитая Леви-Строссом, отвергает этот туземный опыт и эту феноменологию дара — в том ее виде, в каком она предложена Деррида. Я вкратце перескажу вам «Опыт о даре» Мосса, пересмотренный и исправленный Леви-Строссом. Первый акт анализа заключается, очевидно, в разрыве с туземной теорией жизненного опыта дара как безвоз-

19. «Растворимая рыба, да ведь растворимая рыба — это я сам, я родился под знаком Рыб, а человек растворим в своих собственных мыслях!» (*Бретон А.* Манифест сюрреализма // Называть вещи своими именами: прогрессивные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. М.: Прогресс, 1986. С. 68).

20. Отсылка к максиме Ларошфуко: «Лицемерие — это дань уважения, которую порок платит добродетели» (*Ларошфуко Ф. де.* Максимы и моральные размышления. 1678. § 218).

21. *Бурдьё П.* Практический смысл. С. 211. Сноска 16.

мездного дара. В качестве фундаментального тезиса в «Опыте о даре» постулируется то, что не бывает дара без ответного дара и что подлинным предметом, сконструированным и истинным предметом антропологического анализа дара является не акт дара как акт щедрости, то есть безвозмездный акт, а структура обмена. В определенном смысле обмен предшествует первоначальному акту дарения и обосновывает его. Большинству из вас знаком этот анализ Мосса. Он был заново опубликован в сборнике под названием «Социология и антропология», который Леви-Стросс снабдил своим знаменитым введением в творчество Мосса, которое для читателей 1960-х гг. стало своего рода манифестом структурализма²². Я думаю, надо повнимательнее присмотреться к деталям доказательства Мосса: поскольку сегодня много говорят о структурализме — а в некоторых дурацких книгах излагается история структурализма, в которой смешивается все подряд, в одну кучу сваливают вещи, у которых нет ничего общего²³, — мне кажется важным напомнить о некоторых элементарных принципах. Леви-Стросс принимает позицию Мосса и называет его основателем подлинно научной антропологической теории. В то же время он отмежевывается от него, поскольку считает, что тот не порвал в полной мере с туземным опытом и заменил этот туземный опыт объективным описанием, приправленным туземной теорией, взятой у меланезийцев.

Проследим подробности этого доказательства. Леви-Стросс подчеркивает, что в анализе дара дол-

22. П. Бурдьё несколько раз комментировал стратегию написания предисловий, которую использовал Клод Леви-Стросс в этом тексте, являющемся апологией его «структурализма», выполненной в виде введения к творчеству Марселя Мосса (см., в частности: *Bourdieu P. Sociologie générale. Vol. 2. P. 96–97*).

23. Возможная отсылка к работе: *Dosse F. Histoire du structuralisme. 2 tomes. Paris: La Découverte, 1991, 1992*.

жна произойти смена предмета: он должен перейти от дара к обмену, то есть к такому отношению, трансцендентному актам обмена, которое, стоит его только прояснить, вступает в противоречие с истинной жизненной опытной (не существует дара без ответного дара), которую Леви-Стросс называет «феноменологической истиной»²⁴. Это единственный момент, когда он говорит о феноменологии. Слово «феноменологический» интересно, поскольку оно применимо к интерпретации Деррида, который, и я еще вернусь к этому, достигает удивительного парадокса: он основывает феноменологическое описание на аргументах, позаимствованных у антропологического описания, противопоставленного этому феноменологическому описанию. Описание обмена противоречит феноменологическому описанию, о чем Леви-Стросс открыто заявляет: «Итак, теория требует наличия структуры, а опыт предоставляет лишь разрозненные части или, скорее, элементы этой структуры»²⁵. Иначе говоря, наивный, до-моссковский антрополог ограничивается такого рода *membra disjecta*, разрозненными частями: он не проводит связи между даром и ответным даром, чтобы выстроить ту структуру обмена, которая является истиной дара и ответного дара.

Итак, Леви-Стросс заменяет структурой взаимности серию разрозненных, не связанных друг с другом актов. Мосс уже вышел на это, но Леви-Стросс упрекает его в том, что он не дошел до конца, то есть не сделал эту теорию обмена самодостаточной, не понял того, что этого примата структуры

24. Чуть далее П. Бурдьё (с. 32) цитирует отрывок, в котором Клод Леви-Стросс подчеркивает разницу между «чисто феноменологическими данными, над которыми научный анализ не властен, и более простой инфраструктурой, которой феноменологические данные обязаны своей реальностью» (Леви-Стросс К. Предисловие к трудам Марселя Мосса. С. 424).

25. Там же. С. 426.

обмена по отношению к актам обмена достаточно для полного объяснения наличия актов обмена. В каком-то смысле Мосс ищет двигатель акта обмена в туземной теории, близкой туземному опыту. Не сумев увидеть в структуре принцип и двигатель обмена, он вынужден изобрести определенную силу, «свойство, которое принуждает дары обращаться, то есть дариться и возвращаться»²⁶, поскольку дарение даров — не нечто самоочевидное. Зачем вообще дарить (и зачем возвращать, если получил дар), если можно не дарить (или не возвращать дары)? Итак, Мосс указывает на эту силу, *хау*, на которую указывают сами меланезийцы, когда им нужно объяснить, что есть дар и есть ответный дар. По словам Леви-Стросса, Мосс указывает на «сознательную форму, в которой люди определенного общества, где эта проблема была особенно важна, восприняли бессознательную необходимость, причину которой надо искать совсем в другом месте»²⁷. Претензия Леви-Стросса к Моссу в том, что последний остался на уровне сознательной философии этого обмена, истина которого в бессознательной структуре, трансцендентной по отношению к сознаниям и не сводимой к опыту этой структуры, который может сформировать сознание. Благодаря этому он вводит аналогию между обменом дарами и лингвистическим обменом. Обмен дарами он представляет в качестве момента общей теории коммуникации, коей является структурная антропология: обмен дарами, обмен женщинами, обмен речами, обмен подарками и т. д. Все эти обмены подводятся под одну и ту же категорию обмена, структура которого составляет собственный предмет антропологии как науки. Леви-Стросс проводит связь с лингвистикой: он говорит, что, если бы Мосс определил дар в качестве структуры, он, подобно Трубецко-

26. Мосс М. Опыт о даре. С. 213.

27. Леви-Стросс К. Предисловие к трудам Марселя Мосса. С. 427.

му и Якобсону, провел бы различие между «чисто феноменологическими данными, над которыми научный анализ не властен [*П. Бурдьё комментирует*: это постулат], и более простой инфраструктурой, которой феноменологические данные обязаны своей реальностью»²⁸. Иначе говоря, под феноменологическим даром и за жизненным опытом этого дара скрывается бессознательная структура, являющаяся истиной актов дара и того мистифицированного опыта дара, который складывается у агентов. Здесь речь идет об одном из наиболее сильных и, на мой взгляд, наиболее спорных тезисов структурной антропологии Леви-Стросса: ученый может в каком-то смысле отбросить жизненный опыт, туземный опыт, поскольку у него есть доступ к тому антропологическому бессознательному, которое может выдаваться поступками и речью [агентов] (в той мере, в какой они структурированы как язык), но которое никогда в полной мере в этой речи не явлено. Эта несводимость структуры к ее проявлениям в поведении или речи приводит, можно сказать, к дисквалификации туземного опыта и его отбрасыванию за пределы универсума науки. В то же время теряет привлекательность любая наука, основанная на феноменологии этого опыта. Леви-Стросс отличается радикальной витгенштейнианской позицией: в целом переживание непостижимо и в любом случае совершенно неинтересно.

Реинтеграция жизненного опыта: как заниматься теорией практики

Мне кажется, что эти предпосылки Леви-Стросса следует поставить под вопрос. Я не знаю, много ли общего между всеми этими людьми, на которых сегодня навешивают ярлык «структуралистов», одна-

28. *Леви-Стросс К.* Предисловие к трудам Марселя Мосса. С. 424.

ко думаю, что альтюссеррианцы, как и Фуко, согласились бы с этим антропологическим тезисом, этим отвержением жизненного опыта и феноменологии как способа доступа к жизненному опыту, с отказом от намерения включить в завершенную научную теорию еще и жизненный опыт, как бы он ни постигался — феноменологически или как-то еще. Именно этот комплекс положений я никогда не принимал, и потому меня злит, когда меня относят к структуралистам. Случай дара в этом отношении особенно интересен: мне кажется, что по-настоящему объяснить дар — значит объяснить жизненный опыт дара как чего-то безвозмездного, дара без возврата («я дарю тебе и не хочу, чтобы мне возвращали») и в то же время объективную истину в том ее виде, в каком ее может постичь наука о даре, то есть в качестве момента структурированного обмена, предполагающего ответный дар²⁹. Как объединить две эти истины? Говоря конкретнее, как поставить вопрос перед тем вопрошанием, с которым антропологическая теория — Мосс, Леви-Стросс — обращается к туземной теории или туземному опыту? Поставить вопрос перед вопрошанием — вот что я называю принципом рефлексивности: нужно заниматься одновременно теорией того, что такое теория, и теорией того, что такое практика, которая, в общем и целом, не теория.

Это все тавтологии, однако тавтологии часто выполняют функцию основоположений: ошибка антропологов — Мосса и особенно Леви-Стросса — заключается в том, что за истину практики выдается теория или, говоря точнее, модель, которую нужно построить, чтобы объяснить эту практику. Эта ошибка — а я думаю, что тут можно говорить об «ошибке» — в антропологии весьма распростра-

29. Bourdieu P. La double vérité du don // Méditations pascaliennes. Paris: Seuil, 1997; переиздано: «Points Essais», 2003. P. 276–291.

нена. С моей точки зрения, это фундаментальная для антропологии ошибка, и она обнаруживается еще и у Хомского, [а также в теории] *homo economicus* — именно поэтому я обратил внимание на этот момент. Она заключается в том, что в агентов вкладывают мысли ученых. Для разоблачения этого паралогизма я всегда использую один лозунг — известную фразу Маркса, сказавшего, что Гегель выдал «дела логики за логику дела»³⁰. В данном случае Леви-Стросс именно что вкладывает в голову агентов, приносящих дары, модель, построенную, чтобы объяснить тот факт, что они приносят дары, то есть делает так, словно бы структура (конечно, говорят — и я тоже буду так говорить, — что «структура трансцендентна», что слова скрыты и т. д.), обмен, отношения, трансцендентные актам обмена, предшествовали опыту обмена и обосновывали его. Структура представляется своего рода *deus ex machina*. Она носит объяснительный характер, она объясняет то, что вроде бы описывает.

Чтобы она объясняла, необходимо поместить ее куда-то, а чтобы она была где-то, необходимо, чтобы она была в бессознательном, и вот она помещается в головы агентов, становясь основанием их действий. Эта антропологическая ошибка приводит к затемнению фундаментального вопроса

30. «Философская точка зрения — это не логика фактов, а факт логики» (*Marx K. Pour une critique de la philosophie du droit de Hegel [1843] // Marx K. Oeuvres. t. III: Philosophie (trad. Maximilien Rubel). Paris: Gallimard, «Bibliothèque de la Pleiade», 1982. P. 886*). Другие переводы ближе к той формулировке, которую цитирует П. Бурдьё: «Философским моментом является не Логика Вещи, а Вещь Логики» (*Marx K. Critique du droit politique hégélien/A. Baraquin (trad.). Paris: Editions sociales, 1975 [1843]. P. 51*). (Ср. с русским переводом: «Философское значение имеет здесь не логика самого дела, а дело самой логики»: *Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т. 1. С. 236.*)

об отношении между сконструированной моделью и опытом, который складывается у агентов.

С моей точки зрения, этот вопрос имеет первостепенное значение: в научной практике он возникает постоянно. Социологический анализ любого человеческого поведения предполагает построение моделей, призванных служить пониманию и объяснению. Поэтому следует задаться вопросом о принципе различия между моделью, то есть теоретической позицией, которая делает возможным построение этой модели, и практикой, которую модель должна объяснять и которая реализуется в соответствии с моделью, но в отсутствие модели. Теория рационального действия, которую я вначале упомянул (критически), со всей ясностью показывает этот паралогизм: она смешивает дело логики с логикой дела, утверждая, что экономические практики социальных агентов, совершающих в банке определенные кредитные или сберегательные операции, являются рациональными, поскольку их основанием является рассуждающий разум рационального экономического агента, совершающего поступки, проникнутые, к примеру, сознательным намерением максимально увеличить свою выгоду. В случае дара мы оказываемся в похожей ситуации: социальные агенты в определенном смысле не знают, что именно они делают, поскольку, когда их просят высказать причины, по которым они делают это, они изобретают туземные теории, которые представляют собой простую кодификацию жизненного опыта, который выявляет, со своей стороны, также и феноменология. Следовательно, они сохраняют зияющую пропасть между логической теорией и практикой, объяснением которой представляется эта теория. Чтобы сказать, что ученый прав, а туземный опыт — нет, необходимо своего рода научное бесстрашие, но вопрос не в этом, а в том, не должен ли ученый при построении моделей туземного опыта выпол-

нять операцию, которая запрещает ему ставить вопрос о туземном опыте и вводить модель, которая охватывала бы модель и разрыв между реальностью и этой моделью. Открытый вопрос о разрыве между моделью и реальным опытом отсылал бы к модели, которая, попросту говоря, выступала бы объединением структурного подхода и феноменологического.

Деструкция времени в науке

Чтобы несколько полнее объяснить этот эффект науки, следовало бы заняться осмыслением логики научной практики. Поскольку [здесь на это] ушло бы много времени, я отошлю вас к исследованиям этого предмета, проведенным мной в «Практическом смысле»³¹. Там я опираюсь на текст Гуссерля, который не привлек большого внимания, хотя, по моему мнению, с точки зрения социальных наук он является основополагающим: Гуссерль подчеркивает, что наука стремится заменить, как он говорит, политетику монотетикой, то есть, по сути, стремится к синхроническому или моментальному взгляду на вещи³². Он говорит, что наука в каком-то смысле разрушает темпоральность, темпоральную структуру своих предметов хотя бы потому, что ей необходимо преодолеть время, чтобы выйти к модели. Тем самым ставится вопрос времени, которым нужно располагать, чтобы иметь возможность преодолеть время, а потому и вопрос статуса ученого как того, кто не занят никаким действием. Это все старые суждения, которые можно найти у Декарта. Часто повторяют его фразу о том, что «не терпит промед-

31. См.: *Бурдьё П.* Практический смысл. С. 156–191.

32. См.: *Bourdieu P.* Le Sens pratique. P. 140 (P. Bourdieu y renvoie a Edmund Husserl, *Idées directrices pour une phénoménologie*. Paris: Gallimard, 1950. P. 402–407).

ления»³³ и т. д., но не выводят из нее никаких следствий. Например, чтобы понять, что есть дар и ответный дар, необходимо каким-то образом вложить друг в друга момент дара и момент ответного дара. То есть необходимо изгнать интервал, не замечая этого. Так что я собираюсь ввести именно этот решающий интервал, на основе которого, по моему мнению, можно примирить жизненный опыт и научный. Например, составление генеалогии³⁴ — это работа, которая занимает у этнолога определенное время, но при этом позволяет ему схватить в одном мгновении, *uno intuitu*, как говорил Декарт, одним, моментальным, синхроническим взглядом вещи, которые сами агенты могут проживать лишь во времени — чтобы прожить жизнь трех поколений, требуется три поколения, — и которые они могут рассказывать лишь отрывками, а не *total simul*, как говорит опять же Декарт, то есть «все в одно время». Секрет объективации, часто неизвестный объективисту, в том, что для объективации необходимо синхронизировать: например, диаграмма, схема, синопсис — а синопсис это и есть *uno intuitu*, нечто синоптическое, — позволяет вам схватить с первого взгляда, в одно мгновение, в едином взгляде те вещи, которые прожить можно только во времени, то есть (и это и есть тезис, который я хочу выдвинуть) в форме, которая скрывает структуру.

Я возьму другой пример, на котором основывалось большинство моих размышлений. Мы не за-

33. Отсылка к следующему отрывку: «Во-первых, тот, кто обладает только обычным и несовершенным знанием, которое можно приобрести посредством четырех вышесказанных способов, должен прежде всего составить себе правила морали, достаточные для руководства в житейских делах, ибо это не терпит промедления и нашей первой заботой должна быть правильная жизнь» (*Декарт Р. Первоосновы философии // Декарт Р. Сочинения в двух томах. М.: Издательство «Мысль», 1989. Т. 1. С. 308*).

34. См.: *Бурдые П. Практический смысл. С. 67–68, 312 и далее.*

думываемся о понятии календаря, хотя оно и фундаментально. Первые священники были изобретателями календаря, поскольку нужно было синхронизировать различные времена мужчин, горожан, крестьян и т. д.³⁵ В молодости я занимался составлением сельских календарей³⁶, то есть собирал у информаторов все то, что им могло быть известно о смене времен года, видах деятельности, ритуалах (мужских, женских ритуалах, а также ритуалах начала пахоты и т. д.). И точно так же, как и в случае генеалогии, я писал, делал заметки, рисовал схемы, диаграммы и т. д. В «Практическом смысле» полно диаграмм, которые позволяют схватить одним интуитивным взглядом весь комплекс годового цикла со всеми его разными видами деятельности, совершаемой за это время, со всеми приключениями и поговорками, со всем чем угодно. Туземный опыт исключает именно этот взгляд: у людей не возникает идеи о том, что надо составить схему своего собственного цикла; они могут разве что привлекать от случая к случаю, то есть кусочками, отрывками, всю эту тотальность, которую наука желает схватить в работе, которая занимает время, которая предполагает время, то есть досуг, *skholè*.

Схоластическая точка зрения

По сути, ошибка, о которой я говорю, — та самая ошибка, которую Остин назвал «схоластическим предубеждением»³⁷, то есть это паралогизм, схо-

35. В своем курсе о государстве, который читался за несколько лет до данного, П. Бурдые анализировал изобретение календарей как инструмент коллективного регулирования времени. См.: *Бурдые П. О государстве*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. С. 56 и далее.

36. См.: *Бурдые П. Практический смысл*. С. 395 и далее.

37. *Остин Дж. Смысл и сенсibiliи. Соответствующий отрывок в его оригинальной версии (Austin J. L. Sense and Sensibi-*

ластическая точка зрения. Чтобы в полной мере понять формулировку Остина, слово «схоластический» следует понимать в его этимологическом смысле³⁸: схоластическая точка зрения — это точка зрения, разделяемая людьми школы, то есть праздными людьми. Остин употребляет это выражение в связи с грамматическим использованием языка: грамматическое использование является занятием людей, которым нет дела до языка, если не считать его анализа, в противоположность тем, кто пользуется языком, чтобы делать что-то, например адвокатов — тут можно вспомнить знаменитый пример Платона: время дает о себе знать благодаря клепсидре и неотложности³⁹. [Те, кто пользуется языком,] должны говорить в удачный момент (*kairos*), над ними довлеет неотложность, они должны говорить впопад, у них нет всего того времени, которым они хотели бы располагать, они подчинены ограничениям ситуации и т. д. Схоластическая точка зрения — это точка зрения того, у кого есть время, чтобы преодолеть время, и кто этого не знает. Он вводит искажение, поскольку не закладывает в свою модель условия построения модели, которые объясняют расхождение между моделью и опытом. Следовательно, он не может составить

lia. Oxford: Clarendon, 1962. P. 3) см. в: *Bourdieu P. Sociologie générale. Vol. 2. P. 1024. Note 2.* Бурдьё будет всесторонне обсуждать этот момент в «Паскалевских медитациях», особенно в первой главе этой книги «Критика схоластического разума».

38. Греческое слово «skholè» («σχολή») означает «досуг», а также то место досуга (в противоположность практическому занятию), каковым является «школа» (по-латыни «schola»).
39. Отсылка к отрывку из «Теэтета» (172e–173a): философ располагает всем своим временем, тогда как судебные защитники должны на суде уложиться в определенное время, отведенное им клепсидрой, водяными часами, которые, работая по модели песочных часов, ограничивали время речи каждого.

полной теории опыта, которая примиряла бы опыт обычных людей и модель, создаваемую им, чтобы объяснить этот опыт и сделать его постижимым, хотя [без этого] она остается неполной.

Я вкратце обозначу ключевую идею, которую буду развивать в следующий раз: по причинам, которые, надеюсь, станут понятными (ученый не думает о себе как об ученом...), модель Леви-Стросса заслоняет рефлексивный анализ. Последний практикуется часто, но люди смешивают рефлексивный анализ с нарциссизмом. Рефлексивный анализ в том виде, в каком им занимаюсь я, нарциссичен в минимальной степени, поскольку он раскрывает вещи, которые не хочется знать: он раскрывает даже не единичное либидо, а тот факт, что определенная часть того, что мы думаем, связана с позициями, занимаемыми нами в социальном пространстве. В целом же, в данном конкретном случае, он раскрывает вещи, связанные с тем простым фактом, что мы мыслители, что мы существуем вне действия, что у нас есть досуг, чтобы думать о том, что другие в своей жизни проживают. Следовательно, существуют ошибки мыслителей, и *scholastic bias* [схоластическое предубеждение] является, как мне кажется, ошибкой, раскрыть которую сложнее всего. Вот почему она настолько распространена и встречается даже у величайших мыслителей. Она заключается в забывании того, что значит мыслить, быть мыслителем. Она заставляет забыть социальные условия возможности мысли и вкладывает, грубо говоря, в мысль тех, о ком мыслят, немысленное мысли того, кто мыслит их. Благодаря тому, что я буду говорить далее, вы поймете, что это вполне конкретные вещи.

Забыли [в леви-строссовском анализе дара] об интервале, разрыве между даром и ответным даром, поскольку мысль занята синхронизацией. Во всех обществах существует императив, требующий отдаваться, но вернуть надо что-то другое, поскольку

ку вернуть то же самое — это способ отказаться, когда возвращается та же вещь, что была получена, или же когда сразу чем-то отдариваются. Ответный дар должен быть отсроченным и иным. Он должен быть принесен намного позже, как можно позже. Я покажу вам, что следует обобщить модель обмена (существует дар и ответный дар, но также вызов или оскорбление и отпор, интерпелляция и ответ), однако управление интервалом значительно разнится в зависимости от природы первоначального акта, вторжения. Когда речь идет о вызове чести, слишком медлить с ответом — значит навлекать на себя обвинение в трусости. Но важно именно обязательство вернуть нечто иное и иначе. Это отличие (в котором заметны некоторые коннотации Деррида), факт отсрочки, откладывания — вот что позволяет жить.

Чтобы найти решение загадки, которую я представил, но недостаточно хорошо, то есть чтобы можно было говорить то, что Мосс и Леви-Стросс говорят о даре, как его проживают меланезийские туземцы или мы сами, необходимо, чтобы дар был одновременно отсроченным и иным; именно потому, что есть интервал, агенты могут проживать в качестве дара без возврата тот дар, который будет как раз возвращен. Они могут проживать в качестве разрозненных актов, в качестве серии свободных решений акты, вписанные в последовательность обязательных действий. Следовательно, Леви-Стросс прав, когда говорит, что дар обязателен. Он ограничен структурой, он требует ответного дара и обязывает во всех смыслах этого слова: он обязывает другого ответить и ставит его в положение обязанного на то время, пока он не вернул дар. Здесь уже заложены все парадоксы. Следует привлечь время, которое странным образом отсутствовало в анализах обмена дарами, ориентированных на Леви-Стросса, следует ввести интервал, чтобы понять, что агенты могут проживать обмен дарами не так,

как он есть, не дисквалифицируя при этом тот факт, что именно так они его и проживают: у них есть причина проживать его так, и он действительно таков⁴⁰. Спросить себя нужно именно о том, почему получается, что они переживают в качестве серии актов щедрости, не требующих возмещения, акты, вписанные в структуру обмена. Чтобы это стало возможным, одного интервала недостаточно. Необходимо, чтобы они могли выполнить работу самообмана в смысле Сартра, вранья самим себе: я знаю, что я ему даю и что он мне вернет, я даже знаю иногда, что я даю ему, чтобы он вернул мне, но я не хочу этого знать и могу не знать, я могу поступать так, словно бы не знал этого, могу даже быть совершенно уверен в том, что все совсем не так, как говорит антрополог, поскольку темпоральный опыт последовательности растворяет структуру. Структура растворяется в последовательности и как таковая оказывается незаметной.

Кроме того, один из парадоксов структурного анализа в стиле Леви-Стросса состоит в том, что, по-моему, он аннулирует все заслуги антрополога. Проблема на самом деле в том, почему было столь сложно открыть структуру обмена, почему понадобился гений Мосса вкупе с гением Леви-Стросса, чтобы обнаружить эту структуру. Эту структуру было столь сложно выявить — здесь становится очевидной оригинальность и сложность социальных наук — именно потому, что она активно и успешно вытесняется определенной индивидуальной и коллективной работой, которая опирается по-

40. Говоря в целом, мы видим здесь три момента всякого социологического анализа у Бурдьё: сначала субъективистский момент, который регистрирует опыт социальных агентов (в частности, в интервью); затем объективистский момент, который, опираясь на статистику, отстраняется от опыта, чтобы выявить объективную истину различных поведений; и, наконец, третий момент, заключающийся в объективном объяснении субъективного.

мимо прочего на темпоральную структуру обмена. Но это остается анализом, скажем так, индивидуалистским; важно поставить затем вопрос о социальных условиях, которые должны быть выполнены, чтобы эта структура самообмана могла работать, чтобы можно было врать самим себе. Знаменитый анализ самообмана у Сартра⁴¹ в действительности составляет проблему: обманывать себя («я вру себе») — значит говорить себе, что делаешь и думаешь не то, что делаешь и думаешь. Как возможно быть одновременно тем, кто врет, и тем, кому врут? Я думаю, что проблему самообмана нельзя решить в рамках такой философии сознания, как философия Сартра или Эльстера (который ставит себе тот же самый вопрос в «Улиссе и сиренах»⁴²): если субъект намеренно врет самому себе, он не может не знать, что врет. Чтобы самообман был возможен, необходима, следовательно, иная философия сознания, не являющаяся философией бессознательного, как у Леви-Стросса, и необходимы также социальные условия образования того весьма специфического отношения к самому себе, каковым является отношение веры. То есть необходима философия веры. Остановлюсь пока на этом.

41. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. М.: Издательство «Республика», 2000. С. 82–203.

42. Elster J. Ulysses and the Sirens. Studies in Rationality and Irrationality. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

Лекция 8 апреля 1993 года

Вопросы слушателей: бесстрашие философов. — Ошибка проекции ответного дара в дар. — Преодоление субъективистской и объективистской точки зрения на дар. — Три различия. — Угнетение духа расчета в докапиталистических экономиках. — Экономические предрасположенности и коллективное вытеснение. — Заколдованные экономические отношения. — Основания коллективного непризнания. — Ностальгия по потерянному раю

Вопросы слушателей: бесстрашие философов

СНАЧАЛА я вернусь к двум вопросам, которые мне задали [в конце предыдущего занятия]. Первый — о библиографических источниках: «Как зовут лингвиста, который говорит о систематическом вторжении в самом факте обращения к другому?» Это Шарль Балли, который говорит об этом в своей книге «Язык и жизнь» (вышла в издательстве «Droz» в Женеве в 1965 году). С другой стороны, я имел в виду ссылки Леви-Стросса на Трубецкого и Якобсона, которые он приводит в своем введении в сборнике «Социология и антропология». Потом мне задали еще один, ироничный, но очень важный вопрос: «Говоря об исследовании Жака Деррида, вы несколько раз употребили термин „радикальный“. В чем именно эта классическая деконструкция и ее вполне ожидаемые парадоксы могут считаться радикальными?» Не хочу уклоняться от этого вопроса. Я понимаю слово «радикальный» в самом банальном смысле: считаю, что отличительным качеством философов, особенно великих, является то, что они «радикальны». Я мог бы процитировать тут Лютера (*pecca fortiter*, «грехи смело»¹): заслуга философов, очень

1. Формулировка *Pecca fortiter, sed fortius crede* («Сильно грешу, но верю еще сильнее») берет начало в письме Лютера Филиппу Меланхтону от 1 августа 1521 года.

часто Сартра и в данном случае Деррида, в том, чтобы грешить бесстрашно², а потому придавать крайнюю, сверхпоследовательную форму тому, что я считаю ошибкой, феноменологической ошибкой. Крайняя, предельно последовательная, бесстрашная формулировка, с моей точки зрения, интересна. [Я называю ее] «бесстрашной», поскольку нужна некоторая дерзость, чтобы выступить против двух веков антропологии: для одного человека это слишком много... Моя стратегия состоит, напротив, в том, чтобы опираться [на достижения антропологии], и это, возможно, как раз и есть одно из различий между философским и научным подходами. Но о «бесстрашии» я говорю с улыбкой, поскольку очень хорошо отношусь к этому бесстрашию и этому бесстрашному человеку³: такая аналитическая формулировка, как у Деррида, позволяет поднять вопросы, которые доверие к научной традиции может, напротив, вытеснять, и ряд предлагаемых мной рассуждений, хотя они и опираются на традицию и то, что я мог писать в «Практическом смысле» — я к этому еще несколько раз вернусь, — сложились и отточились благодаря чтению этого текста Деррида, для меня несколько неприятного и в то же время очень плодотворного.

2. Более подробные рассуждения о «крайней последовательности» Сартра см., в частности, в: *Bourdieu P. Sociologie générale. Vol. 2. P. 201, 915–916, 950*; о способности «великих философов развивать предельно последовательным образом тенденции человеческого разума» — *Bourdieu P. Sociologie générale. Vol. 1. P. 274*.

3. Хотя между ними и были разногласия, П. Бурдьё и Жак Деррида, которые познакомились в подготовительном классе в 1949 году, а потом вместе учились в Высшей нормальной школе и вместе служили в Алжире, относились друг к другу с уважением и, хотя спорили друг с другом (см.: *Derrida-Bourdieu. Débat // Libération, 19–20 mars 1988*), разделяли, особенно в 1990-е гг., одни и те же политические позиции, участвуя в одних и тех же инициативах, в частности по правам мигрантов.

Ошибка проекции ответного дара в дар

Вернусь к тому, что говорил в прошлый раз. Я указал на то, что по отношению к дару можно занять позиции трех основных видов: позицию, которую я назвал феноменологической и которая в ее крайней форме получила выражение у Деррида, позицию, названную мной «структуралистской» (термин «структуралистский» всегда следует брать в кавычки, но в данном случае он максимально оправдан, поскольку, если и есть случай, когда можно говорить о структурализме, то это как раз структурная лингвистика и Леви-Стросс, опиравшийся непосредственно на нее), и, наконец, позиция, которую собираюсь предложить я, критически опираясь на две предшествующие позиции.

Позиция Деррида интересна: она придает радикальную форму феноменологическому анализу, то есть анализу истины жизненного опыта дара, поскольку он [Жак Деррида] — очень хороший феноменолог, но также потому, что он читал структуралистов. Крайне парадоксальный вывод, к которому приходит его анализ (дар не существует, сама возможность дара является противоречием в определении), на самом деле возможен только в том случае, если феноменологический анализ опыта дара как безвозмездности, щедрости, бескорыстия соотносится с той истиной дара, что выявлена в структурном анализе, а именно с тем, что дар всегда предполагает ответный дар. По Деррида, дарование — это саморазрушающееся поведение, а потому, как он не раз говорит в своей книге, невозможное: дар — это не дар, поскольку он тем или иным образом предполагает проект ответного дара. Мы знаем, однако, что дар существует, он нам встречался, однако философ говорит нам, что его не бывает, поскольку по определению он не является тем, за что его принимают: щедрость, бескорыстие, без-

возмездность — все это невозможные формы поведения [по Деррида].

Здесь я мог бы отпраздновать победу: давным-давно я писал, на 191-й странице «Практического смысла» (цитата слишком большая, чтобы зачитывать ее здесь), о том, что есть противоречие в теоретической конструкции, состоящей в «ретроспективной проекции ответного дара в проект дара»⁴. А это именно то, что делает Деррида: благодаря антропологическому анализу, который был выстроен в противовес жизненному опыту, над которым размышляет обычная феноменология, стало известно, что за дар, который проживается в качестве безвозвратного, будет на самом деле заплачено, будет ответный дар; соответственно, опираясь на это знание объективной истины дара, [Жак Деррида] возвращается к жизненному опыту дара, чтобы спроецировать ответный дар в дар и представить дело так, словно бы в даре присутствовал проект ответного дара. Слово «проект»⁵ важно: по-

-
4. «Когда в проект дара задним числом проецируют ответный дар, то в результате таких теоретических построений не только превращают в механическую цепь обязательных поступков рискованную и вместе с тем неизбежную импровизацию бытовых стратегий, чье бесконечное разнообразие обусловлено необходимостью для дарителя втайне считаться с тайными расчетами получателя, т. е. удовлетворять его требованиям, но делать вид, что не знает их. В ходе той же операции исчезают и условия, при которых возможно *институционально организованное и гарантированное неузнавание*, образующее принцип обмена дарами [...] в *отношения устойчивые, ибо основанные на природе вещей*» (Бурдьё П. Практический смысл. С. 219–220).
5. П. Бурдьё часто критиковал понятие проекта и особенно идею «исходного проекта», разработанную Жаном-Полем Сартром (см., напр.: Бурдьё П. Практический смысл. С. 97). В номере *Temps modernes*, посвященном в 1966 году структурализму, Бурдьё публикует статью, в которой, выступая против (философского) понятия «творческого проекта» Сартра, разрабатывает (социологическое) понятие «интеллектуального поля» (см.: Bourdieu P. *Champ intellectuel et projet créateur* // Les Temps modernes. 1966. № 216. P. 865–906).

лучается, что дар осознанно предполагает проект получения ответного дара — понятие проекта подразумевает сознание, и Деррида постоянно говорит о сознании. Другими словами, [у него выходит так,] словно бы дар совершался для получения ответного дара, так что никакой щедрости больше нет. Но такая формулировка была бы слишком общей и грубой. Деррида уточняет: он говорит, что дар, который знает себя и признает себя в качестве такового (впрочем, он не стал бы говорить нечто столь наивное), включает в себя свое собственное отрицание, поскольку включает знание о признании: я знаю, что получатель дара будет мне признателен, а потому я уже на самом деле не щедр; и в этом весь парадокс: в прошлый раз я зачитал вам важный отрывок на эту тему. Но я написал [в «Практическом смысле], словно бы на будущее, то, что мне представляется своего рода предвосхищенным опровержением, у которого даже больше ценности, чем у опровержения *ex post*, того, что говорит Деррида (который, впрочем, сказал то, что я написал, но он не говорит об этом, как, собственно, и поступают философы — они на самом деле не читают; если бы они читали, с философией и социальными науками все было бы намного лучше — это мое небольшое примечание по ходу дела...).

Преодоление субъективистской и объективистской точек зрения на дар

После этого возвращения к анализу Деррида вернуться к пункту, на котором я остановился: ни феноменологическая точка зрения, ни структуралистская на самом деле не позволяют объяснить дар в той форме, в какой мы его проживаем и наблюдаем, а также противоречие между тем даром, какой известен нам по жизни, жизненным опытом дара, и даром, который мы описываем, когда, глядя на него

извне, с объективной и объективирующей точки зрения науки говорим: «Уважаемый, вы делаете совсем не то, что, по вашему мнению, делаете. Вы думаете, что дарите безвозмездный дар, тогда как на самом деле, знаете вы это или нет, хотите или нет, вы дарите дар, который будет возмещен». Нужно серьезно отнестись к этому противоречию и отклонить (или одновременно принять и отвергнуть) объективизм и субъективизм: следует принять субъективную истину и в то же время объективную истину дара, как и теории, которые говорят исключительно о той истине или другой, чтобы предложить теорию, объединяющую в себе субъективную истину дара как дара безвозмездного и его объективную истину. Деррида очень пригодился мне в этом объединении. Я это часто повторяю, но для тех, кто только начинает заниматься социологией, очень важно следующее: поскольку мы антропологи и у нас научные задачи, нам важно импортировать в наши дисциплины позицию, которую практикуют философы, представляя ее в качестве своей исключительной вотчины; мы должны взять за привычку снова и снова обдумывать то, что мы вроде бы уже обдумали, и стараться по несколько раз проходить по одному и тому же пункту. Это может привести к простым повторениям (отчасти то, что я вам говорю, давно уже было написано), но также тут могут появиться и новые вещи, которые социологи в силу самой своей профессиональной этики не предлагают под соусом чего-то экстраординарного, в отличие от того, что часто делают философы, хотя эти вещи тоже могут быть совершенно экстраординарными. В данном случае я обязан философу Деррида тем, что он заставил меня найти вещи, которые не были полностью мной прояснены и которые я вынужден был отыскать, отвечая на его анализ. Вот почему это его исследование мне кажется таким важным.

Как я уже сказал в прошлый раз, первый момент, необходимый, чтобы разрешить данное противопо-

речие, — это введение интервала. Проницательные наблюдатели, такие как Мосс, отмечают, что ответный дар будет возвращен по истечении определенного срока. Мосс отмечает существование интервала, но не делает никаких выводов на этой основе. Будучи хорошим антропологом и прочитав антропологов, он упоминает об этом качестве, описанном в явном виде в большинстве антропологических работ, но не делает каких-то выводов. Как я уже говорил в прошлый раз, интервал чрезвычайно важен: он вклинивается, оказываясь своего рода зазором между двумя следующими друг за другом актами, тогда как наука стирает его, поскольку она всегда монотетична (если говорить в категориях Гуссерля), а не политетична, он соединяет разные моменты вместе, синхронизирует их, делает одновременными. В данном случае рефлексия научной практики и качеств, внутренне присущих самому факту существования в роли ученого, позволяет вскрыть этот эффект науки, который, как это часто бывает, разрушает качества ее предмета. По поводу гуманитарных наук можно вспомнить все эти заходы, которые обожают философы, касательно неопределенности Гейзенберга⁶ и т. д.: социолог часто оказывается в ситуации, в которой он может узнать какие-то вещи только благодаря тому модусу познания, который ведет его к уничтожению вполне определенных качеств предмета познания, особенно темпоральных качеств. Все эти *топосы*, вроде «структуры против истории», часто обсуждавшиеся во времена структурализма (говорили, что струк-

6. Ссылка на «теорему неопределенности» (или «принцип неопределенности»), сформулированную в 1927 году одним из основателей квантовой механики Вернером Карлом Гейзенбергом. Она утверждает, что в случае двух свойств какой-либо частицы (например, ее положения и скорости) любой прирост в точности познания одного из качеств сопровождается потерей в точности познания другого.

туралисты игнорируют историю), были в какой-то мере оправданными: действительно, структуралистская установка часто заставляла игнорировать темпоральные аспекты практик. В данном случае [дара], но также в [анализе] матримониальных обменов, ритуалов и большинства практик структурализм стремится свести на нет один фундаментальный аспект практики, а именно тот, благодаря которому практика и является, собственно, практической, а не теоретической (точно так же, как теория является теоретической в той мере, в какой она пытается вырвать свое содержание из потока времени). Практика в ее жизненной и объективной реальности является по существу своему темпоральной. В случае дара временной интервал между моментом, когда преподносят один дар, и тем, когда получают другой, может быть чрезвычайно длинным.

Приведу конкретный пример: межпоколенческие отношения. Обычно о них не думают в категориях дара и ответного дара, и Мосс даже не ссылается на них, однако между поколениями действует определенная экономика символических обменов (и об этом я буду говорить сегодня — о специфической логике экономики символических обменов). Она покоится на том, что момент дара и момент получения разделены одним поколением, иногда даже не одним, и это одна из причин, по которым *philia*⁷, например материнская любовь, может переживаться в опыте в качестве безвозмездной любви, которая никогда не будет компенсирована и у которой вообще не было цели получить какую-либо компенсацию. Временной интервал следует учитывать в той мере, в какой он делает возможным практическое примирение жизненного опыта и объективно-

7. Греческое слово «φιλία» (*philia*), часто приблизительно переводимое на французский «дружбой», обозначает, в частности у Аристотеля (в его «Никомаховой этике»), незаинтересованное отношение двух людей.

го опыта. Если дар можно проживать не в том виде, в каком он на самом деле существует, если можно сочинять истории о даре, если можно отделяться пустыми словами о даре, если в ситуации дара «общество всегда платит себе фальшивой монетой своих грез»⁸, как говорит Мосс (это одна из замечательнейших фраз, когда-либо написанных социологом, а может быть, и просто мыслителем), причина именно в том, что существует этот временной зазор между двумя актами, которые наука стягивает в один, налагая их друг на друга.

Три различия

Этот зазор — первая из трех вещей, которые я предлагаю ввести, чтобы разрешить антиномию между жизненной истиной и объективной истиной, между феноменологическим субъективизмом и структуралистским объективизмом. Прежде чем перейти к более подробному обсуждению, вкратце перечислю то, что будет мной введено: это, во-первых, время; во-вторых, другая философия агента и действия; в-третьих, теория экономики символических благ как экономического порядка со своей особой логикой. Я вернусь ко времени, но сначала скажу пару слов об агенте и философии действия: осмысление действия в категориях сознания и намерения надо заменить на осмысление в категориях предрасположенностей и габитуса. Наличие двух противоречащих друг другу истин становится возможным потому, что фактор, побуждающий приносить дары, заставляющий дарить, — это не обязательно намерение дарить (если не считать подарков

8. «В сущности, это общество расплачивается с собой фальшивой монетой своих грез» (Мосс М. набросок общей теории магии // Мосс М. Социальные функции священного. С. 211).

в бизнесе, к чему мы еще вернемся: чтобы стали возможными чистые экономические намерения, необходимо, чтобы сложилась экономика как экономика). Фактор, благодаря которому, как говорит Деррида, «существует дар», «дается» (можно сказать «*es gibt*»⁹), заключается в том, что существуют агенты, «расположенные дарить», не только в том смысле, что они «склонны дарить», но и в том, что они «готовы дарить»: у них есть устойчивые предрасположенности к щедрости, которые были социально сформированы благодаря погружению в экономику символических благ, в которой негласным правилом игры является то, что дарить — хорошо, так что тот, кто дарит, получает особую выгоду, символическую. Следовательно, речь идет о том, [чтобы противопоставить анализ в категориях] предрасположенности [анализу в категориях] сознания. Наконец, я собираюсь ввести экономику символических благ, то есть экономический порядок, в котором существуют особые формы капитала (я говорю о «символическом капитале»), особые формы выгоды (я говорю о «символических выгодах») и особые формы символических «намерений» (предрасположенности к щедрости). Один из предполагаемых к постановке вопросов касается этих универсумов, в которых экономические предрасположенности существуют и вознаграждаются. Существуют ли они еще в наших обществах? Что это за регионы в наших обществах, где эти предрасположенности вознаграждаются? Вот в общем и целом схема того, что я хочу попробовать проговорить сегодня.

Что касается первого пункта, то есть интервала, я не буду углубляться в долгие рассуждения. ([...] Прежде чем прийти на лекцию, я сказал себе: было бы нелишним прочитать вам и прокомментировать некоторые отрывки, но вы лучше почитайте

9. См. в предыдущей лекции с. 25.

их самостоятельно, а я скажу только о самом главном. В «Практическом смысле» об этих вещах говорится вскользь и в общих чертах, так что некоторые из читателей книги, возможно, скажут: «Я такого не читал» — хорошие читатели есть, [но я говорю это] для того, чтобы, по крайней мере отчасти, оправдать повторения, которые у меня будут.) Интервал — это то, что позволяет скрыть противоречие между жизненным опытом и объективной истиной и, говоря точнее, преобразовать объективный непрерывный обмен в последовательность свободных актов щедрости, друг с другом совершенно не связанных. Иначе говоря, этнолог говорит, что «есть дар и ответный дар», и так до бесконечности, составляет простую схему, которая вводит непрерывность. [Тогда как социальным агентам] интервал позволяет ввести разрыв [между] даром и ответным даром; и тогда ответный дар тут же становится даром: получается цепочка «дар/дар/дар».

Это преобразование важно во многих отношениях: дар производит такое впечатление именно потому, что является местом, в котором более всего заметна алхимия символического, то есть социальная работа. Приведу еще раз цитату из Мосса: «Общество расплачивается с собой фальшивой монетой своих грез» (не знаю, где именно он это говорит — в «Опыте о даре» или в «Наброске теории магии», но дар и магия — это одна и та же проблема, одна и та же история). Дар — это самый подходящий повод схватить социальную работу — и слово «алхимия» тут пригодится, — благодаря которой экономическое превращают в символическое, обмен материальными, исчислимыми благами превращают в нечто не сводимое к рыночной стоимости предмета обмена. Все этнологи отмечали то, что нельзя свести обмен дарами к истине стоимости обмениваемых вещей; в таком обмене происходит нечто гораздо большее. Вот знаменитый пример Леви-Стросса: в [деревенском ресторанчике]

на юге Франции двое незнакомых мужчин усаживаются за одним столом; когда им приносят графины с вином, первый наливает свое вино в бокал другого, а второй — в бокал первого¹⁰. Никакого обмена не было, но что-то все-таки произошло, алхимия, пресуществление в евангельском смысле¹¹: материальное вино стало символическим, вином дружбы. Создана была коммуникация. Что-то было произведено: люди, которые не общались, теперь общаются.

Эта старая трактовка остается верной, но ее следует несколько развить. Обмен дарами преобразует экономическое в символическое в том смысле, что он создает нечто не сводимое к стоимости обмененных вещей. То есть возникает своего рода символическая выгода коммуникации, общая обеим сторонам, по крайней мере в рамках гипотезы о равенстве дара и ответного дара (потом вы уви-

10. «В небольших заведениях, где вино включено в цену заказа, каждому посетителю перед тарелкой ставят скромную бутылку с жидкостью, чаще всего простецкой. Бутылка такая же, как у соседа, как и порции мяса и овощей, которые официантка распределяет по кругу, однако по отношению к жидкой еде и твердой сразу же обозначается удивительное различие в установке. Твердая еда представляет потребности тела, а жидкая — его роскошества. [...] вино, в отличие от „блюда дня“, то есть личного блага, является благом социальным. В маленькой бутылке может быть ровно стакан, но ее содержимое получивший бутылку выливает не в свой стакан, а в соседский, а сосед тут же делает обратный жест взаимности. Что же произошло? Две бутылки тождественны по объему, их содержимое близко по качеству. Каждый из участников этой красноречивой сценки не получает в итоге больше того, что он потребил бы единолично. С экономической точки зрения никто ничего не выиграл и не проиграл. Но дело в том, что в обмене есть нечто большее обмененных вещей» (*Lévi-Strauss C. Les Structures élémentaires de la parenté. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2002 [1949]. P. 68–69.*)

11. Пресуществление означает превращение хлеба и вина в субстанцию тела и крови Христова. Таинство опирается на слова Христа на Тайной вечере («сие есть тело мое, сие есть кровь моя»), переданные в Евангелии.

дите, что все несколько сложнее...). Эта алхимия опирается на отрицание в смысле *Verneinung* (я думаю, что здесь можно употребить этот термин в его фрейдовском смысле), то есть акт, позволяющий говорить, что то, что есть, не является тем, что оно есть, что вещи не таковы, как они есть. Хотя произошедшее можно описать в логике «ты мне — я тебе» (если есть дар и ответный дар, это значит, что это ситуация «ты мне — я тебе»), говорят, напротив, что был «дар-дар-дар». Алхимия дара, ставшая возможной благодаря вложенному интервалу, тому факту, что возвращаемое отложено и отлично, порождает отрицание объективной истины обмена и в то же время создает нечто совершенно другое. Она возможна только при том условии, что даритель и получатель дара, тот, кто дарит, и тот, кто получает, соглашаются отказаться от знания истины дара как истины «ты мне — я тебе». Тут действует своего рода негласный договор или скорее (слово «договор» не вполне уместно, поскольку мы имеем дело с порядком не-осознанного и неявного) молчаливое соглашение отвергать объективную истину: и тот и другой соглашаются говорить «не хочу этого знать». Все происходит так, словно бы два агента согласились платить друг другу фальшивой монетой социальной истины обмена дарами и отказаться от знания объективной истины.

Странным образом, хотя я провел достаточно подробный анализ экономики символических благ, в «Практическом смысле» я писал так, словно бы это отрицание было своего рода индивидуальным актом — разумеется, оркестрованным, поскольку у двух агентов одни и те же предрасположенности, так что они расположены вести себя так, словно бы дар не был даром, однако я недооценивал важность социальных условий возможности этого общего отрицания: недостаточно, чтобы каждый из двух агентов придерживался страусиной в каком-то смысле политики и отказывался

видеть, что он на самом деле делает, нужно, чтобы он был включен (причем на длительное время, иначе у него не сложатся подходящие предрасположенности) в экономические и социальные универсумы, в которых нужно так поступать, в которых, как говорится, «так делают». Необходимо, чтобы вытеснение и отрицание, мной описанные, поощрялись и поддерживались коллективно, чтобы они были подготовлены обучением, склоняющим, по сути дела, отвергать расчет.

Угнетение духа расчета в докапиталистических экономиках

Я совсем вкратце расскажу о той парадоксальной экономике, которой является экономика докапиталистическая. Мы располагаем описаниями этой экономики благодаря работам антропологов (и я сразу скажу, что мы можем составить о ней представление [также] благодаря подчиненным универсумам в наших собственных обществах, таких как семья: эта экономическая модель все еще в значительной мере действует, но уже в качестве островка, а не океана, островка в океане расчета — как говорит Маркс в начале «Манифеста Коммунистической партии»¹²: в том универсуме, в котором

12. «Буржуазия сыграла в истории чрезвычайно революционную роль. Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные пути, привязывавшие человека к его „естественным повелителям“, и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного „чистогана“. В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности» (*Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии* // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство коммунистической литературы, 1955. Т. 4. С. 426).

у *philia* может быть роль разве что убежища, она более не может восприниматься так, как в университетах, фундаментальным законом которых была эта *philia*). Благодаря этнологическим исследованиям мы можем обнаружить социальные порядки, общим, а не ограниченным [отдельными сферами] законом которых является отречение, отрицание (во фрейдовском смысле) экономики в том смысле, в каком мы ее понимаем, то есть экономики как объективной истины обмена дарами; это именно отрицание принципа «ты мне — я тебе». Я отошлю к исследованиям, которые провел давным-давно, о вступлении людей, сформированных докапиталистической экономикой, в ту экономику, которую мы знаем, и о трудностях, с которыми сталкивается докапиталистический человек, когда он вдруг оказывается в экономике «ты мне — я тебе»: в «Труде и трудящихся в Алжире» или в книге «Алжир 60», которая является пересмотренной и несколько сокращенной версией «Труда и трудящихся в Алжире»¹³, я описал коллективные стратегии, благодаря которым социальный порядок, действуя через порядок семейный, стремится угнетать склонность к расчету и дух расчета, являющийся универсальной антропологической предрасположенностью. Можно привести (очень странный) пример: Макс Вебер говорит, что даже религиозный дух, являющийся одним из спасений от экономики, все-таки изобрел молитвенный барабан¹⁴, то есть способ мак-

13. Bourdieu P., Darbel A., Rivet J.-C., Seibel C. Travail et travailleurs en Algérie; Bourdieu P. Algérie 60.

14. Возможно, отсылка к следующему замечанию: «Подавляющее большинство общностей каким-либо образом связано с хозяйством. Под хозяйством не следует понимать, как в неспециализированном языке, любое целерационально организованное действие. Так, молитва о духовном благе, в иной религии носящая целесообразный характер, для нас не является актом хозяйствования. Не является таковым и всякое действие или всякое дело,

симизации символической выгоды: как заработать наибольшее количество благодати за минимальное время? Можно механизировать или в каком-то смысле фордизировать¹⁵ религиозное производство, и вполне самостоятельная традиция социологии религии объясняет религиозную практику в логике «do ut des»¹⁶ («я даю, чтобы ты давал»): отношение твари к создателю представляется тогда экономическим отношением, в котором творец дает при условии, что ему тоже дадут, в котором тварь действует так, чтобы получить вознаграждение, и т. д. Вы можете прочитать об этом, к примеру, в книге Ле Гоффа о чистилище¹⁷.

(Речь идет о весьма сложном вопросе социологии: существуют ли вообще универсальные антропологические предрасположенности? В частности, *auri sacra fames*, «злата проклятая жажда», — она универсальна или же задана социально?¹⁸ Предрасположенность к расчету, то есть склонность рассматривать социальные отношения с точки зрения Ларошфуко — универсальна она или нет? Будучи

следующее идее бережливости» (Вебер М. Хозяйство и общество. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. Т. 2. С. 19).

15. Неологизм Бурдые, имеющего в виду Генри Форда (1863–1947), создателя определенной формы организации труда, обеспечивающей рост производительности.
16. Эта традиция обнаруживается уже у самого Макса Вебера: «Устранение *посюсторонних* внешних бед и дарование *посюсторонних* же внешних преимуществ — вот содержание обычной молитвы даже в самой отрешенной от повседневности религии» (Вебер М. Хозяйство и общество. Т. 2. С. 101).
17. Ле Гофф Ж. Рождение чистилища. Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ, 2009.
18. Здесь Бурдые также может иметь в виду тексты Макса Вебера (в частности, см.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. С. 31, а также весь раздел «Дух капитализма» [С. 25–43]).

социологами, мы не особенно любим универсальное, антропологическое, естественное: наша работа в том, чтобы разоблачать его, поскольку часто оно дает объяснения через «усыпительную силу»¹⁹, а кроме того, очень часто маскирует натуралистические, расистские и тому подобные политики. Мы не особенно это любим, но вопрос нужно оставить открытым. Я считаю, можно принять то, что предрасположенность к расчету существует в качестве всеобщей предрасположенности.)

Во всяком случае, в обществах, где главным законом экономики является отрицание экономики в строгом смысле, в том, в котором мы ее понимаем, то есть где главный закон экономики — это отрицание принципа «ты мне — я тебе», там экономический расчет существует в состоянии склонности. Так, любопытно отметить, что у кабиллов экономика в том виде, в каком она знакома нам, предоставлена женщинам: это экономика женщин в той форме, в какой ее описывают мужчины и в какой ее практикуют женщины, — в соответствии с разделением труда между полами. В универсумах, где экономика отрицается, экономика женщин — эта та экономика, что больше всего похожа на известную нам экономику: когда женщины дают в долг, они напоминают о сроке возврата долга, тогда как человек чести скажет: «Отдашь, когда сможешь». То есть расчет и точность оставляют на долю женщин. То же самое сохраняется и в наших обществах, достаточно посмотреть вокруг ([П. Бурдые изображает мужа, который просит свою жену:] «спроси у него цену»²⁰). Это озна-

19. «Усыпительная сила опиума» — пример тавтологического объяснения, которое у Мольера в его «Мнимом больном» использует бакалавр медицины (акт III, сцена 14): «Почтенный доктор инквит / кваре Опиум фецит засыпаре? / Респондэс на кое: Хабет свойство такое / Виртус снотворус» (перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник).

20. П. Бурдые имеет здесь в виду, в частности, наблюдения, собранные во время исследования продаж домов (см. статьи,

чает, что предрасположенность к расчету сама является социально распределенной или социально дозволенной; будучи дозволенной, она получает развитие, причем она больше развивается среди тех, среди кого она дозволена, чем среди тех, кому она не дозволена. То есть существуют различия в предрасположенностях к экономике в том виде, в каком мы ее знаем, в том числе в обществах, где экономика в целом отрицается, а дух расчета в целом вытесняется.

Следовало бы показать, в каком плане все структуры, например все отношения родства, являются местом постоянной работы по организации вытеснения экономического как такового. В разных книгах я привожу примеры этих проблем перехода от одной экономики к другой. Так, кабийский иммигрант, чести которого по его возвращении в деревню бросают вызов, отвечает денежным вызовом: «А поджечь [банкноту] сможешь?»; он подменяет предмет спора, а потому становится посмешищем. Другой пример (у меня их много): рабочий, получив ритуальное обязательное вознаграждение (он участвовал в строительстве дома, что является коллективным сакральным актом, а потому по определению избегает грубой реальности экономического обмена), требует, чтобы ему заплатили деньгами, хотя уверен, что ему заплатят, но не в этот момент и, главное, не по требованию²¹.

собранные в специальных номерах *Actes de la recherche en sciences sociales* (No. 81–82), посвященные «Экономике дома» и переизданные по большей части в работе: *Bourdieu P. Les Structures sociales de l'économie*. Paris: Seuil, 2000): «Мы могли заметить, что в случае покупки дома в любых социальных средах мужчины не унижаются до того, чтобы собирать информацию, задачу ставить вопросы и узнавать цену они оставляют на долю женщин, и если дело выгорит, то хорошо. Если нет, значит, виноваты женщины» (*Bourdieu P. L'homme décide, la femme s'efface* (entretien avec Catherine Portevin) // *Télérama*. 1998. No. 2532).

21. Уточнения касательно этих примеров см. в: *Бурдьё II*. Практический смысл. С. 367, 223–224.

Ситуации освоения другой культуры, контактов между разными экономиками дают практическую возможность проанализировать неявные послышки нашей собственной экономики. Отмечу в скобках: анализируя в самых общих чертах фундаментальные принципы символической экономики, я, очевидно, выхожу также на фундаментальные принципы нашей экономики: та экономика, что известна нам, отвергнет это вытеснение. Поскольку социальные поля часто основываются на тавтологиях (так, художественное поле основывается, когда начинают говорить «искусство для искусства»), экономическое поле основывается, когда говорят «бизнес — это бизнес», дополняя это тем, что «в бизнесе нет места чувствам», то есть «в бизнесе нет места *philia*». Экономическая логика [в таком случае] не является больше логикой символической, которая продолжает действовать лишь в сфере семьи. Вебер все это удивительно верно понял, он много размышлял над «как» (*als*) экономики²² и говорил примерно (я, когда цитирую, всегда немного реконструирую, я мог бы найти ссылки, но хотелось бы, чтобы вы меня об этом не просили...) о том, что происходит переход от обществ, в которых отношения родства служат образцом экономических отношений, к обществам, в которых экономические отношения распространяются даже на отношения родства²³, то есть бизнесом начинают заниматься даже в универсуме чувств, но все же бизнес не становится полноправной истиной ни в том универсуме, ни в другом.

22. В немецком языке союз «als» означает «как», «в качестве».

О его использовании в рамках процесса автономизации полей см., в частности: *Bourdieu P. Sociologie générale. Vol. 2. P. 157, 1005–1006.*

23. Возможно, что П. Бурдьё имеет здесь в виду исследования того рода, что Вебер развивает в разделе «Хозяйства и общества» под названием «Распад домашней общности: изменение ее функциональной роли и появление расчета» (*Вебер М. Хозяйство и общество. Т. 2. С. 57–63*).

Итак, обмен дарами находит условия своего полного осуществления в универсумах, где весь экономический порядок выстроен на отрицании — осуществляемом двумя протагонистами отрицания, которое поддерживается всем социальным порядком и всем экономическим порядком, так что трудно представить, чтобы, к примеру, получив кувшин молока, можно было вернуть его пустым (есть и мифологические резоны: пустота навлекает беду, например бесплодие и т. д.); само собой разумеется, что его вернут с чем-то. Вопрос о том, необходимо ли так поступать, просто не стоит: есть хорошо выстроенный социальный порядок, опирающийся на глубинное согласование предрасположенностей и пространства игры, и все это проходит само собой; в таком случае мы просто не доходим до вопроса, пребывая в имплицитном состоянии. Экономисты сознания и рационального расчета ([в своих выкладках] я очень далек от сознания) забывают об этом, но в том же режиме экономический порядок функционирует также и в наших обществах. Предрасположенности агентов формируются с детства таким образом, что последние чувствуют себя в экономике как рыба в воде. У меня есть отличный пример: когда я работал в Алжире, я вырезал [одну статью] из алжирской газеты: школьники из английского Лоустофта создали систему страхования от наказаний; они во всем разобрались и учредили ассоциацию, так что тот, кого наказывали, получал 15 шиллингов, и т. п.²⁴ Потребовались три столетия

24. П. Бурдые и в других своих текстах ссылается на «историю, о которой газеты рассказывали 29 октября 1959 года, об этих детях из английского Лоустофта, которые создали страховое общество от наказаний, предусматривающее, что в случае порки страховщик получает 4 шиллинга. Также, предусмотрев возможность злоупотреблений, они дошли до того, что ввели дополнительный пункт в договор, согласно которому общество не несет ответственности за специально спровоцированные слу-

капитализма²⁵, понадобились социально сформированные габитусы, чтобы до такой степени сжиться с расчетом, то есть чтобы сформировались предрасположенности не только не вытеснять расчет, но и осуществлять его.

Итак, с одной стороны, у нас есть кабил, который не может вообразить, чтобы не делали то, что он делает, который не понимает, как можно было бы поступить иначе, так что в конечном счете [в его обществе] нет добродетели щедрости как таковой. Действительно, щедрость повсеместна, когда это не добродетель, точно так же честь повсеместна лишь в той мере, в какой это не добродетель, и кабилы начинают говорить о чести, когда она под угрозой. Это антропологическое замечание делали сотню раз: ценности превозносятся тем больше, чем больше они под угрозой; когда же они очевидны, то настолько сами собой разумеются, что никто и не думает их превозносить. В этих интегрированных универсумах символической экономики [есть], можно сказать, «символические виртуозы» (и это тоже метафора Вебера: он говорит о виртуозах веры²⁶), образцовой фигурой которых является человек чести с роскошными усами, который занят делом чести, который чувствует себя в символическом как рыба в воде и моментально отвечает на запросы экономического порядка, что часто вызывает у женщин смех (или слезы), поскольку на рынке он может надеться глупостей, например купить голову быка, поскольку она выглядит впечатляющей, или может пойти делать своему сыну обрезание, полностью позабыв об экономических ограничениях.

чай» (*Bourdieu P. La fabrique de l'habitus économique // Actes de la recherche en sciences sociales. 2003. No. 150. P. 8.*)

25. Возможная отсылка к фразе Бергсона, иногда цитируемой Бурдьё: «Требуются столетия культуры, чтобы произвести утилитариста вроде Стюарта Милля» (*Бергсон А. Два источника морали и религии. М.: Канон, 1994. С. 130*).

26. *Вебер М. Хозяйство и общество. Т. 2. С. 69.*

Другая имеющаяся у нас крайность — это *homo economicus* в том виде, в каком его описывают труды по экономике. Он в экономике — как рыба в воде, но это не означает, что он рациональный вычислитель. Рациональный вычислитель он не больше, чем человек чести: у него есть экономические рефлексy, экономический габитус, предрасположенности, которые работают на уровне рефлекса, но при этом они сформированы настолько длительным погружением в экономический универсум, что сами структуры экономики становятся ментальными структурами, так что достаточно следовать тому, что производят эти ментальные структуры, чтобы быть приспособленным к экономике безо всякой необходимости что-либо рационально подсчитывать. Я доказал это на одном крайне невыгодном случае. Четыре или пять лет назад, может быть больше, я написал статью о предпринимателях²⁷, которые в каком-то смысле являются корпорацией, вроде бы наиболее соответствующей официальному определению *homo economicus*. Я задался вопросом о том, что можно было угадать или понять в принципах экономического действия, и если вы обратитесь к этой работе, то найдете там главу о ценности старшинства²⁸, например старшинства, определяемого статусом руководителя. Ряд признаков указывает на то, что даже в гуще социального слоя, теоретически наиболее близкого к предпринимателю, по Шумпетеру²⁹, к экономическому рациональному вычислителю, встречаются люди, которые подчиняются, как и все остальные, бессознательным социальным, сверхдетерминированным предрас-

27. Bourdieu P., Saint Martin de M. Le patronat // Actes de la recherche en sciences sociales. 1978. No. 20–21. P. 3–82.

28. Ibid. P. 30–32.

29. По Йозефу Шумпетеру, истинный предприниматель — это экономический агент, функция которого в производстве новых производительных комбинаций. Он противопоставляется рантье или простому управленцу.

положенностям. Чистое экономическое измерение в смысле экономистов³⁰ у них конституировано лишь в какой-то незначительной мере; оно выявляется, возможно, лишь в кризисных ситуациях, когда возникает необходимость призвать консультантов, которые берутся произвести расчеты.

Экономические предрасположенности и коллективное вытеснение

Я уже указывал на второй пункт [из трех], который хотел сегодня рассмотреть: интервал допускает отрицание, [которое лежит] в основе символической алхимии, посредством которой обмен дарами каким-то образом отрывается от принципа «ты мне — я тебе» в обществах, социально выстроенных таким образом, что обмен дарами оказывается фундаментальным правилом социальных отношений. Он отрывается от принципа «ты мне — я тебе» за счет своего рода коллективного отрицания, которое делает возможными практики, основание которых — это не рациональное намерение быть щедрым, а следование предрасположенностям. Я выделил ранее три пункта, о которых собирался говорить: чтобы работала экономика символических благ, подобная докапиталистическим экономикам, или же экономика в том виде, в каком мы ее знаем, необходимы [во-первых] не сознания, а предрасположенности, то есть целый социальный порядок, способный, говоря коротко, воспроизводиться в головах. [Во-вторых] нужна экономическая логика, основанная на своего рода коллективном самообмане, коллективном вранье самим себе. Отсюда приведенная мной цитата из Мосса, которая равно применима

30. Отсылка преимущественно к работе Леона Вальраса «Элементы чистой политической экономии, или Теория общественного богатства» (1874).

и к функционированию ритуала. Именно по этой причине я недавно сказал, что «Набросок теории магии» и «Опыт о даре» Мосса говорят совершенно об одном и том же. Их никогда не сближают, тогда как на самом деле речь в них в точности об одной и той же вещи: чтобы магия работала, необходима магическая экономика. Текст Мосса просто великолепен³¹: он говорит о том, что нужны магические инструменты, магические агенты, магические места, магическая аудитория и т. д. Нужно все это, то есть [в-третьих] социальное поле, в котором магия имеет хождение. Точно так же, чтобы существовал дар, необходимо социальное поле, в котором имеет хождение дар, так что в пределе он уже даже не воспринимается в своей феноменологической истине: вопрос о том, безвозмезден он или нет, просто не ставится: поступают только так и никак иначе.

Вопросы Деррида [касательно дара] являются таковыми лишь для феноменолога, погруженного в экономику, в которой платное уже задано в качестве такового, а вместе с ним и даровое. Я недавно уже рассуждал о безвозмездном, милостивом и т. п. даре: чтобы существовало нечто безвозмездное, должно быть задано в качестве такового и платное. Точно так же, чтобы обмен услугами — я только что говорил о строительстве дома у кабиллов — или сбор урожая составляли проблему, чтобы [появился вопрос о том,] заплатят ли приглашенным людям, необходимо, чтобы уже сформировался наемный труд в качестве именно наемного труда со всеми его парадоксами, которые обнаруживаются в переходных ситуациях. Я смог собрать свидетельства о необычайных случаях: например, о сыне, который, нарушив все правила приличия, требует зарплаты от своего отца, что с точки зрения норм экономики символических благ просто чудовищно. В наших обществах пока еще есть некоторые

31. Мосс М. Набросок общей теории магии.

эквиваленты таких ситуаций: кабилские примеры позволяют нам составить общее представление о вещах, примеры которых можно было бы найти [рядом с нами] когда угодно (мне часто приходят в голову такие примеры, однако я отсеиваю их, поскольку они, возможно, слишком удивили бы вас... надеюсь, что вы об этом подумаете...).

Наконец, эта экономика символических благ работает на вере. Впрочем, она заставляет нас поставить весьма важный вопрос: единственная ли это экономика, работающая на вере, или наша работает на том же самом? Чтобы работала эта экономика символических благ, необходимо, чтобы эти сопровождающие друг друга логики платного и «это сделано, чтобы» были вытеснены настолько глубоко, что в пределе становится просто невыносимым, постыдным или отвратительным о них говорить. (Импровизация перед большой аудиторией — дело всегда рискованное и трудное...) Несколько лет назад я провел исследование епископов³² и был поражен, когда слушал интервью или читал расшифровки: епископы смеялись всякий раз, когда с ними напрямую заговаривали об экономических основаниях их позиции, — я хотел опубликовать статью, которая бы называлась «Смех епископов»³³. У Фрейда есть знаменитое исследование о смехе³⁴, смехе и сексе: и я думаю, что деньги для еписко-

32. Bourdieu P., *Saint Martin de M.* La sainte famille. L'épiscopat français dans le champ du pouvoir // Actes de la recherche en sciences sociales. 1982. No. 44-45. P. 2-53.

33. В тексте, возникшем из двух курсов в Коллеж де Франс, прочитанных «за пределами стен» в 1994 году (здание было закрыто на ремонт с 1993 по 1997 г.), одна часть которого названа именно «Смех епископов», П. Бурдьё будет развивать вопрос отношения религиозного института к экономике: Bourdieu P. *L'économie des biens symboliques* // Bourdieu P. *Raisons pratiques. Sur la théorie de l'action*. Paris: Seuil, 1994; переиздано в: «Points Essais», 1996. P. 173-211.

34. Зигмунд Фрейд писал о смехе, в частности в своей работе: Фрейд З. *Остроумие и его отношение к бессознательно-*

пов (и секс тоже... но это примерно то же самое [смех в зале]) являются тем, чем для всех остальных — секс. С удивительным постоянством они отвечали смехом — одновременно смущенным и молящим о снисхождении — на вопросы о заработной плате и на все то, что заставляло бесцеремонно поднимать вопрос об экономическом основании практик, особенно практик бескорыстных, практик щедрости. Я думаю, что больше всего на епископов похожи интеллектуалы, и стоит понаблюдать за интеллектуалами, когда им говорят: «Вы хотите гонорар [за выступление]?» Существует определенное коллективное вытеснение, связанное с существованием таких подчиненных универсумов, как семья, но также мир искусства³⁵ или же мир науки и т. д.: экономическая истина практик, обнаруживаясь в них, не может не произвести скандала, определенной проблемы.

Вернусь к своей теме (скобка за скобкой, я отошел от нее очень далеко...). Чтобы был поставлен вопрос безвозмездности, необходимо, чтобы существовало платное, то есть чтобы поднимался вопрос безвозмездности — например, во внутрисемейных обменах, — необходимо, чтобы существовала заработная плата. Поскольку я могу касаться этих вещей лишь очень поверхностно, отошлю вас к еще одной проведенной мной работе, которая была опубликована под названием «Искоренение»³⁶ и которую нужно читать вместе с «Трудом и трудящимися

му // Художник и фантазирование (сборник работ). М.: Республика, 1995.

35. Бурдьё П. Производство веры. Вклад в экономику символических благ // Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 2005. С. 177–271; Bourdieu P. Les Règles de l'art. Genèse et structure du champ littéraire. Paris: Seuil, 1992; новое исправленное издание: Points Essais, 1998.

36. Bourdieu P. Sayad A. Le Déracinement. La crise de l'agriculture traditionnelle en Algérie. Paris: Minuit, 1964.

в Алжире». В этой книге рассматривался как раз переход от докапиталистической экономики, как я ее сейчас описываю, то есть экономики символических благ, к той экономике, которая нам известна, и я, в частности, анализировал появление того, что будет настолько самоочевидным, что мы даже не задаемся вопросом, а именно идеи наемного труда, соответствия между трудом и заработной платой. Мы считаем тавтологией то, что «всякий труд должен быть оплачен», но на самом деле это составляет чрезвычайно серьезную проблему и не является самоочевидным. С этой проблемой сталкивались историки античности (например, Финли провел похожие исследования на материале Греции³⁷), но также и все антропологи. Я не уверен, что она была проанализирована достаточно глубоко: попробуйте понять все то, что может скрываться в факте согласия с тем, что у работы может быть денежный эквивалент. Об этом, например, говорила одна из марксистских традиций, особенно польский марксизм, на мой взгляд, совершенно удивительный (я, конечно, знаком с ним только по переводам, но то небольшое, что я знаю, наводит на мысль, что он должен быть очень важным, а потому я приглашаю всех, кто знаком с этим языком, приглядеться к этим текстам и сделать их доступными для французского читателя). Существует отдельная традиция исследования докапиталистической, крестьянской экономики³⁸ и трансформаций,

37. *Finley M. I. L'Économie antique. Paris: Minuit, 1975 [1973].*

38. Бурдые имеет в виду исследования Богуслава Галеского, работы которого, посвященные специфике сельской экономики и крестьянской логики, вписываются в традицию работ русских популистов, в частности Александра Чаянова, «Организация крестьянского хозяйства» которого вышла в 1925 году и была переведена на английский в начале 1960-х Базилем Кербле и Даниэлом Торнером как «The theory of peasant economy» (французский перевод: *Tchayanov A. L'Organisation de l'économie*

которые она претерпевает, когда денежный обмен, ранее ограниченный порядком промышленного труда, распространяется и начинает служить образцом для всех видов обмена вообще, управляя обменовыми между хозяином и слугой или, того хуже, между родителями и детьми. Соппротивление всеобщему утверждению денежного обмена, которое мы можем ощущать еще и сегодня в определенных типах отношений — любовных, дружеских, семейных и т. п., — может послужить основанием для понимания экономик, в которых это уже не ограниченное вытеснение, а обобщенное.

Заколдованные экономические отношения

После этой последней скобки вернусь к Деррида. Он может ставить вопрос о безвозмездном и формулировать эти парадоксы о невозможности дара только потому, что он, как и все мы, находится в универсуме, где экономический интерес, экономический расчет — это воздух, невидимая среда, в которой само собой разумеется, что всякий труд достоин оплаты: платное и безвозмездное заданы как таковые. Я считаю, что сама идея безвозмездности предполагает формирование представления о том, что вещи заслуживают денежного эквивален-

paysanne / A. Berelowitch (trad.). Paris: Éditions du Regard, 1990). Не исключено, что Бурдые также имеет в виду таких польских авторов, как Витольд Кула (*Kula W. Théorie économique du système féodal*. Paris, La Haye: Mouton, 1970 [1962]) или Ежи Топольский (*Topolski J. L'économie rurale dans les biens de l'archevêché de Gniezno depuis le xvie jusqu'au xviiiè siècle // Recherches internationales à la lumière du marxisme*. 1970. No. 63–64. P. 86–98; *Topolski J. La reféodalisation dans l'économie des grands domaines en Europe centrale et orientale, xvie-xviiiè siècles // Studia Historiae Oeconomica*. 1971. No. 6. P. 51–63).

та. Логика символической экономики заработает только в том случае, если домашняя модель заколдованных отношений, в которых ничего не считают, отказываются считать, в которых подсчет — это преступление, а дар переживается в опыте так, как о нем говорит Деррида (то есть как нечто безвозвратное, щедрое, безвозмездное и т. д.), будет охватывать все отношения, включая рыночные. Поскольку это был бы долгий анализ, отошлю вас еще раз к «Труду и трудящимся в Алжире» и к «Искоренению», где я проанализировал стратегии, благодаря которым докапиталистический человек, *homo precapitalisticus* ([П. Бурдьё оправдывает выражение, которое вызвало смехи в зале]: это чтобы вы не забывали, что я говорю о *homo economicus*), ухитряется внедрить заколдованные отношения родства еще и в рыночные отношения. Например, он может привлекать гарантов: пока еще есть много обществ, в которых все всегда делается через знакомых (когда я, например, был в Алжире, мне всегда говорили: «Тебе нужен билет на самолет, я тебе достану, у меня двоюродный брат там работает...» — то есть нельзя просто приехать в аэропорт и купить билет [по модели] «я плачу и беру»). Это очень глубокие структуры. Здесь следовало бы провести подробный анализ заколдованных экономических отношений, то есть отношений, понимаемых по образцу отношений родства — в наших обществах это была бы модель хозяина и слуги.

Одна шведская исследовательница-социолог выполнила замечательную работу (не просите у меня ссылку) об отношениях хозяина и слуги как экономических отношениях, от которых отнекиваются. Она очень хорошо описывает стратегии, благодаря которым слуга присоединяется к *domus* со всем тем, что под этим подразумевается: его поощряют любить детей, награждают небольшими подарками, неденежными знаками внимания; значительный неденежный обмен покрывает собой истину

экономического обмена таким образом, что последний может переживаться в опыте совсем не в том качестве, в каком он наличествует. Также есть замечательные описания отношений в докапиталистическом обществе между хозяином и хаммесом, издольщиком пятой доли [то есть получающим пятую часть дохода с обрабатываемого им участка]: издольщик может знать, что его эксплуатируют, но по отношению к слуге хозяин проводит определенную работу. Знаменитая трактовка Максом Вебером перехода от слуги к сельскохозяйственному рабочему на востоке Германии в XIX веке³⁹ также может служить прекрасной иллюстрацией к тому, что я анализирую: сельскохозяйственный слуга или издольщик («пятой доли», как говорят) задаются так, что они не то, что они суть. Патернализм в своей архаической, идеальной форме — это попытка внутри современной сферы, в которой экономика выстроена в качестве экономики, где платное задано как противоположность безвозмездного, восстановить заколдованные отношения докапиталистического типа, в которых отношения хозяина и наемного работника не сводились бы к его экономической, денежной истине, а денежный обмен стал бы обменом дарами. В подобных случаях современные общества заново открывают для себя стратегии, которые докапиталистические общества довели до совершенства: они прячут экономический обмен во всей его неприглядной истине (и тут в дело идут коммерческие подарки) внутри определенного комплекса отношений, в том числе символических: для этого жмут руки, награждают медалями, поздравляют самого старого работника предприятия и т. д. Точно так же в матриониальных отношениях обмен дарами — это обмен

39. *Weber M.* Enquête sur la situation des ouvriers agricoles à l'est de l'Elbe. Conclusions prospectives (1892) // Actes de la recherche en sciences sociales. 1986. No. 65. P. 65–68.

подарками, который маскирует грубую экономическую истину.

Здесь следовало бы указать на удивительный институт нераздельного семейного владения, который исследователи понимают очень плохо⁴⁰. В Кабилии имущество находится в нераздельном владении всех агнатов, то есть мужчин, принадлежащих к данной генеалогической линии, и семьи выполняют немалую работу, чтобы сохранить реальное нераздельное владение. Если же последнее разрушается — кабилы всегда говорят, что его «разрушают женщины», что социологически вполне правдоподобно, поскольку женщины находятся на стороне экономики как экономики, — кабилы говорят тогда, что «остается показная неразделимость». У них есть для этого целый словарь, целый удивительный лексикон: «разделили горшок», «женщины разделились», «варить суп отдельно», но видимость они все равно стараются поддерживать. Эта работа, нацеленная на то, чтобы сохранить минимальную видимость работы символической экономики, крайне важна. Здесь следовало бы провести конкретные анализы, но это сложно. Я хотел бы просто показать, что для работы дара в полном смысле этого слова, то есть как ряда совершенно независимых друг от друга актов щедрости (тогда как на самом деле это цепочка обменов), необходима особая экономическая логика и особая работа, нацеленная на то, чтобы увековечить экономические основания этой логики, то есть коллективная вера. И я уже говорил: все больше думаю, что то же самое относится и к той экономике, которая известна нам: *homo economicus* и все, что нам рассказывают (математика как фундаментальный инструмент экономики в смысле математической экономики, то есть теории), — это коллективная вера наших

40. См.: Бурдые П. Практический смысл. С. 312 («Социальные функции родства») и далее.

обществ. (Я не должен был бы говорить ничего такого, это так категорично... Ну ладно, что-то еще останется, и я вернусь к этому более взвешенно.)

Основания коллективного непризнания

Чтобы дар работал, необходим универсум заколдованных, как говорил Макс Вебер, социальных отношений, в которых все рассказывают друг другу истории и все согласны их выслушивать (общество, поддельная монета и т. д.), но, очевидно, необходимо и то, что соответствует объективному функционированию экономики символических благ, необходимы экономические предрасположенности, символические габитусы, то есть люди, у которых есть предрасположенности производить заколдовывающие акты и ментальные структуры, способные заколдованно воспринимать эти заколдовывающие акты, которые не занимают по отношению к акту щедрости цинической позиции расколдовывания, вроде позиции Ларошфуко.

В том, что я говорю, нет ничего радикально нового (я не строю себе иллюзий), но все же есть определенная новизна, поскольку на самом деле я радикализирую исследования, которые частично уже были выполнены. Социологам и антропологам сложно по-настоящему понять ситуации и общества такого рода, и причина, конечно, в том, что мы сами существуем в обществах, где безвозмездное и платное заданы в качестве таковых, но также и потому, что самой предпосылкой наших дисциплин является то, что нельзя ограничиваться видимостями. Это очень глупая критика — приставать к социологии с разговорами о «социологии подозрения», Ницше⁴¹ и т. п. Такая критика полагает, что откры-

41. В те годы, когда был прочитан этот курс, социологи во Франции использовали выражение «социология подозрения»

ваает нечто невиданное, тогда как в целом она состоит в том, что ставит перед социологами вопросы, которые они сами себе уже сто раз ставили, причем в намного более изощренной форме. Не подписываясь под какой-то философией подозрения, социологи в силу своей профессии действительно предрасположены к подозрительности, они расположены не попадать пальцем в небо, не позволять словам обманывать себя, не принимать «шелуху слов за зерно вещей», как кто-то сказал [Лейбниц]⁴², то есть не принимать за чистую монету то, что информаторы говорят о своих поступках. Например, им важно порвать с феноменологической точкой зрения на дар, и они говорят: «Есть дар и, следовательно, есть ответный дар». Это приносит им удовлетворение, поскольку, особенно когда социология обращается на интеллектуалов и, соответственно, на конкурентов, она доставляет своего рода извращенное удовольствие («все они попались, кроме меня»). Рефлексивность учит жить с рядом профессиональных влечений, которые осложняют понимание универсумов символических обменов, о чем бы ни шла речь — о глобальных экономиках, например докапиталистических, или просто отдельных регионах,

иногда именно для того, чтобы отмежеваться от П. Бурдьё. Формула эта более или менее точно воспроизводит ярлык «философии подозрения», которым Поль Рикер объединял Маркса, Ницше и Фрейда, для которых общим было «решение рассматривать сознание в его целостности, прежде всего как „ложное сознание“» (*Ricoeur P. De l'interprétation. Essai sur Freud. Paris: Seuil, 1965*). Ницше, уже при жизни ассоциировавшийся со «школой подозрения», писал, в частности: «Я и сам не думаю, чтобы кто-то когда-либо глядел на мир с таким глубоким подзрением, как я» (предисловие к «Человеческому, слишком человеческому»).

42. Говоря о философах-схоластах, Лейбниц упоминает о том, что «люди часто запутываются в своих тонкостях и принимают шелуху слов за зерна вещей» («Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла». § 320).

подчиняющихся этой логике, таких, какими в наших обществах являются художественное, религиозное, интеллектуальное и литературное поля, а также поле социологии и т. д. В этих универсумах происходят вещи, очень похожие на то, что я рассказывал в связи с фигурой человека чести: социологи больше не носят усов, но у них свое дело чести, и я думаю, что им особенно сложно понимать такие виды поведения и выйти за пределы [простой демистификации]...

Когда я [в предыдущие годы] рассказывал вам о государстве, то говорил, что всегда есть первая наивная фаза согласия с верой в государство, затем идет вторая фаза — расколдовывания, демистификации, которую часто представляет Маркс⁴³: бюрократы универсального — это на самом деле люди, которые приватизируют универсальное. То есть тут в дело вступает логика разоблачения, скандалов, связей и т. п. Поскольку государство представляется мне одним из мест, где все еще сохраняется, по крайней мере в идеале, экономика докапиталистического типа, социологам очень трудно перейти к третьему моменту⁴⁴. Им это очень трудно, поскольку они хотят преодолеть свои пред-

43. См. особенно: *Бурдьё П. О государстве*. С. 53–55.

44. Бурдьё в целом выделяет в социологическом анализе три момента: первый момент состоит в реконструкции субъективной точки зрения на мир, имеющейся у самих социальных агентов (Бурдьё называет это «социологией с магнитофоном», и в лучшем случае это дело антропологического подхода); второй момент заключается в разрыве с субъективизмом и прояснении объективных корреляций за счет, в частности, статистического анализа, то есть таких корреляций между социальными фактами, которые не осознаются социальными агентами; третий момент заключается в возвращении к субъективным точкам зрения социальных агентов с целью объективного объяснения, поскольку субъективные точки зрения не распределяются случайно, а опираются на объективные факторы. Например, почему академический успех переживается именно так, а не иначе? Каково основание религиозного призвания? И т. д.

расположенности *homo capitalisticus* и в то же время склонности к подозрению, свойственные их профессии, а также нередко характеризующие и сам принцип допуска к профессии. Часто это и есть причина для того, чтобы стать социологом, — хочется проникнуть за пелену видимостей: например, тот же Гофман, будучи и правда великим социологом, был мастером разоблачения видимостей. Его точка зрения на социальный мир как мир театральный, в котором есть просцениум и кулисы, — это типично мелкобуржуазная точка зрения. Я не знаю, это [точка зрения] «Прикованной утки» [смех в зале]. Нужно преодолеть склонность к этой точке зрения, чтобы начать понимать то, что в ложном есть истинное, есть истина в видимости, что иллюзия не иллюзорна (это из Гегеля⁴⁵), мистификация — это аутомистификация, нужно понять, что непризнание хорошо обосновано и является частью оснований. Коллективное непризнание (это более удачное выражение, чем «коллективная вера») — реальное основание обществ. Они в значительной части работают на непризнании, а когда последнее подрывают, это просто значит, что ничего не поняли. Чтобы понять [экономику символических обменов], нужно понимать логику этой экономики, но также понимать, что люди, которые действуют в этих экономиках, должны иметь предрасположенность или, как я уже сказал, склонность действовать и ментальные структуры, приспособленные к этому универсуму. Это люди, у которых не должно быть подозревающего взгляда, поскольку все должно работать.

Я постоянно ссылаюсь на пример кабиллов, но я мог бы также привести пример дворян, поскольку знать является классом, работающим на символическом капитале. Я мог бы процитировать здесь прекрасный пример из Элиаса, который он при-

45. Возможный источник см. в: Bourdieu P. Sociologie générale. Vol. 2. P. 335. Note 1.

водит в начале своего «Придворного общества»⁴⁶: аристократ — не помню уже какой именно — дает своему сыну кошелек; поскольку через какое-то время выясняется, что он все еще не растратил полученные деньги, отец берет кошелек и выбрасывает его в окно. Он учит его символическому габитусу, тому, что быть дворянином значит находиться в экономике символического, в которой тратить значит экономить, то есть превращать экономическое в символическое, экономический капитал в символический: чтобы заработать символический капитал, нужно тратить капитал экономический, тогда как буржуа экономит (со временем он тоже обучается и становится аристократом — у нас есть буржуа-аристократы, — но на первом этапе он экономит, копит украдкой и незнаком с экономикой символического). Чтобы такие экономии работали, нужны люди, знающие цену вещам, у которых нет цены. Это область искусства, и именно поэтому экономика [то есть экономический анализ] искусства часто оказывается довольно примитивной: символический порядок она низводит до порядка экономической экономики, не видя работы, которая необходима, чтобы существовали бесценные вещи. Достаточно было бы рассмотреть, к примеру, все эти дискурсы, прославляющие сегодня Пикассо: это совершенная экономика символических благ⁴⁷.

Ностальгия по потерянному раю

Завершу пока на этом. В противовес одновременно субъективистским и объективистским теориям следует снова ввести время, то есть определенную

46. Эту историю Элиас позаимствовал у Тэна (речь идет о герцоге Ришелье): Элиас Н. Придворное общество. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 87.

47. См.: Бурдьё П. Производство веры.

экономическую логику — которую я называю логикой экономики символических благ — и экономические предрасположенности, являющиеся условием функционирования этой экономики и вытесняющие экономического человека в том смысле, в каком мы его понимаем. У этих людей отрицание экономического записано на подкорке. Это те, кого называют людьми с «широкой душой»: они предрасположены не считать, говорить, не подсчитывая, тратить без счета, жить без счета, жить полной жизнью. Существует определенная экономика траты. Говоря вкратце, [у них есть предрасположенность] отдавать свои жизни и другие вещи, у которых нет цены: дворяне готовы умереть за родину. Мне кажется, что я заложил основания для объяснения этого удивительного парадокса бескорыстных поступков [величайший из которых состоит] в жизни, отданной за родину⁴⁸; действительно, не существует ничего более бескорыстного, чем отменить себя в качестве эго, в качестве эгоиста в этой, как говорится, «высшей жертве»... Чтобы понять, как возможны поступки такого рода, не оставляя никакой объяснительной роли безумию (то есть объяснить должна наука), необходимо ввести, как я уже сделал, экономику символических благ и соответствующие предрасположенности. Экономика в том виде, в котором она известна нам, то есть экономика как экономика, всю эту работу подрывает. Термин «расколдовывание» (*Entzauberung*) был модным (и некоторую фашистскую коннотацию) в конце XIX — начале XX веков, причем расколдовывание мира является классической консервативной темой⁴⁹. Но

48. Бурдые, вероятно, ссылается на книгу Эрнста Канторовича «Умереть за родину»: *Kantorowicz E. Mourir pour la patrie. Paris: PUF, 1984.*

49. В социальных науках эта тема особенно тесно связана с Максом Вебером (см. далее начало лекции от 6 мая 1993 года, с. 107, сноска 1).

стальгия по потерянному раю преследует многих этнологов⁵⁰, мешает им понять [экономику символических обменов]: они причащаются к ностальгии по потерянному раю и околдовываются ностальгией по неэкономической экономике, продолжая получать экономические дивиденды от своих экономических действий.

По сути, экономика как экономика принимает вещи такими, какие они есть, если говорить, как Ницше (не знаю, зачем мне поминать Ницше, разве что для того, чтобы немного повысить свой авторитет [*смешки в зале*]). Она опирается на определенное признание общества самому себе. Общество словно бы говорит себе: «Да, я плачу себе фальшивой монетой своей грезы». В таком случае понятна очень странная роль социологов, тот факт, что они, когда заняты своим ремеслом, воспринимаются как в каком-то смысле извращенцы — а вот когда их любят, это странно... Их роль в том, чтобы сказать: «Король гол»⁵¹, когда все верят в то, что король одет, что является символическим в его чистейшей форме. Социологи говорят о вещах, как они есть, что «бизнес — это бизнес» или, скорее, что наше общество и особенно наши ментальные структуры опираются на определенную экономику, которая призналась самой себе в том, что бизнес — это бизнес, которая совершила это своеобразное преступление, расцениваемое в качестве кощунства. Достаточно вспомнить о табу на кредит в Средние века. Историки проанализировали их, но, возможно, не до конца. Чтобы понять,

50. См.: Bourdieu P. Sociologie générale. Vol. 2. P. 828–832.

51. Это выражение берет начало в сказке Андерсена («Новое платье короля», 1837): два мошенника предлагают императору шить ему платье из удивительной ткани, которую, однако, не могут видеть глупцы. Когда король надевает платье, никто не осмеливается признаться, что не видит платье. Только один мальчик восклицает: «А король-то голый!»

насколько табу на кредитование было сильным и насколько последнее могло быть преступным, нужно понять, что оно является поводом сказать: «Да, деньги — это деньги», «Бизнес — это бизнес». Все происходит так, словно бы экономика как экономика была продуктом своего рода коллективного признания общества самому себе, в котором оно говорит себе, что оно такое на самом деле. Иначе говоря, оно принимает за субъективную истину своих обменов объективную истину этих обменов и говорит: «Даже обмены дарами являются обменами в стиле „ты мне — я тебе“».

В то же время общества, возникшие вследствие этой революции (которая, конечно, была очень долгой и так и не завершилась, поскольку островки сопротивления встречаются и поныне), эта прозрачная для самой себя экономика, которая принимает вещи такими, какие они есть, — учреждает платное в качестве платного, безвозмездное в качестве безвозмездного и создает возможность бросить тень подозрения на всякий обмен. Следовательно, можно говорить о «социологии подозрения», но на самом деле циничный взгляд (который ранее коллективно вытеснялся) социально формируется в самой объективности. Я думаю, что докапиталистические общества влекут нас к себе, представляясь чем-то волшебным. Как я только что сказал, у некоторых этнологов возникла несколько консервативная ностальгия по потерянному раю, иногда с чуть фашистским оттенком, но существует и вполне законная ностальгия. Эти общества и в самом деле отчаянно избегают того, чтобы отношения между людьми основывались на цинизме⁵², то есть

52. Некоторые позиции П. Бурдьё, например выраженная им симпатия к движению лицеистов в 1986 году, указывает на то, что он тоже мог поддерживать это отвержение. См.: *Bourdieu P. À quand un lycée Bernard Tapie? (Entretien par Antoine de Gaudemar) // Libération, 4 décembre*

субъективно соответствовали их объективной истине. В этих обществах не желают того, чтобы это было «так», и этот отказ коллективно поддерживается и поощряется. Это поднимает определенные политические вопросы: Деррида выявляет у Мосса⁵³ своего рода ностальгию по коммунизму, которой я не заметил. Он цитирует замечательные отрывки: у Мосса присутствует ностальгия по «идеальному коммунизму» (сегодня непонятно, как об этом говорить⁵⁴...), по обществам, в которых отношения между людьми, если цитировать Маркса, не были бы опосредованы вещами⁵⁵, не управлялись бы законом цинизма и чьей жизненной истиной не была бы объективная истина, а именно то, что заработная плата — это заработная плата и т. д.

В следующий раз я немного расскажу о функционировании веры и об этих заповедниках веры, какими являются бюрократические, художественные, научные и даже юридические универсумы, а также о том, чем может быть сегодня логика дара. Возможна ли еще для людей, знающих, что дар — это «ты мне — я тебе», логика дара в качестве чего-то отличного от едва ли не безнадежной мистификации самой себя?

1986, переиздано в: *Bourdieu P. Interventions 1961–2001. Science sociale et action politique, textes choisis et présentés par Franck Poupeau et Thierry Discepolo. Marseille: Agone, 2002. P. 211–216.*

53. Например: «Этика и политика, которые направляют этот дискурс Мосса, стремятся превознести щедрость бытия-дарующего. Они противопоставляют либеральный социализм бесчеловечному холоду экономизма, тех двух экономизмов, что представляют собой капиталистический меркантилизм и марксистский коммунизм» (*Derrida J. Donner le temps. P. 64.*)
54. Замешательство П. Бурдьё обусловлено, вероятно, тем, что этот курс читается в годы после сноса Берлинской стены и крушения Советского Союза.
55. Ссылка на теорию товарного фетишизма Карла Маркса (*Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. С. 80–93.*)

Лекция 29 апреля 1993 года

Согласование с правилом и self-description. — Экономика символических благ. — Забвение исторических и экономических условий экономического поведения. — Появление калькулируемости

[Начало этой лекции по техническим причинам записано не было. Однако у нас есть реферат, который, хотя и не является полным, все же позволяет составить представление о темах, которые были последовательно рассмотрены П. Бурдые в начале этой третьей лекции. Поэтому мы, несмотря на их краткость, воспроизводим здесь эти сделанные в спешке заметки, слегка их причесав.]

ФЕНОМЕН дара — это очень сложный социальный феномен, сложный сам по себе, но также в силу интерпретаций, которым он дает место, особенно выдвигаемых экономистами. Препятствием для анализа этого феномена становится, помимо всего прочего, комплекс противоречий, присущих здравому смыслу, то есть множество противопоставлений, очень вредных для социологии, например «эгоист/альтруист», «принуждение/свобода», «индивидуальный/коллективный», «намеренный/бессознательный», «корыстный/бескорыстный» и т. д.

Задача в том, чтобы понять основание этих категорий, иначе говоря, то, почему, к примеру, социальные агенты спрашивают себя, каким является определенное действие — корыстным или бескорыстным. Экономическая теория опирается на согласие с этой оппозицией; она формализует здравый смысл, а применение математики позволяет перевести эти понятия здравого смысла, слегка приукрасив их, в научные категории, из-за чего получается так, что категории, используемые для осмысления экономики, — это категории, вышедшие из здравого смысла, то есть из истории. Опыт безвозмездности является на самом деле историческим продуктом. И точно так же историче-

ские продукты мыслятся на основе категорий, которые сами возникли в истории. Вот почему нужно перейти к радикальной историзации, которая принимает в расчет тот факт, что *homo economicus* — это *homo historicus*, не ведающий о себе.

См. главы 6, 7 и 8 «Практического смысла», в которых описывается борьба с экономизмом.

Объективная истина дара — это обмен; субъективная истина — это бескорыстие. Как две эти вещи возможны одновременно? Они возможны как одновременные и не вступающие в противоречие благодаря интервалу времени, который допускает необратимость, разрыв между даром и ответным даром. Недостаточно разрубать антропологические узлы ударом меча: так мы заставим проблему исчезнуть, но не решим ее. Необходимо анализировать социальное производство лжи, на которой покоится экономика дара. Самообман, характеризующий экономику дара (в ней люди ведут расчеты, но делают вид, словно бы ничего не подсчитывают), предполагает определенную коллективную работу (а не индивидуальное «осознание»), поскольку самообман перестает быть ложью, когда это ложь всех подряд, когда он становится знанием — знанием официальным, публичным, публикуемым и прокламируемым всем и каждому. Каждый знает объективную истину дара: не отдавать значит быть неблагодарным (для такого явления есть даже специальное слово). То есть существует социально рекомендованное восприятие, которое поощряется коллективно. Соответствие этому коллективному восприятию позволяет заполучить в качестве союзника весь социальный порядок, вознаграждение и похвалу. Когда социальные агенты включены в экономику дара с самого детства, они совершают поступки, не задаваясь вопросом о том, нужно ли их совершать, корыстные они или нет. Они просто совершают их, вот и все. Чтобы знать прави-

ла игры, нужно родиться в этой игре. Согласовать себя с порядком, упорядочить ситуацию в соответствии с правилом.

Является ли дар универсальным инвариантом? Хотя некоторые действительно так считают, на самом деле это исторически детерминированная форма обмена. Но есть потребность официально верить в бескорыстие, в отказ провозглашать главным принципом «бизнес — это бизнес». В то же время, когда антрополог объективирует, в нем видят циника (он говорит то, что люди не хотят знать, он раскрывает скрытые истины). Его истина — это истина разоблачения. Для нее необходимо, чтобы существовал рынок, на котором имели бы хождение «щедрые» поступки, чтобы они воспринимались в качестве таковых и вознаграждались. См., например, смысл чести у кабиллов.

Общества не любят тех, кто ломает игру. Они требуют соблюдать официальную истину, которую общества сами себе придумывают. Это то, что Спиноза называет *obsequium*, и это не конформизм, а некая более глубокая форма согласия с социальным порядком. Это то, что социальный порядок требует, когда с ним соглашаются хотя бы минимально, и что вызывает чувство вины, когда его нарушают. Самые важные правила — неявные. Например, когда выходишь с публичной речью, нужно говорить «господин председатель». Это, можно сказать, ничего не стоит. Дело ведь просто в том, чтобы произнести несколько слов благодарности. Но эти слова вырывают из индивида, произносящего их, самое главное: они произносятся не для того, чтобы потрафить самомнению председателя, а для того, чтобы признать существование самой его позиции, иными словами, соответствовать социальному порядку.

[конец реферата]

Согласование с правилом и *self-deception*

Нет ничего более универсального, нежели правило. Я уже однажды сказал так, чтобы позлить философов на конгрессе, где должен был докладывать о вкладе социолога в теории универсального (что очень сложно, поскольку социолог — это специалист по частному). Я сказал, что, по моему мнению, единственное возможное основание морали заключается в поведении, которое состоит в согласовании себя с правилом; оно своей универсальностью показывает, что в антропологическом плане немислимо, чтобы социальному порядку не отдавали ту минимальную долю почтения и уважения, которая заключается в том, что, когда не могут [соответствовать] правилу, делают, по крайней мере, вид, что его выполняют. Иначе говоря, мораль можно обосновать этой знаменитой фразой: «Лицемерие — это дань уважения, которую порок платит добродетели». Это весьма пессимистично, и я не буду развивать здесь этот момент, но если вы подумаете об этом, то увидите, что для обоснования морали не нужно обращаться к какой-то трансцендентной инстанции. Это и должен делать социолог: у него в каком-то ином отношении могут быть какие угодно трансцендентные инстанции, но в своем ремесле он вынужден оставаться в рамках строгой имманентности.

Это отступление о правиле было, я полагаю, важным, поскольку огромная дискуссия в философии, запущенная, в частности, Витгенштейном, по вопросу «что значит следовать правилу?» имеет определенное отношение к тому, что я в данный момент обсуждаю¹. Я несколько не обманываю себя тем,

1. П. Бурдые упоминал эти споры (Практический смысл. С. 74–78) до выхода книги Сола Крипке, который дал им новый толчок (*Kripke S. Wittgenstein on Rules and Private*

что будто бы могу рассмотреть здесь проблему правила, я просто хотел показать, как в обществе, в правилах которого — быть щедрым, поскольку люди регулярно щедры (и это совершенно не одно и то же: есть очень важная разница между высказыванием «поезд регулярно опаздывает» и «в правилах поезда — опаздывать»²), поскольку даны условия, чтобы быть регулярно щедрым, *self-deception*³ является в каком-то смысле само собой разумеющимся, по-

Language: an Elementary Exposition. Cambridge: Harvard University Press, 1982; французский перевод вышел после данного курса: *Bourdieu P. Règles et langage privé. Introduction au paradoxe de Wittgenstein / T. Marchaisse (trad.)*. Paris: Seuil, 1995; русский перевод: *Крунке С. А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке*. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005). Дискуссия опирается на то, что иногда называют «rule-following considerations» (см.: *Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы*. Т. 1. М.: Издательство «Гнозис», 1994 [1953]; *Он же. Замечания по основаниям математики // Витгенштейн Л. Философские работы*. Т. 2. М.: Издательство «Гнозис», 1994 [1956]). Они состоят в парадоксах или вопросах о смысле выражения «следовать правилу». Отмечается, к примеру, что правило, которому, как нам кажется, следует какой-то человек, чьи действия мы наблюдали, не обязательно является именно тем, которому он следовал; действия, которые он совершит впоследствии, могут оставаться соответствующими второму правилу, но противоположными первому. Витгенштейн спрашивает себя также: «Является ли то, что мы называем „соблюдать правило“, действием, которое может быть выполнено только *одним-единственным* человеком, причем *единственным* раз в его жизни?»

2. Ссылка на предложенный Полом Зиффом анализ различия между выражением «поезд *регулярно* опаздывает на две минуты» и выражением «*в правилах* поезда опаздывает на две минуты». См.: *Бурдые П. Практический смысл*. С. 74–78, где есть ссылка на английское издание: *Ziff P. Semantic Analysis*. Ithaca: Cornell University Press, 1960. P. 8.
3. Английский термин «self-deception», ставший отправной точкой для объемной философской литературы на английском языке, обозначает своего рода ложь самому себе, когда себя убеждают в том мнении, ложность которого известна.

тому что такой самообман, как я уже говорил вначале, поддерживается всем социальным порядком. За ним стоит весь социальный порядок в целом. Это «правило обмена» имманентно структурам обмена, логике экономического мира. Например, наибольшая часть трансакций осуществляется между членами семьи, а отношения с рынком представляются скорее исключением. Как я уже говорил, приводя в прошлый раз примеры, рынок стараются свести к традиционным внутрисемейным отношениям при поддержке поручителей. В этих обществах, где универсум трансакций в значительной мере подчинен законам щедрого обмена и где все образовательные инстанции — семейное образование, образование в кругу сверстников и т. д. — поощряют приобретение предрасположенностей, соответствующих этим регулярностям, предрасположенности к щедрости настолько сильно поощряются и подкрепляются, что можно получить функционирование в соответствии с логикой обмена дарами, не обращаясь к механизму двуличия. Короче говоря, проблема *self-deception* автоматически разрешается в экономическом порядке (в том порядке, который включает в себя одновременно и систему экономических структур, и экономические предрасположенности [подогнанные под эти структуры]), который постоянно социально подкрепляет *self-deception*, становящийся коллективным.

(Я вижу, что у меня немного времени, но я хотел указать на одну из статей, которые меня разозлили. Я просто дам вам ссылку, надеясь, что она разозлит и вас [*смех*]: Филипп Батифулье, Лоран Кардонье и Ив Зену «Заимствования экономической теории у социологической традиции: случай дара и ответного дара»⁴. Как и все научные статьи,

4. *Batifoulier P., Cordonnier L., Zenou Y.* L'emprunt de la théorie économique à la tradition sociologique: le cas du don contredon // *Revue économique.* 1992. Vol. 43. No. 5. P. 217–246.

эта статья вписывается в длинную цепочку, но, поскольку она вышла сравнительно недавно, интересна тем, что в ней приводятся ссылки на основные статьи экономистов по проблеме дара и ответного дара. Думаю, что те, кто хотели бы провести такое сопоставление — оно полезно, если нужно выстроить защиту от интерпретаций, которые я навязываю как монополист, поскольку у меня нет конкурентов, по крайней мере здесь, на этом рынке, — должны обязательно прочесть эти тексты, как и те, на которые эта статья ссылается. Также следовало бы прочесть одну статью Грановеттера, которая вышла в *American Journal of Sociology* в 1985 году⁵. Я хотел бы поговорить обо всех этих статьях, но не могу заняться этим, поскольку это отбросило бы меня назад.)

Итак, я говорю, что *self-deception* оказывается само собой разумеющимся, поскольку упрощается и поощряется наличием определенной экономики *self-deception*, фундаментальная аксиома которой была сформулирована Лукачом, сказавшим, что докапиталистические экономики — это экономики, которые отвергают исходную почву существования, отказываются от того, что они являются экономическими в том смысле, в каком мы понимаем это слово⁶. Те из вас, кому знаком «Словарь индоевропейских социальных терминов» Бенвениста⁷, могут опереться

5. *Granovetter M.* Economic action and social structure: The problem of embeddedness // *American Journal of Sociology*. 1985. Vol. 91. No. 3. P. 481–510; *Грановеттер М.* Экономическое действие и социальная структура // *Экономическая социология*. 2002. Т. 3. № 3. С. 44–58 (французский перевод вышел после данного курса: *Bourdieu P.* Action économique et structure sociale: le problème de l'encastrement // *Le Marché autrement. Les Réseaux sociaux dans l'économie*. Paris: Desclée de Brouwer, 2000. P. 75–114; переиздано под названием: *Bourdieu P.* Sociologie économique. Paris: Seuil, 2008).

6. *Лукач Г.* История и классовое сознание. М.: «Логос-Альтера», 2003. С. 186 и далее.

7. *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс – Универс, 1995. [В оригинале ра-

на эту книгу, чтобы понять то, что я говорю: предлагаемые мной трактовки задают, как мне кажется, принцип, объединяющий кучу наблюдений, сделанных им на базе лингвистических исследований дара и долга, чести и обмена и т. д. Книга Бенвениста — прекрасная работа по экономической антропологии (у нее, конечно, есть и другие аспекты), из нее можно было бы привести множество примеров: например, главу о даре и долге как политической, а не экономической зависимости. Короче говоря, эти анализы позволили бы проиллюстрировать те вещи, о которых я говорю. Нужно было бы описать логику этой экономики; далее я, возможно, попробую это сделать.

Экономики символических благ

Термины, которые мы можем использовать для описания этой экономики символических благ, могут быть теми же, что экономисты используют для описания экономики в том виде, в каком мы ее знаем: это «капитал», «интерес», «стратегия», «инвестирование», «накопление». Но эти термины, хотя и тождественные, приобретают совершенно иной смысл в логике этой экономики. Использование одних и тех же слов ведет к искажению смысла: если слово «интерес» используется в контексте обмена символических благ, а его понимают в том смысле, какой мы встречаем у Бентама, утилитаристов и экономистов, допускается искажение смысла. Задача в том, чтобы построить теорию экономического универсума, в котором у интереса совершенно иной смысл. Основанием этой экономики дара является, по моему мнению, тот факт,

бота называется «Le vocabulaire des institutions indo-européennes», то есть «Словарь индоевропейских институтов» — *Прим. пер.*]

что она отрекается от самой себя как экономики в ограниченном смысле этого термина, то есть как экономики, регулируемой максимизацией выгоды и корыстным расчетом. Она опирается на своего рода принципиальное коллективное отрицание экономики «ты мне — я тебе». В определенном смысле каждый агент знает, что остальные агенты не хотят знать, что такое экономика в том виде, в каком мы ее понимаем, однако его отказ, который является вытеснением, может функционировать только потому, что каждое индивидуальное вытеснение поддерживается своего рода принципиальным коллективным вытеснением, принципиальной цензурой. Первый вывод, вытекающий из этих простых замечаний, — это вывод, который я только что сделал: существует не *одна* экономика, а несколько *разных* экономик. Стремиться к созданию общей теории экономики практик, что является целью всякого правильно ориентированного антрополога (будь он социологом, этнологом, экономистом и т. д.), значит принимать в расчет тот факт, что существуют *разные* экономики, то есть универсумы, наделенные разными объективными и субъективными логиками, такие универсумы, что их нельзя упразднить, как и описать один из этих универсумов на языке другого. Например, Маркс (он-то, конечно, часто шел на поводу у экономизма, но, несмотря на все это, понимал побольше большинства современных экономистов) говорил, что экономисты часто рассуждают о докапиталистических обществах в том же духе, в каком Отцы Церкви раньше рассуждали о первобытных религиях⁸. Принимать язык экономики, использовать глобальный синтаксис экономического дискурса, чтобы говорить о докапиталистических экономиках, значит разрушать тот предмет, который стремишься описать.

8. См. выше лекцию от 1 апреля 1993 г., с. 18.

В определенной мере книга «Практический смысл» — попытка описать эту экономику, которая ориентируется на цели совершенно особого типа, то есть на то, что можно было бы назвать накоплением символического капитала. Как я уже сказал в прошлый раз, символическим капиталом может быть любой вид собственности, когда он воспринимается в соответствии с категориями восприятия, соответствующими структурам, в согласии с которыми этот капитал конструируется, накапливается и т. д. Наиболее яркий пример символического капитала — это честь, и можно сказать, что докапиталистические экономики опираются на логику накопления чести как символического капитала и в то же время (и это условие такого накопления) на агентов, обладающих чувством чести, то есть предрасположенностями признавать цели, предлагаемые этой экономикой, а именно символический капитал. Примерами этой экономики могла бы послужить докапиталистическая экономика в том виде, в каком я ее описал, но также, если брать общества, более близкие нашему, в виде экономики знати, описанной Элиасом в его работе «Придворное общество»⁹. Фундаментальный механизм этих обществ — преобразование экономических обменов в символические, преобразование в символическое, которое осуществляется по случаю экономических обменов. Таков, к примеру, случай дара. Я показал, в каком смысле дар может быть поводом для своего рода алхимического преобразования: обмениваемые вещи становятся несводимыми к тому, чем они были до обмена. Самим актом обмена они преобразованы в самой своей природе. Впрочем, именно так можно было бы понять туземные теории, на которые опирался Мосс (в чем он, по мнению Леви-Стросса, ошибался): эти туземные теории — и здесь снова следовало бы взять примеры, приводимые Моссом и другими, — явля-

9. Элиас Н. Придворное общество.

ются способами объяснить, признать, обозначить своего рода преобразование обмениваемой вещи, осуществляемое в акте обмена.

Чтобы эта экономика работала, необходима определенная структура, рынок символических благ, то есть универсум, в котором такие виды поведения, как обмен дарами, признавались бы в качестве обладающих ценностью и вознаграждались. Также необходимы (чтобы была экономия, всегда нужны структуры *вместе* с предрасположенностями) экономические агенты совершенно особого типа, социализированные за счет раннего погружения в универсум чести того рода, что я описывал, и обладающие этой предрасположенностью к щедрости, этим чувством чести, которое, по сути, является отказом сводить межличностные обмены к их экономическому аспекту, хотя такой экономический аспект присутствует. Эта предрасположенность состоит в отношении, которое можно считать диалектическим, к структурам экономики символических благ, стремящимся воспроизводить себя в предрасположенностях в форме предрасположенностей к щедрости, выступающих условием функционирования этих экономик. *Ното есопотисис*, попавший в игру кабийской чести, совершает один ляп за другим; точно так же кабийский человек чести, попавший в рынок в нашем смысле слова, делает ошибку за ошибкой: в обоих случаях санкция исходит от объективных структур. Таков пример каменщика-кабила, который я приводил в прошлый раз: вернувшись из Франции, он стал требовать не только денежный эквивалент своего труда, но также, когда завершение строительства дома отпраздновали пиром, денежный эквивалент еды, что является варварством, понятным даже нам, то есть... (существуют намного более сложные виды варварства)¹⁰.

10. См.: Бурдьё П. Практический смысл. С. 224.

Другое качество экономик символического, о котором я забыл сказать: эти экономикки символического не являются экономными (в современном смысле), и жить в них (что замечательно описал Мосс) просто мучительно. Чтобы вы могли это понять, я укажу на наше общество (со всем его варварством) и на два способа сделать подарок. Предположим, некто хочет сделать подарок очаровательной Жюли, которая любит джаз. Можно потратить несколько дней на походы по магазинам, пытаясь отыскать диск, который ей подойдет, в том исполнении, которое ей понравится. Это и есть определенная работа алхимии. Или же можно сказать ей: «Я дам тебе чек, и ты купишь, что захочешь». Хорошо видно, что второй способ — намного более экономный с точки зрения экономии времени, труда, энергии, любезности и что при его использовании исчезает все то, что конститутивно для экономики символических обменов: внимание к частным качествам данной личности, к ее уникальности, ее вкусам, идиосинкразиям, то есть исчезает все то, благодаря чему подарок как раз и не выглядит как чек. К примеру, в наших обществах чек дают служанке, а врачу делают подарок (поскольку у всех аналогий есть свои пределы, нужно, чтобы я время от времени прямо напоминал о разнице универсумов).

Забвение исторических и экономических условий экономического поведения

Мосс очень хорошо это описывает (еще одна поразительная вещь состоит в том, что экономисты не слишком-то читают антропологов: авторы упомянутой статьи¹¹, очевидно, не читали эту часть,

11. *Batifoulier P., Cordonnier L., Zenou Y.* L'emprunt de la théorie économique à la tradition sociologique: le cas du don contre-don.

имеющую первостепенное значение, а если и читали, то ничего из нее не извлекли): «Ибо именно римляне и греки, которые, возможно, вслед за северными и западными семитами изобрели [*это важное слово*¹²] различие обязательственного права и вещного права [*то есть те вещи, которые экономисты считают само собой разумеющимися, словно бы они составляли человеческую природу в целом*], отделили продажу от дара и обмена, разделили моральное обязательство и договор [*экономистам, работающим над теорией контрактов*¹³, *стоило бы все это перечитать*] и особенно осознали различие между обрядом, правом и выгодой»¹⁴. Теперь вам должно быть понятно, насколько это ужасно, когда экономисты берутся объяснять ритуалы и права на основе теории интереса. Хочется сказать им: «Возвращайтесь поскорей в свою экономику!» (Мне вспоминается Гэри Беккер из Чикаго. Я ценю его и восхищаюсь им даже за его варваризмы, настолько варварские, что порой они поднимают совершенно гениальные вопросы, которые невозможно поставить, если отгородиться в своей собственной дисциплине. У каждой дисциплины есть своя область «само собой разумеющегося», свои очевидности, и точно так же, как могут навести на мысль контакты разных цивилизаций — когда люди говорят себе: «Смотри-ка, можно поступать иначе», — очень интересны и контакты разных дисциплин, иногда даже в их варваризмах, поскольку они заставляют поставить под вопрос неявные послышки, которые в конечном счете забываешь в силу обще-

12. Фразы курсивом в квадратных скобках соответствуют комментариям П. Бурдьё.

13. Выражение «теория договоров» отсылает к определенному направлению в экономике, которое сформировалось в 1960-е гг., поставив в центр исследования контрактные соглашения, связывающие агентов с разной информацией (так, говорят об «информационной асимметрии»).

14. *Мосс М.* Опыт о даре. С. 241–242.

го размытого консенсуса, *consensus doctorum*. У Беккера, с моей точки зрения, есть эта заслуга: он не церемонится, но дело делает. Экономисты обожают его, поскольку думают, что он наконец включит социальное в экономику, в логику аннексии.)

Экономистам, которые пытаются трезво разобраться с правами и обрядами, отправляясь от гипотезы рационального расчета, Мосс говорит нечто очень важное: именно история изобрела и постепенно изолировала, автономизировала моральное обязательство, договор и, главное, провела различие между обрядами, правами и интересами. Прочитирую дальше: «Именно они [римляне и греки] посредством подлинной, великой и достойной уважения революции преодолели всю эту устаревшую мораль и экономику дара, слишком рискованную, слишком дорогостоящую и разорительную, переполненную личными соображениями, несовместимую с развитием рынка, торговли и производства и, в сущности, для той эпохи антиэкономическую»¹⁵.

Это великолепный текст. Он был написан пятьдесят лет назад, но на большинство авторов не оказал никакого влияния... Продолжают делать вид, словно бы то историческое изобретение, которым является экономический порядок в том виде, в каком он нам известен, то есть экономический порядок, тяготеющий к принципу «ты мне — я тебе», был едва ли не естественным, тогда как следовало бы с самого начала осознать тот факт, что это историческое изобретение, у которого, соответственно, есть определенные исторические условия и есть, в частности, следствие (это важнейший момент, к которому я еще вернусь), состоящее в том, что существуют экономические условия рационального экономического действия. С моей точки зрения, это невиданный парадокс, подлинная удача. Это было одним из моих открытий, когда я, буду-

15. Мосс М. Опыт о даре. С. 242.

чи молодым исследователем, работал в Северной Африке и выяснил, что социальные агенты, изучаемые мной, существенно различались в плане своих способностей к тому, что называют экономическим расчетом, который может проявляться в совершенно разных видах поведения (регулирование деторождения, практика сбережения как таковая, распределение зарплаты во времени и т. д.), соотносимых, однако, с одними и теми же принципами. Я был просто поражен, когда увидел, что все эти вариации вообще не учитываются экономической теорией. Я заметил, к примеру, что, пока не преодолен определенный порог, измеримый в деньгах, — я тогда рисовал кривые, графики и т. п. — социальные агенты не могли постичь самого намерения рассчитывать собственную заработную плату¹⁶. У них был естественный уровень фертильности, но, поскольку условия, необходимые для планирования жизни, чтобы иметь рассчитываемую жизнь, быть *homo economicus*, не были выполнены, у них не могло быть экономических видов поведения. Иначе говоря, [я совершил] это открытие, состоящее в том, что у *homo economicus* есть онтогенетические условия¹⁷ (речь шла именно об этом, в точности как о *homo estheticus*, которого вслед за Кантом и кантианцами описывают в качестве универсального человека¹⁸): доступ каждого субъекта к рациональному экономическому расчету, если такой доступ вообще оказывается возможным, предполагает условия приобретения такого доступа в индивидуальной истории. Но также есть и филогенетиче-

16. Bourdieu P., Darbel A., Rivet J.-C., Seibel C. Travail et travailleurs en Algérie. P. 338 sq.

17. В биологии онтогенез и филогенез обозначают соответственно развитие индивида и развитие вида.

18. Отсылка к предложенной П. Бурдьё социологической критике кантовской трактовки суждения вкуса. См., в частности: Bourdieu P. La Distinction. Critique sociale du jugement. Paris: Minuit, 1979.

ские условия, если только я могу пользоваться этой терминологией: необходимо, чтобы исторически сформировался экономический универсум, законом которого был бы уже не дар и ответный дар — случайный, неопределенный, дорогостоящий, торжественный, о чем как раз и говорил Мосс, — но принцип «ты мне — я тебе», то есть принцип одновременно строгости и расчета, и существует замечательная формулировка Маркса, который говорит об этом¹⁹. Понадобился ряд исторических изобретений, чтобы сложился этот исторический универсум, который экономическая экономика принимает в качестве чего-то естественного, само собой разумеющегося. И если фундаментальная аксиома другой экономики [экономики символических благ] состояла в принципе «Не войдет сюда ни один счетовод» или «Не войдет сюда ни один с экономическим менталитетом»²⁰, экономика «ты мне — я тебе» приостанавливает это базовое отрицание, и все происходит так, словно бы историческая, долгая и сложная коллективная работа, которую описывает Мосс и иллюстрация которой приводится в книге Бенвениста, состояла в постепенном сбрасывании чешуи, всех этих экранов отрицания («С родителями нельзя вести расчеты, это невозможно», «Нельзя платить зарплату сыну, это непристойно», «В семье все держится на чувствах» и т. д.), чтобы прийти к экономике, в которой бизнес — это бизнес, а в бизнесе чувства неуместны.

Экономика «ты мне — я тебе», которая в общих своих чертах проступает в описании экономики

19. Возможно, П. Бурдьё имеет в виду тот отрывок из «Манифеста Коммунистической партии», который он цитировал в лекции от 8 апреля 1993 года и к которому он отсылает в следующем абзаце.

20. Отсылка к выражению «Не геометр да не войдет», которая, по легенде, украшала собой вход в Академию, основанную Платоном. П. Бурдьё часто цитирует его в связи с платой за вход в то или иное поле.

дара и ответного дара, приостанавливает коллективное отрицание, если не считать некоторых четко очерченных областей, которые становятся своего рода островками — если вспомнить метафору Маркса из «Манифеста Коммунистической партии», где он говорит об экономике чистогана²¹. В этом смысле происходящее там не может мыслиться по той же модели, что и происходящее в экономиках, в которых островки являются океанами: как я уже указывал в прошлый раз, сама логика безвозмездного как такового появляется в тот самый момент, когда платное задается в качестве платного. Следовательно, хотя мы можем опираться на опыт дара, который имеется у нас благодаря его сохранению на таких островках, как семейная *philia* или искусство, когда нам требуется составить представление о том, что такое экономика дара, нужно понимать, что это искаженное, частичное представление: необходимо совершить значительное усилие децентрации, чтобы заново продумать то, что представлял бы собой универсум, где законом экономического обмена был бы закон, который сегодня правит семьей.

Появление калькулируемости

Экономика, которая, в противоположность отрицаемой экономике, утверждается как таковая (я уже говорил в прошлый раз о важности выражения «als», которое было замечательно акцентировано Вебером), признается самой себе в том, что она экономическая в противоположность той экономике, что «платит себе фальшивой монетой грезы»²². В то же мгновение она порождает интерес как та-

21. См. выше лекцию 8 апреля, с. 58, сноска 12.

22. Выражение Марселя Мосса, которое П. Бурдьё цитировал на предыдущей лекции (см. с. 53).

ковой, который уже не является отрицаемым интересом символического обмена, и вводит в игру калькулируемость, но не в смысле Вебера. Вебер характеризует современные капиталистические общества рациональностью, а одним из качеств рациональности современных экономик является калькулируемость: на основе определенного состояния экономики можно в принципе рассчитать последствия того, что делается, и примерно понять, сколько будут стоить данные действия²³. Например, коммерческое право на крупных американских предприятиях опирается на гипотезу калькулируемости: юристам платят за то, чтобы считать, сколько будет стоить правонарушение, и определять, что дороже — нарушать право или не нарушать его. Для такого универсума подходит описание Вебера. Я же употребляю слово «калькулируемость» в другом смысле, то есть в смысле «рассчитывать дозволено», «нет ничего непристойного в том, чтобы рассчитывать», «в расчетах нет ничего плохого». Это основополагающее условие калькулируемости в веберовском смысле, о котором забывают, когда делают позитивистскую констатацию: «Все исчислимо». Иначе говоря, это позволение того, что может показаться цинизмом.

Теперь, если вернуться к языку экономистов, занимающихся теорией контрактов, в общем понятно, что, с точки зрения, которую я занимаю, контракт в каком-то смысле излагает без прикрас все то, что вытесняет и затемняет логика дара/ответного дара, вложенного интервала. Контракт — это преобразование дара и ответного дара в принцип «ты мне — я тебе»: «Вы даете это и получаете

23. Например: «...всеобщее господство рыночного обобществления требует калькулируемого [kalkulierbar] по рациональным правилам функционирования права» (Вебер М. Хозяйство и общество. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. Т. 3. С. 43).

это». Будущее сразу же синхронизируется с настоящим, момент подписи контракта совмещается с моментом, в который договор выполняется, то есть время полностью устраняется. В каком-то смысле, чтобы контракт вообще был возможен, необходимо, чтобы была возможна циническая позиция. Неявное условие существования контракта — это легитимация цинизма. Контракт — это легитимный цинизм: даже между родственниками, то есть на территории *philia*, становится нормой заключение брачного договора. Еще есть люди, которые отказываются от определенных типов брачных договоров, поскольку существует определенная манера заключить договор о необходимости говорить, что такого договора нет. Такое отрицание — вполне в стиле кабиллов, однако право открывает универсум возможностей, включая те, что не признаются с точки зрения экономики символических благ: нет ничего более циничного, нежели право. Работая над юридическими текстами, чтобы понять матримониальные стратегии, стратегии наследования у крестьян²⁴, [я заметил, что] одним из следствий существования права (я могу обосновать это и подтвердить) стало увеличение доступности циничных стратегий в обществах с традицией символической экономики. Например, благодаря праву крестьяне чему-то учатся. На интервью они зачастую могут вытащить старую изорванную бумажку, которую попытались прочесть или сотню раз читали, бумагу, которая определяет их отношения с начальником. В этих старых бумагах некоторые вещи

24. П. Бурдьё ссылается на свои исследования в Беарне, проведенные в начале 1960-х гг., особенно на статью «Матримониальные стратегии в системе стратегий воспроизводства», вышедшую в 1972 году: Bourdieu P. Les stratégies matrimoniales dans le système des stratégies de reproduction // *Annales*. 1972. Vol. 27. No. 4–5. P. 1105–1127 (переиздано в: Bourdieu P. *Le Bal des célibataires*. Paris: Seuil, «Points Essais», 2002. P. 167–210).

имеют прямое значение. Другие кажутся уточнениями, вторичными добавлениями, но, когда их читают, они подсказывают идеи, например, для жалоб и т. д. Я думаю, что одним из косвенных эффектов существования права и юридической культуры стала возможность высказать неприемлемые, неприличные вещи, а потому и возможность требовать невысказанные, невыразимые, непризнаваемые вещи, то есть более чем запрещенные, поскольку они даже не являются мыслимыми.

Когда я говорю, что отличительным качеством символической экономики — здесь я подхожу к самому главному моменту во всем том, что пытаюсь всеми силами сформулировать, — является отрицание, вытеснение и т. д., то хочу сказать, что, по сути, возможность расчета не просто исключена, она невысказана. Не существует слова, чтобы высказать ее. Нет слова и для того даже, чтобы назвать того, кто нарушает эти фундаментальные предписания морали чести: он исключается из общества, отлучается, отлучает самого себя, отчуждает себя от самого рода человеческого. Невысказанные вещи — это вещи, для которых нет категории мысли, нет слов. Всегда очень сложно заставить почувствовать вещи одновременно очень очевидные и очень глубокие... Достаточно подумать о примере статуса гомосексуалистов²⁵: переменной оказывается уже тот факт, что появились слова, чтобы сказать это, что какие-то вещи теперь признаны, выражены правом, стали публично публикуемыми, что они переходят от *common knowledge* (то, что гомосексуалисты существуют, было известно всегда) к *public knowledge* (по телевизору можно увидеть гомосексуалиста, который говорит «я гомосексуалист», об этом знают его папа и мама, все знают, — пока это не так, но все же дело

25. Bourdieu P. Quelques questions sur le mouvement gay et lesbien // Bourdieu P. La Domination masculine. Paris: Seuil, 1998. P. 129–134.

идет к этому). С этого момент статус становится совершенно другим, и радикально меняется сам опыт соответствующей реальности. «Революция», о которой говорит Мосс [в вышеприведенном отрывке] — это подлинная революция, то есть символическая революция, в которой немислимые вещи становятся мыслимыми, [появляются] инструменты, чтобы мыслить эти вещи. Здесь вы можете посмотреть на то, что Бенвенист говорит о словаре долга²⁶. Когда говорят: «Я тебе многим обязан», это очень по-кабийски. Когда же в договоре говорят о «признании долга» с указанием определенной суммы, слово то же самое [но не соответствующая ему реальность]. Как происходит переход от долга чести к «признанию долга»? Долг чести составляет предмет неявного признания, он должен быть признан, и в качестве такового он, как и дар, содержит риск. Модель [дара] у Леви-Стросса забывает именно о том, что даритель идет на определенный риск: он не уверен в том, что встретится с тем, кто вернет дар, тот, кто возвращает, может затянуть дело, заставить себя упрашивать и т. д.

В следующий раз я перейду к политической функции обмена дарами в обществе с дарами, поскольку дар — это основание власти. И чтобы закончить — иначе я никогда не остановлюсь, — я читаю вам цитату из Ларошфуко и попрошу вас, как в школе, подумать над ней к следующему занятию [*смех в зале*]! Она хорошо обозначает, что я хотел наметить: «Чрезмерная поспешность в расплате за оказанную услугу есть своего рода неблагодарность»²⁷. Литература — сильная штука: здесь и в самом деле дано в концентрированном виде главное из того, что я сказал об отношении ко времени. Вернусь к этому в следующий раз.

26. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. С. 130–141.

27. Ларошфуко. Максимы и моральные размышления. 1678. § 226.

Лекция 6 мая 1993 года

Символические революции и переворачивание категорий. — Параллельный генезис экономического мира и экономического дискурса. — Всеобщая ложность рассчитывающего сознания. — Модель обмена. — Вызов и выражение презрения. — Коллективные ожидания (1). — Дар и власть. — Коллективные ожидания (2)

Символические революции и переворачивание категорий

Я СЕЙ ЧАС вернусь немного назад, отступив от пункта, на котором оставил вас в прошлый раз, чтобы, надеюсь, пройти дальше, поскольку ко мне задним числом приходят разные мысли, и между занятиями я думаю о том, что мог бы сказать. Так что вернусь ненадолго к одному моменту, чтобы потом снова двинуться вперед. В прошлый раз я цитировал текст Марселя Мосса, который говорит о «подлинной, великой и достойной революции», которая порывает с экономикой дара, экономикой, о которой он сказал уже тогда, что она по сути своей является глубоко антиэкономичной. Чтобы составить более конкретное представление об этой революции, к которой я вернусь, вы можете прочитать по-настоящему выдающуюся книгу Бенвениста «Словарь индоевропейских социальных терминов», в которой в контексте исследования эволюции значения некоторых терминов экономики описывается, хотя это и может показаться странным, процессе разоблачения или расколдовывания, как часто говорили после Макса Вебера¹, который ведет от физическо-

1. Ссылка на тему «расколдовывания мира» у Макса Вебера: «Судьба нашей эпохи с характерной для нее рационализацией и интеллектуализацией и прежде всего расколдовыванием мира заключается в том, что высшие благороднейшие ценности ушли из общественной сфе-

го или символического насилия к логике экономики и, говоря точнее, экономического права. Например, вы можете проследить в книге Бенвениста (в основном это с. 96–110 первого тома «Словаря индоевропейских социальных терминов»), как описывается переход от выкупа (пленника) к покупке²; переход от приза в смысле трофея, который достается, скажем, победителю в спортивном состязании, к заработной плате; переход от морального признания к признанию долга; переход от доверия к определенному человеку, *fides*, к долговой записке как подтвержденному, ратифицированному доверию, закрепленному письменным доку-

ры или в потустороннее царство мистической жизни, или в братскую близость непосредственных отношений отдельных индивидов друг к другу» (*Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.: Издательство «Центр гуманитарных инициатив», 2012. С. 545).*

2. Поскольку эта отсылка не развернута, можно привести несколько цитат из соответствующего отрывка: «[...] мы полагаем, что гот. *bugjan* „покупать“ следует сравнивать с корнем, который засвидетельствован лишь в древнеперсидском, однако значение его выявляется совершенно четко; это авест. *baog-*, который дал довольно значительное число производных в иранских языках и который значит „развязывать“, „расстегивать пояс, одежду“, затем „высвободить“ и далее „спасать“. [...] Очень быстро на первый план выступил религиозный смысл: освобождение через Бога, „спасителя“, который должен прийти и освободить пленника. [...] Сближение с гот. *bugjan* может быть произведено на основе анализа употребления этого глагола в готском вместе с названными выше греческими эквивалентами. Было показано, что *-bauhts* соответствует гр. *-luisis*, *-lutron* „освобождение, выкуп“. В каких условиях мог иметь место такой семантический переход? В данном случае речь может идти только о покупке людей, об освобождении человека, который попал в плен и выставлен на продажу; единственный способ освободить его — это выкуп. „Купить“ значит „освободить“. Отсюда ясна связь с *anda-bauhts* „выкуп-искупление“» (*Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. С. 103–104).*

ментом; или же переход от морального обязательства, внешне совершенно субъективного, — хотя оно и поддерживается социальным порядком — к обязательству, подлежащему исполнению, подсудному. Все эти процессы анализируются через индоевропейские языки, и благодаря этому можно составить более конкретное представление об этой «подлинной, великой и достойной революции».

[Я говорю] это, чтобы сказать, что революцию, на которую указывает Марсель Мосс, не так легко понять, как кажется, и это свойство всех великих символических революций. Я думаю, что поля в том виде, в каком мы их знаем (художественное поле, литературное, религиозное и т. д.), являются продуктом символических революций, то есть радикальных трансформаций способов мысли, категорий мысли, ментальных структур. Точно так же символическую революцию, которая привела к появлению художественного поля в том виде, в каком оно нам известно сегодня, и которая осуществилась, в частности, благодаря Мане, чрезвычайно сложно понять, поскольку ментальные структуры, используемые нами сегодня для ее понимания, являются продуктом этой революции; сложно именно удивиться тому, что стало совершенно очевидным, поскольку мы мыслим категориями, которые являются продуктом этого переворота³. То же самое относится и к революции, о которой мы говорим: причина, по которой так сложно понять

3. Свой курс о государстве (1989–1992) Бурдьё начал с указания на сложность мыслить государство, с которой сталкиваются индивиды, являющиеся продуктами государственных структур (или «огосударвленные индивиды», как говорит писатель Томас Бернхард), из-за чего государство оказывается объектом «немыслимым» в собственном смысле этого слова (см.: *Бурдьё П. О государстве*. С. 49, 404). В курсе, который Бурдьё посвятил в 1998–2000 гг. Мане, он будет развивать ту же мысль (*Bourdieu P. Manet. Une révolution symbolique*. P. 13 sq.).

экономический мир в его истине и в том виде, в каком мы его знаем и практикуем (когда совершаем акт покупки, подписываем долговое обязательство, получаем зарплату и т. д.), так же, впрочем, как и экономический мир, в противовес которому он был сформирован в символической революции, приведшей к его образованию, в том именно, что наши ментальные структуры — плод этой революции. Нам очень сложно понимать докапиталистические общества, в которых этот экономический универсум еще не сформировался в качестве такового, и, возможно, еще сложнее по-настоящему понимать мир, в котором существуем мы сами, поскольку мы живем в нем как рыба в воде. По сути, необходимо постоянно возвращаться, пусть и рискуя показаться тем, кто задает экономике вопросы, которые она, по ее собственному мнению, уже решила, к основаниям экономических форм поведения и экономических мыслей в том виде, в каком они нам известны, именно потому, что экономика — и это, по большому счету, главная идея, с которой я хотел бы вас познакомить, — принимает в качестве чего-то само собой разумеющегося способы действия и мысли, которые являются продуктом чрезвычайно сложного исторического конструирования.

Параллельный генезис экономического мира и экономического дискурса

Итак, я хотел бы вернуться к этому пункту. Эта «революция», о которой говорит Мосс, привела к легитимации определенной формы мысли, которая исключалась экономиками дара и щедрости. Она, по сути, легитимировала дух расчета, который исподволь и в то же время открыто отвергался всеми универсумами практики, даже теми, в которых он, по нашему мнению, вполне допустим, например

рынком. Так, у кабиллов — отошлю вас еще раз к книгам⁴ — присутствует дискурс о противоположности между тем, что они называют «экономикой добпорядочности» (воплощением которой являются так называемый *buniya*, наивный или невинный человек, который не подсчитывает, не вычисляет и т. д.), экономикой, задающей правило отношений между людьми чести и особенно в домашнем универсуме в широком смысле слова, и экономикой рынка, которая выступает местом дьявольской хитрости, где допустимы любые приемы, и которая в определенном смысле человеку чести заказана⁵. Символическая революция, о которой я говорил, является, следовательно, коллективным расставанием с экономикой дара, выявляемой в анализе обмена дарами. Она легитимирует дух расчета даже в самых сакральных областях, в порядке домашней экономики, хотя, конечно, как я уже говорил в прошлый раз, островки сакральности сохраняются. Также она сопровождается постепенным распространением и утверждением определенной предрасположенности — я не скажу «сознания» — к расчету, дублирующей развитие рассчитывающего социального порядка.

В прошлый раз я указал на то, что наличие калькулируемого универсума необходимо для создания предрасположенности к расчету. Чтобы вы могли составить об этом представление, приведу вам кабийскую поговорку, которая отлично выражает то, что я пытаюсь сказать вам: «Если бы феллах считал, он бы не сеял». Феллах на самом деле существует в настолько нестабильном экономическом универсуме (в котором хороший урожай бывает раз в четыре года, а вся деятельность, на которую опирается экономический порядок, подчинена пре-

4. Речь о следующих работах Бурдые: *Travail et travailleurs en Algérie*; Algérie 60; *Le Déracinement*; Практический смысл.

5. Бурдые П. Практический смысл. С. 224.

вратностям погоды), что расчет в каком-то смысле запрещен, и нужно поступать так, словно бы можно было действовать даже тогда, когда условий для действия нет. Чтобы экономические агенты действовали по расчету, не имея нужды собственно рассчитывать, — что и является предрасположенностью — необходимо, с одной стороны, чтобы мир, в который они погружены, был *grosso modo* калькулируемым, даже если он включает определенные риски (но риски тоже калькулируемы, в противоположность неопределенности, которая является именно тем, что уклоняется от расчета), и, с другой стороны, чтобы предрасположенность к расчету социально не наказывалась.

Вот два условия. Я считаю, что размышление об экономике чести и экономике дара обнаруживает два этих фундаментальных положения, о которых важно напомнить, поскольку экономика в своей классической форме развивалась в каком-то смысле параллельно развитию калькулируемого экономического мира. Она тесно связана с постепенным формированием в самой реальности социального мира некоего калькулируемого мира, подчиненного предрасположенностям к расчету, и можно сказать, что первые экономисты — это в каком-то отношении грамматики экономического языка, который тогда постепенно изобретался. Здесь я отошлю вас к замечательной книге Альберта Хиршмана «Страсти и интересы»⁶, вышедшей в Принстоне в 1977 году. Хиршман описывает работу, которую выполнили философы (Гоббс, Спиноза, Мандевиль и т. д.), чтобы постепенно развести страсти и интересы, то есть исключительно экономические мотивы и неэкономические мотивы (чувства и все то, что чуждо логике). Это разделение необходимо соотнести, судя

6. Хиршман А. Страсти и интересы. Политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа. М.: Издательство Института Гайдара, 2012.

по всему, с тем, что реально происходило в практиках, например, с разделением предприятия и семьи. Так, Макс Вебер считал конститутивным свойством капиталистического предприятия разделение между семейным бюджетом и коммерческим⁷. Это происходившее в реальности разделение экономических практик и репрезентаций экономисты воспроизводят в своем дискурсе, изобретая в каком-то смысле интерес в современном, то есть утилитаристском смысле этого термина. В результате сложно описывать общества, в которых утилитаристский интерес не сформирован в качестве такового, а когда выступают, к примеру, против экономизма, всегда к тому же экономизму и возвращаются: в сознании читателей присутствует это различие, и они снова вводят его, когда делается попытка его преодолеть.

Скажу мимоходом одну важную вещь: идея, утверждающая, что генезис экономики как науки сопровождает генезис относительно автономного экономического мира, стыкуется с моментом, связанным с государством, о котором я говорил в прошлые годы⁸. Например, часто таких мыслителей, как Боден, Монтескье и некоторых других, рассматривают в качестве философов государства, идеи которых можно анализировать в качестве именно идей и использовать как инструменты для понимания государства. Но я считаю, что это идеи, которые, хотя и интересны в плане понимания государства, сопровождали сам процесс рождения государства и были в определенном отношении творцами государства. Первые мыслители государства характеризовались перформативным мышлением,

7. «Действует принцип полного отделения имущества (или капитала) организации от личного имущества (домохозяйства) и служебного помещения (бюро) от места жительства» (Вебер М. Хозяйство и общество. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. Т. 1. С. 258).

8. См.: Бурдьё П. О государстве. С. 254–255, 494.

которое в модусе констатации производило нормативные положения, определяющие то, чем должно быть государство. Я думаю, что с экономикой происходит то же самое: великие теоретики экономики вплоть до Джона Стюарта Милля — это люди, которые говорят, что такое экономика, в том смысле, что говоримое ими — это то, чем должна стать экономика. Они участвуют в конструировании этого нового универсума. И если государство является изобретением, новым и беспрецедентным универсумом, экономика в том виде, в каком она нам известна, является точно таким же историческим изобретением, в котором поучаствовали и первые теоретики экономики, и не на уровне описания, а на уровне конструирования. Здесь заметен своего рода первородный грех, и я думаю, что и сегодня этот разрыв не завершен: экономисты являются потомками Джона Стюарта Милля, и когда они описывают *homo economicus*, то производят некую воображаемую экономику; *homo economicus* не существует, но должен существовать, чтобы экономика функционировала в полном виде, как она и должна функционировать.

Чтобы проиллюстрировать то, о чем я только что сказал, процитирую Самуэльсона, крупного экономиста-теоретика. В своей книге «Основания экономического анализа» он пишет: «Многие экономисты обычно отличают экономику от социологии, опираясь на различие между рациональным поведением и иррациональным»⁹. Это мысль Хиршмана:

9. "In fact, many economists, well within the academic fold, would separate economics from sociology upon the basis of rational or irrational behavior, where terms are defined in the penumbra of utility theory" («Многие экономисты академического толка использовали для разделения экономической науки и социологии понятия рациональности и иррационального поведения, как они определены в свете теории полезности»: *Samuelson P. Foundations of Economics Analysis. Cambridge: Harvard University Press. 1947. P. 90; Саму-*

экономисты принимают разделение страсти и интереса, поскольку универсум интересов предназначается экономисту (социолог из него, конечно, исключен), а универсум страстей — социологу. У Парето (это еще один из великих основателей экономической теории) обнаруживается различие между логичными действиями, в которых средства логически связываются с целями и которые по сути своей калькулируемы, оправдываясь расчетом и нелогичными действиями, внутри которых он выделяет несколько принципов (пережитки, отклонения и т. д.)¹⁰. Я избавлю вас от выкладок Парето, но они важны, поскольку представляют собой экономическое бессознательное экономистов, когда те говорят о «законе Парето»¹¹. Каждый раз, когда они упоминают Парето, то незаметно для себя актуализируют определенное историческое бессознательное, представляющее собой не что иное, как историю рождения их предмета и познания этого предмета, которое само связано с рождением этого предмета. По сути, проблема должна здесь формулироваться примерно в тех же терминах, что и в моей работе «Правила искусства», где речь шла об искусстве: понять экономическую предрасположенность, нам известную, значит понять генезис универсума, в котором сформировалась эта предрасположенность. И если чистая эстетическая теория сформировалась благода-

эльсон П. Основания экономического анализа. Санкт-Петербург: Экономическая школа, 2002. С. 89). Французский перевод: *Samuelson P.* Fondements de l'analyse économique. Paris: Dunod et Gauthier-Villars, 1983 [1971]. P. 127.

10. *Pareto V.* Traité de sociologie générale, 2 tomes. Paris-Lausanne: Payot, 1917–1919. Особенно главы 2 и 3, посвященные различию между логичными и нелогичными действиями, и главы 6–11, посвященные пережиткам и отклонениям.
11. «Закон Парето» — очень часто используемое статистиками и экономистами выражение для обозначения тех или иных неравномерных распределений, например распределения национального дохода, значительная часть которого удерживается меньшинством.

ря вытеснению связи между эстетическими предрасположенностями и эстетическими исследованиями, которые делают из них теорию, точно так же чистая экономическая теория сформировалась благодаря вытеснению связи между экономическими предрасположенностями и экономическими исследованиями, которые делают из них теорию (а также определенный исторический предмет, который уже задан и который она намерена осмыслить).

Всеобщая ложность рассчитывающего сознания

Итак, хотел вернуться ненадолго к данному пункту. Следовало бы развить его, но я вернусь к этому после выкладок, которые вам представлю. Очевидно, что, начиная с исходной ошибки такого рода (думаю, можно говорить именно о ней), совершается ряд вытекающих из нее ошибок в логике того, что Остин называл *scholastic fallacy*¹², то есть ошибкой, заключающейся в том, что в сознание агентов помещаются теории, которые ученые должны построить, чтобы объяснить практики агентов. Утилитаристский подход был постепенно выработан благодаря, с одной стороны, определению интереса в ограниченном смысле и, с другой стороны, рассчитывающему сознанию, которое ориентировано на максимизацию выгоды; два этих столпа утилитаристского подхода утверждаются в сознании предметов [у нас имеющемся], тогда как последние были заданы работой, нужной для формирования науки об этих предметах. На основе этого утилитаристского подхода, согласно которому агенты движимы своими интересами в ограниченном экономическом смысле слова и осознанным стремлением к этим интересам, некоторые виды поведения, на-

12. См. выше лекцию от 1 апреля 1993 года.

чина с дара, становятся непонятными или невозможными, так что вырабатывается некая всеобщая философия подозрения, применяемая, в частности, к актам щедрости и к обмену дарами.

Попросту говоря, анализ дара ведет к вопросу о воображаемой антропологии: какой именно она является — универсально ложной, радикально ложной, частично ложной или ложной в той или иной мере в зависимости от рассматриваемой области? Это возвращает нас к вопросу Мосса: выполняется ли революция во всех сферах жизни и завершена ли она в самой экономической области? Ответ на этот вопрос зависит от универсальной значимости, которую можно или нельзя приписать экономическому анализу. Я попытаюсь как можно подробнее проанализировать два этих вопроса. С моей точки зрения, положение, согласно которому принципом всех человеческих актов является рассчитывающее сознание, нацеленное на максимизацию выгоды в строгом смысле экономического интереса, является универсально ложным, причем и в области экономики: даже для понимания экономических актов таких как нельзя более экономических *homines economici*, как промышленники или предприниматели, нельзя опираться на эту антропологию, согласно которой принципом действий якобы является рассчитывающее сознание интереса или выгоды в строгом экономическом смысле; необходимо с самого начала привлекать кучу вещей, исключенных этим первоначальным расколом, ратифицированным Самуэлем, между порядком интереса и порядком чувства или социального. Изгнание социального и разрыв между экономикой и социологией, с которым социологи в конечном счете примиряются, оставляя экономистам территорию рынка, является историческим разрывом, неправомерно воспроизводимым наукой, которая не продумала исторически собственные исторические основания. Вот в целом то, что я хотел бы выделить в последующих разборах.

Эта теория, эта утилитаристская модель, очевидно, совершенно не подходит для понимания дара в его древней форме, то есть когда он был конститутивным элементом экономики, основанной на даре. Но даже и для понимания обществ, в которых сформировался относительно автономный экономический универсум, эта воображаемая антропология не слишком подходит, поскольку она сталкивается с особой формой интереса, который можно называть «символическим интересом», например интересом к незаинтересованности. Она встречается не с интенциями расчета или рассчитывающими сознаниями, как в философии сознания, а с предрасположенностями к расчету, которые могут выдавать реакции, способные восприниматься в качестве рассчитанных, хотя при этом и нельзя предполагать, что расчет является основанием этих реакций. Эти предрасположенности и есть смысл игры, о которой я не раз говорил¹³, и здесь присутствует философия темпоральности действия, к которой я потом вернусь. Думаю, что классическая экономика (которая не случайно развивается в XVII веке) неразрывно связана с философией сознания, представляющей собой особую традицию. Впрочем, философы, пытающиеся сегодня подвести основание под *homo economicus*, снова сталкиваются с классическими проблемами картезианской философии. Они остаются в плену проблем эго, трансцендентности эго, отношения к другому, *alter ego* и т. д. То есть здесь обнаруживается традиция, идущая от Декарта к Гуссерлю.

Когда экономисты начинают заниматься социальными аспектами экономических проблем, они в конечном счете задаются вполне классическими вопросами: как могут быть построены длительные отношения с другим? Как вообще может быть в ко-

13. См.: Bourdieu P. Sociologie générale. Vol. 1. P. 308–317; Sociologie générale. Vol. 2. P. 906–909.

нечном счете обосновано существование другого? В частности, они заново открывают для себя философию темпоральности, с моей точки зрения, антропологически весьма наивную (даже если она может быть очень интересной и в философском отношении крайне сложной), согласно которой всякое действие сознательно нацеливается на сознательные проекты возможностей, определенных сознательно, так что действие представляет собой сознательный выбор между сознательно заданными возможностями. Теория практики, предлагаемая мной в связи с понятием предрасположенности, заключается в том, что принципом действия являются предрасположенности, сориентированные относительно объективных потенциальностей, задаваемых практически и навязывающихся в качестве того, «что нужно делать», «единственного, что нужно делать». У этих объективных потенциальностей — совершенно не тот статус, как у просто возможностей, конкурирующих с другими возможностями. В центре этой антропологической теории лежит философия сознания и темпоральности, которая, как мне кажется, прямо противоречит реальной антропологии практики. Эта философия темпоральности и действия оказывается несостоятельной даже в наиболее благоприятном случае так называемого рационального экономического действия, которое почти всегда является действием разумным (что не совпадает с рациональным). Я еще вернусь к этому моменту.

Модель обмена

Здесь мы на какое-то время вернулись назад. Теперь я возвращаюсь к тому, что станет последним моментом этого введения о даре (введение это оказалось намного более длинным, чем я думал, но оно заставило меня разобрать некоторую часть из того, что я хотел сказать; думаю, что эта

прелюдия бесполезна, поскольку она помогает схватить в достаточно общем виде комплекс вопросов, которые надо будет затем, следуя аналитическому подходу, рассмотреть по отдельности). Последний пункт, введенный мной [в конце предыдущей лекции] через фразу Ларошфуко — «чрезмерная поспешность в расплате за оказанную услугу есть своего рода неблагодарность», — мог бы называться «Дар и власть». Иначе говоря, не является ли дар, который в структуралистской традиции (хотя я и не люблю ярлыки) Мосса и особенно Леви-Стросса понимается, по существу, как акт обмена, конститутивный для отношения коммуникации, еще и первоначальным актом властного отношения? Не является ли дар, по сути и в своей потенции, отправным актом отношения господства? Прежде чем сформулировать этот вопрос в более точном виде, я дам краткое обобщение модели обмена дарами, поскольку последний является особым случаем ряда обменов, которые нам более или менее знакомы. Я нарисую на доске небольшую схему, которая очень проста, но, надеюсь, не ведет к упрощениям: это порождающая модель, из которой можно выводить чрезвычайно сложные вещи.

Дар здесь выступает отправным актом серии обменов: таков, к примеру, вызов чести или, как вариант, вызов/оскорбление (это очень полезное различие, на которое я укажу впоследствии), речь, удар (в смысле удара кулаком, пинка) и т. д. Это начальные акты, которые запускают механизм коммуникации. Эти акты, когда они обращены к кому-то, выступают своего рода вызовом: тот, к кому обращаются с речью, может воспринять такую речь как недопустимое вторжение. В действительности, различные принципы определяют то, почему с речью не обращаются к кому попало, к первому встречному: обращение является вторжением, управляемым как явными, так и неявными принципами. Речь, вызов и дар — это вторжения, поскольку

соответствующий акт неявно предполагает, что человек, к которому он обращен, по природе своей может быть участником такого акта. Чтобы прояснить это, я обращусь к принципу *isotimia* (ἰσότης), который был открыт антропологами современной Греции. Это слово современного греческого языка: *timé* (τιμή) на древнем и современном греческом означает «честь» [а префикс *iso-* означает равенство], так что «исотимия» — это равенство в чести. Тот, кто обращается с речью к кому-то другому, неявно предполагает: «У меня есть право обращаться к тебе с речью», «Я вправе обращаться к тебе с речью», «Мы на *speaking terms*», «Мы можем говорить друг с другом». В то же время человек — получатель сообщения поставлен под вопрос: достоин ли этот человек того, чтобы говорить с ним? Должен ли я отвечать? Это целая казуистика.

То есть эти акты составляют оспаривание, вторжение. Вызов — это, таким образом, потенциальное бесчестье. Как только кто-то бросил мне вызов, я больше не могу избегать его, я попал в какие-то шестерни. Это не механические шестерни, и метафора шестерней опасна, поскольку она заставляет думать о механической модели, тогда как речь идет об открытой модели. Это совсем не та модель, о которой, должно быть, мечтал Леви-Стросс, намереваясь создать модель обмена дарами (слово «механический» встречается у него очень часто). Это открытая модель, но на каждом шагу тебя все больше зажимают, а пространство свободы сужается. Тот, кто принимает вызов, находится в состоянии потенциального бесчестья, пока он не дал ответа. Конечно, он может сохранить неопределенность своего ответа: «Не буду отвечать, поскольку это дурак». Интеллектуалы постоянно сталкиваются с проблемами такого рода в своих спорах: если я отвечаю, то подкрепляю право дурака своим ответом; если не отвечаю, могут подумать, что мне нечего ответить. Это и в самом деле очень общие модели...

То есть существует такое оспаривание, которое продержится вплоть до разрешения, коим станет ответ на вызов, ответный дар и т. д.

И здесь присутствует определенная двусмысленность. Вызов двусмыслен: пока он не получил ответа, то висит в воздухе, в неопределенности; дар становится настоящим даром лишь в том случае, если есть ответный дар. Например, если я отдариваюсь сразу (в этом заключался смысл высказывания Ларошфуко: «Чрезмерная поспешность в расплате за оказанную услугу есть своего рода неблагодарность»), значит, я подозреваю того, кто преподнес мне дар, в том, что он сделал это по какой-то коварной причине. Я отвергаю дар в качестве дара, тут же возвращая его. Следовательно, смысл дара придет только с ответным даром. Смысл первоначального дара складывается в каком-то смысле из двоих. Необходимо, чтобы два человека согласовали неявные послышки: «Мы вправе говорить друг с другом», «У тебя было право бросить мне вызов», «Я признаю твой вызов тем, что отвечаю на него», «Я признаю твой дар тем, что возвращаю дар, или же бросаю подозрение на цели такого акта, отдариваясь слишком быстро, чтобы избавиться от оспаривания, от обязательства отвечать тебе, созданного тобой для меня». Проходит время, что очень важно, поскольку, пока я не ответил, то, как говорится, обязан тому, кто преподнес мне дар. Если, к примеру, дар так велик, что я не в силах возместить его, я остаюсь обязанным навсегда, оказываюсь в вечном долгу. Следовательно, возможностью, наиболее соответствующей структуралистской модели, является следующая: оборот продолжается до бесконечности, если только не возникает разрыва коммуникации в силу неплатежеспособности.

Если имеет место не-ответ, не-отпор, отсутствие ответного дара, вопрос в том, что такой не-ответ означает. Не-ответ может быть намеренным — в этом случае он становится отказом.

Вызов и выражение презрения

В случае чести это выражение презрения: я дисквалифицирую твое намерение бросить мне вызов, отказывая ему в самом его статусе вызова, который оно себе приписывало, то есть я придаю объективный противоречивый смысл субъективному смыслу, который ты придавал тому, что сделал. В определенном смысле это отказ в человечности, отказ в *isotimia*: ты не ровня мне в чести, ты не ровня мне в человечности. Формы исключения из совместности, различные виды расизма основываются на подобном акте: «Я отказываюсь есть с тобой, говорить с тобой, заключать с тобой брак»; я отказываю в коммуникации и, делая это, радикально отказываю тебе в равенстве как человеку. Это может восприниматься как отказ или (и в этом уже есть двусмысленность) как неспособность дать ответ. Чистый вызов лучше демонстрирует это свойство, которое даром может скрываться в большей степени. (Если бы я исполнил символическую барабанную дробь, то заставил бы оценить то, что генерализация показывает кучу вещей, но, поскольку занимаюсь [этим анализом] уже очень давно, то сам больше не вижу того, что он паразителен... [смех в зале]. А поскольку вы, возможно, тоже этого не видите, я говорю это вам на всякий случай [смех в зале]!)

В случае вызова неспособность ответить — это бесчестье, и цепочка обменов на этом обрывается: с тем, кто остановился на этом, покончено, особенно если речь об оскорблении. Таково кабилское различие между оскорблением и вызовом¹⁴: вызов ставит под вопрос определенный момент чести, то есть относительно поверхностные вещи (способность ответить, оставить за собой последнее слово, живость ума), тогда как оскорбление ставит под во-

14. См.: Бурдые П. Практический смысл. С. 367.

прос фундаментальные вещи, самые сакральные из ценностей, по сути, все то, что касается *h'urma*, то есть *h'aram*, сакрального, домашнего универсума, жены, интимности, чести в наиболее традиционном смысле этого термина. В случае оскорбления выбора нет, медлить нельзя, поскольку вариант, состоящий в том, чтобы не отвечать, с самого начала исключен, ведь тот, кто не отвечает на оскорбление, наверняка обещивается. Кажется, что тут попадаешь в механическую модель, но даже в этом случае это не так, поскольку можно сыграть на времени. Тот, кому было нанесено оскорбление, может подвесить двусмысленность, воспользоваться неопределенностью, касающейся его ответа. Конечно, чем больше времени проходит, тем больше ему грозит то, что в нем увидят труса, который не может ответить, и тем больше «суд мнения», как говорят кабилы, то есть люди, которые следят за «словом людей», как они тоже говорят, ожесточаются: «Но, в конце концов, он не дал отпора...» Несмотря на все это, он может сыграть на темпе действия. Время никуда не девается. Интервал всегда очень важен, по крайней мере в форме ритма, темпа. Например, говорят, что лев может подождать с ответом на оскорбление: все это время его обидчик будет трястись от страха (и говорить себе: «Что же я наделал...?»)... но, конечно, для этого нужно и правда быть львом!

Кто устанавливает различие [между двумя интерпретациями не-ответа]? Я отошлю к классическому примеру: одного художника приглашают на биеннале в Венеции, но он туда не едет. Он говорит себе: «Это невозможно, это дрянь...» Как именно будет восприниматься его отказ — как отказ приехать или же как неспособность приехать? Это очень тонкие стратегии. Они играют на этой альтернативе, которая определяется общим восприятием, которое само по себе совершенно неприступно. Хороший игрок чести должен иметь

представление о том представлении, которое составят себе люди о том, что он делает, и особенно о том, что он не делает. Сложнее всего навязать ответ, который таковым не является, поскольку он состоит в том, чтобы не отвечать. Могут сказать [о художнике]: «Он утверждает, что тем самым выражает презрение, но на самом деле он просто сдулся» (говорить будут намного более изысканно, но в некоторых кругах, где тоже есть честь, скажут именно так). Эта очень простая модель может, следовательно, объяснять поразительную казуистику. Когда что-то запускается, есть бесконечное множество возможностей, но эти возможности умещаются в этой схеме, и, чтобы каким-то образом предсказать, что произойдет, нужно в общих чертах учесть качества того, кто бросает вызов, свойства того, к кому этот вызов обращен, и зазор между этими свойствами.

Коллективные ожидания (1)

Необходимо ввести третий термин: состояние «коллективных ожиданий» (это термин, который Мосс вводит в своих статьях о деньгах¹⁵), соотносимых с разновидностями поведения, отвечающими рассматриваемой ситуации, поскольку эти коллективные ожидания порой сами являются двусмысленными и неопределенными. Бывают очень сложные ситуации. Я отошлю вас к моему диалогу с Мулудом Маммери, крупным кабийским писателем и антропологом, о роли мудрецов в кабийском обществе¹⁶. Мы говорили о поэтах, которых приглашали для того, чтобы найти реше-

15. Ссылку П. Бурдые дает далее в этой лекции, см. с. 133, ссылка 22.

16. *Bourdieu P.* Dialogue sur la poésie orale en Kabylie. Entretien avec Mouloud Mammeri // Actes de la recherche en sciences sociales. 1978. No. 23. P. 51-66.

ния для неразрешимых случаев, и которые решали эти крайне сложные вопросы посредством импровизации, часто удивительно красивой. Поскольку эти неразрешимые случаи, в которых общее мнение не знает, с чем имеет дело — с трусостью, добром или злом, — часто порождают серьезнейшие конфликты (в случае неопределенности могут на всякий случай убить как можно больше людей и т. д.), в устранении этих двусмысленностей очень пригодились мудрецы: «Мудрость учит тому, что...» То есть в этом случае мы попадаем в универсум, подчиненный весьма строгой логике (оскорбление заставляет застрять в необратимой зубчатой передаче, поскольку время начинает отсчитываться с момента получения оскорбления), и в то же время все это пространство в целом открыто (вот почему очень важно понятие «чувства игры») для стратегий некоторого выжидания. Можно помедлить, намекнуть, что ответ будет или что его не будет, можно интерпретировать отсутствие ответа или же передать ответ через кого-то другого. Кабилы также всегда говорят, что во всякой почтенной семье должен быть хулиган, чтобы была возможность ответить хулиганам [*смех в зале*]! Эта проблема встречается и в интеллектуальной жизни: поскольку в ней есть люди, которым нельзя прилично ответить, в идеальном случае — и я об этом часто думаю — следовало бы располагать, как в кабийской модели, хулиганом, чтобы иметь возможность отвечать на некоторые хулиганские заявления [*смех в зале*]... Эту тему можно было бы разбирать часами, но я вернусь к своему тезису.

Чтобы понимать подобную модель, нужно понимать порождающую матрицу, благодаря которой все это работает. Если вы моментально понимаете, что определенная речь представляет собой вызов, и если под страхом показаться несостоятельным нужно дать отпор и оставить за собой последнее слово в определенной цепочке ситуаций, значит,

у вас есть чувство игры, говорящее о том, что всякая речь требует ответа, как и всякий вызов. Вы неявно привлекаете порождающую матрицу: это чувство игры чести, чувство игры обмена, габитус щедрости в случае дара как принцип изобретения ответов, подходящих для ситуации вызова, отпора и т. п. Это очень далеко от логики рационального расчета, даже если в чрезвычайно сложных ситуациях люди иногда задумываются: «Но как же я выкручусь из этого?» Например, некоторые акты могут оказаться довольно двусмысленными... Отправные акты не всегда характеризуются чистотой чистого вызова. Они могут разыгрываться на границе между вызовом и оскорблением: «Но я же этого не говорил», «Я не это имел в виду», «Да ладно, не обижайся!» Можно играть на двусмысленности. Хорошо видно, что даже в самых сложных случаях — а в этих играх часто стоит вопрос жизни и смерти — люди гораздо чаще действуют сообразно с чувством игры, а не рационального расчета, проверенного на компьютере. Прежде всего потому, что во многих случаях все это происходит очень быстро: речь об ударе как в боксе, и если вы будете думать три часа над ответом, вас просто отправят в нокаут. Это важно, поскольку неотложность — важный аспект такой циркуляции. Здесь мы имеем дело с логикой предрасположенностей, тогда как Якобсон, к примеру, упоминает в связи с лингвистическими моделями представление о некоем каталоге возможных ответов, словно бы тот, кто вот-вот даст отпор, перебирал на манер компьютера все множество возможных ответов. Это предполагало бы, что они заданы в качестве таковых, что они кодифицированы и что нужно выбрать какой-то из их числа. На самом деле мы действуем в логике предрасположенностей: ответ будет дан в зависимости от предрасположенностей того или иного человека, от оценки ситуации и т. д.

Дар и власть

Я упомянул о социальных ожиданиях и теперь остановлюсь на этом. Модель обмена, которую я только что представил, была просто моментом моего анализа, необходимым, чтобы перейти к связи между этим обменом и властью. Почему в механизме такого рода встает вопрос о власти? Почему эти отношения нельзя описать в качестве простых отношений обмена, коммуникации? Почему возникает этот потенциал господства? Как я уже сказал, определенную роль играет время: пока ответ не получен, тот, кому был брошен вызов или преподнесен дар, находится в состоянии обязанного, его обязывает тот, кто сделал ему подарок. И обязательство тем больше, чем больше дар. Здесь мы переходим к модели «потлача», которая известна всей антропологической традиции. Потлач — это именно тот начальный акт, который желает быть конечным: «Я дарю тебе так много, что заранее знаю, что ты спасуешь и игра остановится». Существует континуум между непосильным потлачем, в котором асимметрия между тем, кто дает, и тем, кто получает, настолько велика, что дар стопорит процесс, который он же и запускает, и обменом небольшими подарками между равными людьми, нужным, чтобы «скрепить дружбу»¹⁷, как говорят кабилы, но при этом в таких подарках всегда сохраняется риск того, что в любой момент тот, кто принимает дар, остановит цепочку обменов: вдруг я сойду за идиота, за посмешище? Вдруг он мне откажет? Вдруг он не отправит мне ничего взамен? Всегда сохраняется риск отказа в коммуникации, который нельзя обнаружить в чистой логике коммуникации. Отказать в коммуникации значит перейти от порядка коммуникации к порядку власти.

17. См.: *Бурдые П.* Практический смысл. С. 210.

С другой стороны, между безмерным даром и умеренным даром среди равных простирается континуум различных обменов.

Я приведу более обыденный пример (не случайно потлач входит в число антропологических курьезов: он привлек к себе внимание самой своей крайностью). Такие крайние случаи, как потлач, интересны тем, что они показывают истину всей системы: всегда есть возможность, что отправной акт окажется финальным. Однако эта возможность в равной мере присутствует и в обменах, которые кажутся менее значимыми и в которых присутствует экономический аспект. Я расскажу вам вкратце о традиции, которая у кабиллов называется *thiwizi*. Некоторые переводят это слово как «барщину», но перевести его на самом деле сложно, и причина именно в том, что оно не укладывается в дихотомии современной европейской мысли. *Thiwizi* возникает в следующей ситуации. Период сбора урожая является, как всем известно, периодом срочных дел. Собирать урожай нужно очень быстро, а потому нужно иметь возможность очень быстро мобилизовать за короткое время и на короткое время много людей. Если я человек чести, хорошо известный и щедрый, у меня много капитала чести. Я преподносил дары, у меня есть клиенты, друзья, и их-то я и мобилизую — вот что такое *thiwizi*. Можно сказать, что это барщина, поскольку они обязаны прийти и отработать денек на меня, но также можно сказать, что это чистосердечная помощь. Здесь присутствует двусмысленность такого рода, и в этом случае видно, как двусмысленность, присутствующая в даре — я подчеркивал тот факт, что дар можно описывать двумя противоположными образами, — обнаруживается и в экономическом действии, эквивалент которого встречается во многих сельских обществах. Это действие добровольного, щедрого, целенаправленного сотрудничества, ничем не воз-

мещаемого, которое в то же время оказывается обязательным актом вспомоществования, своего рода встречного удовлетворения, подлежащего экономической оценке. Все эти действия, все формы сотрудничества, встречающиеся в докапиталистических обществах, относятся к тому же типу: они отличаются этой двусмысленностью, поскольку, как и дар, они в одно и то же время причастны и логике обмена, и логике власти. *Thiwizi* — это тип мобилизации, которой можно добиться на основе символического капитала, конвертированного в капитал экономический или, говоря точнее, в нечто, что можно измерить в экономическом капитале. Вот почему кабилы, которые перестали понимать логику чести, могут потребовать эквивалента в виде заработной платы: «Я требую, чтобы мне заплатили за трудовые часы» (я приводил этот пример каменщика¹⁸).

Мы понимаем, как благодаря намного более обыденным формам обмена и щедрости социальные агенты могут накапливать определенную форму капитала, которую можно назвать «престижем», «признанием» и которая переводится в экономические следствия. Иначе говоря, если дар является вторжением и если, как напоминает нам Ларошфуко, бывает так, что люди спешат отдариться, причина, и это парадокс, именно в том, что давать значит обладать. Тот, кто дает мне, потенциально берет в собственность меня самого либо потому, что я не могу отдать, либо даже потому, что я отдаю, но остаюсь должником долга признания. В экономике чести дар обязателен: выбора нет, поскольку находишься в универсуме, в котором нужно давать. Он обязывает, и он создает обязанных. В то же время он порождает длительные отношения в обществах, в которых структуры господства в том виде, в каком они известны нам, то есть

18. См. выше с. 95.

объективные структуры господства, обоснованные рынком и трудом, позволяющие бизнесмену властвовать над наемными сотрудниками, а профессору — над ассистентом, попросту отсутствуют. Единственные длительные отношения, которые здесь могут сложиться, относятся к тому типу, что устанавливаются посредством дара.

Я перескажу здесь в двух словах один текст Маркса. Я не буду вам его зачитывать, поскольку он длинный и сложный (вы найдете его в «Очерке критики политической экономии»¹⁹). Он просто поразителен, поскольку от Маркса такого не ожидаешь... Маркс говорит об обществах, в которых господство осуществляется в форме отношений личной зависимости. Один из примеров такой зависимости — это *thiwizi*. В арабских традициях есть еще одна форма, о которой я тоже говорил²⁰, а именно хаммес, то есть издольщик пятой доли. Такой человек находится в отношении личной за-

19. «Чем меньшей общественной силой обладает средство обмена, чем теснее оно еще связано с природой непосредственного продукта труда и с непосредственными потребностями обменивающихся, тем больше еще должна быть сила той общности, которая связывает индивидов друг с другом — патриархальное отношение, античное общество, феодализм и цеховой строй. Каждый индивид обладает общественной мощью в форме вещи. Отнимите эту общественную мощь у вещи — вам придется дать ее одним лицам как власть над другими лицами. Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные) — таковы те первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на вещной зависимости, — такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций» (Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Издательство политической литературы, 1968. Т. 46. Ч. 1. С. 100–101).

20. См. конец лекции от 8 апреля 1993 года.

висимости. Можно было бы провести подробный анализ: хозяин по отношению к хаммесу выступает своего рода отцом, часто бывает так, что он выдает одну из своих дочерей за сына хаммеса. Это очень запутанные отношения, одновременно домашние и экономические. Маркс говорит, что эти отношения личной зависимости претерпевают определенную эволюцию по мере того, как формируются независимые механизмы господства, в частности те, что работают благодаря логике экономики. Они, как говорит Маркс, постепенно уступают место «личной независимости, основанной на вещной зависимости». Так, в противоположность хаммесу, сельскохозяйственный рабочий независим: он может уехать, он «формально свободен», как говорит Вебер (и Маркс), он подписывает свободный контракт. В то же самое время он удерживается материальной зависимостью: он может уехать, но тогда потеряет зарплату; он может восстать, но будет изгнан без зарплаты или пособия.

Революция, о которой говорит Мосс, — это, следовательно, революция в структурах господства, опирающаяся на превращение отношений личной зависимости в отношения зависимости безличной, то есть опосредованные определенными механизмами. Например, сегодня между владельцем предприятия и его наемным работником стоит вся экономическая и вся образовательная система, пусть хотя бы в силу дипломов об образовании. Эти инстанции объективно гарантируют ценность труда, компетенцию. Между ними встроены коллективные соглашения и экономико-юридический порядок, так что владелец предприятия может обойтись без символической работы, которой должен заниматься тот, кто желает сохранить своего хаммеса. Эта работа состоит в обмене дарами и любезностями. Необходимо отмечать праздники, не забывать об обрезании последнего ребенка и т. д. Это работа постоянного внимания. Именно эти пода-

рочки и являются монетой отношения господства. В каждый момент отношение господства находится под угрозой, поскольку оно опирается лишь на межличностное, intersубъективное отношение, гарантированное лишь коллективными ожиданиями²¹.

И теперь я вернусь к Моссу. Я уже говорил [на лекции 8 апреля 1993 года], что, по сути, «Опыт о даре» Мосса можно сблизить с «Наброском теории магии». Я полагал, что сам Мосс об этом не думал, но великих авторов всегда недооценивают. Я не говорю, что Мосс довел это сопоставление до конца, однако он ясно указывает на эту связь в тексте, к которому я вас отошлю: он опубликован во втором томе собрания сочинений Мосса издательства *Minuit*, это статья 1914 года под названием «Происхождение понятия денег». Также я расскажу вам о статье 1934 года, в которой Мосс возвращается к этой теме по прошествии двадцати лет²² и которая интересна тем,

21. В «Практическом смысле» П. Бурдьё уделяет много времени обсуждению способов господства в докапиталистических обществах (С. 238–265). В курсах 1989–1992 гг., посвященных теме государства, он подчеркивает ту роль, которую в господстве играет символический капитал, а именно присоединение, признание и легитимность. Он описывает длительный процесс, в результате которого произошел переход от обществ с рассеянным символическим капиталом, основанным на взаимном коллективном признании, а потому обществ довольно хрупких, к объективированному, кодифицированному, делегированному символическому капиталу, гарантированному государством, которое ратифицирует иерархии и делает их официальными, выдает дипломы и наказывает узурпаторов (*Бурдьё П. О государстве*. С. 157, 391, 406, 502).

22. Первый текст — это доклад во Французском институте антропологии, а второй — выступление Марсея Мосса после доклада Франсуа Симиана о деньгах. Два этих текста под заглавиями «Происхождение понятия денег» (*Les origines de la notion de monnaie*, 1914) и «Спор о социальных функциях денег» (*Débat sur les fonctions sociales*

кто говорит об авторах, что они всегда возвращаются к одним и тем же темам: хорошо заметно, что двадцать лет были не слишком большим сроком, чтобы сделать этот совсем маленький шаг, и он его сделал...

В статье 1914 года он пишет: «Деньги — это никоим образом не материальный или физический факт, это, по существу, факт социальный, их ценность — это ценность их покупательной способности и мера доверия, им оказанного»²³. То есть он уже привлекает коллективную веру. Я только что говорил о том, что для обмена дарами нужны два человека: нужно, чтобы получающий дар ответил, он должен верить в то, что ответить действительно важно. [Это пример] веры, «покупательной способности».... Далее Мосс говорит, что существует связь между деньгами и *маной*. Во многих обществах слова, обозначающие деньги, — это слова, относящиеся к регистру сакрального, магической силы: он приводит в пример золото, драгоценные камни, *churinga*, которые [у арунта, австралийского аборигенного народа] являются своего рода личным благом, отождествляемым с владеющим ими лицом, и в то же время талисманами. Наконец, он говорит, что деньги — это талисман, сила которого является магической: «У денег есть сила магических субстанций и актов, но также авторитет людей»²⁴. Деньги — это социальное отношение, и они содержат в себе потенцию господства. В том же тексте он пишет: «Деньги первоначально использовались не для приобретения средств

de la monnaie, 1934) вошли в издание: *Mauss M. Oeuvres*, t. II: *Représentations collectives et diversité des civilisations*. Paris: Minuit, 1969 (соответственно P. 106–112, 116–120).

23. *Mauss M. Oeuvres*. Tome 2. P. 106.

24. Точная цитата: «Слово *mana* в малайско-полинезийских языках означает не только силу субстанций и магических актов, но также власть людей» (*Mauss M. Les origines de la notion de monnaie*. P. 111).

потребления, а для приобретения предметов роскоши, а также приобретения власти над людьми. Покупательная способность первичных денег — это, по нашему мнению, прежде всего престиж, которым талисман наделяет того, кто обладает им и кто пользуется им, чтобы командовать другими»²⁵. Это уже представляет собой важный шаг. По сути, то, что он описывает, — это логика символического обмена, дара, а в этой логике обмен является инструментом власти. Это не просто инструмент коммуникации, и деньги, во всяком случае то, что находится в обороте, дар как материальный объект — это своего рода сгусток этой власти. Именно это он добавляет в статье 1934 года, спустя двадцать лет: деньги — это фетиш, и «эта магическая власть денег, этот престиж растет благодаря обменам»²⁶. То есть он открыто связывает власть такого рода с фактом обмена. Именно в обороте учреждается эта власть. «Вы [Франсуа Сириан] указывали на знаменитый „ванпун“ ирокезов, который обращался в пределах пяти народов и в пределах фратрий, между кланами. И чем больше он находился в обороте независимо от того, добавляет ли к нему каждая из общин новую жемчужную фигурку или не добавляет, он тем больше повышался в цене. Тот же самый факт обнаружил Малиновский в связи с оборотом *kula* на Тробрианских островах. Эти экзотические монеты приобретают тем больше стоимости, чем больше они находились в обороте»²⁷. Словно бы каждый из этих оборотов, что соответствует логике символической наценки, был поводом для свершения символической алхимии. Мосс не говорит этого, он не проводит полной аналогии с магией, называя при этом проблему.

25. Ibid.

26. Mauss M. *Débat sur les fonctions sociales de la monnaie*. P. 116.

27. Ibid. P. 116–117.

Коллективные ожидания (2)

Он продолжает (это дискуссия в ученом обществе): «С другой стороны, мне есть, что сказать вам, это мелочь, но вы поймете, что это изменит наш образ мышления»²⁸. (Вот так работают на исследовательском семинаре в отличие от лекционного курса: он говорит «мелочь», но чувствует, что она имеет решающий характер, и тот, к кому он обращается, а в данном случае этим человеком был Симиан, хорошо известный теоретик денег²⁹, будет этим небольшим замечанием просто потрясен.) Он [Мосс] говорит о понятии справедливой цены и задается вопросом, что же такое «справедливая цена»: это иерархия цен, и он говорит о «закрепленных ожиданиях»³⁰. Здесь он вводит понятие коллективного ожидания, объясняя его: «Мы существуем среди своих, в обществе, ожидая в нашем кругу того или иного результата. Такие выражения, как „принуждение“, „сила“, „авторитет“, мы [то есть дюркгеймианцы] могли использовать ранее, и у них есть своя ценность, но понятие коллективного ожидания, с моей точки зрения, является одним из фундаментальных понятий, с которыми мы должны работать. Мне не известно другого понятия, порождающего право и экономику: „я ожидаю“ — это и есть определение всякого акта, коллективно-

28. В точном виде эта цитата звучит так: «Есть и другой момент, который я хотел обозначить. Это мелочи, но они позволят вам выразить ваши идеи в более совершенной форме» (Ibid. P. 117).

29. Франсуа Симиан отвечал за «экономическую социологию» в журнале дюркгеймианцев *L'Année sociologique*; см. один из наиболее известных его текстов: *Simiand F. La monnaie, réalité sociale // Annales sociologiques. Serie D. Fasc. 1. 1934. P. 1–58, переиздано в: Simiand F. Critique sociologique de l'économie. Paris: PUF, 2006. P. 215–279.*

30. *Mauss M. Debat sur les fonctions sociales de la monnaie. P. 117.*

го по своей природе»³¹. То есть он отождествляет социальный порядок с объективной системой общих ожиданий. Тот, кто бросает вызов, обладает предпосылками, которые, можно сказать, являются в то же самое время предвосхищениями. Всякий социализированный акт ответственного и способного к ответу лица отвечает на социальные ожидания и содержит в себе определенную посылку, касающуюся смысла этого акта, потенциального ответа на этот акт, смысла, который участники припишут акту и ответу. Предпосылкой является консенсус касательно практик, который предполагает причастность к одним и тем же категориям конституирования акта и восприятия акта.

Все это Мосс сказал уже в самом начале (когда говорил в статье 1914 года о «вере», «доверии» и т. п.), но здесь, немного развивая эту мысль, можно от его лица сказать, что эта система общих ожиданий, эта общая темпоральность, эта возможность предвидеть действия и их смысл предполагают консенсус относительно смысла мира, который сам основан на причастности к одним и тем же категориям конструирования мировоззрения, основывающим то, что воспринимается или не воспринимается. Я уже приводил эту историю, которую рассказывают в Кабилии (она, возможно, выдуманная, но оттого не менее значимая), — о некоем нуворише, который съездил во Францию и бросил вызов собранию, разбросав банковские билеты со словами: «Кто может так же?»³². Речь о том, кто выбывает из системы ожиданий и тут же попадает впросак. И наоборот, тот, у кого нет системы ожиданий, не понимает первоначальных актов, запускающих эти процессы, а потому отлучается, обрекается на одиночество. Например, в данном случае,

31. Ibid.

32. См.: Бурдьё П. Практический смысл. С. 367, а также лекцию от 8 апреля 1993 года.

в Кабилии, тот, кто отлучается, — это тот, для кого больше не делают *thiwizi*, и это форма определенно-го осуждения, поскольку, если подумать, существует куча вещей, которые больше нельзя делать, если ты остался совсем один, если никто не хочет тебе помогать — например, навьючить осла или перенести мельничное колесо. Отлучение — это, следовательно, ужасная санкция, которая поражает тех, кто своими актами показывает, что они обманывают общие ожидания на фундаментальном уровне, обладая попросту другим образом мысли и проживая в другом мире. Таков, к примеру, случай революционеров. Революционер от экономики, которым оказался наш каменщик, говорит: «Ваш трюк забавен, но у меня нет времени на глупости. Вместо того чтобы дать мне еды, дайте мне денежный эквивалент», и тем самым он становится символическим революционером. Как Мане в свое время³³. Символические революционеры, пророки подвергаются отлучению, если только им не удастся найти подход к людям, занимающим в данном пространстве подчиненное положение, и убедить их сменить свои категории мышления. Поэтому анализ Мосса важен.

Замыкая систему представлений, обмен дарами — я уже говорил об этом мимоходом — выступает алхимическим актом, аналогичным тому, что производит магия: хотя так и не кажется, он преобразует обмениваемые вещи, которые теперь приобретают сакральную ценность — тем более сакральную, чем больше она находится в обороте. Он преобразует людей, которые заняты обменом, и то, как они воспринимаются... В определенном смысле он меняет вообще все. Это в особенности относится к дару в дифференцированных обществах (все общества дифференцированы в той или иной

33. П. Бурдые имеет в виду свою работу о Мане (где он порой использует метафору отлучения). См.: *Bourdieu P. Manet.*

мере): тот, кто дает, кто, как говорится, делает милость, кто дает бедным, вдовам, нуждающимся и страдальцам, совершает акт перераспределения. Он перераспределяет накопленный им экономический капитал и самим фактом перераспределения, перераспределяя этот капитал, преобразует его и преобразуется сам. Если попытаться сформулировать тезис, который, думаю, достаточно хорошо резюмирует то, что я хочу сказать, я бы сказал, что, по сути, перераспределение является актом, по своей природе нацеленным на достижение признания перераспределения в смысле неравного распределения. Блага распределены неравномерно: есть те, у кого больше быков, чем у других, и есть те, у кого больше *pecus*, чем у других, больше скота, *pecunia/pecus*³⁴. Тот, кто дарит жертвенного быка, например, для раздачи мяса в первый день полевых работ, перераспределяет свое богатство, но в логике дара. То, что он перераспределяет, преобразуется, преобразует его и легитимирует неравенство, то есть распределение, которое делает возможным перераспределение.

Начав с этой весьма простой модели обмена дарами, мы выходим на основание первичного накопления политического капитала. Щедрый дар (*потлач*, который перевозносили, но нужно вернуться к намного более обыденным вещам) обладает такой политической силой именно потому, что он осуществляет магическое превращение того, что происходит по такому случаю, в частности того, что в игре, а именно экономического богатства, которое становится символическим, то есть богатством признанным, а потому и не узанным в качестве богатства. Богач становится легитимным богачом, богачом, у которого есть основания быть богатым, поскольку

34. Слово *pecus* означает «скот», а слово *pecunia*, одно из значений которого — «богатство, даваемое скотом», означает «деньги».

ку он, как говорят кабилы, «богат, чтобы давать беднякам». Благотворительность, филантропия, пожертвования, такие фонды, как «Фонд Форда», коммерческое меценатство³⁵ — эта логика дарования основана на подобной социальной магии, которая осуществляется, как только мы даем что-то кому-то и он становится нам обязанным.

Чтобы быстрее перейти к итогу (иначе я буду бесконечно возиться с даром): благодаря этому тезису — «перераспределение необходимо, чтобы гарантировать признание распределения» — задумываешься о первичном построении государства. Одна из функций государства, как всем известно (это банальность), состоит в обеспечении перераспределения: государство собирает налоги и перераспределяет их более или менее легитимным образом, но официальный взгляд на налогообложение состоит в том, что государство изымает ресурсы, которые... Те, кто слушали мои предыдущие курсы, поймут, что здесь есть преемственность [в моих лекциях]. Я действительно подчеркивал, что на первых этапах королевской власти накопление экономического капитала, обеспечиваемое налогообложением, использовалось в логике «потлача»: перераспределение было инструментом накопления клиентелы, построения личных зависимостей, и отчасти королевская власть была основана на логике дара³⁶. Мало-помалу (я анализировал это во всех подробностях) логика дара преобразуется и все больше деперсонализируется.

35. П. Бурдьё в «Практическом смысле» уже проводил сближение с современными формами перераспределения. В тот же год, когда он читает данный курс, он заканчивает редактуру своих диалогов с художником Хансом Хааке, в которых, в частности, идет речь о меценатстве в искусстве и которые выйдут в следующем году: *Bourdieu P., Haacke H. Libre-échange*. Paris: Seuil/Presses du réel, 1994.

36. См.: Бурдьё П. О государстве. См. особенно лекцию от 7 ноября 1991 года.

Она перестает быть отношением между людьми, становясь отношением между людьми, опосредованными всем государственным порядком, системой правосудия и т. д. Это значит, что забывают, по-моему, — я и сам это забывал, так что этот анализ дара пригодился мне, чтобы этот вопрос поднять, — о том, что символическая алхимия работает и в случае налогов, которые не просто инструмент обязательного изъятия средств, позволяющий государству накапливать ресурсы для перераспределения, социальных целей и т. д. Это — в силу такого оборота — еще и акт производства легитимности, производства верований. Это перераспределение, необходимое, чтобы добиться признания распределения. Иначе говоря, есть преимущество между потлачем и государством, поскольку государству всегда грозит возврат к практикам в стиле потлача, то есть к патримониальному использованию государственного механизма: вместо того чтобы поставить этот механизм магической алхимии, обмена дарами на службу признания всеобщего государства, всегда можно обратить его вспять, поставив его на службу признания личности, ответственной за перераспределение. Здесь имеет место своего рода коррупция, более глубокая, чем все формы коррупции, все способы «набить карман», как говорят в народе. Можно «набить карман» символически в силу того, что, как говорит Макс Вебер³⁷, обязательные поборы становятся предметом «патримониального» использования. Это также верно и на уровне любых институтов: как только у вас появляется председатель чего бы то ни было (председатель определенного института, Высшей школы [социальных наук] и т. д.), появляется также потенциальная возможность патримониального исполь-

37. См. в «Хозяйстве и обществе» Макса Вебера отрывок, посвященный традиционному господству и экономике (*Вебер М. Хозяйство и общество. Т. 1. С. 275–279*).

зования перераспределения, то есть в этом случае благодарность и признание получает уже не институт, который существует для перераспределения постов, помещений, преподавателей и т. д., а лицо, у которого есть полномочия управлять перераспределением. Это символическое злоупотребление, которое, с моей точки зрения, намного опаснее материальных злоупотреблений, которые часто ему сопутствуют, присуще самой логике дара. Я все немного спрямил... поскольку хотел закончить с этим сегодня, прошелся по [темам], наверное, слишком быстро, и не все тут ясно, но общую линию вы поняли. Если я слишком об этом пожалею, то попробую заняться своего рода прояснением в следующий раз [*смех в зале*]...

Лекция 13 мая 1993 года

Символическая экономика и пределы экономической экономики. — Конструирование длительных отношений символическим обменом. — Постоянное воссоздание веры. — Миф империализма рынка и сопротивление коммерциализации. — Символическое измерение экономических отношений, пример трудового контракта. — Символическая логика в потреблении. — Экономические условия рационального поведения

Я ПРЕДЛОЖИЛ рассматривать дар в качестве своего рода введения в анализ социально-экономических оснований, которым я намеревался заняться. Однако это введение оказалось слишком большим, и оно грозит поглотить все то, что я хотел вам рассказать. Это беспокоит меня еще больше в силу неопределенностей, связанных с коммуникацией в сложной ситуации, я не уверен в том, что сказал именно то, что должен был или, во всяком случае, хотел сказать. Я очертил своего рода траекторию, которая ведет от дара как межличностного обмена к государству, стараясь показать по ходу дела, как можно, помимо прочего, преодолеть слишком уж расхожее противопоставление микросоциологии и макросоциологии. Переход к государству, выполненный мной с некоторым риском, хотя я неявно ссылался на то, чем занимался в прошлые годы, был, полагаю, важен для того, чтобы показать, что, обогащая исследование результатами, полученными антропологами, можно, вероятно, глубже понять отношения между гражданами и государством, которые часто становятся непонятными в силу своей привычности.

Кстати говоря, я получаю кое-какие вопросы, на которые не всегда отвечаю прямо, поскольку думаю, что ответ будет дан впоследствии в этом курсе, но у меня есть один вопрос по поводу свадебного подарка, и один вопрос, который также относится к ситуации, где ответный дар непосредственно

не обнаруживается. Автор первого вопроса — читать его я не буду, поскольку он довольно длинный, — спрашивает меня: «Почему встречаются такие ситуации, как со свадебными подарками, когда принимают подарки от людей, которым отдариваться не нужно?» Я пока уклонялся от этой проблемы. Анализируя вопрос дара, я должен был неизбежно столкнуться с вопросом оборота того особого символического объекта, которым во многих первобытных обществах является женщина, и я должен был провести связь между табу на инцест, предполагающим императив дара, и оборотом, который является основанием для наиболее фундаментальных отношений в ряде обществ. На самом деле, свадебный подарок необходимо понимать в логике этих обобщенных обменов, в которых одна семья дает другой, которая дает третьей, которая дает четвертой, которая со временем дает первой. Я лишь обозначу эту тему: одно из объяснений табу инцеста, пользующееся всеобщим признанием, объяснение, предложенное Леви-Строссом¹, состоит в том, что инцест является табу, поскольку он разрывает оборот товаров и людей. Благодаря матримониальному обмену и обменам, поводом для которых становится брак, мы оказываемся в ситуации обобщенного оборота, в которой цепочка обмена не ограничивается двумя обменивающимися людьми. Это не вполне ясно, однако этим подчеркивается, что общая экономика символических обменов, особым примером которых является дар, должна была бы заняться прежде всего матримониальными обменами и дать новую интерпретацию — думаю, что ее элементы содержались в том, что я сказал, — леви-строссовским теориям матримониальных обменов и родства. Я сказал это просто для того, чтобы заполнить то, что могло показаться серьезной лакуной.

1. *Lévi-Strauss C. Les Structures élémentaires de la parenté.*

Символическая экономика и пределы экономической экономики

Сегодня я попытаюсь выделить из анализа дара ряд интересных результатов, позволяющих понять проблемы экономики. Для начала я покажу, как анализ дара в том виде, в каком я попытался его предложить, позволяет изучать пределы тех экономических обменов, что описываются экономистами: из анализа дара выводится несколько тезисов, позволяющих охарактеризовать специфику экономики символических благ и в конечном счете задать пределы экономической экономики. Я не буду рассматривать здесь эту экономику [символических благ] систематически, поскольку надеюсь посвятить какой-нибудь годичный курс изучению принципов², общих различным формам символических обменов, — начать с домашней экономики, перейти затем к экономике отдельных универсумов (искусства, науки, религии и т. д.), в которых происходят обмены, не сводящиеся к логике исключительно выгоды или «ты мне — я тебе», и рассмотреть в итоге экономику бюрократических систем. Здесь я ограничусь чисто негативным анализом, поставившись показать только то, как анализ символических обменов позволяет ограничить амбиции классической экономической теории.

Прежде всего из анализа дара выводится то, что существуют в каком-то смысле целые экономики, являющиеся экономиками символическими,

2. П. Бурдые делает это в следующем году. В 1993–1994 гг. он будет вести преподавательскую деятельность в провинции и за границей, занимаясь многими темами, но две лекции, прочитанные в Университете Лион-II, будут посвящены «Экономике символических благ» в намеченной здесь перспективе. Они станут отправной точкой для текста, опубликованного под тем же названием в сборнике *Raisons pratiques* (P. 175–217).

особенно докапиталистические экономики, фундаментальной логикой которых выступает символический обмен, ориентированный на накопление символического капитала. Это экономики, в которых экономические обмены как таковые становятся предметом отрицания, порождая символический капитал, капитал престижа, чести, признания, причем в определенных условиях символический капитал может и сам конвертироваться в экономический. Я приводил пример барщины или помощи, кабийской *thiwizi*, и в нем хорошо видно, как капитал чести, долга, признания может конвертироваться в труд, в оказанную услугу. У докапиталистических экономик, которые работают исключительно в этой логике, есть одно положительное качество: в той мере, в какой все в них подотчетно этой логике, они являют собой общую картину тех символических обменов, которые сохраняются внутри наших обществ, с одной стороны, в островках, пребывающих почти что в первозданном состоянии, которые, однако, будучи островками, преобразованы в самой своей логике, а с другой — в более или менее затемненной или вытесненной форме — в экономике исключительно домашнего типа. Можно упомянуть о метафоре больших букв и малых, использованной Платоном³: докапиталистические экономики по-

3. Ссылка на отрывок, где Сократ предпринимает попытку определить справедливость: «Исследование, которое мы предприняли, — дело немаловажное, оно под силу, как мне кажется, лишь человеку с острым зрением. Мы недостаточно искусны, по-моему, чтобы произвести подобное разыскание, это все равно что заставлять людей с не слишком острым зрением читать издали мелко написанные буквы. И вдруг кто-то из них сообразит, что те же самые буквы бывают и крупнее, где-нибудь в надписи большего размера! Я думаю, прямо находкой была бы возможность прочесть сперва крупное, а затем разобрать и мелкое, если это одно и то же». Из этого Сократ, принимая то, что «государство больше отдельного человека», выводит, что сущность справедливости проще опре-

зволяют нам читать написанные большими буквами вещи, которые внутри капиталистических экономик встречаются лишь в смешанном, деформированном состоянии. Например, я работал с экономикой дома⁴ (я буду и далее говорить о ней): очевидно то, что в экономических обменах, возникающих в связи с жильем, обнаруживается куча докапиталистических черт⁵, но они могут остаться незамеченными, если нет натренированного глаза, способного выделять логику символического в обменах, внешне представляющихся вполне рыночными.

Конструирование длительных отношений символическим обменом

Эти докапиталистические экономики (я уже говорил о них вскользь и пользуюсь моментом, чтобы напомнить эту тему) целиком и полностью преданы

делить на первом этапе на уровне государства, а не индивида: «Мы сперва исследуем, что такое справедливость в государствах, а затем точно так же рассмотрим ее и в отдельном человеке, то есть рассмотрим, в чем меньше сходно с большим» (*Платон. Государство* // Платон. Сочинения. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 129).

4. См.: *L'économie de la maison* // *Actes de la recherche en sciences sociales*. 1990. No. 81–82: статьи из этих номеров в большинстве своем переизданы в: *Bourdieu P. Les Structures sociales de l'économie*.
5. *Ibid.*, в частности: *Bourdieu P., Bouhedja S., Christin R., Givry C. Un placement de père de famille*. P. 6–33, например: «Во многих обществах строительство нового дома является, как в старой Кабилии, коллективным предприятием, мобилизующим всю агнатическую группу в добровольной барщине (например, для переноса балок), предприятием, которое совпадает с основанием новой семьи. И сегодня идея „начать стройку“ почти всегда связывается с идеей „основать очаг“ (или расширить его), построить дом в смысле сообщества домочадцев, то есть с созданием социальной группы, объединенной связями союза и родства, которые поддерживаются связями совместного проживания» (P. 7; *Les Structures sociales de l'économie*. P. 34–35).

символическому, и это в значительной мере объясняется тем, что символические обмены — единственный, едва ли не исключительный инструмент конструирования длительных социальных отношений. Неоклассические экономисты задаются вопросом о том, как могут быть созданы социальные связи, если начинать с атомизированных, единичных индивидов, своего рода монад без окон и без дверей⁶, *homines calculantes*, замкнутых на самих себе. Этот вопрос, естественно, возникает во всяком обществе: как образуется социальная связь? Как порождаются отношения там, где их не было? И, главное, как порождаются длительные социальные отношения, которые не завершаются с завершением интеракции? Как я уже показал, отношение, образуемое и утверждаемое обменом дарами, сохраняется дольше длительности самого обмена за счет символической алхимии, которая для того, кто получил дар, создает долговременную обязанность вернуть дар: тот, кто дает, обязывает того, кто получает, делает из него обязанного, а потому учреждает его на длительное время в качестве зависимого от себя. В обществах, в которых экономические механизмы не сформированы в том виде, в каком они существуют в наших обществах, люди обязаны быть обязывающими, поскольку удержать другого на длительное время иным способом в них невозможно (например, его нельзя удержать за счет заработной платы...).

Эти экономикки поднимают интересную проблему: можно представить себе социальные универсу-

6. Эту формулировку часто связывают с Лейбницем, вероятно из-за двух следующих высказываний: «Монады вовсе не имеют окон, через которые что-либо могло бы войти туда или оттуда выйти» (Монадология [1714]. § 7); «[...] ничто не входит естественным путем в наш дух извне, и лишь по дурной привычке мы думаем, будто душа наша принимает в себя нечто вроде образов, извещающих ее о предметах, как если бы она имела окна и двери» (Рассуждение о метафизике [1686]. § xxvi).

мы, в которых объективные ограничения экономических механизмов или же механизмов, связанных с экономическими (например, механизмы системы образования, которая производит долгосрочные дипломы), утратили свою эффективность. В подобных универсумах можно было бы наблюдать развитие социальных отношений, например между начальниками и подчиненными, очень близких тем, что обнаруживаются в докапиталистических обществах; господствующие были бы обязаны быть обязывающими (если использовать только что введенное мной выражение). Когда экономические, юридическо-бюрократические инстанции и все социальные механизмы, гарантирующие длительные в силу самой своей иерархичности отношения, приостановлены, отношения между господствующими и подчиненными меняются и снова заколдовываются. Господствующие вынуждены тогда устанавливать обменные отношения символического типа, которые являются единственным способом удержать другого, когда иначе его удержать невозможно.

Облик докапиталистических обществ, складывающийся из того, что я только что сказал, оказывается весьма двусмысленным. Я думаю, что очарование, которое ощущают антропологи, сталкиваясь с некоторыми весьма архаичными крестьянскими обществами⁷ (поскольку в Европе их больше почти нет), обусловлен именно тем, что социальные агенты обязаны быть обязывающими: здесь действуют своего рода чары социальных отношений, объясняющиеся отрицанием экономических отношений во всей их грубости, отказом от социальных отношений инструментального типа, но есть здесь и своего рода удивительная растрата энер-

7. В 1983–1984 гг. П. Бурдьё предложил ряд соображений на тему зачарованности антропологов «заколдованным» характером первобытных обществ. См.: Bourdieu P. *Sociologie générale*. Vol. 2. P. 214 sq.

гии, необходимая, чтобы маскировать истину обменов. Я уже приводил несколько примеров и мог бы приводить их бесконечно. Я также мог бы рассказать о том, что, когда получаешь нечто, какой-нибудь пустяк, всегда надо вернуть. Также я могу рассказать о переговорах, которые велись в Кабилии по случаю бракосочетаний. В этих переговорах человек чести представляет делом своей чести получить максимально высокие матримониальные компенсации, поскольку это вопрос ценности семейства⁸. Коллективное в каком-то смысле дело чести семьи разыгрывается в том, что может показаться грязной торговлей, однако эта грязная торговля завершается актом щедрости, состоящим часто в том, что отдается больше того, чтобы было получено, чтобы показать, что у тебя достаточно чести, чтобы получить хорошую цену от тех, с кем ты ведешь переговоры (то есть ты достаточно ловок и достаточно хорошо владеешь ценностями чести, чтобы добиться признания этой цены), но также чтобы вернуть то, что удалось получить, и доказать бескорыстную природу всего процесса.

Имея дело с такими вещами, вы не можете не поразиться этической и человеческой виртуозности, а поскольку ценности, признаваемые в таких упражнениях, универсальны (я и в самом деле считаю, что все общества вытесняют экономику, по крайней мере официально), невозможно сдержаться от своего рода гуманистической дрожи. Все антропологи испытывали ее — например, в «Печальных тропиках»⁹. Однако научный реализм заставляет разьяснять то, что эта гуманистическая дрожь обоснована экономическими причинами,

8. См.: Bourdieu P. La parenté comme volonté et comme représentation // Bourdieu P. Esquisse d'une théorie de la pratique. P. 83–215; Бурдьё П. Социальные функции родства // Бурдьё П. Практический смысл. С. 312–394.

9. Леви-Стросс К. Печальные тропики. М.: АСТ; Астрель, 2010.

экономикой, которая не является экономикой экономического. Она обоснована тем, что это универсумы, в которых люди в каком-то смысле обречены на щедрость, — но это не значит, что щедрость на самом деле не щедра, — точно так же, как в более современных обществах знать тоже обречена на щедрость¹⁰, поскольку последняя — единственный способ сохранять длительное время свой ранг в глазах людей, которые этот ранг признают.

(Это своего рода фатальность, и важно знать об этом, иначе можно подумать, что есть более человечные люди. Более человечные люди и в самом деле бывают, но только когда даны условия для того, чтобы они показывали себя более отвечающими той идеальной идее о человеке, которая у нас имеется. В то же время исследования вроде моего всегда кажутся своего рода редукцией, они всегда внушают ужас тому же *Esprit*¹¹, и можно подумать, что я отъявленный антигуманист. Существуют экономические и социальные условия возможности гуманизма, и я думаю, что забывать о них — не слишком-то гуманно, поскольку тем самым сертификат гуманизма выдается тем, кто выполняет социальные условия гуманизма, тогда как другие отвергаются как варвары. Следовательно, очень важно напомнить о том, что существуют социальные и экономические условия возможности гуманизма, — хотя бы для того, чтобы бороться, по-

10. См. историю о герцоге Ришелье, взятую у Норберта Элиаса, которая приводилась в лекции от 8 апреля 1993 года.

11. Журнал *Esprit*, основатель которого открыто называл себя сторонником гуманизма, регулярно критиковал исследования П. Бурдьё. Например, работа *La Reproduction* стала предметом язвительной рецензии историка Антуана Проста, озаглавленной «Бесплодная социология» (*Une sociologie stérile*). Точно так же поводом для бурной полемики стало и «Отличие»: *Raynaud P. Le sociologue contre le droit // Esprit. 1980. No. 3. P. 82–93; Bourdieu P. Où sont les terroristes? // Esprit. 1980. No. 11–12. P. 253–258.*

куда мы вообще за гуманизм, за то, чтобы экономические и социальные условия доступа к гуманизму распределялись как всеобщие условия или, во всяком случае, не так неравномерно, как сейчас.

Альтернатива оптимизма и пессимизма определяет наиболее простое суждение, которое можно вынести по тому или иному мыслителю: когда не получается читать то, что есть в самих работах, всегда можно сказать, что это плохо или хорошо, оптимистично или пессимистично... Вот почему в наши дни многие светские или журналистские суждения о работах такого типа представляют собой нулевую степень оценки. Такой анализ [подобный предложенному выше] — оптимистический он или пессимистический? Это неизвестно: реальность устроена так, что вещи всегда тождественны себе и себе противоположны.)

Постоянное воссоздание веры

Итак, я говорил, что существуют человеческие условия, в которых социальные агенты в каком-то смысле обречены на гуманность и в силу этого факта они нас так или иначе притягивают. В этой связи мне вспоминается известная фраза Макиавелли о республике как режиме, в котором люди заинтересованы в доблести¹², — это то же самое. Это рас-

12. Это замечание П. Бурдьё заставляет вспомнить некоторые пассажи из Макиавелли: «Причины этого нетрудно понять: не частные интересы возвеличивают государство, а общее благо. Заботятся же об общем благе одни только республики, ибо они исполняют все, что клонится к общей пользе. Если же принимаемые меры затрагивают кого-либо из частных лиц, большинство остается на стороне общего интереса и заставляет предпочесть его благодаря мнению немногих обиженных» (*Макиавелли Н. Рассуждение о первой декаде Тита Ливия // Макиавелли Н. Рассуждение о первой декаде Тита Ливия. Государь. М.: РОССПЭН, 2002. С. 145*). Или же: «Ни одна пра-

суждение о кабилском обществе или докапиталистических обществах приводит к политическому выводу: если хочешь создать общества, в которых социальные отношения имели бы тот же заколдованный и заколдовывающий характер, что имеется у определенных социальных отношений в докапиталистических обществах, необходимо создать условия, то есть, к примеру, сделать так, чтобы отношения иерархической зависимости утратили свой грубый характер, чтобы господствующие были обязаны ежесекундно творить собственное господство. Я приведу совсем простой пример. В «Докладе Коллеж де Франс об образовании и будущем»¹³

вильно устроенная республика никогда не оправдывала проступки своих граждан их заслугами; установив награду за добрый поступок и наказание за дурной, она вознаграждает человека за хорошее, но если потом он поступает дурно, наказывает его, не вспоминая о прошлых заслугах» (Там же. С. 67).

13. П. Бурдьё сыграл очень активную роль в заказе и составлении этого доклада, представленного президенту республики в 1985 году. Отрывок, на который ссылается П. Бурдьё, выглядит так: «Следовало бы также работать над отменой или уменьшением тенденции к сакрализации диплома об образовании, ставшего своего рода гарантированной образованием социальной сущностью, которая в наших обществах выполняет функцию, в точности напоминающую знатный титул в былые времена, поскольку она запрещает некоторым мараться выполнением определенных работ, считающихся недостойными, а другим — стремиться к будущему, им недоступному. Поэтому было бы важно заново оценивать реальные достижения: например, вводить при любом наборе персонала определенный выборный контингент, продвигаемый на основе выполненных работ и реальных достижений (например, если брать частный случай преподавателей, внедрения образцовых педагогических инноваций или исключительной преданности делу). Один из наиболее серьезных пороков французской бюрократической системы состоит в том, что неспособный человек с образовательной гарантией и компетентный человек, лишенный академических регалий, навеки разделены, словно дворянин и простолюдин, со всех социально значимых точек

содержалось крайне революционное предложение, которое, конечно, никто не заметил. Оно заключалось в том, что можно придумать дипломы об образовании ограниченного срока годности, например, они могли бы действовать пять лет и не были бы возобновляемыми. Предложение заменить пожизненные дипломы дипломами с ограниченным сроком действия означало бы фундаментальное изменение педагогических отношений и всех властных отношений, основанных в какой-то мере на дипломе. Это очень простой пример, позволяющий понять, что эти исследования не относятся к области чистой спекуляции. Докапиталистические общества работают в логике непрерывного творчества, поскольку им приходится ежесекундно воссоздавать отношения: отношения между хозяином [в сельскохозяйственной эксплуатации] и его слугой или его издольщиком покоятся в значительной части на предрасположенностях и чувствах. То же самое относится к внутренней части домашних отношений в наших обществах: они в значительной части опираются на предрасположенности и чувства. В то же время они в каком-то смысле постоянно под вопросом. Они переживают кризисы, кото-

зрения. Отбор по диплому вреден только в той мере, в какой он продолжает действовать, выходя за рамки заданной ему цели, на протяжении всей карьеры, поскольку реальной оценкой выполненного труда неявно пожертвовано ради корпоративистских интересов и неверно понятой защиты наемных сотрудников. Следовало бы работать над преобразованием регламентов и менталитетов именно для того, чтобы, сохранив функцию дипломов об образовании как последней гарантии от произвола, они принимались в расчет на ограниченный период времени и никогда в качестве исключительного фактора, то есть чтобы они принимались как одна составляющая из многих» (*Propositions pour l'enseignement de l'avenir élaborées à la demande de Monsieur le Président de la République par les professeurs du Collège de France*. Paris: Collège de France-Presses du Palais-Royal, 1985. P. 23).

рые суть кризисы веры, и эту веру надо постоянно воссоздавать.

Миф империализма рынка и сопротивление коммерциализации

Итак, существовали целые общества, которые работали согласно этой логике символического (сегодня их почти не осталось). В приводимых мной примерах я мог постоянно переходить от капиталистических обществ к нашим именно потому, что в наших обществах есть регионы, которые по-прежнему работают в соответствии с этой логикой. Говоря в целом, логика «ты мне — я тебе», которую я противопоставлял логике дара/ответного дара, завоевала экономический универсум в капиталистических обществах не полностью. Господствующее представление, предлагаемое экономистами, подразумевает, что революция, о которой говорил Мосс, окончательно завершилась, словно бы логика «ты мне — я тебе», наличного расчета получила всеобщее распространение в экономическом универсуме в целом¹⁴. Чтобы определить социологические пределы значимости экономических теорий, предполагающих, что рынок существует как автономный институт, самодостаточный и не испытывающий влияния со стороны [вне?]

14. П. Бурдьё много раз упоминал этот момент, и можно уточнить, что Марсель Мосс шел в том же направлении. Например: «И поскольку мы установим, что мораль и экономика подобного рода продолжают постоянно и, так сказать, подспудно функционировать и в наших обществах» (*Мосс М. Опыт о даре. С. 138*); «Именно наши западные общества, причем очень недавно, сделали из человека „экономическое животное“. Но мы еще не полностью превратились в существа подобного рода» (*Там же. С. 277*).

экономических¹⁵ факторов, и что существуют агенты, действующие исключительно по рациональному расчету, необходимо напомнить (это пока еще очень общее замечание, но это важно), что на самом деле логика рынка в том виде, в каком ее описывает экономика, полностью вообще нигде не применима, даже на бирже или финансовом рынке, и что есть универсумы внутри современного экономического мира, где она практически никогда не применяется. То есть у нас есть *континуум*, начинающийся там, где эта логика применяется очень редко или вообще не применяется, и заканчивающийся там, где эта логика должна применяться все больше и больше, но она, вопреки всему, остается своего рода нормой, к которой логика практик стремится, никогда в полной мере ее не достигая.

По сути, анализ дара заставляет поставить под вопрос не что иное, как миф об империализме рынка. Эту мифологию мы встречаем у марксистских мыслителей (вспомните знаменитый отрывок Маркса из «Манифеста Коммунистической партии» о «ледяной воде» экономического расчета, метафоре расчета, который захватывает все подряд и постепенно разъедает все социальные отношения¹⁶), но также, к примеру, у Зиммеля, который настаивает на том, что денежная эквиваленция якобы разрушает ценности¹⁷ и приводит на сексуальном рынке к развитию проституции (проституция — одна из любимых тем этих теоретиков обмена с наличным расчетом¹⁸), на политическом рынке — коррупции, на матримониальном рынке — брака по расчету и т. д. Мысль в том, что все покупается,

15. П. Бурдьё, вероятно, оговорился, по смыслу текста должны быть определены «внеэкономические факторы».

16. См. цитату в лекции от 8 апреля 1993 года, с. 58, сноска 12.

17. См. в частности: *Simmel G. Philosophie de l'argent* / P. Ivernel (trad.). Paris, PUF, «Sociologies», 1987 [1900].

18. Ibid. P. 473–498.

все становится товаром; закон экономики приводит к своего рода коммерциализации, маркетизации, которая уничтожает все ценности. Эта точка зрения встречается в явном виде как у марксистов или поклонников марксизма, у которых она выполняет критическую функцию, так и у неоклассических теоретиков, которым она представляется неким самоочевидным положением, но все дело в том, что она совершенно расходится с фактами.

Теперь я перескажу по памяти классическую книгу Титмуса (мне следовало бы поговорить о ней, когда речь шла о даре) под названием *The Gift Relationship* («Отношение дара»¹⁹), в которой рассматривается рынок крови (не зараженной крови²⁰), обмен кровью путем переливания. Книга вписывается в логику разоблачителей эффекта коммерциализации. Один из тезисов, в ней выделенных, состоит в том, что обмены кровью, основанные на бескорыстном щедром даре, на добровольности, намного более эффективны в техническом плане и намного менее опасны в плане морали, чем обмен, основанный на коммерциализации. Когда происходит переход от добровольного пожертвования крови к коммерческому пожертвованию, то есть за определенную компенсацию, снижается техническое качество (возникают риски и т. п.), а также возникает опасность деморализации (это терминология, которую использует сам автор), то есть формирования у социальных агентов идеи, что все продается, все подвергается коммерциализации, а также опасность некоего упадка альтруизма и солидарности. Титмус подчеркивает, что для неко-

19. *Titmuss R. M. The Gift Relationship: From Human Blood to Social Policy.* London: Allen & Unwin, 1970.

20. Это уточнение связано с тем, что во время чтения курса у всех на слуху было «дело о зараженной крови». Оно разразилось во Франции в начале 1990-х гг. и было связано с использованием в 1980-е гг. продуктов из крови, зараженных вирусом ВИЧ.

торых видов благ (крови, органов для трансплантации и т. д.) подходит только дар, объясняя это причинами, которые я только что назвал. Можно было бы привести много других примеров таких позитивно-нормативных исследований, но Титмус очень интересен, поскольку хорошо показывает то, что есть такие зоны человеческого существования, в которых логика торговли вдруг сталкивается с сопротивлением (люди больше шокированы, когда на деньги обменивают кровь, чем когда обменивают пирожные): следовало бы задаться вопросом о ценностях, связанных с определенными благами, благодаря каковым ценностям возникает спонтанное нежелание относиться к ним так же, как к товарам²¹. В то же время Титмус выводит из этого нормативные заключения, которые заставляют его скрывать наиболее интересный момент его вклада, а именно то, что не все подвергается коммерциализации и что последняя сталкивается с сопротивлением, принцип которого необходимо прояснить. Как только мы оказываемся в логике реальных обменов, выясняется, что существует определенный спектр благ, оборот которых подчинен социальным ограничениям, такой логике отрицания во фрейдовском смысле, что в конечном счете возникает ощущение, что их обменивают, словно бы отказываясь ими обмениваться, то есть отрицают саму возможность обмениваться ими в том самом акте, в котором они обмениваются, пытаются сублимировать обмен товарами, превращая его в обмен дарами.

По сути, исследование Титмуса предоставляет нам удобный индикатор мест сакрального; из анализа дара, предложенного мной, можно получить индикатор, своего рода термометр для мест социального сакрального. Общество раскрывает свои

21. См., в частности: *Bourdieu P. Le corps et le sacré // Actes de la recherche en sciences sociales. 1994. No. 104. P. 2* и весь номер под названием *Le commerce des corps*.

сакральные ценности, демонстрируя то, что оно желает обособить от обычного обмена. Сегодняшние споры о даре органов также очень интересны. Что бы о них ни думать и какие бы позиции ни занимать, они раскрывают наличие одного из мест, в которые социальная группа в определенный момент инвестирует свои ценности и выдает тот факт, что она инвестирует некие ценности, не позволяя обращаться с этими вещами как с товарами. Следовательно, можно было бы попытаться описать степени сакрального и регионы сакрального через степени трансфигурации обмена, задействованного в том или ином регионе социального порядка.

Символическое измерение экономических отношений, пример трудового контракта

Я мог бы углубиться в рынок труда: этот индикатор можно было бы взять, чтобы попробовать увидеть, к примеру, какие из услуг становятся предметом обмена и договора, а какие не вписываются в договор, даже если неявно они входят в социальное определение рассматриваемой услуги. Так, можно было бы взять тексты коллективных соглашений, которые, как вам известно, заключаются после очень сложных переговоров между профсоюзами, представителями руководства и т. д. и целью которых является определение обязательств и прав, внутренне связанных с определенной социальной позицией. В этих коллективных соглашениях, которые, как всякий плод переговоров, часто непонятны даже тем, кто их подписывает, говорится, что у кладовщика есть право носить синюю или серую спецовку. Эти вещи кажутся малозначительными, но на самом деле они крайне важны, если понимать, что они отвечают на вопрос о том, что можно реально требовать в отношении подчинения, в трудовых отношениях.

Чтобы проиллюстрировать это, могу сослаться на недавнюю статью Бодло и Голлака в журнале *Insee* «Экономика и статистика»²². Они проанализировали отношение между заработной платой и определенными качествами профессий (проанализировали чисто статистически — это, скорее, сырые данные, которые надо бы продумать намного глубже, основываясь на вопросах, которые я только что поставил). Они, конечно, сразу говорят, что гипотеза унифицированного, единого рынка, которую принимает неоклассическая экономика, недостаточна. Например, хорошо известно, что вредные условия труда компенсируются более высокой зарплатой. Но интересно, что, как они заметили, зарплата зависит от вещей, которые не поддаются прямой квантификации и не подлежат простому коммерческому обмену. Зарплата зависит от таких вещей, как наблюдаемая тяжесть условий труда, но, поскольку речь идет о наблюдаемости, тяжесть сама оказывается зависимой еще и от категорий восприятия: некоторые параметры условий труда более заметны, чем другие, при данном состоянии наиболее общих категорий восприятия. Например, рабочие гораздо лучше защищены от жары, чем от холода: существует корреляция между заработной платой и применением обмундирования, защищающего от жары или кондиционированного воздуха, но нет никакой корреляции или даже есть негативная корреляция в случае работ, проводимых в условиях непогоды, на холоде, например строительных работ. Дело в том, что те, кто способны навязать принципы оценки, то есть господствующие, ставят жару выше холода. Но у подвластных такие ценности (необходимо «терпеть боль» и т. д.), что, по сути, в силу своего рода сговора с собственной эксплуатацией они соглашаются с господствующим

22. *Baudelot C., Gollac M. Salaires et conditions de travail // Économie et statistique. 1993. No. 265. P. 65–84.*

принципом восприятия, хотя и по иным причинам. Они считают, что иначе избежишь, и то же самое относится, к примеру, к тяжестим: «Нельзя жаловаться на тяжести, ты же не слабак...» Здесь налицо некие скрытые переговоры, поскольку статистика регистрирует не что иное, как результат силовых материальных и символических отношений. В этих скрытых переговорах задействованы, несомненно, как господствующие, так и подчиненные категории восприятия. В целом невозможно понять отношения между наемными работниками и собственниками предприятий, не привлекая неэкономические в точном смысле этого слова качества, такие как представление о профессиях, их социальный образ и т. д. Точно так же, если пройти дальше в направлении, которое я недавно выделил в связи с коллективными соглашениями, то есть правилами, определяющими права и обязанности работников в определенном положении, станет ясно, что та огромная часть фундаментальных для экономической жизни обменов, которую составляют трудовые контракты, является, строго говоря, неэкономической, поскольку привлекает в качестве существенного фактора символическое измерение, ценности, репрезентации и т. д.

Беккер, которого я буду часто поминать, поскольку это в определенном смысле один из самых варварских экономистов, попытавшийся распространить экономические модели за пределы обычных территорий классической экономики (он вначале работал над образованием, а потом, осмелев, взял приступом и другие темы, в частности семью²³), совершенно забывает о символическом аспекте профессий, когда изучает доходность

23. См., в частности: *Becker G. S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. Chicago: University of Chicago Press, 1964; *Becker G. S. A Treatise on the Family*.

диплома об образовании, то есть корреляцию, которую можно установить между длительностью обучения как индикатора образовательного капитала и заработной платой. Я возьму очень простой пример: благодаря статистическим исследованиям хорошо известно, что, чем выше по социальной иерархии, тем чаще выбирают карьеру преподавателя, а не учителя, поскольку преподаватель — это та же профессия, что и у учителя, но подвергнутая эвфемизации, утонченная, облагороженная (сказать, что ты преподаватель, — не так скучно, как сказать, что ты учитель). Говоря в целом, нечеткие позиции социального пространства, позиции плохо определенные — это места, привилегированные убежища для людей высокого происхождения, которые не обладают необходимыми титулами²⁴: лучше быть горшечником в Провансе, чем грузчиком в магазине ВНУ. Я привожу крайние примеры (преподаватель/учитель уже ближе к реалиям); если бы мы углубились в детали, следовало бы проработать их намного точнее.

Для понимания этих явлений нужно, очевидно, помнить о том, что, хотя вознаграждение является составляющим элементом профессии, заработная плата лишь в незначительной мере объясняет реальное социальное определение той или иной профессии. Например, в коллективных соглашениях очень важно название профессии: люди могут бороться за то, чтобы их называли не «почтальонами», а «служащими»²⁵. Но поскольку социальная борьба часто проходит несколько этапов, нередко, как только имя изменили, начинают требовать привилегий, связанных с этим новым именем, то есть борьба идет

24. См.: Muel-Dreyfus F. *Le Métier d'éducateur*. Paris: Minuit, 1983.

25. Почтальонов (*facteurs*) государственной почты перекрестили в «служащих» (*préposés*) в соответствии с законом 1957 года (действовал до 1993 года), хотя на практике это не слишком сказалось.

на символической территории за получение вознаграждения, признания, но как только это признание получено, начинают бороться за традиционные преимущества, связанные с обладанием таким именем, и так далее. Я взял рынок труда, который кажется экономическим в наиболее грубом смысле слова, чтобы показать, что, если обмены и трудовые контракты свести к их строго экономическому измерению, в них просто ничего не поймешь. Если по примеру Беккера пытаться измерить социальную отдачу диплома денежными доходами, им обеспечиваемыми, упустишь 80% дисперсии; например, упустишь ценность диплома на матримониальном рынке.

Символическая логика в потреблении

Таким образом, для верного понимания экономических феноменов в их предельно экономическом варианте обязательно привлекать символическое измерение, тоже обладающее определенной экономикой. Речь не о том, что нужно привлечь символическое так, как это делают социологи (на самом деле они называют его не «символическим», а «социальным», что вообще ничего не значит), в качестве своего рода «дополнения души», то есть чтобы размежеваться с чистыми и строгими экономистами, которые занимаются уравнениями, кривыми и т. д. Где-то двадцать лет назад я работал с фотографией²⁶, и у меня был доступ к исследованиям, которые одна из крупных фотолабораторий заказала нескольким исследовательским центрам. Эти исследования всегда делились на две части: часть строго экономическая, с уравнениями, обычно очень простыми, вроде $C=f(R)$, и вторая часть на несколько страниц, где какой-нибудь психоаналитик (скорее плохой психо-

26. Bourdieu P. (dir.). Un art moyen. Essai sur les usages sociaux de la photographie. Paris: Minuit, 1965.

аналитик... [*смех в зале*]) говорил то, что психоаналитик может сказать о фотографии. У экономистов было свое «дополнение души» в виде психоанализа. Это было очень распространено, и во многих исследовательских центрах это по-прежнему так... Из-за таких ограничений не принимаются в расчет существеннейшие вещи, у которых есть своя экономика: например, тот факт, что практика фотографии связана с семейными праздниками, что она становится необходимым элементом ритуала воссоединения. Эту экономику нужно изучать. Так, вспышка добилась значительного успеха, поскольку позволила делать семейные фотографии (главная семейная фотография — это фотография рождественская); она технически раздвинула пределы фотографируемого и, кроме того, добавила яркий свет, являющийся элементом праздника. Чтобы понять это, необходимо было провести анализ экономики фотографических практик, привлекая символическое измерение в качестве чего-то конститутивного для самой практики, а не как добавку, которая должна объяснить остаток случаев, которые объяснить не удается, — на это экономисты были согласны. Точно так же, когда я работал с экономистами над проблемой фертильности²⁷, первым делом в голову приходила мысль передать социологам разные курьезы (матери-подростки и т. п.), но меня интересовали, как и всех, обычные кривые фертильности, распределенные по полу, возрасту, уровню дохода и т. п. Социологи, к сожалению, слишком охотно соглашались с той картиной социологии, которая представляет ее как в каком-то смысле вторичную науку, объясняющую пережитки, как говорил еще Парето²⁸.

Итак, я думаю, что в социологии профессий или трудовых контрактов к полной экономике об-

27. Bourdieu P., Darbel A. La fin d'un malthusianisme // Darras. Le Partage des bénéfiques. Paris: Minuit, 1966. P. 135–154.

28. См. выше лекцию от 6 мая 1993 года, с. 115, сноска 10.

мена трудом нужно привлекать символический обмен. Например, одна из стратегий владельцев производства состоит в том, чтобы платить «фан-тиками», символическими деньгами, выдавать символическое, чтобы не давать экономическое, что является довольно опасным, поскольку позже люди могут опереться на символическое, чтобы получить экономическое, как я только что сказал. Я мог бы привести много других примеров. Область, в которой сведение всего к экономической экономике особенно поражает, так что даже самым бесстрашным экономистам немного не по себе, — это порядок потребления. Очевидно, что различные виды потребления очень сложно объяснить (потребление чего бы то ни было, даже продуктов питания), если не учитывать их символический аспект. Раньше в разных исследованиях мне доводилось работать с людьми из *Insee*. Для классификации продуктов они использовали таксономии, которые, как это часто бывает у исследователей, просто переносились из здравого смысла в науку. Например, в категорию «фрукты» попадали и бананы, и апельсины, а в категорию «крахмалистые продукты» — и зеленая фасоль, и белая²⁹. Достаточно немного подумать об этих продуктах как одновременно материальных и символических, воспринимаемых совершенно по-разному, а потому и относящихся к дифференцированным универсумам, чтобы понять, что зеленая и белая фасоль решительно противоположны друг другу, хотя бы в силу диетических причин. В том случае, когда, к примеру, господствующие категории восприятия отдают предпочтение худобе, элегантности, очевидно, что привилегию получает зеленая фасоль. Все социальные категории проводят это различие, но у них не одна и та же точка зрения на него.

29. См.: Bourdieu P. La Distinction. P. 20, где также упоминаются категории «зерновые» или «рис».

Эти крайне простые примеры заставляют полностью переопределить понимание феноменов потребления, помня о том, что в любом материальном товаре собственно экономический и собственно символический аспекты так же неразделимы, как лицевая и оборотная сторона листа. Единственное, с чем, возможно, стоит согласиться, так это с тем, что относительный вес символического в потребительских решениях, а также в способах практического применения может меняться в зависимости от конкретного товара. Символический аспект определенно больше, когда речь идет о картине известного художника, а не куче угля. Не случайно Бен, авангардный художник, выставил в Бобуре кучу угля: это было сделано, чтобы превратить ее в произведение искусства самим фактом экспозиции³⁰. Эти вещи связаны.

Следовательно, символический аспект присутствует всегда, хотя, возможно, в разные моменты истории и в зависимости от разных категорий восприятия агентов (и, соответственно, их положения в социальном пространстве) его удельные веса разнятся. По сути, можно сказать, что моя книга «Отличие», в которой я анализирую социальный узус товаров различных типов и вкус как социально сформированную систему предпочтений, — это книга об экономике потребления, которая напоминает о том, что всеобщие, внеисторические системы предпочтений, создаваемые экономистами для самих себя, являются чистым вымыслом. В своей знаменитой статье *De gustibus non est disputandum*³¹, написанной вместе со Стиглером, Беккер

30. Отсылка к работе Бена, представленной на выставке «По поводу Ниццы» (*À propos de Nice*), организованной по случаю открытия центра Бобур в 1977 году.

31. *Stigler G. J., Becker G. S. De gustibus non est disputandum // The American Economic Review. 1977. Vol. 67. No. 2. P. 76–90; Стиглер Дж., Беккер Г. С. De gustibus non est disputandum // Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический*

утверждает, все с тем же бесстрашием, что нет смысла спорить о вкусах и цветах. Однако вкусы, системы предпочтений не могут рассматриваться в качестве внеисторических инвариантов, вне их генезиса: опыт показывает, что решения о покупке материальных или потребительских благ, домов, как и культурных благ, руководствуются суждениями вкуса, которые сами суть продукт предрасположенностей (того, что я называю габитусом или вкусами), которые, в свою очередь, продукт определенных социальных условий. То есть мы снова и снова сталкиваемся с этим парадоксом, состоящим в том, что экономисты забывают об экономических и культурных условиях экономических суждений. Именно об этом напоминает исследование вроде того, что было проведено мной в «Отличии»: рациональный, разумный экономический агент, делающий вполне определенные вещи, подстраивающий свое потребление под свои возможности, является продуктом общих исторических условий, свойственных определенной эпохе, но специфицированных положением, занимаемым им в социальном пространстве и обозначаемым его доходом, а также культурным капиталом. Чтобы понять то или иное потребительское решение, нужно, следовательно, знать структуру предложения (пространство продуктов), у которой есть своя история, сама исторически детерминированная, и структуру предрасположенностей, которая ориентирует, направляет решение и обладает этическим аспектом, является в определенной мере этосом. Например, выбор одежды связан с весьма глубокими предрасположенностями, имеющими отношение к телу, сексуальности, косметике и т. д.

подход. Избранные труды по экономической теории. Москва: ГУ—ВШЭ, 2003. С. 488–518). П. Бурдьё вернется к этой статье в лекции от 27 мая 1993 года. См. также: *Bourdieu P. La Distinction. P. III. Note 4.*

В «Отличии» есть таблица, представляющая собой одну из самых удивительных вещей, с которыми может столкнуться социология. Я обнаружил ее, когда книга была уже почти готова, и мне пришлось постараться, чтобы вставить ее в книгу, но она была настолько красноречива, что я пренебрег всеми ограничениями³². Эта таблица была составлена исследовательским центром по запросу одной косметической компании. В таблице были сведены различные данные о женщинах — показано распределение ряда практик в зависимости от положения в социальном пространстве: например, времени, расходуемого на макияж, охвата талии и т. д. То есть эти практики являются показателем инвестиций в косметику и, следовательно, предрасположенности вкладывать средства в управление социальным образом тела. Эти статистические данные просто ошеломляют, в них заметен немного пугающий детерминизм... Они показывают, что такие фундаментальные решения, как выбор макияжа, время, которое на него расходуется, интерес к объему и весу тела, инвестиции в гимнастику — все это находится в чрезвычайно тесной связи с экономическими условиями возможности и невозможности, а также с весьма общими этическими предрасположенностями (такими как аскетизм или ригоризм), применение которых обнаруживается и в любых остальных областях — в сексуальных практиках, пищевых и т. п.

Я кратко напоминаю обо всем этом тем, у кого нет интуитивного понимания этих вопросов и знакомства с ними, чтобы показать, что экономистское представление, заставляющее думать, что империализм рынка поглотил едва ли не все области чело-

32. Bourdieu P. La Distinction. P. 226. Таблица была составлена в исследовании IFOP и «Исследовательской группы» Marie Claire: «Француженки и красота» (*Les Françaises et la beauté*), декабрь 1976 г.

веческой практики, абсолютно неверно. Как в области производства, так и в области потребления необходимо, если стоит задача строго и по возможности полно объяснить практики, привлекать, с одной стороны, символический аспект благ и, с другой — предрасположенности агентов, сформированные социально, то есть социально дифференцированные и исторически изменчивые. Всеобщий и вневременной экономической агент является, следовательно, чистым вымыслом. Вопрос, однако, в том, почему модели, построенные на гипотезе всеобщего экономического агента, все-таки не такие уж ложные, — это отсылает к игре на «рациональном» и «разумном», которую я уже несколько раз упоминал, но эту проблему я обойду, поскольку она увела бы меня слишком далеко в сторону.

Экономические условия рационального поведения

Итак, размышление о символическом обмене приводит к необходимости выяснить пределы экономистской точки зрения, ограниченной в том числе и на тех территориях, где экономист вроде бы одержал безусловную победу. Но, кроме того (я вкратце проговорю это и остановлюсь на этом), я в последнее время часто использовал примеры, которые позволяли мне легко переходить от докапиталистических обществ к нашим обществам, указав несколько раз, что мыслить всегда нужно реляционно: островки докапиталистической экономики, которые сохраняются в наших обществах почти что в первоизданном виде, видоизменяются в силу того простого факта, что они погружены в пространство, в котором действуют ценности экономической экономики, по крайней мере как идеал и как официально признанная возможность. Иначе говоря, тот факт, что универсум, в котором при-

нято считать, рассчитывать, давать в кредит, напоминать о сроках выплаты по кредиту, существует законно, влияет на островки, в которых сохраняется докапиталистическая экономика. Этот анализ я как раз и наметил в связи с безвозмездным и платным: когда платное формируется в качестве платного, точно так же задается и безвозмездное в качестве такового. Для меня это было открытием [когда стало возможным понять это конкретно]...

(Есть вещи, которые знаешь абстрактно и которые надо открыть заново, и именно по этой причине социальные науки, по моему мнению, сложны, а их преподавание немного напоминает обучение мудрости: абстрактно можно понимать, ничего не понимая, если вспомнить одно из наиболее пронизательных выражений Сартра, который сказал о Марксе: «Я читал, и все там ясно понимал — и не понимал ровным счетом ничего»³³. Социальные науки учат вещам, понять которые в каком-то смысле сложно.)

Я читал, как и все остальные, работы о том, что понятие труда является историческим изобретением, но по-настоящему понял это, только когда работал в Алжире с экономистами из *Insee*³⁴. Они занимались абсолютно классическим анкетированием занятости и опрашивали репрезентативную выборку глав семей из всех регионов Алжира об их профессии, а затем, как это делается в анкетах о занятости, их спрашивали о том, работали ли они в день опроса, на прошлой неделе, сколько дней они про-

33. «Как раз к этому времени [к 1925 г.] я прочел „Капитал“ и „Немецкую идеологию“: я все там ясно понимал — и не понимал ровным счетом ничего. Понять значит измениться, превзойти самого себя, а это чтение меня не изменило» (*Сартр Ж.-П.* Проблемы метода // Сартр Ж.-П. Проблемы метода. Статьи. М.: Академический проект, 2008. С. 40).

34. *Bourdieu P., Darbel A., Rivet J.-C., Seibel C.* Travail et travailleurs en Algérie. P. 268–312.

работали в последний месяц и т. д. И тогда обнаружилось (я даю вам выжимку, поскольку на деле все было несколько сложнее), что в Кабилии, которая является сильным регионом со значительной миграцией во Францию, высоким и относительно давно сложившимся уровнем образования, люди, указавшие, что они не работали ни в день опроса, ни на прошлой неделе, обычно говорили, что они «безработные», тогда как в южных районах Алжира, на границе с Сахарой, где еще продолжали действовать традиционные модели, разделение труда и семейные структуры, они обычно говорили, что они феллахи, то есть крестьяне. Специалисты по статистике не придавали этому значения и думали, что это ошибка кодирования. Но мне вскоре стало ясно, что на самом деле две категории ответов различаются: люди по-разному именовали одну и ту же категорию «не-трудящегося», называя себя либо «безработными», либо «феллахами». Они неявно использовали два разных определения работы. Согласно традиционному определению работы, мужчина, достойный этого названия, — это тот, кто встает утром, распределяет работу между сыновьями и братьями (так же как женщина распределяет работу в пределах дома), а потом отправляется вести беседы в собрании других мужчин. На этом его социальная функция выполнена, его функция мужчины, и он может сказать, что работает. У кабилов, конечно, было это неявное определение, причем у них оно было заметно в большей степени в том случае, когда это были люди старшего возраста, но некоторые из них уже перешли к другому определению работы, согласно которому работа как таковая существует только в том случае, если она сопровождается денежной компенсацией (а если денежного эквивалента нет, если нет видимого отношения, то и работы тоже нет). Вот пример очень простого открытия, который показывает, что труд — это историческое изобретение.

Мы делаем ошибочные индуктивные заключения, обобщения... Экономисты занимаются этим постоянно. Своими мозгами рационального *homo economicus* они пользуются [чтобы мыслить экономику], и точно так же формальные и формалистские лингвисты-хомскианцы используют собственный язык, чтобы мыслить язык (вот вам отличная тема: пример экономистов и лингвистов). От рассуждения экономиста мне смешно, но вряд ли мне удастся рассмешить вас: предположим, я поздно вечером стою на заправке, вдали от дома, никто меня не знает, так давать чаевые или нет? А если я даю чаевые, значит ли это, что я уйду от экономической логики, поскольку я больше никогда не увижу этого работника бензоколонки? В общем, подумайте сами над этим примером экономиста... Очень часто, обобщая частный случай своего частного отношения к экономике, экономисты вводят совершенно нереальную экономическую антропологию, поскольку она устраняет экономические и социальные условия возможности экономических предрасположенностей. Примерно то же самое происходит и в случае языковых предрасположенностей: когда Хомский берет в качестве предмета исследования собственный язык, он забывает социальные условия возможности языка Хомского³⁵, то есть образовательную систему и т. п.

Точно так же экономисты забывают об экономических и культурных условиях действия, рассматриваемого в определенный момент времени в качестве экономически разумного. Я вкратце напомним о результатах исследования, о котором

35. О критике «генеративной грамматики» Хомского см., в частности: Bourdieu P. La production et la reproduction de la langue légitime // Bourdieu P. Ce que parler veut dire. Paris: Fayard, 1982. P. 23–58; переиздание: Bourdieu P. Langage et pouvoir symbolique. Paris: Seuil, «Points Essais», 2001. P. 67–98.

только что говорил (сначала они были опубликованы под названием «Труд и трудящиеся в Алжире», потом я сделал выжимку в небольшой книге «Алжир 60»). Я попытался на основе статистических данных показать — это никак не может считаться философской спекуляцией, — что экономические агенты доходят до того, что мы считаем рациональным (фактически разумным) экономическим поведением в области фертильности, где оно достигается за счет регулирования рождаемости, в области кредита, сбережений, инвестиций, потребления и т. д., когда преодолен определенный экономический и культурный порог. Этот порог очень важен для понимания феноменов, которые понимаются очень плохо. Например, есть точка зрения на нижние слои пролетариата, принадлежащая социальным работникам, точка зрения социологически понятная, но все равно ложная... Многие доклады социальных служб о нуждающихся семьях руководствуются этическим взглядом, который свойственен социальным службам. Это взгляд мелкой буржуазии в строгом смысле слова, которая получила доступ к культурным условиям калькулируемости... [*Лекция продолжается еще несколько минут, но запись остановилась на этом моменте.*]

Лекция 27 мая 1993 года

Социологи и экономисты. — Внеисторический дедуктивизм. — Двойная деисторизация. — За истористский рационализм. — Определение рынка. — Исторические условия чистой теории

ПОСЛЕ многочисленных отступлений и преамбул я наконец собираюсь перейти к основной части того, что хотел сказать в этом году, то есть в главном, но в то же время наиболее рискованному и сложному пункту. Сначала я хотел бы выделить то, что мне представляется философским основанием неоклассической экономики, а затем перейти к критике этой философии, пользуясь оружием, поставляемым самими же экономистами, которые, как я уже говорил вначале, образуют определенное поле, то есть пространство дискуссий по самим основаниям дисциплины. На третьем этапе я хотел бы предложить теоретическую альтернативу этой философии, опираясь опять же на то, что могут дать неоклассическая теория и экономисты, которые ее оспаривают [...]. Наконец, результаты этих различных заходов я проиллюстрирую размышлением об одной эмпирической работе, посвященной экономике строительства жилых домов, которую я провел несколько лет назад, и вы увидите, как мне кажется, что у тезисов, мной выдвинутых, есть определенное основание. На самом деле, эти тезисы выводятся из опыта эмпирической работы, проведенной мной: между этой работой и тезисами налажена определенная коммуникация.

Обозначив общий ход движения, я рассмотрю теперь каждый из пунктов. В последний раз я вкратце напомнил о пределах экономизма и пределах, скажем так, маркетизации социального мира и даже

собственно рыночного мира, экономического мира в собственном смысле слова. Я напомнил о существовании островков символической экономики, логика которых заключается в логике дара, которую я проанализировал на первых лекциях, а также о существовании множества экономик, из чего вытекает необходимость предложить общую экономическую теорию, способную эти разные экономики объяснить.

Социологи и экономисты

Перехожу теперь к тому, что было мной объявлено. На первом этапе я хотел бы выделить фундаментальные принципы философии этой неоклассической экономики. Мне кажется, можно сказать, не впадая в излишний схематизм, что неоклассическая экономика является в основе своей картезианской — в трех важных и фундаментальных отношениях. Во-первых, она является дедуктивистской, и, не углубляясь в длинные рассуждения, я покажу, почему то, что кембриджские философы XVIII века называли *morbus mathematicus*¹, математической болезнью, тесно связано с этим представлением о науке как науке дедуктивной. Во-вторых, она является внеисторической, деисторизированной: она описывает экономический мир как мир без истории, в каком-то смысле мир мгновенный, что также является картезианской чертой. В-третьих, она является картезианской еще и в своей теории действия и агента, которого она описывает как созна-

1. П. Бурдые заимствует эту ссылку у Эрнста Кассирера, который в «Философии Просвещения» указывает на то, что «мыслители Кембриджской школы говорят о *morbus mathematicus* Декарта, видя в этом основной недостаток его учения о природе» (Кассирер Э. Философия Просвещения. М.: РОССПЭН, 2004. С. 99).

ние, полагающее явные цели, определенные намерениями, и т.д. Иными словами, я попробую показать на примере трех этих фундаментальных моментов, что наиболее общее теоретическое основание, принимаемое большей частью экономистов, особенно тех, что относятся к *hardcore*, ядру этой традиции, представляется мне типично картезианским.

Хотел бы сразу же напомнить (я говорил это вначале, но вы все равно могли забыть об этом), что я, конечно, не собираюсь предаваться тому упражнению, которое любят практиковать социологи и которое состоит в попытках разобраться с экономикой в целом. Это одно из проявлений того, в какой мере социологи подчинены экономистам, и это глупо, поскольку в некоторых разделах экономики социологии больше, чем во многих рассуждениях с социологическими претензиями. Я решительно против мысли, будто можно рассматривать экономику в целом, говоря о ней банальности, которые у экономистов вызывают лишь смех, и не без причины. Дискуссии между социологией и экономикой всегда по ряду сложных причин избегали, но время от времени она все же происходит². Например, недавно в Гарварде была опубликована коллективная монография со статьями экономистов и социологов³. На самом деле, я считаю, что такие встречи абсолютно фиктивны: две эти дисциплины двигаются по параллельным прямым и не пересекаются даже в бесконечности. Воз-

2. Два периода, когда дискуссия была сильнее, — это конец XIX века, что было связано с маргиналистской революцией и с оформлением дюркгеймианской социологии, и конец XX века, когда начиная с 1980-х гг. в США получила развитие «новая экономическая социология».

3. Возможно, речь идет о работе: *Swedberg R. Economics and Sociology: Redefining Their Boundaries. Conversations with Economists and Sociologists.* Princeton: Princeton University Press, 1990.

никает лишь видимость дискуссии, что связано, я полагаю, намного больше с социальными различиями, чем с интеллектуальными. Если бы мы занялись генетической социологией режимов образования и отбора двух этих категорий культурных производителей, возможно, удалось бы увидеть, что многие недоразумения и несовместимости, описываемые в качестве чего-то теоретического, по существу являются несовместимостями в образовании.

Похожие вещи встречаются и в науках о природе, где существуют дисциплины с очень сильной математической составляющей, например, некоторые разделы химии, которые больше похожи на физику, и, с другой стороны, более эмпирические дисциплины. Там тоже идут своего рода теоретические религиозные войны, которые на самом деле войны за образование. В интеллектуальных вопросах наиболее серьезные линии водораздела проходят между людьми, которые ничего не знают о социальных пределах своего мозга и обычно универсализируют собственные пределы. Это логика ресентимента в том виде, в каком ее описывает Ницше: слабый говорит, что нужно быть слабым⁴. Люди, незнакомые с математикой, говорят, что не нужно заниматься математикой и что всякое приложение математики к наукам несет гибель. И наоборот, люди, которые умеют заниматься только математикой, говорят, что все то, что не является математическим и чем они заниматься не умеют, просто не существует в качестве науки. Религиозная война такого рода — полная глупость (и на самом деле она очень похожа на религиозные войны), которая не выдерживает социологического анализа. Я не хочу сказать, что социологический анализ подрывает основания религиозных войн — это было бы слишком... — но можно было

4. Ницше Ф. Генеалогия морали (1887).

бы, по крайней мере, надеяться на то, что исследователи способны применить к самим себе социологию знаний, чтобы увидеть влечения, которые скрываются под влечениями к легитимации (в девяти случаях из десяти влечения выполняют функцию легитимации недостатков). Ряд бескомпромиссных позиций по математизации социологии или, как мы видим это сегодня, по отношениям между этнометодологией феноменологического толка и математической социологией [возникают в силу этого механизма]. Речь идет о конфликте некомпетентности, и мне совсем не хочется попасть в ту же ловушку, даже если со мной такое тоже может случиться, поскольку никто не может избежать социальной детерминации. Скажем так: я обращаю внимание на то, что могу попасть в ту же самую ловушку, даже когда у меня впечатление, что я ее избежал.

Приступить к обсуждению экономики очень сложно потому, что речь идет о чрезвычайно рассеянном поле, в котором встречаются люди, делающие вещи, общим для которых является только название (то же самое, вероятно, относится и к социологии, но, по-моему, в меньшей степени). Тем не менее у этих людей, занимающихся столь разными вещами, один и тот же ярлык: они, как правило, стремятся писать в одни и те же журналы, состоят в одних и тех же комиссиях или комитетах, и ряд социальных категоризаций относит их к одной и той же группе. Но с точки зрения наиболее фундаментальных операций дисциплины они разобщены. То же самое должно относиться и к социологии: есть люди, которым не отказывают в звании социолога, но они не выполняют ни одной из операций, конститутивных для ремесла социологии в том смысле, в каком его понимаю, к примеру, я. Это поднимает определенные проблемы, и такие дисциплины с высокой дисперсией, как социология, своей социальной уязвимостью обязаны порой

именно этой дисперсии⁵. Но у экономики совершенно иное положение. Как дисциплина, которая потенциально может стать в социальных науках доминирующей, она может черпать в этой своей дисперсии поразительную силу. Я уже использовал метафору Лернейской гидры: ее невозможно сокрушить, поскольку у нее сто голов, и всегда найдется голова, чтобы ответить на возражение, предъявленное другой. Тут можно вспомнить о Церкви, которая как поле также наделена этой способностью отвечать на возражения: когда атакуют придворного кюре, всегда найдется какой-нибудь священник-рабочий⁶. Этой аналогии, я думаю, достаточно, чтобы понять то, что я хочу сказать: *в единстве* присутствует очень сильная дисперсия.

Чтобы вам было понятно, я мог бы использовать метафору великой цепи бытия. Это название знаменитой книги Лавджоя⁷, историка сравнительной литературы, который в ряде классических произведений (от Плотина до Шекспира и т. д.) выделил очень часто встречающуюся метафору великой цепи бытия, которая идет от Бога и доходит до любой букашки, создавая своего рода континуум. Я думаю, что в экономике наблюдается явление того же порядка. На одном конце мы имеем теорию общего равновесия со знаменитой моделью Эрроу—Дебре⁸, которые суть своего рода боги этой вели-

-
5. Значительную часть лекций от 23 и 30 ноября 1982 года П. Бурдьё посвятил университетским дисциплинам, образованному ими пространству, а также их характеристикам, в частности их большей или меньшей «дисперсии». См.: *Bourdieu P. Sociologie générale. Vol. 1. P. 515 sq.*
 6. П. Бурдьё и М. де Сен Мартен рассматривают вопрос единства и дисперсии католической церкви в работе: *Bourdieu P., Saint Martin de M. La sainte famille.*
 7. Лавджой А. Великая цепь бытия: история идеи. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.
 8. Кеннет Эрроу и Жерар Дебре опубликовали в 1954 году статью (*Arrow K., Debreu G. The existence of an equilibrium for a competitive economy // Econometrica. 1954. Vol. 22. P. 265–90*),

кой цепи бытия. Они занимаются чистой математикой, нисколько не заботясь... (За исключением, возможно, Эрроу, который является одним из наиболее пронизательных современных ученых. Он говорит о совершенно удивительных вещах, которые должны смущать умы. Это рефлексивный бог, который озабочен основаниями собственного существования и говорит об этом в своих исключительных текстах. У этого автора, который сам является основанием, можно встретить поразительные высказывания об основаниях экономики — было бы очень интересно развить этот момент, но я не буду этого делать, поскольку это было бы длинно и скучно.) На другом конце находится мелкий прикладной экономист, который занимается исследованием потребления домохозяйств или сбережения и которому в его собственной практике часто просто нечего делать с моделью Эрроу—Дебре, даже если он выучил ее когда-то на каком-то этапе процесса обучения. Он знает, что она есть. Он не смог бы точно воспроизвести уравнения, но он приобщен к легитимности этой священной основополагающей гарантии. Между двумя этими крайностями — куча создателей более или менее частных мелких моделей, которые тем не менее считают себя сторонниками этой теории общего равновесия, цель которой — охватить все⁹ [...]. Итак, в дедуктивистской фило-

которая считается наиболее полным доказательством «общей теории равновесия», являющейся основой микроэкономики. И Кеннет Эрроу, и Жерар Дебре получили за свои работы Нобелевскую премию по экономике — соответственно в 1972 и 1983 гг.

9. Через три года после этого курса П. Бурдые в контексте социального движения ноября-декабря 1995 года снова будет использовать метафору «великой цепи бытия» в связи с экономикой, но уже в гораздо более политическом и более широком смысле: «Одна из сил неолиберальной мысли в том, что она представляется своего рода „великой цепью бытия“. [...] В неолиберальной туманности на месте Всевышнего Бога находится математик, а в са-

софии может присутствовать ощущение, что эта великая цепь бытия является великой цепочкой дедукций. Это картезианский фантазм, который тоже начинал с Бога, чтобы прийти к творению¹⁰. Можно было бы переписать шесть размышлений*, начав с Эрроу—Дебре, и прийти к небольшой модели игр, приложимой к двум фирмам, фирмам А и В. Это несколько карикатурное изображение. Я думаю, все это важно знать, чтобы понимать, насколько сложно иметь дело с такой теорией.

У этой дисциплинарной структуры есть поразительные легитимационные эффекты, и понятно, что экономика вызывает своего рода *pavor sacer*, священный ужас, священное почтение. К ней страшно приближаться, когда у тебя нет по-настоящему высокого уровня экономической компетентности, как, например, у людей, являющихся действительно очень хорошими математиками. Экономисты и сами испытывают этот *pavor sacer*, но им служит гарантией исключение тех, кто находится за пределами дисциплины.

мом низу стоит идеолог журнала *Esprit*, который не слишком смыслит в экономике, но может дать понять, что немного в ней все же разбирается, лакируя свои речи техническими терминами. Эта очень мощная цепь производит эффект авторитета. Сомнения бывают, даже среди активистов, они частично проистекают из силы, по существу своему социальной, теории, которая наделяет авторитетом слова г-на Трише [в те годы — управляющего Банком Франции], или г-на Титмейера, председателя Бундесбанка, или какого-нибудь эссеиста. Это не цепочка доказательств, а цепочка авторитета, которая идет от математика к банкиру, от банкира к философу-журналисту и от эссеиста к журналисту» (*Bourdieu P. Les chercheurs, la science économique et le mouvement social* (выступление на вступительном заседании Генеральных штатов социального движения в Париже, 23 ноября 1996 г.), переиздано в: *Bourdieu P. Contre-feux. Paris: Raisons d'agir, 1998. P. 60–61.*)

10. См.: *Декарт Р.* Размышления о первой философии (1641).

* Имеются в виду «Размышления о первой философии» Декарта. — *Прим. пер.*

Тем не менее можно также пользоваться этим разнообразием, чтобы найти оружие, и именно эту стратегию я собираюсь применять, не для того, чтобы критиковать экономику, а для того, чтобы попытаться показать ее слабости и выстроить другую парадигму. Это может показаться чрезвычайно заносчивой задачей, и когда я предложил этот курс, у меня и мысли не было, что я дойду до заносчивости такого уровня, но, в конце концов, почему нет... Верно, что социологи — я потом процитирую замечательный текст Веблена 1898 года, тексты Дюркгейма, под которыми я мог бы подписаться и сегодня, — уже высказали, с моей точки зрения, самое главное из того, что вообще можно сказать о различии между социологией и экономикой и о фундаментальной неопределенности оснований экономики. Но можно, таким образом, взяться за этот универсум, воспользовавшись его многообразием, чтобы найти критические инструменты. Говоря кратко, есть, с одной стороны, *hardcore*, философию которого я выпишу, с изолированным индивидом, который порой получает поразительное название «репрезентативного агента» (я еще вернусь к этому понятию), с теорией рынка и теорией общего равновесия, а с другой стороны, есть ряд поправок к этой чистой теории, которые были внесены в рамках логики самой этой чистой теории людьми, являющимися гетеродоксами внутри ортодоксии, теми, что идут на своего рода частичные разрывы.

Дело в том, что, когда ты находишься в дисциплине с такой социальной силой, из нее очень сложно выйти (тогда как социологу терять нечего...). Подвластные всегда сталкиваются с этой альтернативой: у франко-швейцарца одна альтернатива: остаться во французской Швейцарии (закончив школу в Женеве или Лозанне) или же уехать в Париж; у мелких буржуа другая альтернатива — слиться с буржуазией, постоянно рискуя тем, что тебя будут одергивать, или же утвердить отличие, кото-

рое, однако, всегда будет нехваткой, лишенностью. У людей, которые не удовлетворены господствующей экономической моделью, ужасная альтернатива. Я мог бы привести в пример людей, совершающих своего рода половинчатые разрывы, которые оборачиваются тем, что их осуждают с обеих сторон. Они становятся жертвами особого осуждения со стороны *hardcore*, который видит в них предателей или же неумех, так что их отступления и нарушения воспринимаются в качестве следствия некомпетентности, а не выбора. Это в целом большая проблема для тех, кто желает создать отличие («другая литература» или что-то еще — это примерно то же самое): часто они воспринимаются в качестве людей без царя в голове¹¹. Отказ всегда можно описать как недостаток («они отказываются, потому что у них чего-то нет»); это стратегия, которая состоит в том, что подвластных упрекают в том, что они следуют ресентименту. Из-за этого они остаются в системе даже тогда, когда считают, что пошли на радикальный разрыв. (Я очень боюсь того, что те, кто знают экономику, очень хорошо понимают, что я имею в виду — я говорю почти *ad hominem*, — тогда как для всех остальных это просто болтовня... Знатоки экономики должны понимать все слишком хорошо, тогда как остальные понимают не слишком много, но так часто бывает с тем, что я здесь говорю...)

Следовательно, есть определенный центр, центральное теоретическое ядро, потом идет управляемая гетеродоксия с людьми, которые вносят поправки. Я всегда сравниваю их с Тихо Браге, который после крушения птолемеевой парадигмы пытался спасти ее, внося определенные поправки. Отчасти задачей экономики гетеродоксов, которой я буду

11. П. Бурдьё вернется к очень близким темам в своем курсе о Мане, рассматривая рецепцию художника критикой. См.: *Bourdieu P. Manet. Une révolution symbolique.*

постоянно пользоваться для реконструкции того или иного момента, является спасение парадигмы, тогда как я полагаю, что она обрушилась изнутри. Ее пытаются спасти посредством теории институтов, специфической теории игр... Наконец, внутри самого поля экономики есть оппоненты, диссиденты (тот же Чемберлен, Джоан Робинсон¹² и т. д.), использующие оружие экономики и обладающие крайне двусмысленным статусом: с точки зрения господствующих, не слишком понятно, что о них сказать... Эти оппоненты крайне важны, поскольку они касаются оснований, обладая внутренней автономией. Вот в целом каково положение вещей.

Я не собирался тратить столько времени на описание этого многообразия и его возможных следствий, но это важно, чтобы хоть немного связать структуры восприятия двух дисциплин, ведь если бы завтра проводили коллоквиум «Социологи и экономисты», 90% времени провозились бы с тем, что я только что описал: «Но с какой позиции вы говорите?» Эта элементарная, сделанная на коленке социология отношений между дисциплинами и структурами дисциплин является эпистемологически-социологическим введением ко всякому теоретическому обсуждению Вам, наверное, кажется, что я перебарщиваю, но я-то знаю, что этого мало: следовало бы

12. Родившиеся на рубеже столетий американец Эдвард Чемберлен (о котором подробнее П. Бурдьё будет говорить в лекции от 3 июня 1993 года) и англичанка Джоан Робинсон в 1933 году опубликовали независимо друг от друга свои книги (*Chamberlin E. The theory of monopolistic competition. Cambridge: Harvard University Press, 1933, фр. перевод: La Théorie de la concurrence monopolistique. Une nouvelle orientation de la théorie de la valeur. Paris: PUF, 1953; Robinson J. The Economics of Imperfect Competition. London: Macmillan, 1933, фр. перевод: L'Économie de la concurrence imparfaite. Paris: Dunod, 1975*), которые внесли вклад в основание теории несовершенной конкуренции. Впоследствии Джоан Робинсон защищала кейнсианство и вклад Маркса в экономическую науку.

углубиться и внимательно исследовать интересы, водоразделы, отношения между образовательными капиталами людей и их научными позициями.

Внеисторический дедуктивизм

Сказав все это, я возвращаюсь теперь к антропологическим посылкам *hardcore* экономики. Я говорил о картезианской антропологии, и первый пункт состоит в дедуктивистской эпистемологии. Можно сказать, что дедуктивизм — это определенная форма догматизма математиков, которые постоянно приводят онтологические аргументы и постоянно переходят от логики к существованию или от дела логики к логике дела¹³. Дедуктивизм такого рода ведет к созданию строгих, но бесплодных конструкций. Внутренние оппоненты очень часто говорят это в рамках самой экономики: некоторые теоретические конструкции определяют комплексы строгих аксиом, которые, однако, ничего не говорят о фундаментальных вопросах экономики. Строгость отождествляется исключительно с математической формализацией, и целью работы представляется выведение значимых законов или теорем. Это, собственно, и есть то, что называли *morbus mathematicus* английские физики XVIII века, открывшие ньютонианство и новый способ заниматься наукой¹⁴. Не буду пока задерживаться на этом моменте, но потом вернусь к нему.

Вторая предпосылка этой философии — натуралистический или внеисторический эссенциализм. Экономическая мысль в описании и экономического механизма, и экономических агентов остается по существу своему внеисторической и анти-

13. Об этих вопросах см., в частности: *Bourdieu P. Sociologie générale. Vol. 1. P. 336 sq.*

14. См. выше в той же лекции: с. 176, сноска 1.

генетической. Некоторые экономисты (наиболее типичен среди них Хайек¹⁵), когда они желают исследовать основания человеческого действия, его пружины, ищут их в сфере общей психологии, а не дифференциальной социологии: движущие причины действия — это вопрос психологии, а не социологии и даже не экономики. Например, эти люди исключают любое форматирование индивидуальных предпочтений социальным или историческим миром. В знаменитой идеально-типической статье Беккера и Стиглера *De gustibus non est disputandum*¹⁶ утверждается, что индивидуальная функция полезности, связанная с каждым индивидом, вообще не меняется: о ней нет смысла рассуждать, она не изменяется со временем, вкусы являются неизменными и неподвижными. Это абсолютное отрицание многообразия вкусов, совершенно категоричное, если сопоставить его с многообразием социальных условий форматирования вкусов. Понятия потребности, рационального расчета, предпочтения — все эти фундаментальные, базовые понятия, рассматриваемые в качестве первичных данных, на основе которых строится экономика, на самом деле являются (я вкратце напомню тут о том, что говорил на прошлой неделе) конституированными коллективно и социально. Сама рациональность, как мы ее понимаем, является историческим изобретением. Рациональное — это на самом деле разумное. Оно обозначает то, что подогнано под объективные требования определенного социального пространства, определен-

15. См., в частности: *Hayek F. The Sensory Order: An Inquiry into the Foundations of Theoretical Psychology*. Chicago: University of Chicago Press, 1952 (фр. перевод: *Hayek F. L'Ordre sensoriel. Une enquête sur les fondements de la psychologie théorique*. Paris: CNRS Éditions, 2001).

16. *Stigler G. J., Becker G. S. De gustibus non est disputandum // The American Economic Review*. Vol. 67. No. 2 (Mar., 1977). P. 76–90.

ного социального универсума. То есть существует историчность рациональности, и задача размышления, предлагаемого мной, состоит в том, чтобы попытаться обосновать другой рационализм, рационализм истористский, что кажется противоречием в определении, но на самом деле, по моему мнению, вполне обоснованно.

Я отошлю вас к одному тексту Веблена, с моей точки зрения очень важному и пронизательно-му. Это позволит мне не слишком задерживаться на том, что я вам рассказываю¹⁷. (Эта статья кажется мне очень важной, хотя она и старая... Кокетство ученых, желающих заниматься наукой, состоит в том, что они цитируют только недавние статьи. Например, несколько лет назад я на одном конгрессе выслушал доклад по социологии науки, в котором докладчик попытался представить индекс научности, подсчитывая средний возраст ссылок. [Считать, что более научным является все недавнее,] — это не то чтобы совсем уж ложная идея, и, как обычно, идеи, с которыми труднее всего бороться, — это идеи, которые даже и не ложные... Я думаю, что в бессознательном экономистов, желающих заниматься наукой, присутствует мысль о том, что старое не такое научное, как недавнее, отсюда и их внимание к «*new trends*»... В силу этого предубеждения экономиста в значительной степени гонится за модой: эта наука, числящая себя *hard*, на самом деле исключительно падка на моду, а используемая *hardcore*'ом стратегия состоит в том, что тезисы, выдвинутые гетеродоксами предшествующего поколения, облакаются в одежды пере-

17. *Veblen T.* Why is economics not an evolutionary science? // *The Quarterly Journal of Economics.* 1898. Vol. 12. No. 4. P. 373–397; Веблен Т. Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной? // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М.: ГУ–ВШЭ, 2006. С. 10–32.

довой математики. Я мог бы привести несколько соответствующих примеров. Экономисты в аудитории могли бы привести еще больше — но нельзя с уверенностью сказать, что они смогли бы сделать это, если бы я не сказал об этом, так что у высказывания, осознания все же есть свои заслуги.)

Фундаментальные данности экономики, которые конститутивны для самой аксиоматики, на самом деле являются продуктами истории. Я много говорил об этом: есть коллективный (филогенетический) генезис и индивидуальный (онтогенетический) генезис рациональных экономических предрасположенностей. В последний раз я приводил пример труда: идея труда, которая кажется нам самоочевидной, является определенным историческим изобретением. И если все наиболее элементарные операции экономического действия связаны с коллективным историческим генезисом автономных экономических полей, точно так же и на уровне индивидов (в этом смысл того, что я говорил в прошлый раз) действует онтогенез экономических предрасположенностей и экономических условий доступа к экономическим предрасположенностям, которые считаются рациональными. Я приводил пример фертильности, показав наличие условий доступа к регулируемому деторождению, то есть рациональному в том смысле, в каком мы понимаем это слово. Также есть условия доступа к таким видам поведения, как сбережение, инвестирование и т. п. Эта неоклассическая экономика не знает или обходит молчанием генезис экономических структур и таких экономических предрасположенностей, как предпочтения и вкусы. В частности, она игнорирует генезис того, что я буду называть экономическим полем, имея в виду игру с особыми законами, которые не совпадают с законами семьи (это я наметил в первых лекциях, посвященных примеру дара).

Экономика по существу своему деисторизирована. Она обожает контринтуитивные конструкции,

которые часто оказываются фикциями... Порой, чтобы позлить своих друзей-экономистов (это еще одно применение теорий экономистов), я говорю им, что экономика — это, возможно, просто огромный спекулятивный пузырь. Экономист считает, что экономика существует, и теории в форме спекулятивного пузыря он, возможно, конструирует именно потому, что формализует очевидности здравого смысла. Работа деконструкции — как сказал бы Деррида, но на самом деле это отсылка к Башляру, — не проводится. То есть не проводится работа деконструкции предварительных конструкций, принимаемых нами за самоочевидные, поскольку мы погружены в социальный мир, который навязывает нам ментальные структуры, согласованные со структурами социального мира, так что люди занимаются чрезвычайно сложным оттачиванием чрезвычайно простых посылок. Это опять же картезианское качество. Можно вспомнить о картезианской физиологии. Кангийем говорил, насколько я помню, об «ученых мифах»¹⁸. Я со своей стороны говорю об «эффекте Монтескье»¹⁹, имея в виду знаменитый текст, который все читали, о севере и юге²⁰. Пьер Гуру, который был профессором географии в Коллеж де Франс [с 1947 по 1970 г.], увидел в этом основу географического детерминизма, историческую основу рациональной географии²¹,

18. *Canguilhem G.* Idéologie et rationalité dans l'histoire des sciences de la vie. Paris: Vrin, 1977. P. 33–45. Об этих исследованиях Кангийема см.: *Bourdieu P.* Sociologie générale. Vol. 1. P. 460 sq.

19. *Bourdieu P.* Le Nord et le Midi: contribution à une analyse de l'effet Montesquieu // Actes de la recherche en sciences sociales. 1980. No. 35. P. 21–25; переиздано под названием «La rhétorique de la scientificité» в: *Langage et pouvoir symbolique*. P. 331–342.

20. Теория климата, разработанная Монтескье, в основном представлена в книгах XIV–XVI «Духа законов» (1748): *Montesquieu.* Oeuvres complètes. T. II. Paris: Gallimard, "Bibliothèque de la Pléiade", 1951. P. 474–530.

21. *Gourou P.* Le déterminisme physique dans l'Esprit des lois // L'Homme. 1963. No. 3. P. 5–11.

но, если немного приглядеться, легко заметить, что речь идет об элементарной мифологии: север — это холод, страдание и бесплодие, тогда как юг — это жар, гарем и т. д. Это мифологии, которые почти у всех у нас сидят в голове, поскольку они были привиты нам социальным порядком, а Монтескье просто облачает их в одежды научности (в те времена был такой автор — Арбютно, который изучал волокна, реакции [тела в зависимости от температуры воздуха] и т. д.). В наших социальных науках тоже полно ученых мифов. Есть они и в социологии: такие массивные оппозиции, как общество/сообщество²², — это базовые мифологии, часто нагруженные политико-этическими аффектами, но при этом они облачены в научные одежды, а потому их трудно распознать. Я подозреваю, что экономиста в определенной своей части тоже грешит этим и превращает в ученую мифологию интуиции здравого смысла. Чтобы доказать это, мне потребовалось бы серьезно в это углубиться.

В такой формулировке все это выглядит несколько категоричным и примитивным. Это все еще похоже на конфликт «социологи против экономистов», и мне не слишком нравится то, что я сейчас говорю, но я отошлю вас к одной очень скучной книге, которую недавно прочел. Мне обязательно нужно хотя бы упомянуть вам о ней, но уверен, что никто из вас ее не прочтет... [смех в зале]. У этой книги четыре автора [Фрэнсис К. Саттон, Сеймур Эрвин Харрис, Карл Кейсен и Джеймс Тобин], она называется *The American Business Creed*, то есть «Американское бизнес-кредо»²³. Это очень серьезное,

22. Эта оппозиция особенно связывается с именем Фердинанда Тенниса (*Gemeinschaft und Gesellschaft* [1887], русский перевод: *Теннис Ф.* Общность и общество. СПб.: Владимир Даль, 2002).

23. *Sutton F. X., Harris S. E., Kaysen C., Tobin J.* *The American Business Creed.* Harvard: Harvard University Press, 1956.

очень строгое исследование мировоззрения, которое выводится из *public statements*, публичных заявлений бизнесменов, институциональной рекламы крупных компаний, бизнес-ассоциаций (например, Торговой палаты, Комитета по экономическому развитию, Национальной ассоциации производителей, предпринимателей и т.д. — во Франции аналогами были бы Комиссия по планированию, отчеты компании Рон-Пуленк и т.д.). Эти авторы выводят из этих обильно цитируемых текстов философию экономики, экономического действия, предпринимателя (очень хорошо, что они проделали такую работу... и совершенно непрофессионально так вот шутить, поскольку это очень полезное исследование, и кто-то же должен был его сделать... [*смех в зале*]), выводят совокупность философских положений о том, что представляет собой человеческое поведение. Например, есть *self-reliance*, что можно, вероятно, перевести «индивидуальной автономией» (Р. 349), оптимистическое представление о прогрессе (Р. 351), идея о том, что личный интерес — не частная характеристика бизнеса, а всеобщая и идеальная мотивация человека (Р. 351), конкуренция, реализм, превознесение здравого смысла (здравый смысл добропорядочных людей намного рациональнее [*учености*] любых экономистов — экономисты так бы не сказали, это точка зрения владельцев бизнеса...) и еще куча разных вещей. По целому ряду важных пунктов этот *Quid* бизнесменов стыкуется с фундаментальными положениями экономического анализа. Во всяком случае, есть основание спросить себя, не соглашаются ли ученые с рядом заранее сконструированных объектов и заранее сконструированных предпосылок, распространяющихся на эти объекты.

Здесь я процитирую Веблена (Р. 38): «Неявное представление [присущее классической экономической теории] приписывает вещам тенденцию функционировать в соответствии с тем, что обра-

зованный здравый смысл данного периода времени считает адекватной или достойной целью человеческого усилия»²⁴. Шумпетер также говорит, что в основании экономики лежат положения здравого смысла. Я где-то видел цитату из него, но, к сожалению, не смог найти точную ссылку на его работу. Собственно, деисторизированная экономика принимает положения здравого смысла, отличительное свойство которых в том, что в качестве очевидностей воспринимаются вещи, являющиеся продуктом истории. Это и есть определение доксы или, как сказали бы феноменологи, естественной установки, наивной предрасположенности по отношению к миру, состоящей в том, что в качестве естественных и всеобщих рассматриваются очевидности, которые суть продукт социального и исторического конструирования. Я думаю, что в этом пункте выдвинутые мной идеи вполне обоснованны, а именно то, что неоклассическая точка зрения является внеисторической.

Двойная деисторизация

Теперь я перейду к основному моменту этой точки зрения — теории индивида и теории рынка. Я собираюсь разобрать все это довольно быстро, поскольку и так уже долго топтался на предварительных вопросах. В центре *hardcore*'а обнаруживается воображаемая антропология, которую можно ре-

24. «[...] this preconception imputes to things a tendency to work out what the instructed common sense of the time accepts as the adequate or worthy end of the human effort» (*Veblen T. Why is economics not an evolutionary science? P. 382*); «...в результате возникает тенденция к формированию представлений, которые подготовленным, просвещенным общественным сознанием своего времени воспринимаются как адекватный или достойный результат человеческих усилий» (*Веблен Т. Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной? С. 18*).

зюмировать одной фразой: изолированные агенты, регулируемые или упорядочиваемые моментальным рынком, который определяется в качестве места ценообразования. Попробую немного расшифровать эту философию. Она рассматривает «изолированных агентов», ориентируясь на физикалистский подход... Чтобы показать это, понадобилось бы очень много времени, но скрытая философия экономики и таких авторов, как Юн Эльстер, которые относят себя к ней, постоянно колеблется между механицизмом и финализмом²⁵, то есть между описанием агентов как атомов, подталкиваемых разными силами, и описанием рассчитывающих субъектов, действующих с полным знанием дела, то есть словно бы они подталкивались определенными силами, что означает в итоге то же самое: две эти философии равнозначны. Это если вкратце, но я мог бы привести доказательства. Индивиды изолированы, пассивны, [единообразны?] — “*De gustibus non est disputandum*” — механически детерминированы причинами либо действуют со знанием дела. Вы увидите, что в тексте Веблена, который я попробую вам перевести, *homo economicus* выступает в качестве своего рода моментального вычислителя: он мгновенно делает то, что нужно сделать, у него нет ни прошлого, ни будущего, ни инерции. Веблен говорит, что гедонистическая философия, скрывающаяся за экономикой, кладет в основу человеческого действия «пассивную человеческую природу, по сути своей инертную и неизменно данную»²⁶. Далее он утверждает: «Гедо-

25. П. Бурдьё развивал этот момент в 1982–1983 гг. (*Bourdieu P. Sociologie générale. Vol. 1. P. 323–328, 346–349*), а также вкратце обсудил его в лекции 5 июня 1986 года (*Bourdieu P. Sociologie générale. Vol. 2. P. 1022–1023*).

26. П. Бурдьё переводит следующую фразу: «a passive and substantially inert and immutably given human nature» (*Veblen T. Why is economics not an evolutionary science? P. 389*); «пассивная и инертная, а также неизменная в своей данно-

нистическая концепция человека — это концепция моментального вычислителя удовольствия и боли, который подобно гомогенной частице желания счастья колеблется под влиянием *стимулов*, которые движут им, но оставляют его нетронутым, неизменным»²⁷. Вернусь здесь к *De gustibus non est disputandum*: в детстве вы могли съесть все что угодно, но вы никак не изменились... У экономического агента нет ни предпосылок, ни следствий, у него нет длительности, это «изолированная, определенная *данность*, пребывающая в стабильном равновесии, испытывающая влияние движущих ею сил, внешних сил, смещающих ее в том или ином направлении. [...] Она всегда продолжает быть частицей желания, замкнутой на себя, не претерпевая при этом никаких изменений». То есть это атом, но без автономии и — это важно — без инер-

сти человеческая сущность» (Веблен Т. Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной? С. 25).

27. "The hedonistic conception of man is that of a lightning calculator of pleasures and pains, who oscillates like a homogeneous globule of desire of happiness under the impulse of stimuli that shift him about the area but leave him intact. He is an isolated, definitive human datum, in stable equilibrium except for the buffets of the impinging forces that displace him in one direction or another [...] When the force of the impact is spent, he comes to rest, a self-contained globule of desire as before" (Veblen T. Why is economics not an evolutionary science? P. 389–390); «Гедонистическая концепция уподобляет человека быстродействующей машине для исчисления ощущений наслаждения и страдания, который вибрирует как некая однородная глобула стремления к счастью и приходит в движение под воздействием стимулов, оставаясь при этом неизменной... Он представлен изолированным субъектом, находящимся в устойчивом равновесии, которое нарушается лишь под ударами внешних сил, перемещающих его то в одном, то в другом направлении... Когда сила толчка исчерпывается, он приходит в состояние покоя, в прежнее состояние глобулы желания» (Веблен Т. Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной? С. 25).

ции (Лейбниц сказал бы о *vis insita*²⁸): у нее нет никакой внутренней силы, она сводится к чистой моментальности.

Тот же самый моментализм обнаруживается не только в агенте, но и в самом экономическом мире. Экономический мир благодаря понятию рынка представляется абстрактным механизмом ценообразования. «Гибкость», приписываемая экономистами совершенному рынку, — это мгновенная настройка, которую они полагают в качестве свойства рынка. Важным и часто забываемым свойством рынка Вальраса является то, что он одновременно унифицирован и синхронизирован, *tota simul*, как говорил Декарт (это именно в духе Декарта), то есть «все в одно и то же время». Следовательно, можно сконструировать *uno intuitu* [в мгновение ока] и *tota simul* всю совокупность мгновенных обменов. Совершенный рынок характеризуется двумя очень важными качествами: совершенной конкуренцией и совершенной информацией, которые представляют собой два основания этого общего моментального равновесия.

Теперь я перескажу вам основную мысль одной статьи, которая мне показалась важной, — статьи Бернара Герьена «Мифы и реалии экономической теории»²⁹. Я буду ориентироваться на страницу, где он подчеркивает тот факт, что модель совершенной конкуренции призвана служить идеализированным описанием... (Это очень важная вещь: эпистемологическая защита этого стремления к идеализации часто доходит до чего-то совершенно нереального. Так, Фридман, крупнейший теоретик чикагской школы, объясняет, что наука всегда работает за счет абстрагирования: она отбрасывает огромные пласты реальности, причем это абстраги-

28. См. далее в этой лекции: с. 200.

29. *Guerrien B. Mythes et réalités de la théorie économique // Revue du MAUSS. 1990. No. 9. P. 125–147.*

рование считается неизбежным³⁰. Речь о настолько общем эпистемологическом положении, что его нельзя даже считать ложным. Но довольствоваться им нельзя, поскольку от имени этой теории можно защищать что угодно, какие угодно фикции.)

Вот что говорит Бернар Герьен: «Модель конкуренции призвана идеализированно, безо всякого трения описывать работу рыночной системы. Механизм рынков позволяет координировать индивидуальные действия за счет варьирования цен (это теорема невидимой руки, на которую я постоянно ссылаюсь). Эрроу и Дебре построили систему аксиом, позволяющую установить то, что среди множества возможных цен существует по крайней мере одна цена, которая делает совместимыми индивидуальные планы, то есть уравнивает спрос и предложение. Но эта теория предполагает, что мы применяем комплекс достаточно жестких гипотез, например о том, что предприятия или домохозяйства делают покупки в зависимости от заявленных цен, не заботясь о проблеме каналов сбыта или же о поведении конкурентов»³¹. Мы увидим, что речь здесь идет об одной из наиболее слабых предпосылок (от которой должна обязательно отказаться парадигма, предлагаемая мной), и самое главное в том, что она недоказуема.

В этой статье упоминается (в этом я не разбираюсь, поэтому могу лишь сослаться на источники) теорема Зонненшайна, согласно которой «в модели общего равновесия присутствует принципиальная неопределенность»³²: невозможно доказать то, что цены под воздействием спроса и предло-

30. *Friedman M.* Essays in Positive Economics. Chicago: University of Chicago Press, 1953 (фр. перевод: *Essais d'économie positive*. Paris: Litec, 1995).

31. П. Бурдые использует здесь с небольшими изменениями отрывок из статьи Бернара Герьена (Р. 127–128).

32. *Guerrien B.* Mythes et réalités de la théorie économique. Р. 129.

жения корректируются действительно мгновенно. Предположим, что коррекция требует времени. Но нужно пойти намного дальше этого. Вы увидите, что в предлагаемом мной анализе время требуется и на издержки, и на формирование вкусов. Делают вид, будто издержки и вкусы корректируются автоматически, но на самом деле нести издержки — это и есть вся история экономики, а формировать вкусы — это вся история агентов. Представляя все в качестве моментального снимка, устраняют все то, что конститутивно и для экономической реальности, и для реальности экономических агентов.

Я уже задержался на этом слишком долго, но следовало бы задержаться еще и продумать знаменитую проблему межвременной оптимизации, как ее называют экономисты, то есть проблему, которая связана с возможностью объяснить межвременные выборы агентов. Межвременный выбор — это выбор, который, будучи сделанным в момент t , предполагает будущее $t + n$. Создавать модель межвременных выборов значит неявно вводить гипотезу о стационарной среде, будущем, которое поддается вероятностному подсчету. Межвременная оптимизация предполагает постулаты стабильности универсума, тогда как на самом деле среда нестабильна. Будущее не определено, а кроме того у социальных агентов нет инструментов, как это тысячу раз говорили сами экономисты, даже вполне ортодоксальные. Для экономистов всегда важен вопрос чести ученого: они знают, что агенты на самом деле непохожи на экономистов, иначе они не чувствовали бы себя экономистами. Подобные высказывания про скальзывают даже у Самуэльсона³³.

33. В некоторых случаях П. Бурдые отсылает к следующему отрывку: «Из-за того что руководитель профсоюза успешно заключил несколько коллективных соглашений, у него может возникнуть ложное впечатление, будто он эксперт в области экономики наемного труда. Руководитель пред-

Все-таки в этом есть определенная проблема — в том, что агенты якобы способны производить настолько сложные расчеты, что их сложно выполнить даже экономистам. Поэтому экономисты изобрели одно понятие, к которому я еще вернусь, понятие «репрезентативного агента», то есть своего рода сверхсубъекта, гипотетического субъекта агрегированных экономических действий, итог которых регистрируют экономисты. Этот репрезентативный агент, представляющий собой паразитическую *fictio juris*, в каком-то смысле равноценен сверхчитателю. В теории чтения и литературы архичитатель³⁴ — это типичный продукт ученой иллюзии, *scholastic bias*: когда вы в первый раз читаете Джойса, особенно если вы не слишком большой его поклонник, вы в нем ничего не понимаете; архичитатель — это тот, у кого есть время читать и перечитывать, это преподаватель литературы. Таким образом, теория архичитателя выдвигается для того, чтобы объяснить возможность чтения, социальные условия возможности которого забываются. Забывают о том, что должно быть время для чтения, что нужно получать за это зарплату, находить в этом определенную выгоду, удовольствие и т. д. Точно так же репрезентативный агент — это своего рода заинтересованная фикция, которая позволяет заполнить ряд теоретических лакун, но ценой за ее

приятя, который „урезал зарплаты“, может ошибочно счесть свои мнения о контроле цен неопровержимыми. Банкир, способный свести баланс, может прийти к выводу (тоже ошибочному), что знает о создании денег все, что об этом нужно знать. [...] Экономист, когда он пишет трактат вводного толка, занимается функционированием экономики в целом, а не с точки зрения той или иной группы или единицы» (*Samuelson P. L'Économique. Introduction à l'analyse économique. T. I. Paris: Armand Colin, 1972 [1951]. P. 25*).

34. Это понятие используется, в частности, в: *Riffaterre M. Essais de stylistique structurale. Paris: Flammarion, 1971.*

использование оказывается своеобразная онтологическая наивность ученого.

В итоге мы получаем экономический мир без инерции, без истории, без *vis insita*, без имманентной силы, то есть мир, соответствующий картезианскому миру. Здесь следовало бы отослать к спору между лейбницевской динамикой и картезианской физикой³⁵. Лейбниц упрекал Декарта в том, что тот создал мир, неспособный длиться. Он говорил (цитирую формулировку Жана Валя): «Творение непрерывно, поскольку длительность таковой не является»³⁶; Бог обязан постоянно воссоздавать мир, поскольку тот неспособен длиться самостоятельно, ведь это мир без порыва, без *impetus*. Лейбниц считал, что благодаря своим законам динамики он нашел основание для самоподдерживающегося, как можно было бы сказать сегодня, мира. Он говорил: «Что же это за Бог у Декарта, если он неспособен сделать мир за один подход?» Он вынужден постоянно начинать все заново, тогда как бог Лейбница сделал свою работу раз и навсегда, после чего мир обладает своей *vis insita*, имманентной силой, и *lex insita*, имманентным законом. В конечном счете, такова моя философия социального мира: я считаю, что у мира есть *vis insita* и *lex insita* и что теория, которая обрекает себя на некий универсум без *impetus* и на агентов без истории, ничего с точки зрения оснований не объясняет. Все, что я говорю, следовало бы скорректировать... Когда возвращаешься к элементарным основаниям, все получается довольно «элементарным», и это несколько раздражает...

Чтобы найти себе оправдание, я процитирую один замечательный текст Дюркгейма 1888 года.

35. Этот спор П. Бурдьё рассматривал в 1983–1984 гг. (см.: *Bourdieu P. Sociologie générale. Vol. 2. P. 125–128, 199*).

36. *Wahl J. Du rôle de l'idée d'instant dans la philosophie de Descartes. Paris: Vrin, 1953 [1920]. P. 18.*

Он относится примерно к той же эпохе, что и текст Веблена, и это доказывает безнадежность спора между социологами и экономистами. Это наводит меня на мысль, что я тут, возможно, просто бесцельно трачу время: «Политическая экономия [...] оставалась абстрактной дедуктивной наукой, занятой не наблюдением реальности, а конструированием более или менее желательного идеала; поскольку этот человек вообще, этот систематический эгоист, о котором она говорит нам, является исключительно плодом разума. Реальный человек, которого мы знаем и которым сами же и являемся, представляется сложным в совершенно ином плане: он принадлежит определенному времени и стране, у него есть семья, город, родина, религиозная вера и политика [...]»³⁷. Здесь Дюркгейм акцентирует субъекта, агента. По сути же я, чтобы закончить, хотел показать, что две стороны экономической теории — теория экономического универсума (определяемая через рынок) и теория экономического агента (определяемая через образ *homo economicus*) — заняты одной и той же деисторизацией.

За истористский рационализм

Я думаю, что экономической теории нужно противопоставить что-то отличное от эмпирической критики. Именно это в конечном счете заставило меня осмелиться сказать то, что я собираюсь сказать. Со времен маржиналистской революции конца XIX века из-за этой парадигмы страдает много людей, как социологов, так и экономистов, и есть две стратегии сопротивляться ей. Первая — найти убежище в эмпиризме. Именно эту стратегию часто выбирают социологи. Поскольку рынок экономистов им незнаком, принимает

37. Durkheim É. La Science sociale et l'action. Paris: PUF, 1970. P. 85.

ся решение изучать реальный рынок, изучать продажи на аукционах или на весьма специфической форме рынка — тактовом аукционе³⁸. Антропологи и социологи занимались исследованиями такого типа. Или же можно изучать экономические условия доступа к роскошному потреблению. Вторая стратегия встречается в основном среди экономистов. Есть люди, которые не довольствуются таким эмпиризмом и хотят выбраться из тесной аксиоматики неоклассической теории, но не порвать с ней полностью, и, как я недавно упоминал, на это у них есть причины, в основном социальные. То есть они вносят ряд поправок в стиле Тихо Браге: ставят вопросы о роли институтов, регулирования, организаций, социальных соглашений³⁹. Они по-прежнему соглашаются с рядом посылок, касающихся рынка и агентов, но при этом вносят поправки, пытаясь пробиться хоть к какой-то реальности.

Я думаю, что обе эти стратегии не годятся и что, в конце концов, нужно предложить, рискуя даже ошибиться, иную систематическую парадигму, другую систематическую теорию, способную составить конкуренцию теории, молчаливо одобряемой экономическим *hardcore*'ом. Нужно предложить систематическую теорию, с одной стороны, агента и разумного (а не рационального) действия и, с другой стороны, рынка, понимаемого уже не как механизм

38. За несколько лет до этого курса П. Бурдые опубликовал статью Мари-Франс Гарсия о тактовом аукционе, в которой акцентировались эффекты перформативности, связанные с конструкциями экономистов. См.: *Garcia M.-F. La construction sociale d'un marché parfait: le marché au cadran de Fontaines-en-Sologne // Actes de la recherche en sciences sociales. 1986. No. 65. P. 2–13.*

39. Отсылка к таким течениям, как институциональная экономика, восходящая к концу XIX века (и к «новой институциональной экономике», которую П. Бурдые упомянет в следующей лекции), или к экономике соглашений, которая развивается во Франции начиная с 1980-х гг.

производства цен, а как поле, работающее в качестве места конкуренции за обмен. Следует предложить иную конструкцию фактов, опирающуюся на эмпирические знания (я постоянно опираюсь на работу, которую провел в области экономики жилого дома, но можно было бы провести работу по экономике товаров роскоши или высокой моды), а также на критические достижения самой классической экономики, о которых я упоминал вначале. Следовательно, нужно предложить своего рода расширенный рационализм, то есть истористский рационализм, ставкой которого была бы другая идея разума, идея разума как исторического реалистического образования, то есть предложить дважды антикартезианскую философию — как с точки зрения структуры экономического и социального мира (нужно вообразить мир, у которого есть инерция, стремление, если угодно, упорствовать в бытии), и с точки зрения субъекта. Именно это я и собираюсь сделать.

Определение рынка

Рационального агента следует заменить агентом, наделенным габитусом, а чистый и совершенный рынок — экономическим полем в том виде, в каком я его должен буду описать. Начать можно как с габитуса, так и с поля. Я начну с поля, чтобы показать сначала расхождение с режимом индивидуалистического мышления и с микроэкономикой агента, которая тяготеет к теории чистых индивидуальных решений, свободных от всякого структурного ограничения, то есть решений, понимаемых в рамках исключительно механистической аддитивной логики агрегации (следовало бы уделить побольше внимания математической агрегации как противоположности идеи структурного ограничения). Начать с поля значит порвать

с этой атомистской мыслью и напомнить о зависимости габитуса от поля (чтобы появился габитус, подстроенный [под поле], необходимо, чтобы поле уже существовало)... Сюда же относится известный пример с английскими школьниками, которые организовали страхование от наказаний⁴⁰: чтобы нечто подобное стало возможным, необходимо наличие поля, в котором бывают страховки.

Первый этап этой реконструкции парадигмы рынка или поля производства. Мне вспоминается, что, когда я впервые заинтересовался этими проблемами (это было очень давно), то все вечера проводил в библиотеке в США, где тщательно изучал экономические журналы, и был очень удивлен тем, что не нашел ни одной статьи о понятии рынка: странным образом это понятие, которое не сходит с уст экономистов, практически никогда не определяется. Не будучи экономистом, я связывал это со скудостью собственных знаний. Я нашел определение в [одном тексте Альфреда] Маршалла⁴¹ и решил, что дело, вероятно, в том, что это старый текст, сегодня кажущийся устаревшим, а недавно нашел одну статью Дугласа Норта в *Journal of European Economic History* за 1977 год (Р. 703–716). В ней говорится: «Странный факт заключается в том, что в работах по экономике так мало обсуждений главного института, на который опирается вся неоклассическая экономическая теория, а именно рынка»⁴². Впоследствии то же самое удивление я замечал и у многих других авторов: почему

40. П. Бурдые приводил этот пример в лекции от 8 апреля 1993 года, см. выше: с. 64.

41. Ссылка будет дана в следующей лекции.

42. "It is a peculiar fact that the literature on economics and economic history contains so little discussion of the central institution that underlies neo-classical economics — the market" (*North D. Markets and other allocations systems in history: The challenge of Karl Polanyi // Journal of European Economic History. 1977. Vol. 6. No. 3. P. 710.*)

говорят в лучшем случае о том, что рынок делает, но никто не говорит, что такое рынок, из чего он состоит? Конечно, можно было бы сказать, что отличительной чертой конструкции Вальраса является то, что она порвала с реалистическим, наивным, донаучным определением, подразумевавшим обычный образ рынка как *market place*, то есть места, где осуществляется обмен. Но я не уверен, что такого ответа было бы достаточно. Например, я приведу вам недавно вышедший трактат об организации промышленности Жана Тироля «Теория организации промышленности», опубликованный в 1991 [1988?] году, который находится на переднем крае науки⁴³, и вы увидите, что там предпринимается попытка дать определение рынка, которая, однако, ничем не завершается... Я вам его потом прочту.

То есть понятие рынка остается одновременно подразумеваемым, вездесущим и отсутствующим. Можно ответить тем, что современное понятие рынка стало результатом маржиналистской революции — Вальраса, Джевонса, Менгера и т. д. — и что поэтому современное понятие рынка конструировалось в противовес реалистическому определению классической экономики, каковое мы встречаем у Адама Смита (в главе 13 «Богатства народов» 1776 года есть большое рассуждение о рынке), у Рикардо, у Стюарта Милля и даже у Маркса, который все еще предлагает определение рынка как чего-то конкретного. Чистая теория экономики задается именно этим разрывом с наивным определением рынка как места обмена, как конкретного места. Рынок как место обмена заменяют теорией обмена и теорией ценообразования.

43. *Tirole J.* The Theory of Industrial Organization. Cambridge: MIT Press, 1988 (фр. перевод: *Théorie de l'organisation industrielle*. 2 vol. Paris: Economica, 1993–1995).

Исторические условия чистой теории

Отсюда возникает один вопрос. Для своей первой работы в области социальных наук я выбрал весьма амбициозный заголовок. В те времена это было модно. Структурализм только начал идти в гору, и все говорили о чистой теории. Мне не слишком нравилась эта чистая теория в стиле Соссюра, и я сказал себе, что буду заниматься чистой теорией социологии и социологией чистой теории. То есть я намеревался задаться вопросом об исторических условиях возможности чистых теорий (Вальраса в экономике, Соссюра в лингвистике, Кельзена в праве⁴⁴) и стал спрашивать себя, не существует ли исторических условий появления этих чистых теорий, которые полагают своим предметом автономные универсумы, выстроенные в качестве именно независимых. У меня была мысль, что открытие чистых теорий является отображением процесса автономизации, происходящего в реальности, отображением, которое, однако, ничего о себе не знает. И в этом нет ничего плохого... Если верно то, что экономический мир автономизируется, вполне логично создать теорию этой реальности, которая является плодом автономизации, если только не забывать о том, что чистый предмет, который конструируется, свои условия возможности обретает в историческом генезисе предмета сконструированного.

Здесь следовало бы поставить один вопрос, быть может очень наивный (но я не уверен, что настолько наивный: в моей практике часто бывало так, что какие-то вопросы казались слишком наивными, а потом выяснялось, что они фундаментальны,

44. Следы этих размышлений обнаруживаются, в частности, в: Bourdieu P. Le marché des biens symboliques // L'Année sociologique. 1971. No. 22. P. 53. Note 5, passim.

хотя бы потому, что никогда не ставились), — вопрос о связях между генезисом рынка в реальности и генезисом рынка в экономике. Например, не занимаясь философией истории, вскользь познакомившись с второстепенными, я мог бы сказать, что можно описать почти что линейную эволюцию (я имею в виду Поланьи⁴⁵ и многих других исследователей), начав с рынков как нейтральных мест, расположенных на границе двух сообществ. Например, в Кабилии, на границе двух деревень, между двумя племенами, существовало своего рода нейтральное место, где можно было проводить транзакции, заниматься рыночной торговлей (она допускалась между чужаками). Все, что я рассказал вам в прошлый раз, — это в целом племенной рынок. Затем может появиться городской саморегулирующийся рынок, который известен по работам таких экономистов, как Финли⁴⁶, городские рынки, ориентирующиеся на потребности граждан, а потом уже средневековые ярмарки и национальные рынки. Благодаря работам историков экономики⁴⁷ известно, что большие общенациональные и специализированные рынки появляются после крупных централизаторских революций (в Англии, Франции, США и т. д.). В целом можно задаться вопросом о том, не связано ли каким-то образом появление чистого рынка без привязок и корней, без какого бы то ни было локального основания, с этой постепенной делокализацией рынка и с этой унификацией рынков, поскольку унификация в национальном масштабе может считаться универсализацией.

45. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002.

46. См., в частности: *Finley M. I. L'Économie antique*. Chap. 5. «Ville et campagne». P. 165–199.

47. См., например, работы Фернана Броделя (*Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.* Т. 1–3. М.: Весь мир, 2006–2007).

Это может показаться вам ничтожным, но у меня есть тексты Курно и Вальраса, первооснователей. Дело не в историческом фетишизме: думаю, что часто философские предпосылки, используемые в той или иной научной конструкции, лучше всего проясняются именно тогда, когда возвращаешься к основателям. Например, в тексте Вальраса говорится, что «мир [*П. Бурдьё добавляет*: в целом] может рассматриваться в качестве огромного общего рынка, сложенного из различных специальных рынков, на которых продается и покупается социальное богатство»⁴⁸. «Мир в целом»: возможно, существует определенное отношение между национализацией и глобализацией экономики⁴⁹ и появлением возможности мыслить рынок как абстрактный механизм, мгновенно объединяющий людей, существенно удаленных друг от друга в пространстве, например, финансовый рынок, который является совершенным примером совершенного рынка. У Курно мы встречаем развернутые определения: рынок — это не какой-то частный рынок, на котором вещи покупаются и продаются. Он говорит о «целом регионе», который все же остается локальным... Это проблема географических пределов рынка, которая по-прежнему ставится: является ли это проблемой эластичности, издержек и т. д.? Пространственный и, соответственно, темпоральный аспект рынка чрезвычайно важен, от него нельзя абстрагироваться... «Рынок — это целый регион, в котором покупатели и продавцы состоят в отношении такой свободной торговли, что цены одних

48. *Walras L. Éléments d'économie politique pure, ou Théorie de la richesse sociale.* Lausanne-Paris: R. Pichon, R. Durand-Auzias et F. Rouge, 1926 [1874]. § 41. P. 45.

49. Спустя несколько лет после этого курса П. Бурдьё посвятит один из своих текстов глобализации или образованию рынка общемирового масштаба: *Bourdieu P. Du champ national au champ international // Les Structures sociales de l'économie.* P. 273–280.

и тех же товаров стремятся быстро и просто уравниваться»⁵⁰.

Чтобы закончить и дать вам подумать: я считаю, что история интеллектуального генезиса понятия рынка, особенно если соотнести его с социальным генезисом соответствующих реалий, могла бы показать, что понятие рынка и сегодня причастно двум логикам: 1) чистой, чисто математической и чисто формальной логике механизмов ценообразования и 2) реалистической логике, логике мест, в которых имеют место эти феномены. Постоянно идет игра на полисемии этого слова, обладающего двумя этими аспектами: *market place* и *market*. Ряд идеологических игр, предметом которых сегодня стало понятие рынка, стали возможны благодаря полисе-

50. П. Бурдые, видимо, дает перевод следующей цитаты из Альфреда Маршалла: "As Cournot says, 'Economists understand by the term Market, not any particular market place in which things are bought and sold, but the whole of any region in which buyers and sellers are in such free intercourse with one another that the prices of the same goods tend to equality and quickly'" (*Marshall A. Principles of Economics. An introductory volume. London: Macmillan, 1961 [1890]. P. 324.*) «Как указывает Курно, „экономисты подразумевают под термином 'рынок' не какую-либо конкретную рыночную площадь, на которой покупаются и продаются предметы, а в целом всякий район, где сношения покупателей и продавцов друг с другом столь свободны, что цены на одни и те же товары имеют тенденцию легко и быстро выравниваться"» (*Маршалл А. Принципы политической экономии. Т. II. Москва: Прогресс, 1993. С. 6.*) В точности высказывание Курно выглядит так: "On sait que les économistes entendent par marché, non pas un lieu déterminé où se consomment les achats et les ventes, mais tout un territoire dont les parties sont unies par des rapports de libre commerce, en sorte que les prix s'y nivellent avec facilité et promptitude" («Известно, что экономисты понимают под рынком не какое-то определенное место, где совершаются покупки и товары, а целую территорию, стороны которой объединяются отношениями свободного обмена, так что цены легко и быстро выравниваются») (*Cournot A. Recherches sur les principes mathématiques de la théorie des richesses. Paris: Hachette, 1838. P. 55.*)

мии этого понятия. Я выписал несколько смыслов «рынка» (у меня нет времени братья за словарь *Le Robert*, так что я просто записал то, что пришло в голову). Рынок — это (1) место, где осуществляются обмены (*market place*); (2) наличие возможности договориться об условиях транзакции во время обмена (так, например, говорят «заключить сделку»*), (3) места сбыта товаров (говорят, например, что Рон-Пуленк располагает рынком в странах Юго-Восточной Азии, а еще говорят о «завоевании рынков»); (4) совокупность транзакций с определенным товаром (соответственно говорят о «рынке зерна» или «рынке нефти»); (5) особый экономический механизм, характерный для так называемых рыночных экономик. И, наконец, есть рынок по Вальрасу и по Эрроу—Дебре.

Все эти значения пропитывают друг друга, и я на этом закончу, хотя это и не *telos* моей сегодняшней речи. Боюсь, что все сказанное мной кажется ориентированным на этот момент, который совершенно второстепенен, но я говорю это... Идеологическое применение понятию рынка было задано так называемой чикагской школой и особенно Милтоном Фридманом⁵¹. Мне вспоминается один текст, на который я наткнулся, глава из книги под названием «Интеллектуал и рынок», которая вышла в Гарварде в 1963 году⁵². Это почти что социологический анализ враждебности интеллектуалов к рынку. Значительная часть идеологической работы представителей чикагской школы направлена на то, чтобы реабилитировать рынок, защитив его от презрения, которым его потчуют, особен-

* «Faire un marché» или «conclure un marché» — буквально «сделать рынок» или «заключить рынок». — *Прим. пер.*

51. Фридман М. Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2006.

52. Stigler G. G. The Intellectual and the Market Place and Other Essays. New York: Free Press of Glencoe, 1963.

но в среде интеллектуалов. Если вы помните то, что я рассказывал в другие годы о художественном и интеллектуальном полях как обращенных рынках или же экономических мирах, вывернутых наизнанку⁵³, вам должно быть ясно, что одна из скрытых плат за вход, требуемых художественным полем, состоит в дистанцировании от рынка или, как говорят, от всего «коммерческого»⁵⁴. То есть говорить, что интеллектуалы презирают рынок, — это не то чтобы неправда. Но заявлять это как аксиому — совсем другое дело: это значит выдавать за конститутивный элемент их природы презрение к рынку, которое само заслуживает презрения. Эта статья Джорджа Стиглера интересна, но самое важное — это совокупность работ Фридмана, который впоследствии посеял идеологию, которой все мы сегодня дышим: свобода и рынок взаимозависимы; политическая свобода невозможна, если нет экономической свободы; рынок — нечто априори хорошее; экономическая жизнь в целом сводится к рынку. Это все чрезвычайно упрощенные тезисы, но эти аксиомы содержатся в «Капитализме и свободе» Фридмана. Ряд идеологических игр с понятием рынка стали возможны благодаря полисемии этого понятия, в силу эффекта «великой цепи бытия», о которой я недавно говорил, в силу

53. П. Бурдьё посвятил значительную часть своих курсов литературному полю в 1982–1983 гг. (см.: *Bourdieu P. Sociologie générale. Vol. 1. P. 569 sq.*) и художественному полю в 1984–1985 гг. (см.: *Bourdieu P. Sociologie générale. Vol. 2. P. 478–765*). О понятии «экономического мира наизнанку» см., в частности: *Bourdieu P. Les Règles de l'art. P. 121–126*.

54. «Поля культурного производства организуются в целом в актуальном состоянии, в соответствии с принципом дифференциации, который представляет собой не что иное, как объективную и субъективную дистанцию предприятий культурного производства по отношению к рынку и явному или скрытому спросу [...]» (*Bourdieu P. Les Règles de l'art. P. 202*).

сосуществования внутри самой экономики двух вещей — формальных узусов механизмов ценообразования и узусов вполне реалистических (исследование рынка автомобилей в Детройте и т. п.). Все это в целом делает понятие рынка крайне опасным. И не случайно, возможно, что экономика о нем никогда не говорит...

Лекция 3 июня 1993 года

Невозможное определение рынка. — Экономическая теория против самой себя. — Экономическое поле как поле сил. — Имманентные тенденции экономического поля. — Эффект отличия и конкуренции

Невозможное определение рынка

ДЛЯ НАЧАЛА вернусь ненадолго к проблеме определения рынка, упомянутой мной в прошлый раз. Сошлюсь на книгу Жана Тироля¹. В этой книге, которая сейчас — просто последний писк в теории организации, Тироль в виде исключения предлагает определение рынка. Я не буду зачитывать его в подробностях, но он говорит (на двенадцатой странице), что понятие рынка не является простым и что нам, очевидно, хочется ограничиться привилегированным случаем гомогенного рынка, то есть случаем, когда два товара принадлежат одному и тому же рынку, если они являются совершенными субститутами друг друга. Но, по словам Тироля, определение в таком случае оказывается слишком узким, поскольку в пределе следовало бы мыслить одну-единственную фирму и что даже в этом случае мы не были уверены в том, что у нас совершенно заменимые товары, поскольку одна и та же фирма может производить немного разные товары — разные в физическом отношении, географическом, в плане доступности, информированности потребителя или же рекламы. Хотя определение через тождество товаров оказывается слишком узким, это не значит, что можно принять слишком широкое определение, которое учитывало бы обыденное наблюдение, говорящее о том, что каж-

1. *Tirole J.* The Theory of Industrial Organization.

дый товар является потенциальным субститутом какого-то другого товара, пусть даже в бесконечно малой мере (например, субститутами нефти могут быть уголь, дрова и т. д.). В пределе всякий товар может быть частично (поскольку сжечь можно что угодно) субститутом другого товара. Если принять слишком широкое определение, рынок совпадает со всей экономикой в целом, так что нужно установить пределы, чтобы была возможность заниматься анализом частичных равновесий.

Показав затруднения, связанные с двумя этими крайностями, Тироль приходит к выводу, что правильное определение (*right definition*) рынка зависит от того, как оно будет использоваться². Это чисто

2. «It is also important to realize that the “right” definition of a market depends on the use to which it will be put. For instance, consider the case of coal. If one is interested in broad issues of energy policy (such as the effect of subsidizing certain types of energy), the relevant market is the energy market, including coal, gas, oil, and nuclear power. The analysis of long-term contracting and vertical integration between U.S. coal producers and electric utilities is best conducted at the level of the region (e.g. the Northeast, the Midwest, and the West; see the chapter on the theory of the firm). To assess the competitive effects of a merger between two coal suppliers, one looks at a much narrower definition of a market, because of the high transportation costs» («Также важно понимать, что „правильное“ определение рынка зависит от того, как оно будет использоваться. Рассмотрим пример угля. Если мы интересуемся широкими вопросами энергетической политики (скажем, последствиями субсидирования определенных типов энергии), релевантный рынок — это энергетический рынок, который включает в таком случае уголь, газ и ядерную энергию. Анализ долгосрочных контрактов и вертикальной интеграции американских производителей угля и электроэнергетических компаний лучше всего проводить на уровне отдельного региона (например, Северо-Востока, Среднего Запада или Запада, см. главу о теории фирмы). Для оценки конкурентных последствий слияния двух крупных поставщиков угля следует рассмотреть гораздо более узкое определение рынка, что определяется высокими транспортными издержками», см.: *Ibid.* P. 12; фр. перевод: *Tirole J. Théorie de l'organisation industrielle. Vol. 1. P. 25 sq.*)

операционное, субъективное определение. Конечно, объективные индикаторы можно найти в разрывах, в цепочках эластичности, но, в конечном счете, «в этой книге мы будем иметь в виду эмпирическую сложность [П. Бурдые комментирует: неизвестно, что значит «эмпирическая»...] определения рынка и будем предполагать, что рынок хорошо определен»³ [смешки в зале]. Это странно, но уверяю вас, что так и написано. Тироль допускает, что есть определенные сложности с эмпирическим конструированием того или иного рынка, но полагает, что понятие рынка является обязательным условием анализа в категориях частичных равновесий. То есть экономисты оказались в некоем бейтсовском *double bind*⁴: они вынуждены использовать понятие, дать определение которому не могут. Достоинством Тироля является, по крайней мере, то, что он поставил вопрос, тогда как обычно понятие рынка используется, как и множество других по-

-
3. «For the purpose of the present book, this empirical difficulty of defining a market will be ignored. It will be assumed that the market is well defined, and that it involves either a homogeneous good or a group of differentiated products that are fairly good substitutes (or complements) for at least one good in the group and have limited interaction with the rest of economy» («В контексте задач данной книги эта эмпирическая сложность определения рынка не будет приниматься во внимание. Мы будем предполагать, что рынок хорошо определен и что он включает либо некоторый однородный товар, либо группу дифференцированных продуктов, которые являются достаточно хорошими субститутами (или комплементами) по крайней мере для одного товара в группе и которые с остальной экономикой взаимодействуют ограниченно», см.: Ibid. P. 13.)
 4. Антрополог Грегори Бейтсон ввел преимущественно в своих работах 1950-х гг., посвященных шизофрении, понятие *double bind*, которое часто переводят на французский как *double contrainte* («двойное ограничение»), а также понятие «парадоксальных приказаний» (*injonctions paradoxales*) (см., в частности: Бейтсон Г. К теории шизофрении [1956] // Бейтсон Г. Экология разума. М.: Смысл, 2000).

нятий (равновесия, конкуренции, прибыли и т. п.), в модусе самоочевидности, что приводит к произвольной постановке проблем, которые из них вытекают. Тироль, зажатый этим двойным ограничением, выпутывается за счет обращения к чисто субъективному понятию рынка: рынков будет столько же, сколько и точек зрения; таким образом, можно будет конструировать рынок в каждом случае по-разному — в зависимости от соображений потребления или производства. Мне показалось полезным упомянуть этот текст, чтобы показать, что оспаривание понятия рынка как чистого и совершенного механизма ценообразования не является результатом произвольных намерений критика.

Экономическая теория против самой себя

В прошлый раз я предложил заменить этот подход анализом рынка как поля производства, то есть пространства конкуренции между производителями, характеризующимися определенной структурой силовых отношений. Прежде чем развить это определение, я напому о ряде исторических вкладов в критику понятия рынка, сделанных самой экономической теорией.

Можно задаться вопросом о том, почему я занимаюсь этим — не для того ли, чтобы раскрыть свои источники? На самом деле, я разработал понятие поля до того, как познакомился с текстами, которые я приведу вам, и я сам спрашиваю себя, не мазохизм ли это с моей стороны — выдавать источники, которые для меня таковыми не являются. Важно знать, почему делаешь то, что делаешь, и я считаю, что истинная причина в том, что я ищу гарантии на территории научного противника: я хотел бы найти — в выборочном чтении авторов, признанных самими экономистами, — замечания

и положения, которые входят в мое определение экономического предмета. Это выборочное чтение несистематично, и оно может показаться похожим на то чтение, которым занимаются философы, когда они, представляя себя венцом истории, всю историю философии, им предшествующую, описывают как незаметное поступательное движение к их собственной позиции. Следовательно, я опять оказываюсь в плену нескольких затруднений; и сказать о них — не значит от них освободиться, но это позволяет, по крайней мере, переносить их. Коротче говоря, выборочное чтение ряда авторов (и возможно, что, если бы у меня было больше знаний, я бы нашел и другие ссылки) позволило мне обосновать выделение тех качеств, которые, как мне кажется, необходимо учитывать в адекватной теории экономического поля.

Первый автор, на которого я сошлусь, — это Маршалл, который, как я уже сказал в прошлый раз, является одним из тех немногих классических авторов, дающих определение рынка. Он посвящает отдельную главу своих «Принципов экономической науки» рынку⁵ и, расходясь с традицией классической экономики, подчеркивает, что для изучения организации рынка необходимо принимать в расчет не только деньги, кредит или внешнюю торговлю — что делают обычные экономисты, — но также профсоюзы, организации предпринимателей, взлеты и провалы бизнес-циклов. Если резюмировать эту главу, Маршалл определяет ряд факторов, которые, как ему представляется, характеризуют всякий рынок, например пространство и время; важно и то, существует ли формальное или неформальное регулирование, знакомы ли друг с другом продавцы и покупатели. (Этот последний пункт важен,

5. *Marshall A. Principles of Economics. Vol. 5. Chap. 1: «Introductory. On markets».* P. 323–330.

и такие социологи экономики, как Грановеттер⁶, развивают мысль — напомним вкратце об их вкладе — о том, что рынок остается, если использовать термин, введенный Поланьи, *embedded*, что означает укорененность в социальных отношениях, завязанность на них⁷.) Маршалл подчеркивает перечисленные мной качества и полагает, что перед всяким рынком следует поставить ряд вопросов: широкий он или узкий, есть ли у него постоянные границы или же он растет и сужается в зависимости от обстоятельств (что важно, например, для таких стратегических рынков, как рынок нефти, где одна из ставок борьбы — это то или иное определение границ рынка), организован ли он, то есть существуют ли официально регламентированные процедуры или обмены (Маршалл в качестве примера организованного рынка приводит биржу как противоположность менее организованным рынкам), открыт ли он, то есть очень конкурентен, или же монополистичен? Маршалл, к примеру, выдвигает гипотезу, согласно которой конкуренция особенно ожесточается, когда рынок закрывается, то есть во время перехода от открытого рынка к монополистическому. Он ставит общие вопросы, ответ на которые может быть только историческим.

Теперь я перейду к так называемым теориям организации промышленности. Один из наиболее известных авторов — Эдвард Чемберлен. В своей книге «Теория монополистической конкуренции», опубликованной в Гарварде в 1931 году⁸, он проводит критику мифа совершенной конкуренции и показывает, что нужно учитывать количество конкурирующих агентов: структуру рынка определяет

6. *Granovetter M. Economic action and social structure; Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура* (фр. перевод: *Action économique et structure sociale*).

7. См., в частности: *Поланьи К. Великая трансформация*.

8. *Chamberlin E. The Theory of Monopolistic Competition*.

число агентов, одной крайностью представляется монополия, а другой — частный случай (на самом деле никогда не реализуемый) совершенной конкуренции. То есть он много внимания уделяет тому, что я буду называть структурой поля конкуренции за производство и обмен, а также немного касается дифференциации продуктов. Он подчеркивает наличие личных связей между покупателями и продавцами, а также очень важную роль репутации продавцов, которую я буду называть символическим капиталом. Я думаю, что в экономических обменах известность фирм, например, определяемая брендами, очень важна. В рекламе, особенно предметов роскоши, часто подчеркивается почтенный возраст бренда, который, как и во всех обществах знати⁹, является символическим капиталом. Почтенный возраст — это также гарантия стабильности и соответствия явным или неявным законам обмена. Старая фирма — это фирма, заслуживающая доверия; а доверие — одно из условий обмена. Чемберлен этого не говорит, но из его замечаний можно сделать такие выводы. Он подчеркивает наличие личных связей между покупателями и продавцами, репутацию продавцов и — это сложно перевести — «общую тональность и характер их предприятия»¹⁰. Это интересное замечание: у пред-

9. См.: Bourdieu P. *Quartiers de noblesse culturelle* // *La Distinction*. P. 68–106, passim.

10. «In the retail trade, to take only one instance, these conditions include such things as the convenience of the seller's location, the general tone or character of his establishment, his way of doing business, his reputation for fair dealing, courtesy, efficiency and all the personal links which attach his customers either to himself or to those employed by him» («В розничной торговле, если ограничиться одним примером, к этим условиям относятся такие вещи, как удобство месторасположения продавца, общая тональность или характер его предприятия, его манера вести дела, его репутация как честного бизнесмена, обходительность, эффективность и все те личные связи, которые привязы-

приятя есть своего рода физиономия, что-то трудноопределимое, но участвующее в квалификации продукта и особенно обмена.

Зачитаю вам одно замечание, которое было очень важным для меня в логике поиска гарантий, поскольку оно подтвердило мне то, что я нашел в другом месте: «В ситуации совершенной конкуренции рынок каждого продавца является полностью погруженным в рынок его конкурентов, смешанным с ним, но на самом деле необходимо признать, что каждый производитель и, следовательно, каждый рынок в определенной мере изолированы, так что вся совокупность — не один-единственный рынок, состоящий из многих продавцов, но сеть переплетенных или связанных друг с другом рынков, по одному на каждого продавца»¹¹. Боюсь, вам совершенно непонятно, почему я привел это замечание. На самом деле тезис, который я собираюсь выдвинуть, состоит в том, что существует пространство производителей и пространство потребителей и что пресловутое отношение предложения и спроса на самом деле является отношением гомологии между дифференцированными производителями и дифференцированными потребителями. Это

вают его клиентов либо к нему, либо к нанятым им работникам», см.: *Chamberlin E. The Theory of Monopolistic Competition*. P. 56; фр. перевод: *La Théorie de la concurrence monopolistique*. P. 61).

11. «Under pure competition, the market of each seller is perfectly merged with those of its rivals; now it is to be recognized that each is in some measure isolated, so that the whole is not a single large market of many sellers, but a network of related markets, one for each seller» («В условиях чистой конкуренции рынок каждого продавца полностью объединен с рынками его конкурентов; но следует признать, что каждый в какой-то мере изолирован, так что целое — не единый большой рынок множества продавцов, а сеть взаимосвязанных рынков, по одному на каждого продавца», см.: *Ibid.* P. 69; фр. перевод: *Chamberlin E. La Théorie de la concurrence monopolistique*. P. 75).

интуиция, которая возникла у меня в связи с рынком предметов роскоши. Когда я работал с высокой модой¹², то заметил, что существует особое пространство, начинающееся с прославленных канонических фирм и заканчивающееся авангардными фирмами, которые утверждали, как [Даниэль] Эштер, что нужно вывести моду на улицу. Этому пространству продавцов соответствовало определенное пространство покупателей, где каждый покупатель выбирал своего продавца в пространстве продавцов. То есть логика совершенно не сводилась к конкуренции, определяемой ценами, это была логика конкуренции как конфронтации с конкурентами. Это кажется тавтологичным, однако это фундаментальное изменение парадигмы.

Третий источник или третья гарантия: важная, но не получившая развития статья Эдварда Мейсона «Цена и политики производства крупного предприятия»¹³. Это направление теории организации промышленности было, на мой взгляд, узурпировано (а не преодолено), по причинам скорее моды, чем научного прогресса, Тиролем, которого я только что цитировал и который представляет собой крайне математизированную форму этой экономики промышленности. Мейсон подчеркивает необходимость изучать ценовые политики крупных фирм и рыночных структур. Эта терминология мне понравилась, поскольку ею подчеркивается то, что каждое предприятие расположено в структуре предприятий, однако Мейсон не делает из этого каких-то серьезных выводов: он говорит, что рынок и структура рынка должны определяться через от-

12. *Bourdieu P., Delsaut Y. Le couturier et sa griffe: contribution à une théorie de la magie // Actes de la recherche en sciences sociales. 1975. No. 1. P. 7–36.*

13. *Mason E.S. Price and production policies of large-scale enterprise // The American Economic Review. 1939. Vol. 29. No. 1. P. 61–74.*

сылку к уникальной позиции каждого продавца или покупателя. Я не собираюсь обременять вас длинной цитатой, но это, по-моему, очень важно: чтобы понять то, что делают продавцы и покупатели, следует понять их положение в структуре рынка. Только знание структуры и положения производителя или продавца в структуре позволяет понять ценовую реакцию, реакцию в категориях цены. Мейсон предлагает то, что он называет парадигмой «структура — поведение — действие». Подробности я опускаю... Структура характеризуется наличием барьеров входа. Это свойство, наличие которого я приписал всем полям (литературному, художественному, религиозному и т. д.): в поле нельзя войти просто так. Например, в религиозном поле монополия на манипуляцию, как говорит Вебер, благами спасения в каждый конкретный момент времени распределяется в соответствии с определенной структурой между теми (Церковью, пророками, колдунами и т. д.), кто конкурирует друг с другом за контроль над этими благами спасения (индальгенциями, пожертвованиями и т. д.)¹⁴. Эта структура поля в целом налагает довольно строгие ограничения на потенциальных новых участников, и тот, кто желает войти, новый пророк, становится объектом суровых санкций. Такой санкцией может выступать поношение: пророка можно обвинить в куче разных вещей, сказав, например, то, что он обманщик, не знает Евангелия и т. д. Также можно его распять, уничтожить физически или же уничтожить символически — в религиозных полях такое символическое уничтожение представляется абсолютным оружием. Я, конечно, ввел это определение благодаря сознательному заимствованию:

14. См.: Бурдые П. Генезис и структура поля религии // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 7-74.

понятие «барьера входа» показалось мне очень важным. К числу свойств, задаваемых структурой промышленности, Мейсон относит этот барьер входа, структурный эффект, который может выражаться в стратегиях концентрации, применяемых продавцами. Также он подчеркивает, что различные виды поведения, стратегии продавцов ориентированы не на цены, а на соперников, конкурентов и что ценовые политики затрагивают конкурентов, не являясь отсылкой к тому или иному виду рыночной цены. Тироль узурпировал это направление, предложив его строгую, математизированную форму, в которой, с моей точки зрения, теряется самое важное, а именно структурные эффекты, считающиеся в современных теориях экзогенными.

Продолжу этот обзор и упомяну так называемую «Новую институциональную экономику» (*New Institutional Economics*) или «новый институционализм». Главный его представитель — это Оливер Уильямсон, который в своей основной книге «Рынки и иерархии»¹⁵ вводит понятия, чуждые маржиналистской традиции, например понятие транзакционных издержек: обмен влечет определенные издержки, не существует обмена без издержек. Альтернатива рынка и фирмы — один из вопросов, на которые пытается ответить институциональная экономика. В очень важной книге Чандлера «Видимая рука»¹⁶ рассматривается переход от логики рынка к логике больших фирм и экономия на транзакционных издержках, связанная с концентрацией: крупные фирмы, располагающие внутри себя всей структурой производства, достигают экономии на масштабе производства и экономии производственных, а также транзакционных

15. *Williamson O. E. Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implications.* New York: Free Press, 1975.

16. *Chandler A. La Main visible des managers.* Paris: Economica, 1989 [1977].

издержек. Это понятие помогает понять ряд факторов, характерных для современных экономик. Уильямсон говорит также о правах собственности. Он подчеркивает, что экономические институты не могут мыслиться вне юридических институтов и что покупатель покупает на рынках не только товары, но также права на предмет покупки. Связь между экономикой и правом является сегодня в некоторых направлениях институциональной экономики одним из наиболее дискутируемых предметов. Другие издержки: издержки на исследования (не буду уточнять...), издержки на измерение (речь идет о затратах на проверку качества купленного товара). Уильямсон, рассуждая обо всех этих издержках, показывает, что экономика абстрагируется от значительной работы, связанной с покупкой, продажей и трансакцией. Это должно напомнить вам о некоторых вещах, о которых я говорил в связи с даром: я показал, что переход от дара к принципу «ты мне — я тебе» позволил снизить трансакционные издержки. Когда вы не делаете кому-то подарок, а даете ему денег, чтобы он купил себе, что хочет, вы экономите на издержках, которые я только что упомянул и которые вынужден нести даритель, если хочет сделать подарок по вкусу тому, кого он желает обязать.

У меня были также другие источники и поручительства, но думаю, что здесь я привел их достаточно. Как я уже сказал однажды, наиболее передовые исследователи математической экономики, чтобы скорректировать границы своих формальных нереалистических моделей, обращаются к этому резерву хорошо продуманных изобретений, часто считая их при этом устаревшими и относясь к ним с изрядным презрением. Авторы этих изобретений стали, таким образом, жертвой двойной несправедливости: их обокрали и их же еще и презирают. Это еще одна причина, по которой я хотел о них рассказать.

Экономическое поле как поле сил

После этой поспешной и поверхностной ревизии я перейду к изложению основных линий того, что могло бы стать теорией экономического поля¹⁷, как я ее понимаю. Согласно моему определению этого понятия, поле — это поле сил и поле борьбы за трансформацию поля сил, в котором каждый из агентов применяет на практике ту силу, которой он в данном силовом отношении обладает, чтобы сохранить его или изменить¹⁸. Это может показаться несколько абстрактным, но очень близко к реальности и применимо ко всем полям — литературному, художественному, религиозному или политическому. Экономическое поле — это частный случай, особенности которого нужно описать отдельно. Есть определенный произвол в различении поля сил и поля борьбы за трансформацию поля сил, однако в целях анализа поле можно сначала рассмотреть в физикалистской модели, словно бы это было поле физических сил.

Структура этого поля сил зависит не только от числа конкурентов, как в некоторых моделях Чемберлена, но также от относительной рыночной силы разных конкурентов, то есть, грубо гово-

17. Через несколько лет после этого курса П. Бурдьё опубликует статью «Поле экономики» (*Bourdieu P. Le champ économique // Actes de la recherche en sciences sociales. 1997. No. 119. P. 48–66, русский перевод: Бурдьё П. Поле экономики // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. С. 129–176*). Переработанная версия этого текста будет опубликована в «Социальных структурах экономики» под названием «Принципы экономической антропологии» (*Bourdieu P. Principes d'une anthropologie économique // Bourdieu P. Les Structures sociales de l'économie. P. 233–270*).

18. Об этом моменте и последующих см. лекции, прочитанные П. Бурдьё в 1982–1983 гг. о понятии поля (*Bourdieu P. Sociologie générale. Vol. 1. P. 489 sq.*)

ря, от их капитала во всех его формах: прежде всего, разумеется, экономического капитала, но также технического капитала, информационного капитала (знания конкурентов, технологических знаний и наличия исследовательских центров, которые позволяют обладать экономическими знаниями о законах рынка, — все это является важным оружием), социального капитала (членство в правлениях компаний) и т. д. В своей работе о бизнесменах¹⁹ я составил таблицу различных форм членства: чем больше бизнесмены ассоциированы с крупными предприятиями, тем больше среди них членов правлений различных предприятий. В советы директоров они ходят не только для того, чтобы получать гонорары за заседания, но также чтобы поддерживать отношения, собирать информацию. Об этом вам скажет любой бизнесмен: именно благодаря коммуникации, поддерживаемой участием в советах директоров, приобретается та известность и респектабельность, которая важна в тысяче разных обстоятельств, например в случае слияния или публичной заявки на приобретение акций, и это же позволяет им получать информацию о состоянии экономики или возможных выгодных сделках. Включение в сеть взаимоотношений директоров — это, следовательно, определенная форма капитала, существующего наравне с экономическим капиталом, социальным, культурным (или скорее информационным) и, наконец, символическим.

В том определении, которое я ему даю, символический капитал соответствует любому виду капитала, когда он воспринимается в соответствии с категориями восприятия, которые являются интериоризацией структуры распределения капитала. Речь опять же идет об абстрактном определении (я мог бы сказать, что это престиж, но вы

19. Bourdieu P., Saint Martin M. de. Le patronat.

тогда бы решили, что нет смысла использовать громкое слово для такой простой вещи... Я часто не знаю, что сделать — дать временные эквиваленты, недостаточные и часто опасные, или же дать строгое определение, которое может показаться непонятным и излишне усложненным...). Символический капитал в таком определении измеряется критериями выслуги лет, известности, и на самом деле ему можно дать оценку, даже если это непросто. Сложно определить даже экономический капитал: Мартен²⁰, например, в своей прекрасной книге о двухстах крупнейших французских предприятиях, которой я часто пользовался в исследовании бизнеса, говорит, насколько сложно точно оценить капитал разных предприятий. Измерить символический капитал еще сложнее, однако он измерим, и его эффекты поддаются фиксации. В своей работе о бизнесменах я, к примеру, показываю, что невозможно понять слияние предприятий, если не учитывать разный символический капитал предприятий — участников слияния. Предприятие, у которого два варианта возможных слияний, учитывает не только технические и экономические преимущества, ожидаемые от такого слияния, но также символические преимущества, заключающиеся в известности, респектабельности, репутации, почтенности и, наконец, знатности. Знатные титулы играют важную роль, поскольку знатные титулы бизнесмена составляют часть символического капитала предприятия.

Итак, у поля есть структура, которая управляется распределением в тот или иной момент времени капитала во всех его формах. Оно является местом постоянных, перманентных силовых отношений, а также механизмов, которые стремятся

20. Здесь П. Бурдьё, вероятно, оговорился; должно быть, он имеет в виду работу Франсуа Морена: *Morin F. La Structure financière du capitalisme français*. Paris: Calmann-Lévy, 1974.

увековечить это силовое отношение, что соответствует известному высказыванию Маркса, которое имеет, я полагаю, довольно-таки общее значение: капитал идет к капиталу²¹. Действительно, логика функционирования полей такова, что господствующие обычно получают привилегированную выгоду от прибылей, производимых в поле. Один из механизмов, благодаря которым этот эффект господства осуществляется, определяется тем, что обладатели значительного капитала имеют власть над капиталом. Подход к такому анализу я обнаружил в работах Перру²², который подчеркивает, что есть капитал, который дает власть над капиталом. Эта идея кажется мне очень важной для общего понимания функционирования полей. Так, в издательском поле очень крупный издатель обладает властью над остальными издателями, поскольку его капитал позволяет ему задавать правила игры для остальных издателей, в частности осуществляя власть над теми, кто обладает метавластью, являющейся собственно государственной властью²³. Я вернусь к этому, когда буду объяснять, что поле — это поле борьбы между конкурентами за власть над определенным типом рынка, но также поле борьбы за власть над теми, кто может определять правила рассматриваемой игры, то есть в особенности над государством.

-
21. Источник высказывания найти сложно, вероятно, оно связано с рассуждениями Маркса о накоплении и концентрации капитала, об «имманентных законах самого капиталистического производства, путем централизации капиталов» (*Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. С. 772; см. также главу 23 «Всеобщий закон капиталистического накопления». С. 626–724*).
22. См.: *Bourdieu P., Saint Martin M. de. Le patronat. P. 42; Perroux F. Pouvoir et économie. Paris: Bordas, 1973.*
23. П. Бурдьё спустя несколько лет опубликует статью об издательском поле: *Bourdieu P. Une révolution conservatrice dans l'édition // Actes de la recherche en sciences sociales. 1999. No. 126–127. P. 3–26.*

В данном случае капитал может определяться по аналогии с игрой: это совокупность козырей разного типа, которая обеспечивает определенный контроль над структурой распределения возможностей прибыли. Например, на рынке односемейного дома, который я изучал²⁴, очень крупные фирмы, которые, как *Phénix*, производят несколько тысяч домов в год, отделены от мелкого деревенского ремесленника, который производит три дома в год, а между ними пролегает континуум фирм, распределенных в порядке от более сильных к менее сильным. Среди них можно найти сверхфирмы или, как говорит Грановеттер²⁵, «квазифирмы», то есть большие фирмы, которые заставляют работать мелкие, например *Bouygues*, который создает «дома каменщиков»²⁶. *Bouygues* для борьбы с индустриальными домами, производимыми *Phénix*, объединяет в квазифирме, основанной на субподряде, мелких индивидуальных каменщиков, которые, впрочем, могут работать за свой счет. Очень сложная структура распределения капитала и рыночной власти оказывает воздействие на каждого из агентов, участвующих в этой структуре. Например, стратегии мелкого субподрядчика *Bouygues* определяются его положением в структуре. Он не может позволить себе заниматься демпингом или же фантастическими технологическими инновациями. В нашем специальном номере жур-

24. Bourdieu P. et al. Un placement de père de famille.

25. См.: Granovetter M. Economic action and social structure; Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура (фр. перевод: Action économique et structure sociale). Грановеттер заимствует понятие «квазифирмы» у Роджера Дж. Эклза: Eccles R. G. The quasi-firm in the construction industry // Journal of Economic Behavior and Organization. 1981. Vol. 2. No. 4. P. 335-357.

26. Группа «Bouygues» прославилась этим рекламным лозунгом. См.: Bourdieu P. et al. Un placement de père de famille. P. 12, 20.

нала *Actes de la recherche*²⁷, посвященном экономике жилого дома, вы найдете подробности всех этих моментов, но общий принцип я вам изложил.

В поле есть структура распределения возможностей прибыли, и господствующие, то есть обладатели наибольшего количества капитала, которые действуют в рассматриваемом универсуме, оказывают влияние на тех, кто вовлечен в это поле. Эти эффекты господства могут проявляться в субподряде или же просто в создании таких экономических условий, что мелкие производители обречены на провал, на исключение или жесточайшую самоэксплуатацию, как это происходит со многими мелкими ремесленниками. То есть они ограничивают как людей, находящихся в поле, так и тех, кто желает в него вступить. В своем определении рынка, которое является одним из наиболее близких к предлагаемому мной и в то же время существенно от него отличается²⁸, Вебер подчеркивает, что всякий производитель должен считаться с реальны-

27. Bourdieu P. L'économie de la maison // *Actes de la recherche en sciences sociales*. 1990. No. 81–82 (переиздано в: *Bourdieu P. Les Structures sociales de l'économie*. P. 27–232).

28. Во французском переводе под редакцией Эрика де Дампьера (в следующей лекции П. Бурдьё предложит другой перевод) читаем: «О рынке следует говорить с того момента, как большинство кандидатов на обмен вступают, пусть даже односторонне, в конкуренцию за возможности обмена» («On doit parler de marché dès que, ne serait-ce que d'un côté, une majorité de candidats à l'échange entrent en concurrence pour des chances d'échange») (*Weber M. Économie et société*. Paris: Plon, 1971 [1921] Т. II. P. 410); и в английском переводе: «A market may be said to exist wherever there is competition, even if only unilateral, for opportunities of exchange among a plurality of potential parties» (*Weber M. Economy and Society. An Outline of Interpretative Sociology*. Berkeley-Los Angeles-London: University of California Press, 1978. P. 635). (Русский перевод: «О рынке можно говорить только в том случае, если в большинстве происходящих обменов хотя бы одна из сторон исходит из наличия конкуренции» (*Вебер М. Хозяйство и общество*. Т. 2. С. 268).)

ми и *возможными* конкурентами (в этом весь Вебер: он добавляет какое-нибудь словцо, кажущееся совершенно неважным, которое три четверти комментаторов просто не замечают и которое в английском переводе часто даже не фигурирует²⁹). Один из эффектов структуры поля — эффект совершенно невидимый, состоящий в определении собственных границ и в то же время в исключении претендентов, новичков, желающих вступить в игру, которым ничего не говорят, однако они исключаются ценовыми политиками крупных фирм. Эти структурные эффекты могут реализовываться молча и незапланированно, но в авральной ситуации они могут принимать форму рассчитанных стратегий, например политик, нацеленных на то, чтобы за счет понижения цен повысить входную плату для новичков. Здесь вы можете, кстати говоря, заметить, что провести различие между анализом в категориях структур (поле как силовое отношение) и анализом в категориях борьбы (поле как место борьбы за трансформацию силового отношения) довольно трудно. Во всяком поле стоит вопрос о границах поля: эта фраза кажется совершенно ничего не значащей, но с эмпирической точки зрения она чрезвычайно важна.

Скажу мимоходом: в трех случаях из четырех социологи считают себя учеными именно тогда, когда дают определение. Дюркгейм, которого я уважаю больше всех остальных, всегда в начале своих книг давал рабочее определение («Я называю самоубийством...»³⁰). Это очень хорошо в пла-

29. Французские переводы Макса Вебера долгое время оставались фрагментарными, и П. Бурдые в некоторых случаях пользовался английскими переводами.

30. Отсылка к требованию «первоначального определения», которое выдвигает Дюркгейм («Первый шаг социолога должен, следовательно, заключаться в определении тех вещей, которые он будет изучать, с тем чтобы и он сам, и другие знали, о чем идет речь. Это первое и обязательнейшее условие всякого доказательства и всякой про-

не намерений, но, когда речь идет о полях, давать определение, ограничение значит считать решенной ту самую проблему, которую ставит само существование поля. Вот простой классический пример: когда вы занимаетесь «социологией интеллектуалов», вас тут же спрашивают, кого вы называете «интеллектуалами». Поскольку многие (например, журналисты или врачи) заинтересованы в том, чтобы считать себя интеллектуалами, они спросят: «Мы интеллектуалы или нет?» Значительная часть работ по этому вопросу посвящена определению профессий, которые выделяются в рассматриваемом населении. Это означает, что поле трактуется в качестве группы населения. Но поле, хотя оно и является местом борьбы между группами населения, само такой группой не является: это невидимая структура, которая определяет правила игры, навязанные группе населения. Один из эффектов полей в том и заключается, что можно сказать, кто в данный момент и при определенных обстоятельствах составляет часть поля, а кто — нет. В любой момент времени в поле стоит вопрос границ поля. Так, социологи постоянно борются за то, чтобы знать, кто на самом деле социолог, а экономисты — чтобы знать, кто на самом деле экономист, не говоря уже о философах... В любом поле стоит вопрос о границах, то есть о монополиях, исключениях и исключительностях.

То есть вопрос границ поля не может решаться тем, что называют рабочим определением, ко-

верки [...] Кроме того, поскольку именно этим первоначальным определением устанавливается сам объект науки, то последний будет вещью или нет в зависимости от того, каким будет это определение» (*Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. О разделении труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. С. 437–438*) и которое он применяет в своем исследовании самоубийства (*Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М.: Мысль 1994. С. 4–9*).

торое, как говорил Спиноза, на самом деле является «убежищем незнания»³¹. Сказать «я буду называть интеллектуалами», а потом перечислить [тех, кого я буду называть интеллектуалами] — это никуда не годится, поскольку предмет разрушается еще до того, как его стали изучать. Это то, что делал Тироль³²: он решил называть «рынком» то, что счел правильным так назвать, учитывая то, как он собирался в данный момент использовать этот «рынок». Поступать так — значит отказывать предмету во всякой реальности. Это напоминает формулировку Соссюра: «Точка зрения создает предмет...»³³. Конечно, точка зрения

31. «[...] сторонники этого учения, желавшие похвастаться своим умом в указании целей вещей, изобрели для оправдания означенного своего учения новый способ доказательства, именно приведения не к невозможному, а к незнанию [...] И, таким образом, не перестанут спрашивать о причинах причин до тех пор, пока не вы прибегнете к воле Бога, т. е. к *asylum ignorantiae* (убежище незнания)» (Спиноза Б. Этика // Спиноза Б. Избранные сочинения. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 398).

32. См. начало этой лекции.

33. «Что является целым и конкретным объектом лингвистики? [...] Другие науки оперируют заранее данными объектами, которые можно рассматривать под различными углами зрения; ничего подобного нет в лингвистике. Некто произнес французское слово *ni* „обнаженный“: поверхностному наблюдателю покажется, что это конкретный лингвистический объект; однако более пристальный взгляд обнаружит в *ni* три или четыре совершенно различные вещи в зависимости от того, как он будет рассматривать это слово: только как звучание, как выражение определенного понятия, как соответствие латинскому *nudum* „нагой“ и т. д. В лингвистике объект вовсе не предопределяет точки зрения; напротив, можно сказать, что здесь точка зрения создает самый объект; вместе с тем ничто не говорит нам о том, какой из этих способов рассмотрения данного факта является первичным или более совершенным по сравнению с другими» (Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 48).

всегда участвует в создании предмета, но хорошая научная точка зрения создает предмет в соответствии с его структурами: по ту сторону различия между идеализмом и реализмом на самом деле возможен своего рода реалистический конструктивизм, когда наука и правда конструирует, но соответственно объективным структурам предмета. Речь здесь именно об этом: является ли рынок теоретическим артефактом, который я безапелляционно решаю определить тем или другим образом? Чем является шотландское литературное поле³⁴ — тем или этим, [то есть более или менее произвольно определенной вещью] или же оно является структурой, с которой я сталкиваюсь, которая производит определенные эффекты и указывает мне сама на собственные, в определенный момент имеющиеся у нее границы, учитывая при этом, что она говорит мне также о том, что эти границы оспариваются внутри этих границ?

Барьеры входа обсуждаются в двух больших научных течениях. Структуралисты, главным представителем которых является Джо Бэйн, говорят, что существуют определенные структурные преимущества и что барьеры входа в конечном счете связаны с тем, что эти преимущества порождают сами себя. Другие исследователи, относящиеся, как Стиглер, к чикагской школе, пытаются, придерживаясь неомаржиналистской логики, объяснить наличие барьеров входа, отсылая к роли государства. Но эта дискуссия нам не интересна, так что я ее пропущу...

34. Выбор этого примера связан, возможно, с европейским журналом *Liber*, которым Бурдьё занимается в эти годы и в котором регулярно рассматриваются вопросы такого рода. Так, один из номеров в 1995 году будет посвящен Шотландии: *Ecosse, un nationalisme cosmopolite // Liber. Revue internationale des livres. 1995. No. 24* (приложение к *Actes de la recherche en sciences sociales. 1995. No. 109*).

Имманентные тенденции экономического поля

Итак, у поля есть структура, оно является местом механизмов, которые, будучи предоставлены самим себе, обычно обеспечивают воспроизводство структуры. Я намеренно говорю «предоставлены самим себе»: если имеется неравное распределение и если господствующие в данной структуре способны управлять структурой распределения прибылей, они будут концентрировать все больше и больше прибылей, так что, если не случится чего-то неожиданного, структура, скорее всего, будет стремиться к сохранению. Тем не менее в любой момент они могут быть поставлены под вопрос, поскольку не могут контролировать, к примеру, все инновации — технические, организационные и т. п. Эта структура, по своей тенденции устойчивая, стремящаяся длиться и увековечиваться, упорствовать в бытии, всегда, соответственно, открыта и для подрыва — в той мере, в какой она предполагает, что подвластные жизненно заинтересованы, воспользовавшись внутренними силами или же изменив правила игры, перевернуть структуру и переопределить правила ценообразования так, чтобы они были более благоприятными или менее благоприятными для их товаров. Один из способов совершить революцию в том или ином поле (экономическом, политическом, религиозном и т. д.) — это изменить правила, по которым производятся, продаются, оцениваются товары, например, ради радикального изменения вкусов.

Поле стремится к увековечению в бытии. Оно обладает определенной инерцией и длительностью. Как я уже говорил, когда критиковал неомарксистскую модель, картезианский взгляд на универсум без прошлого и без будущего не соответствует реальности социально-экономических механиз-

мов, наблюдаемых нами. У поля есть определенная длительность, и его нельзя понять благодаря моментальному синхроническому срезу. Как я уже говорил в прошлый раз, существует определенный генезис этой структуры распределения издержек, и точно так же существует генезис распределения вкусов, причем оба этих генезиса очень важны для определения результатов конкуренции производителей. В силу этого факта у поля есть длительность и прошлое. Самые что ни на есть классические экономисты говорят, что капитал — это накопленное время, потенции будущего: в определенном смысле капитал — это своеобразное право преимущественной покупки будущего. Обладать капиталом значит иметь возможность присвоить будущее, в частности будущее других, будущее подвластных. Эта структура устойчива, а потому мы попадаем в некартезианскую философию; речь уже не идет о моментальном универсуме, каждое мгновение которого независимо от предыдущего и где, согласно картезианской парадигме непрерывного творения, Бог должен ежесекундно воссоздавать мир, поскольку в самом мире, как говорил Лейбниц³⁵, нет никакой склонности к существованию. Предлагае-

35. Лейбниц говорит о *praetensio ad existendum*. Например: «[...] мы должны признать, что уже в силу того, что существует нечто, а не ничто, в вещах возможных, т. е. в самой возможности или сущности, есть требование (*exigentia*) существования, как бы некоторое притязание на существование; одним словом, сущность сама по себе стремится к существованию. Из чего следует, что все возможные, т. е. выражающие сущность или возможную реальность, вещи с одинаковым правом стремятся к существованию, смотря по количеству их реальной сущности или по степени совершенства, которое они заключают в себе, ибо совершенство есть не что иное, как количество сущности. Отсюда вполне очевидно, что среди бесконечных сочетаний возможных вещей и возможных рядов существует одно, в котором приведено к бытию наибольшее количество сущности или возможности» (Лейбниц Г.В. О глубинном происхождении вещей // Лейбниц Г.В. Сочинения. М.: Мысль, 1982. Т. 1. С. 283–284).

мая мной модель является, если угодно, лейбницианской: это универсум, в котором настоящее беременно будущим³⁶.

Поле — это место имманентных тенденций, например тенденций к воспроизводству структуры распределения прибылей. Я использую аналогию, которую уже применял здесь (но поскольку это было очень давно³⁷, те, кто слышали ее, могли ее забыть, а другие — так и просто не слышали...): картезианский мир аналогичен игре в рулетку в том смысле, что каждый ход независим от предыдущих, тогда как лейбницианский мир, как я его описываю, можно сравнить с покером, в котором перед каждым игроком лежат фишки, соответствующие выигрышам, полученным на предшествующих ходах. И он может инвестировать в разные ходы в зависимости от имеющейся информации, а также от приобретенных им предрасположенностей. В частности, накопленный капитал может дать ему уверенность и позволит блефовать или же использовать рискованные стратегии. Аналогия с покером несовершенна, она нужна лишь для того, чтобы было понятно, что мы в игре, в которой следующие друг за другом моменты не независимы, и что имманентные тенденции обеспечивают прогнозируемость и калькулируемость.

Участие в играх такого типа дает заметное преимущество тем, кто обладает этой особой формой власти, которую представляет собой знание игры, и даже чувство игры как искусство предсказывать направление развития игры, то есть имманентные тен-

36. Отсылка к следующим формулировкам: «В этом и состоит одно из правил моей системы всеобщей гармонии, по которой *настоящее служит залогом будущего*, и тот, кто видит все, видит в этом и то, что будет» (*Лейбниц Г. В. Опыты теодицеи // Лейбниц Г. В. Сочинения. М.: Мысль, 1989. Т. 4. § 360. С. 366–367*).

37. Отсылка, возможно, к курсу 1983–1984 гг. (*Bourdieu P. Sociologie générale. Vol. 2. P. 199–200, 236*).

денции игры, которые оповещают о себе бесконечно малыми знаками, незаметными тем, кто с этой игрой незнаком. Так, когда крупные промышленники рассказывают о своих решениях, они часто выражают полное презрение в адрес ученых-экономистов. Расчету экономистов они противопоставляют нюх, чувство игры, имеющееся у подлинных знатоков, которые ориентируются по признакам, заметным только тем, кто в игре уже давно и у кого есть знания и знакомства (знание игры и знакомство с людьми, знающими игру). Эта прогнозируемость, объективная калькулируемость распределена среди разных агентов абсолютно неравномерно, и одно из преимуществ, которыми располагают господствующие, — это возможность овладеть ожиданиями.

Сошлюсь на исследование одного экономиста, Яна Крегела³⁸, который говорит об «институтах, снижающих неопределенность» (*uncertainty reducing institutions*). Он показывает, что в нормально выстроенном экономическом универсуме — но не в том, что описывает неомаржиналистская экономика, — существует много институтов, обеспечивающих устойчивость и калькулируемость: договоры о заработной плате, долговые контракты, соглашения о поставках между поставщиками и клиентами, регулируемые цены и цены, удерживаемые государством, соглашения об обмене и т. д. То есть в экономическом универсуме существует определенный комплекс операций, часто юридического толка, но порой и просто конвенциональных, которые нацелены на то, чтобы мир не был, как говорил Бергсон, «созданием непредвидимой новизны»³⁹,

38. Kregel J. A. Economic methodology in the face of uncertainty // *Economic Journal*. 1976. No. 86. P. 209–225.

39. «Но истина в том, что философия никогда по-настоящему не допускала этого непрерывного творения непредвидимой новизны» (*Bergson H. Le possible et le réel // Bergson H. Pensée et le Mouvant, PUF, Paris, 1938. P. 115*).

чтобы он не был этим картезианско-бергсониянским миром, в котором ежесекундно начинаешь с нуля, и чтобы он был, напротив, универсумом, на который можно рассчитывать. В особенности же можно рассчитывать на других социальных агентов. Чтобы хоть в какой-то мере пробиться к реальности, одна из ветвей математической экономики стала поэтому опираться на теорию игр, и теперь она ставит все эти вопросы *trust*, доверия: я знаю, что он знает, что я знаю... Эти проблемы, поднимаемые в абстрактном виде теорией игр, являются в хорошо выстроенном экономическом порядке заранее решенными проблемами. Они вообще не ставятся, поскольку в нем заключаешь договор с людьми, которых знаешь (здесь можно было бы снова привести то, что я цитировал из Чемберлена), с которыми уже заключал договоры или с которыми связан из поколения в поколение... У меня не будет времени пересказать это исследование, но некоторые интерпретаторы говорят соответственно, что в факте предложения нам определенным предприятием контракта важен не контракт сам по себе, а то, что, предлагая контракт, оно сообщает нам, что ему можно доверять, что оно соблюдает контакты, что оно играет в игру экономики. Это определенная форма сигнализирования, как говорят экономисты⁴⁰, своего рода метадискурс о том, что делается, нужный, чтобы сказать, что стороны договора действуют под контролем юридических инстанций, трансцендентных по отношению к ним.

Экономический мир [...] обладает своей структурой, своей инерцией, своими имманентными тен-

40. Специалисты по микроэкономике говорят, что поведение подает сигнал, когда раскрывает информацию, имеющуюся у агента; последний, с другой стороны, может демонстрировать стратегическое поведение, состоящее в том, что учитывается как раз следствие раскрытия информации.

денциями, своими механизмами воспроизводства, всеми теми вещами, благодаря которым он оказывается местом имманентных регулярностей, повторяющихся ходов, игр, которые разыгрываются одним и тем же образом. Это выводит на вторую часть моего анализа, который будет ориентирован на габитус. Действительно, именно потому, что экономический мир упорядочен, экономические агенты могут сформировать разумные, но не рациональные ожидания, вести себя внешне рациональным образом, хотя основой их поведения и не является разум: они имеют дело с повторяющимися ситуациями, они много чего выучивают, так что им не нужно подсчитывать — у них формируются разумные, а потому и объективно калькулируемые виды поведения. Сегодня рациональные ожидания стали одним из решений, предложенных неоклассическими экономистами-математиками⁴¹. Они пытаются найти реалистическое основание для этих рациональных ожиданий, однако объяснить их могут только магией (полагая наличие агентов, способных рационально предсказывать рациональные решения...). Тогда как в моем анализе постулируется, что экономические габитусы, порожденные постоянным столкновением с устойчивыми регулярностями, позволяют агентам обладать разумными ожиданиями имманентных тенденций игры. Очевидно, что экономисты, которые в на-

41. «Теория рациональных ожиданий», введенная Джоном Муттом в его статье 1961 года, получила особенное развитие начиная с 1970-х гг. в рамках Чикагской школы в работах Роберта Лукаса. В ней экономические агенты наделяются способностью оптимально применять информацию о будущем, полезную для их решений, и в среднем не ошибаться. В одном из вариантов этой теории, упоминаемой чуть дальше П. Бурдые, эта способность считается продуктом научения, которое позволяет экономическим агентам постепенно овладевать моделями, предоставляющими им возможность делать рациональные предсказания.

стоящее время пытаются построить математические модели, позволяющие провести связь между рациональными ожиданиями и научением, идут в правильном направлении, но только вот выбирают они очень странные пути...

По моему мнению, существует фундаментальный антропологический закон, согласно которому у социальных агентов бывают только те надежды, которые в общем и целом подогнаны под объективные шансы. Этот закон, о котором я часто напоминаю, означает, что люди не сумасшедшие и что они хотят в целом того, что могут: как говорит Юм, желание испаряется само собой, когда шансы на его удовлетворение не выполняются⁴². Это один из самых грустных социальных законов, но это так... Экономические агенты, имея дело с экономическими структурами и особенно со специфическими эффектами особой позиции, занимаемой в этих структурах, постепенно интериоризируют объективные шансы, связанные с их позицией, в форме таких ограниченных надежд. Они хотят того, что могут. Например, их потребление в общем и целом подогнано под их возможности его удовлетворить. Чтобы это было возможным — тут я уже выхожу на вторую часть моего анализа, — необходим упорядоченный мир. Если бы экономический мир был универсумом с одними разрывами и если бы экономические агенты были наделены, как говорил еще Лейбниц, своего рода *mens momentanae*⁴³, то есть если бы имела место встреча между мгновенным рынком и мгновенным разумом, тогда вообще ничего нельзя было бы понять. Чтобы экономический

42. Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1996. С. 58.

43. Выражение берет начало в латинской фразе, которую можно перевести так: «[...] всякое тело есть мгновенный дух (*mens momentanea*) [...] без памяти, без сознания смысла своих действий и страстей, без мысли» (*Leibniz G.W. Theoria motus abstracti. 1671.*)

мир функционировал, чтобы он существовал в том виде, в каком он нам известен, необходимо, чтобы у него были эти имманентные тенденции, связанные с механизмами, благоприятными для образования постоянных предрасположенностей, которые я называю габитусом.

Эффект отличия и конкуренции

Это, в общем и целом, был первый пункт: у поля есть длительность и инерция, оно движется не куда угодно, а в определенном направлении, а возможности, которые предоставляются в тот или иной момент знатоку поля, выстроены по определенной иерархии, поскольку не все возможности равновозможны; некоторые возможности, как говорит Лейбниц, намерены существовать в большей мере, чем другие. Наконец, обладать чувством экономической игры, чувством инвестиции в строгом смысле этого слова значит обладать таким чувством, позволяющим предсказывать наиболее вероятные варианты будущего. Здесь опять же речь о вебер-анском понятии. Вебер, который очень часто идет в правильном направлении (а я его развиваю...), специально выделял объективные потенциальности⁴⁴, которые, не будучи совозможными или равновозможными возможностями, являются возможностями, вписанными в саму суть вещей, поскольку наделены очень сильным намерением существовать — это «то, что надо сделать» («Надо купить Рон-Пуленк»). Поле сил — это, следовательно, еще и поле борьбы за сохранение или преобразование поля сил: каждый определяется своим положением, которое он занимает в этом универсуме, и, очевидно, чем более господствующим является поло-

44. Weber M. Essais sur la théorie de la science. Paris: Plon, 1965. P. 348.

жение, занимаемое им в структуре позиций, тем больше он сознательно или бессознательно склонен работать над воспроизводством структуры. Это фундаментальный закон консерватизма: когда в определенной структуре у вас все хорошо, вы стремитесь ее сохранить (за исключением случаев, которые всегда возможны и которые следует изучать отдельно). И наоборот, те, кто занимают в структуре распределения капитала и прибылей подчиненное положение, обладают определенной, более или менее сильной, более или менее выраженной склонностью подрывать структуру силовых отношений и преобразовывать структуру распределения капитала и соответствующих выгод. Стратегии различных агентов зависят, таким образом, от их положения, то есть от их веса и их силы в поле.

Здесь мы подходим к намного более важной вещи, представляющей собой существенное качество функционирования в поле: действия агентов всегда отличительны. Хотим мы того или нет, знаем об этом или нет, но быть в поле значит быть детерминированным тем фактом, что ты — не другие. Есть одна формулировка, которую я всегда привожу для запоминания (а не из удовольствия повторять одну и ту же фразу, которая мне понравилась): интеллектуалы — они как фонемы, существуют за счет различия. Хотим мы того или нет, но быть в интеллектуальном поле значит существовать в качестве иного, отличного и отличительного. Главная идея «Отличия» (это было хорошее название, но плохое понятие) не в том, что социальные агенты ищут [намеренно] отличия (в отношении моей книги это очень серьезная ошибка), а в том, что они [объективно] отличены, хотя бы они того или нет. Беднейшие и обездоленные отличены в том смысле, что они отличительны, отличаются от других и их практики в значительной степени являются продуктом их отличия. Это приложимо и к фирмам с предприятиями, которые тоже отличительны: они подчине-

ны эффектам поля, то есть эффектам положения. Слово «положение» важно по этой причине: положение существует только реляционно, это обязательно относительное положение; занимать его значит быть чем-то, чем не являются другие. Согласно определению Стросона⁴⁵, индивид — это тот, кто занимает положение, которое другие не занимают, в пространстве, где индивид обязательно отличается тем, что он там, где других нет. Сказать, что фирмы отличительны значит сказать, что экономические агенты, начиная с фирм, действуют в зависимости от ограничений, вписанных в их относительное объективное положение, а также в представление, составленное ими об этом положении и само являющееся производной положения.

Когда мы мыслим в категориях отличия, получается так, словно бы основанием порождения различных видов поведения людей было осознанное и представленное ими намерение отличиться, тогда как на самом деле основанием их действия является то, что, будучи отличительны, они отличают друг друга, хотя они того или нет. Может случиться так, что составленное ими о собственном отличии представление внесет вклад в производство стратегий отличия. Это как раз привилегия отличных, тех, кто отличены позитивно, — возможность обладать отличительными стратегиями. Во всех социальных пространствах вершина отличия состоит как раз в том, чтобы не обладать отличительными стратегиями, и трансисторическое определение вульгарности в том и заключается, что она ищет отличия, так что традиционное прочтение моей книги, чем бы оно ни вдохновлялось — намерением порадовать меня или же, наоборот, позлить, — оказывается глупым [*смех в зале*]. Хвастовство — это свойство

45. *Strawson P.F.* Les Individus. Essai de métaphysique descriptive. Paris: Seuil, 1973 [1959], особенно глава «Монады» (Р. 131–150).

вульгарности, это именно что стратегия отличия, присущая тому, у кого на него нет средств. И наоборот, утонченность — это *understatement*, то есть бытие в качестве того, чем надо быть, не больше и не меньше; это значит быть отличным (естественно отличным), ничего для этого не сделав.

Хотя и может показаться иначе, это отступление имеет отношение к нашей теме: стратегии агентов, которые могут быть фирмами, семьями, индивидами, отличительны в том смысле, что они связаны с определенным положением в структуре, а кроме того, и с представлением об этом положении, составляемым теми, кто это положение занимает. Стратегии отличия порой встречаются; например, у производителей стирального порошка есть стратегии отличия, но интересно то, что они есть у них именно потому, что находятся в положении, в котором никакой разницы нет. Именно потому, что между их товарами нет отличий, им нужно произвести эти отличия; стратегии отличия нужны, чтобы компенсировать автоматические эффекты отличия. Вот хороший пример, чтобы разрушить идею [общераспространенную?] отличия.

Этот эффект отличия, внутренне присущий самому факту занятия относительного положения в пространстве, является важным качеством, схватываемым мышлением в категориях поля (которое, я думаю, отлично подходит для обдумывания ряда феноменов, которые иначе не поймешь). Это ведет ко многим вещам. В следующий раз я обсужу их подробнее, но сейчас, чтобы завершить лекцию, я сделаю для вас вывод. В классической модели ценообразования, в модели совершенной конкуренции получается так, словно бы индивиды или «репрезентативные агенты» (это своего рода фикция, к которой я еще вернусь) принимали свои рыночные решения, решения о покупках исключительно на основе той информации, которую составляет цена (конечно, предположительно равновесные цены могут по-

шатнуться в силу непредвиденного воздействия, такого как акт государства, навязывающего определенные цены). В предлагаемой мной модели логика совершенно другая: агенты не подчиняются пассивно тому вердикту рынка, которым якобы является цена, у них наблюдается активное поведение, у них есть стратегии, которые учитывают не цену, а стратегии их конкурентов. Иначе говоря, они смотрят не на потребителя, а на конкурентов.

Это все меняет, и это имеет фундаментальное значение для понимания той небольшой революции, которую представляет собой мышление в категориях полей. Так, интеллектуалы смотрят не на потребителей, а на конкурентов. Например, можно подумать, что журналист «Фигаро» пишет то, что пишет, чтобы доставить удовольствие читателям «Фигаро», и в обычной полемике он рассматривается в качестве газетчика епископата. Если бы это было так, все было бы слишком просто, да и вообще не работало бы. Конечно, каждый производитель находится в пространстве конкуренции, внутри которого присутствуют ограничения, связанные с ориентацией на определенную аудиторию. Но сегодня аудиоматы⁴⁶, исследования рынка обычно представляют реальность, социально заданную этой фикцией, коей является рыноч-

46. Здесь и в следующем абзаце П. Бурдьё дает набросок идей, которые он намного подробнее проработает в анализе поля журналистики, который будет представлен им в следующие годы, в том числе на курсах в Коллеж де Франс: *Бурдьё П. Власть журналистики // Бурдьё П. О телевидении и журналистике. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002; Bourdieu P. Journalisme et éthique // Les Cahiers du journalisme. 1996. No. 1; Bourdieu P. Champ politique, champ des sciences sociales, champ journalistique. Cours du Collège de France à l'Université Lumière Lyon 2, le 14 novembre 1995 // Les Cahiers de recherche du GRS. 1996. No. 15; Бурдьё П. О телевидении // Бурдьё П. О телевидении и журналистике.*

ная цена или вердикт потребителя. Предлагаемая мной модель иная: журналист «Фигаро» или «Нувель Обсерватер», имея в виду своих конкурентов, пишет против них («Нувель Обс это сделал, значит надо делать»)⁴⁷. Например, однажды журналист X изъявляет желание написать статью о Кангийеме, а главный редактор ему отвечает: «Даже не обсуждается, Кангийем — это старье»; через неделю другая газета по каким-то другим причинам публикует статью о Кангийеме — и тогда тот же самый главный редактор, который сказал «это невозможно», скажет [*П. Бурдые имитирует раздраженный тон*]: «Как же так, про Кангийема так и не написали?» Это типичный эффект поля, и я мог бы привести тысячи подобных примеров. Я все сильно упрощаю (если бы все было так просто, люди бы давно уже поняли эти механизмы). Это игры, в которых каждый игрок управляется другими, что влечет определенные практические следствия: «освободить журналистов» оказывается сложно, поскольку, раз они конкурируют между собой, то не могут освободиться. Здесь стоило бы о многом подумать...

Но вернусь к модели: каждый агент является отличительным, он находится в пространстве конкуренции и определяется тем, что отделяет его от других, тогда как принципом его стратегий является отсылка, но не на рыночную цену или предположительно известные и познаваемые потребности потребителей, а на намерения и действия конкурентов. Вот почему, например, промышленный шпионаж (в том числе и в журналистике) настолько важен. Необходимо знать, что делают конкуренты, и попытаться предвосхитить их реакции. Я вернусь к этому в следующий раз, поскольку слишком быстро подошел к концу. Нужно показать, как прихо-

47. Развитие этого примера (П. Бурдые, в частности, имеет в виду театрального критика «Фигаро» Жана-Жака Готье) см. в: *Bourdieu P. La Distinction. P. 262–267.*

дишь к мышлению такого рода и что оно меняет. Вы не сможете понять, в чем важность перехода от традиционного образа мысли к такому мышлению, если я не расскажу вам подробнее, как до него можно прийти и почему благодаря ему кардинально меняются способ изучения рынка и даже тип научного конструирования, которое нужно провести, чтобы понять происходящее. Математики от чистой экономики строят модели, но то, что предлагаю я, позволяет строить модели (которые тоже можно математизировать, почему нет...) нового типа, которые не обязательно будут сложнее. Представители точных наук часто упрекают нас в том, что мы учим настолько сложным вещам, что для них не сделаешь модели, но наши модели не обязательно настолько сложны. Построить их особенно сложно потому, что предпосылки (все то, о чем я уже однажды рассказывал), задействованные нами в факте выдачи банкноты или в возврате денег, связаны с намного более глубокими убеждениями, чем наши религиозные, этические, этнические и т. п. верования. Вот почему я начал с анализа дара у Мосса: такой анализ сдвигает антропологическую основу нашего экономического поведения, приводит в движение чрезвычайно глубокие вещи, которыми мы пользуемся и которые мешают нам прийти к относительно простым в конечном счете вещам. По этой причине я, возможно, не должен был так быстро подходить к концу: вам может показаться очевидным то, что люди действуют в зависимости от конкурентов, однако оценить, в какой мере это удивительно, можно только в том случае, если понять, в какой мере обычно думают совершенно иначе, причем имея совершенно четкое ощущение очевидности. Мои исследования могут создавать какое-то незначительное чувство очевидности, но оно несопоставимо с тем чувством, что создается представлением о рынке, об атомарном агенте и т. д. В следующий раз я попытаюсь рассказать об этом лучше.

Лекция 10 июня 1993 года

Понятие рынка у Макса Вебера. — Косвенный конфликт. — Модель Харрисона Уайта. — Гомология и двухуровневый выбор потребителей. — Тройное расхождение с Вебером. — Государство создает рынок: пример рынка односемейного дома

В ПРОШЛЫЙ раз я попробовал показать, что экономику нужно мыслить в логике поля, а не в логике рынка, что составляет первый этап движения к предлагаемой мной смене парадигмы. В следующий раз (к сожалению, времени будет немного) я займусь вторым этапом движения, а именно переходом от понятия индивида и индивидуального сознания к понятию предрасположенности и габитуса. Но сегодня я продолжу то, что сказал в прошлый раз, чтобы прояснить вещи, которые я мог оставить непонятыми, и особенно развить последний момент в моем изложении, касавшийся конкурентных отношений между производителями. Поскольку к концу я двигался довольно быстро, то должен вернуться назад, так как некоторые вещи заявил довольно категорично, не приведя достаточных доказательств. Главное в моем тезисе заключалось в том, что рынок, понимаемый как отношения между потребителями и ценой, надо заменить отношением между производителями, то есть конкуренцией производителей за доступ к обмену; эта конкуренция идет внутри поля, наделенного относительно инвариантной структурой, которая управляет стратегиями агентов и может, очевидно, преобразовываться этими стратегиями, поскольку одна из задач борьбы внутри поля состоит именно в сохранении или преобразовании структуры поля. Перейду теперь к последнему пункту, который я тогда подчеркнул: фирмы конкурируют, при этом обладая значительными различиями.

Понятие рынка у Макса Вебера

Начну с обсуждения Вебера. Он не был источником для того, что я собираюсь сказать, и вы увидите, что я говорю нечто совершенно другое, но он может пригодиться как поручитель того, что я предлагаю. Затем я объясню различие [между его исследованиями и моими]. В целом я не очень-то люблю заниматься подобными вещами, поскольку считаю, что в научных работах слишком много места отводится утверждению отличия: под прикрытием *trend report* или же отчета об актуальном состоянии дискуссий часто применяют более или менее тонкие стратегии различения. Но в данном случае, поскольку то, что делает Вебер, относительно близко тому, что предлагаю я, причем некоторые люди, следуя логике отрицания отличия, уже сказали (и наверняка скажут), что я просто повторяю Макса Вебера, я немного расшифрую различие, что также поможет мне прояснить основания предлагаемых мной идей.

Начну с отрывка, который включен в первый том «Хозяйства и общества» и соответствует последним страницам французского перевода¹. Скажу вам сразу: мне так и не удалось привыкнуть к этому довольно странному переводу, который вышел уже после того периода, когда я много читал Макса Вебера². Когда он вышел, я обрадовал-

1. Weber M. La communauté de marché [texte inachevé] // Weber M. Économie et société. Т. II. P. 410–416 (русский перевод: Вебер М. Хозяйство и общество. Т. 2. С. 268–272).

2. Именно в начале 1960-х гг. по подсказке Раймона Арона, который наряду с Жюльеном Фройндом был одним из многих французских знатоков творчества Макса Вебера, чье имя тогда во французских переводах отсутствовало, П. Бурдые, бывший ассистентом Арона, прочел и открыл для себя работы этого немецкого социолога (которому он посвятит один из своих курсов 1962–1963 гг. на фило-

ся, что мне наконец будет проще прочитать этого крайне сложного автора, но, как ни странно, французский перевод я порой понимаю хуже немецкого оригинала, то ли потому, что он усложняет там, где все достаточно просто, то ли потому, что упрощает там, где сложно. Но тем не менее я отошлю вас к переводу первого тома «Хозяйства и общества» (второй том ожидается³), поскольку он очень полезен, и я думаю, что французская наука многим обязана Эрику де Дампьеру⁴, редактору издания Макса Вебера, который многое сделал для того, чтобы оно состоялось и было качественным, так что мои оговорки не являются *ad hominem*.

В этой последней главе первого тома «Хозяйства и общества» Макс Вебер размышляет над понятием рынка и определением понятия рынка,

логическом факультете в Лилле), то есть это было до издания первого перевода (в 1971 году) в издательстве *Plon*. Помимо важной статьи, посвященной социологии религии Макса Вебера (*Bourdieu P. Une interprétation de la théorie de la religion de Max Weber // Archives européennes de sociologie. 1971. Vol. XII. No. 1. P. 3–21*), Бурдьё в своих работах будет систематически заимствовать веберовскую терминологию.

3. И по сей день не существует полного перевода этой работы на французский язык. Она вышла в *Plon* в 1971 году, переиздана в 1995 году в *Pocket* в двух томах, в целом соответствующих двум частям первого тома. С начала 1980-х гг. были переведены некоторые части второго тома, но несистематично: *Weber M. La Ville / P. Fritsch (trad.)*. Paris: Aubier-Montaigne, 1982 (исправленное издание: Paris: Les Belles Lettres, 2013); *Bourdieu P. Sociologie du droit / J. Grosclaude (trad.)*. Paris: PUF, 1986; *Weber M. Sociologie de la musique. Les fondements rationnels et sociaux de la musique / J. Molino, E. Pedler (trad. et présentation)*. Paris: Métaillé, 1998; *Weber M. La Domination / I. Kalinowski (trad.)*. Paris: La Découverte, 2013.
4. Эрик де Дампьер воплощает в себе ту форму научной социологии, которая была очень далекой для П. Бурдьё, однако он был близок с Раймоном Ароном, вместе с которым основал, в частности, в Европейском центре социологии журнал *Les Archives européennes de sociologie*, в котором П. Бурдьё пару раз публикуется — в 1966 и 1971 гг.

как он его понимает⁵. Эта глава кажется мне еще более важной потому, что, как вам известно, Макс Вебер обобщил и перенес эту теорию рынка на другие области, особенно на ту, где у нее больше всего следствий, на область религии (в конечном счете, он описывает не что иное, как *рынок* религиозных обменов, и именно так он приходит к известному принципу, который я люблю повторять: «Священник обладает монополией на легитимную манипуляцию благами спасения»⁶). Вебер предложил теорию рынка, но торопливые читатели (впрочем, если бы во Франции были торопливые читатели, это было бы уже само по себе удивительно...) часто перескакивали через эту главу, на самом деле основополагающую, поскольку Вебер осуществил этот перенос именно с опорой на свою теорию рынка, которая не совпадает с теорией маржиналистов. Этот текст, прочитанный мной, показался мне очень важным, возможно потому, что я увидел в нем набросок того, что предлагаю сам. Я прочитаю вам ряд отрывков (я сам их перевел), где Вебер, как мне кажется, подчеркивает то, что конкуренция проходит через две фазы: первая фаза — конкуренция между производителями, вторая — переговоры между покупателем и продавцом.

Попросту говоря, Вебер, как мне кажется, утверждает, что рынок в его понимании — это конкуренция между производителями за доступ к воз-

5. См. предыдущую лекцию.

6. П. Бурдьё, вероятно, опирается на следующий отрывок: «*Иерократическим* союзом называется союз господства, если и поскольку существование его порядков обеспечивается психическим насилием путем предоставления или отказа в предоставлении священных благ (иерократическое насилие). *Церковью* называется непрерывно действующее иерократическое учреждение, если и поскольку его управленческий штаб располагает монополией легитимного иерократического насилия» (Вебер М. Хозяйство и общество. Т. 1. С. 110).

возможностям заключать сделку с продавцом⁷. Это определение мне представляется очень важным, хотя при первом прочтении я не придавал ему особого значения, ведь у нас всегда имеются те или иные предварительные конструкции. Мне кажется, это достаточно ясно из цитат, которые я приведу: «О рынке следует говорить с того момента, как большинство индивидов, стремящихся к обмену, вступают в конкуренцию за возможности обмена»⁸ (я опустил одну небольшую вставку, которую не очень хорошо понимаю и которая означает что-то вроде «в конкуренции хотя бы с одной стороны»: я не совсем понимаю, что хочет сказать Вебер... Во французском переводе дается механический перевод, и смысла не больше, чем в том, что я говорю). «Где бы они ни были объединены пространственно — на локальном рынке, на рынке с большим товарооборотом (ярмарке), на рынке купцов (бирже), это представляет наиболее последовательную форму образования рынка, единственную, которая допускает полное рас-

7. П. Бурдье, скорее всего, оговорился, сказав «продавец» вместо «покупатель».

8. «О рынке следует говорить с того момента, как большинство кандидатов на обмен вступают, хотя бы односторонне, в конкуренцию за возможности обмена. Где бы они ни встречались — на местном рынке, на рынке с большим товарооборотом (ярмарке) или на рынке купцов (бирже), наиболее последовательной формой образования рынка является та единственная форма, что обеспечивает полное раскрытие специфического феномена рынка, а именно торго» (*Weber M. Économie et société*. Т. II. P. 410; ср. русский перевод: «О рынке можно говорить только в том случае, если в большинстве происходящих обменов хотя бы одна из сторон исходит из наличия конкуренции. Когда все участники собираются на рыночной площади (локальный рынок), на ярмарке (отдаленный рынок) или на бирже (оптовый рынок), выпукло проступает самая последовательная форма, в которой воплощается рынок как специфическое явление, — торг» — *Вебер М. Хозяйство и общество*. Т. 2. С. 268.)

крытие специфического феномена рынка — торго». Иначе говоря, конкретная реализация рынка, чистое определение которого Вебер дает на первом этапе, — лишь особенно последовательная реализация того, что представляется ему главным рациональным актом, то есть торго. Здесь-то он и говорит многие вещи, которые я цитировал в прошлый раз: торг — это социальное отношение, являющееся наиболее инструментальным, крайне рассчитывающим, наиболее бесчеловечным и в то же время подвергающимся наибольшему отрицанию во всех братских отношениях. Вебер так и говорит⁹.

Чуть далее он говорит: «Рынок как место обменов [то есть вторая фаза] — это место последовательности рациональных обобществлений, каждое из которых является настолько преходящим, что затухает с обменом товарами, который является его предметом»¹⁰. Это тоже важный момент: Вебер подчеркивает моментальность обмена, но, в отличие от маржиналистов, он говорит не то, что рынок моментально определяет цену, а то, что рынок является местом множества моментальных социальных отношений, не имеющих ни предпосылок, ни последствий. Это эфемерное отношение, безо всякой преемственности и без завтрашнего дня. Люди встречаются и, возможно, ничего друг о друге не знают. Далее он развивает эту мысль: одно ли и то же — договариваться со знакомым и договариваться с чужаком, вести переговоры среди знакомых и среди незнакомых? Еще один пассаж из этой длинной главы, общую мысль которой я передал и из которой приведу лишь несколько цитат: «Два потенциальных партнера [П. Бурдьё

9. Weber M. *Économie et société*. Т. II. P. 410–411; Вебер М. *Хозяйство и общество*. Т. 2. С. 269.

10. Ibid. P. 410; там же. С. 268 (французский перевод, как и большинство цитат, приведенных в этой лекции, отличается от предлагаемого здесь П. Бурдьё).

делает паузу: по-немецки он говорит «два стремящихся к обмену», «два конкурента за обмен»¹¹, и это напоминает нам о том, что тут всегда есть два уровня; если перевести «потенциальными партнерами», идея исчезнет: понятно, насколько важен перевод; можно переводить очень точно, но ничего не понимать...] в равной мере ориентируют свои предложения на потенциальное действие многих других реальных или воображаемых конкурентов, а не только на потенциальное действие партнеров по обмену».

Я не разделяю веберовской философии действия как целенаправленного действия, ориентированного на явные цели, однако Вебер выдвигает здесь идею о том, что агенты—участники рынка ориентируют свои действия не только на партнеров по обмену (продавец ориентирует свое действие не только на покупателя, который присутствует лично, перед ним), но и на этот сравнительно нереальный универсум партнеров, актуальных и потенциальных конкурентов. Он специально выделяет слово «потенциальный», использованное два раза. И последняя формулировка: «Акт обмена с использованием собственно денег ориентируется не только

11. Бурдьё обсуждает здесь перевод термина «Tauschreflektanten». «Tausch» значит «обмен», а «reflektanten» может означать «выставлять свою кандидатуру». Термин во французском переводе под редакцией Эрика де Дампьера передается как «стремящиеся к обмену», то есть здесь не корректируется (Ibid. P. 411; там же: С. 268, «Tauschreflektanten» передано как «участники меновой сделки». — *Прим. пер.*). В целом высказывание Макса Вебера выглядит так: «Das vorbereitende Feilschen aber ist stets ein Gemeinschaftshandeln, insofern die beiden Tauschreflektanten ihre Angebote an dem potentiellen Handeln unbestimmt vieler realer oder vorgestellter mitkonkurrierender anderer Tauschinteressenten, nicht nur an dem des Tauschgegners, orientieren, und um so mehr, je mehr dies geschieht» (Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie. Tübingen: Mohr, 1976 [1921]. P. 382).

на основе действия партнеров [П. Бурдьё комментирует: это примерно та же идея], но также на основе действия всех лиц, потенциально заинтересованных в обмене, и тем в большей степени, чем больше он становится рациональным и рефлексивным». Следовательно, чем больше акт обмена становится рациональным в веберовском смысле этого слова, тем больше он направлен вбок, а не вертикально, тем больше он метит в конкурентов, то есть в поле, в пространство конкурентов, а не в сторону непосредственного клиента или небольшой сети потенциальных клиентов.

Это определение важно, поскольку оно позволяет очевидным образом заменить рынок полем конкуренции между производителями. В действительности истинным предметом теории, по Веберу, является поле конкуренции между производителями. В этом смысле Вебер стал для меня важным источником, особенно в разработке понятия религиозного поля¹², поскольку, сумев перенести эту теорию рынка (в те времена [в 1960-е гг.] я этого не понимал), он выстроил пространство производителей как объяснительный принцип религиозного продукта. В самом деле, чтобы понять религиозное послание (то же самое можно было бы сказать о литературном послании, поэзии и т. д.), недостаточно просто посмотреть на него, как делают структуралисты, посмотреть, что оно есть само по себе; следует соотнести его с пространством производителей, конкурирующих за монополию на легитимное производство блага данного типа. Я думаю, что это очень важный сдвиг.

В тексте Вебера, написанном в его молодости, заметно чрезвычайно идеализированное представление об этой конкуренции. Он всегда противо-

12. Бурдьё П. Генезис и структура поля религии // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.

поставляет логику рынка как мирного конфликта политической логике, в которой может применяться насилие. Он четко различает экономическое насилие, применяющееся на рынке и всегда являющееся в этом смысле, по его мнению, мирным, и политическое насилие, которое часто применяется против рынка с использованием средств физического или символического принуждения. То есть он подчеркивает тот факт, что конкуренция между производителями является мирным конфликтом, поскольку она заключается «в формально мирной попытке [П. Бурдьё комментирует: мне понадобилось бы не меньше часа, чтобы расшифровать этот момент, однако слово «формально» — как противоположность «содержательного» — для Вебера очень важно] присвоить контроль над возможностями и преимуществами, желаемыми также и другими»¹³. Я говорю то же самое, в формате свободного комментария: конкуренция — это мирный конфликт, то есть формально мирная попытка заполучить контроль над возможностями и преимуществами, которые желаемы также и другими.

Также можно было бы часами толковать термин «желание», например, этим можно было бы заняться в период 1960–1970 гг., когда это слово стало обязательным; например, в некоторых текстах Фуко слово «желание» выполняет функцию, аналогичную той, что у меня выполняет слово «интерес»¹⁴. Выбор той или иной терминологии крайне важен: в некоторые периоды очень выгодно говорить о «желании», тогда как слово «интерес» ока-

13. Weber M. *Économie et société*. Т. I. P. 74–75; Вебер М. *Хозяйство и общество*. Т. 1. С. 96: «Мирная борьба называется конкуренцией, если состоит в использовании формально мирных средств для получения права распоряжения возможностями, обладать которыми стремятся и другие».

14. По этому вопросу см.: Bourdieu P. *Sociologie générale*. Vol. 2. P. 164, *passim*.

зывается крайне затратным, поскольку позволяет противникам, осознанно или стихийно глупым, сводить анализ к классическому утилитаристскому представлению. Объяснюсь в двух словах: Вебер, лучше всех понимавший логику социального и ее роль в конструировании чувств, объясняет, к примеру, в одном своем замечательном тексте, что *auri sacra fames*, «злата проклятая жажда», является социальной конструкцией в том смысле, что нет ничего менее естественного, чем жажда золота: чтобы сформировалось желание золота, желание денег, необходимы социальные условия его возможности¹⁵. Когда он говорит «желание» или «конкуренция за вещи, желаемые также и другими», он имеет в виду желание, заданное социально в отношении к определенному полю, то есть то, что я передаю выражением «социальное либидо» (*libido dominandi, libido sciendi, libido auri* и т. д.). Напомню мимоходом, что под словом «интерес» я понимаю социально заданное либидо, то есть предрасположенность любить социально сформированные вещи, понимаемые в качестве возможных быть объектом любви в данном состоянии детерминированного социального универсума: золото в случае экономического поля и т. д.

Косвенный конфликт

Эта конкуренция за присвоение возможностей, желаемых другими, является мирным конфликтом, и это крайне важно, особенно когда, как это делаю я, веберовскую теорию рынка переносят на религиозное поле. Разговор о мирной конкуренции позволяет избежать ошибки, состоящей в том, что всякая теория поля рассматривается в качестве реабили-

15. См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. С. 31. См. также весь раздел «“Дух” капитализма» (С. 25–43).

тации *bellum omnium contra omnes*¹⁶, ошибки, совершаемой, например, глупым и пристрастным прочтением, изображающим интеллектуальное поле в качестве места смертельной борьбы конкурирующих интеллектуалов. Веберовская теория конфликта заключается в том, что конфликт не направлен прямо на конкурента, всегда являясь конфликтом косвенным. Математик, ищущий новое доказательство, ученый, собирающийся установить новые факты, писатель, пытающийся сделать нечто другое по сравнению с тем, что уже было сделано, — никто из них не движим желанием уничтожить конкурентов. Говоря [попросту], они не имеют к этому никакого отношения, им нет до этого никакого дела. Конечно, порой они и правда могут уничтожать своих конкурентов или во всяком случае деклассировать их, дисквалифицировать их, поскольку, как только определенный автор оказывается лицом эпохи (отошлю вас снова к книге «Правила искусства»), он делает достоянием прошлого всех тех, кто составляли лицо эпохи раньше¹⁷. Точно так же своеобразное деклассирование связано с внедрением новой научной парадигмы: когда устанавливается определенная научная парадигма, она ведет к устареванию другой парадигмы, по крайней мере в какой-то мере (поскольку разрывы не являются [полными?]), она представляет [предшествующую парадигму] преодоленной, просроченной, дисквалифицированной¹⁸. То есть речь

16. Гоббс использует эту формулу, которая часто переводится как «война всех против всех» или «война каждого человека против любого другого», для характеристики отношений между людьми в отсутствие «власти, способной держать всех в подчинении». См.: Гоббс Т. Левиафан // Гоббс Т. Сочинения в 2 т. М.: Мысль, 1991, особенно книга 1.

17. Bourdieu P. Les Règles de l'art, в особенности раздел «Faire date» (Р. 259–264).

18. См.: Bourdieu P. Le champ scientifique // Actes de la recherche en sciences sociales. 1976. No. 2–3. P. 88–104.

идет о косвенном конфликте, который, в отличие от обычного конфликта, не направлен против конкурентов, а является усилением, параллельным таковому конкурента. Получается, и в этом состоит грустный закон научной конкуренции, что тот, кто прав и кто навязывает новую истину, дискредитирует других, но он делает это, не пытаясь, на самом деле, дискредитировать их, превзойти их.

Этот анализ, который я намечал уже несколько раз, представляется мне важным, поскольку существует наивная — в духе Ларошфуко — антропологическая интерпретация исследований литературного поля, предложенных мной, интерпретация, совершенно не соответствующая моему мировоззрению. Она наводит на мысль, что я проецирую на интеллектуальный мир мое специфическое видение этого мира, то есть своего рода обобщенное желание убить другого. Это меня крайне раздражает, и вот почему я специально остановился на этом моменте, даже если он не имеет особого отношения к тому, что я только что рассказывал. Есть большая разница между «объективно находиться в конкуренции с» и «соперничать с». Я даже думаю, что две эти установки соответствуют разным позициям в поле. Отличительное качество тех, кто занимает в разных полях подчиненное положение, состоит в том, что они обречены на *Sichgleichmachen* («выравнивание»), как говорил Гегель¹⁹:

19. «Этот момент становится тем самым особенным определением цели в отношении средств для себя и обладания ими, а также в отношении характера и способа удовлетворения потребностей. Он непосредственно содержит в себе, далее, требование в этом отношении равенства с другими; потребность в этом равенстве, с одной стороны, и попытка сделать себя равным другим [*Sichgleichmachen*], подражание, так же как, с другой стороны, потребность в особенности, также содержащейся в этом моменте, потребность проявить себя, выделиться каким-либо образом сама становится действительным источником роста

малые хотят стать великими, они желают соперничать с великими и ищут отличия любой ценой; они готовы [в научном поле] говорить неправильные вещи, чтобы доказать, что они правы, а неправ тот, кто, к сожалению, дисквалифицирует их, утверждая, что в данный момент рассматривается в качестве истины. Это различие между «объективно находиться в конкуренции с» и «соперничать с» важно, причем понимание конкуренции как соперничества — это точка зрения побежденных. Я выражаюсь категорично, но речь очень часто идет о стратегии ресентимента. Я обязан сказать это, поскольку социологию интеллектуалов (которая, как я всегда говорю, встречается крайне редко) часто смешивают со стихийной социологией или же с тем, что я называю точкой зрения Терсита²⁰, вырабатываемой побежденными в интеллектуальной конкуренции, чтобы дискредитировать победителей. Также обычно социолога, написавшего *Homo academicus*²¹, рассматривают в качестве своего рода реваншиста, однако такой взгляд на вещи противоречит социально заметной позиции, которую может занимать пишущий. Говоря в целом, в таком смешении обнаруживается несколько противоречий. Мне довольно трудно заниматься такими пояснениями, поскольку возникает впечатление, что я говорю о личном. В то же время это единственный имеющийся у меня повод сказать о таких вещах: мне надоело это писать, но, когда я читаю то, что пишут, меня это настолько раздражает, что я не всегда могу сохранять спокойствие.

многообразия потребностей и их распространения» (Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. М.: Мысль, 1990. С. 237).

20. См.: Bourdieu P. *Les Règles de l'art*. P. 315–318. Терсит — воин из «Илиады» (П. Бурдьё также может иметь в виду его роль в «Троиле и Крессиде» Шекспира).

21. Бурдьё П. *Homo academicus*. М.: Издательство Института Гайдара, 2018. Бурдьё постарался предвосхитить такой тип прочтения книги (см., в частности: С. 10–11).

Конкуренция, в которой участвует всякий агент, попавший в определенное поле (развить этот пункт было бы полезно, но это завело бы меня слишком далеко...), хочет он того или нет, не имеет ничего общего с соревнованием. Например, если взять пример великих научных революций и перечитать то, что рассказывают об Эйнштейне, это не был человек, который хотел любой ценой превзойти кого-то другого. Я так много времени уделил этому моменту потому, что в неправильном понимании конкуренции отчасти виновата своего рода ошибка элементарной психологии. Зиммель, которого я не то чтобы очень люблю, предложил в свое время замечательную трактовку конкуренции как чего-то отличного от обычного конфликта, повседневной герильи, *bellum*²² и т. д.

Модель Харрисона Уайта

Вебер понимает рынок весьма специфическим образом, однако он сам сохраняет этот термин. И в этом одна из проблем исследования: если сохраняют определенное слово, наделяя его смыслом, отличным от обычного, идиоты все равно сведут его к обычному смыслу. Вебер пошел на этот риск. Я же со своей стороны долго не мог выбрать между «полем» и «рынком», поскольку сохранение термина «рынок», конечно, имело определенные плюсы (например, не нужно было бы все объяснять), но в целом минусы значительно перевесили эти выгоды. Я говорю «габитус», а не «привычка», «поле», а не «рынок» не потому, что мне нужно отличить-

22. П. Бурдьё имеет в виду страницы, посвященные «конкуренции как косвенной борьбе и форме социального синтеза» в работе: *Simmel G. Sociologie. Études sur les formes de la socialisation*. Paris: PUF, 1999 [1908]. P. 297–309 (в главе 4 «Конфликт»).

ся, а скорее чтобы избежать ассоциации с философией, присущей определенному слову. Вебер же решил сохранить понятие рынка, но, как я уже сказал в начале лекции, он четко различил два момента: конкуренцию между производителями за возможности обмена и вторую фазу — обмен с непосредственным партнером. Вебер говорит, что «этот обмен является компромиссом интересов, в котором товары и другие преимущества передаются в качестве взаимных компенсаций»²³.

Прежде чем перейти к ревизии Макса Вебера, которой я буду заниматься, и выделить отличия по сравнению с тем, что он предлагает, хотел бы поговорить о статье Харрисона Уайта, уделив ей больше времени, чем в прошлый раз. Это американский социолог, в настоящее время профессор в Гарварде, совершенно замечательный автор. Я просто не могу удержаться и не сказать, что людям, запертым в четырех французских стенах («Кем нужно заниматься — таким-то или таким-то?» и т. д.), стоило бы мыслить в несколько более широкой перспективе и посмотреть на американский универсум, в котором в одно и то же время присутствуют и Гофман, и Уайт, то есть совершенно несовместимые люди. У Гофмана не было никакого представления о том, что делает Харрисон Уайт, у которого, в свою очередь, если и было какое-то отношение к Гофману, то скорее ироничное. Тем, кто решили бы, что это признак отсталости социологии, я скажу, что математики часто относятся друг к другу точно так же: отличаясь взаимным непониманием и обмениваясь сочувственными взглядами... Отличие, однако, в том, что среди законодателей математических мод, не отличающихся взаимопониманием, присутствует своего рода уважение, которое не всегда найдешь среди социологов, которые все занимаются социологией, но не понимают один другого.

23. Weber M. *Économie et société*. Т. I. P. 113 (русский перевод — С. 121).

Это, конечно, отличие... Так или иначе, я не отношусь к категории людей, презирающих тех, кто не делает в точности то же, что и я. Это отступление, возможно, и не стоило делать, но оно важно. Принцип большинства дискуссий между социологией и экономикой я объяснил тем, что люди почти всегда говорят, что не нужно делать то, что они делать не умеют²⁴. В социологии все то же самое: поскольку подход Уайта предполагает математическую подготовку (Уайт по образованию математик), легко сказать: «Я этнометодолог, и нет ничего лучше этнометодологии»; но это значит, что нужду выдают за добродетель, то есть люди, которые так говорят, заставляют забыть о том, что они не знают математики и ничего не понимают в Уайте.

Уайт предлагает теорию, эмпирически обоснованную математическую модель, которая кажется мне строгой формой веберовской теории рынка. Поразительно в ней то, что Уайт, судя по всему, не знает теории Вебера (во всяком случае, он на нее не ссылается, а поскольку это честный человек, это значит, что он ее просто не знает). Итак, он говорит: «Производители на рынке следят друг за другом [watch each other]», и чуть далее: «рынки — это заметные группы производителей, следящих друг за другом [watching each other]»²⁵ краем глаза. Здесь я занима-

24. См., в частности, лекцию от 27 мая 1993 года.

25. «Markets are self-reproducing social structures among specific cliques of firms and other actors who evolve roles from observations of each other's behavior» («Рынки — это самовоспроизводящиеся социальные структуры, объединяющие конкретные клики фирм и других акторов, которые приобретают свои роли, наблюдая за поведением друг друга», см.: *White H. C. Where do markets come from? // American Journal of Sociology. 1981. Vol. 87. № 3. P. 518; Уайт Х. Откуда берутся рынки? // Экономическая социология. Т. 11. No. 5. Ноябрь 2010. С. 55*); «Markets are tangible cliques of producers observing each other. Pressure from the buyer side creates a mirror in which producers see themselves, not consumers» («Рынки представляют собой хорошо разли-

юсь все той же идеей смены парадигмы. Уайт говорит, что для понимания того, чем занимаются бизнесмены, производители, важно видеть их позиции по отношению к другим производителям²⁶. Он мимоходом отмечает, что фирма имеет отличительный характер²⁷, что я недавно тоже долго обсуждал. Говоря конкретно, он пытается показать, что каждый производитель определяется своего рода градиентом рыночной силы, определенным объемом доходов, прибылей и определенным объемом производства. Так, он характеризует каждую фирму индексом W , который указывает на доход, и индексом u , который указывает на объем, а потом на основе этого индекса $W(u)$ он пытается понять стратегии фирм по отношению к другим фирмам, стратегии, которые возможны для них и в то же время навязаны им самим их относительным весом в структуре фирм, их относительной силой и т. д. Далее он говорит, что бизнесмены знают, сколько стоит производство какой-то вещи, и пытаются максимизировать свои прибыли, определяя правильный объем продукции. Если им удастся это, они находят нишу на рынке для своего продукта и получают позитивную санкцию со стороны покупателей, которые покупают рассматриваемый объем продукции²⁸. Анализ Уайта позволяет увидеть, что то, что он называет рынком, характеризуется определенной степенью

чимые клики производителей, наблюдающих друг за другом. Давление со стороны покупателей создает зеркало, в котором производители видят не потребителей, а самих себя», см.: Ibid. P. 543–544; там же. С. 80).

26. "In contrast, my view, presented above, is that firms decide on the basis of observed positions of all other producers" («Моя точка зрения, представленная выше, напротив, состоит в том, что фирмы принимают решения на основании наблюдения за позициями всех остальных производителей», см.: Ibid. P. 520; там же. С. 57).

27. Ibid. P. 520; там же. С. 57.

28. П. Бурдые здесь скорее резюмирует, а не цитирует отрывок из статьи.

неравенства: он задает коэффициент Джини для характеристики каждого агента через его положение в этом распределении и через его стратегии в плане объема производства и дохода, которые приписываются ему в силу этой позиции.

Итак, если традиционная теория полагает, что фирмы, когда им нужно принять решение о предложении на рынке, опираются на догадки касательно вкусов покупателей, Уайт предлагает считать, что фирмы принимают решения (об инвестициях, объемах производства и т. д.), основываясь на наблюдаемых позициях всех остальных производителей, и что они находятся в поиске рыночных ниш. Идею унифицированного, унитарного, моментально унифицируемого или объединяемого рынка он заменяет идеей рынка, образованного совокупностью сосуществующих подрынков, так что проблема каждого производителя состоит в поиске своего рынка, своей деланки (понятие деланки носит дифференциальный характер).

Гомология и двухуровневый выбор потребителей

Разумеется, это кажется мне очень близким к тому, что я хотел предложить и что я давно предложил в связи с рынком символических услуг (рынком литературы, живописи и т. д.)²⁹, а также к тому, что я обнаружил впоследствии в области экономики односемейного дома как определенного экономического блага³⁰. Я очень рад тому, что Уайт

29. Bourdieu P. Le marché des biens symboliques; Bourdieu P. La production de la croyance. Две эти статьи переизданы в переработанной форме в: Bourdieu P. Les Règles de l'art.

30. См.: Bourdieu P. L'économie de la maison // Actes de la recherche en sciences sociales. 1990. No. 81 (переиздано в: Bourdieu P. Les Structures sociales de l'économie.).

предложил идею, что, в конечном счете (здесь я отступлю от Уайта), то, что обычно описывают как отношение спроса и предложения, на самом деле является отношением гомологии позиций между покупателями и продавцами, занимающими гомологичные позиции в двух разных пространствах. Иначе говоря, понимать происходящее на рынке — значит понимать структуру поля производства. Рассмотрим пример: на рынке парикмахерских услуг есть определенная структура пространства производства, в котором на одном конце находится *Carita*, а на другом — районный парикмахер; перед ней расположена структура пространства потребления, и вкусы, как и предложения, определенным образом распределены.

(Чтобы вы поняли, я могу рассказать, что интуиция этой модели появилась у меня, когда я пытался объяснить вещи, которые сам наблюдал. В частности, один авангардный художник, с которым я разговаривал о рынке живописи, пошутил, но шутка была вполне обоснованной: «Знаешь, на самом деле, все продают». В его устах это было оскорблением; имелось в виду, что клиенты есть даже у какого-нибудь жалкого неоимпрессиониста, выставяющегося у Дюран-Рюэля. Начав с этого, я стал работать с парижскими галереями и попытался понять, как устанавливается это соответствие между структурой предложения, структурой галерей, их распределением в географическом, а также социальном пространстве и культурой спроса, рецепции. В конечном счете, можно сказать, что между художником-минималистом и художником-неоимпрессионистом на самом деле нет конкуренции, если понимать ее в наивном смысле слова. Точно так же нет конкуренции между [автором дамских романов] Ги де Каром и Роб-Грийе или Эшнотом. Тем не менее они находятся в одном и том же пространстве и объективно являются конкурентами в том смысле, что в силу самого своего существования один из них

деклассирует другого. Вот почему внутри поля конкуренции могут встречаться желания убить другого, однако они распределены неравномерно. Сегодня мы наблюдаем возвращение эстетического вытесненного, причем, если говорить коротко, желания уничтожить другого встречаются среди тех, кто деклассирован авангардом³¹. В нормальное время они не проявляются: в Академии господин Дютур — человек мирный³², но достаточно, чтобы сложились соответствующие условия, и тогда проявится что-то такое югославское... [*реагируя на смешки в зале*³³] да, позволю себе эту аналогию: я могу отослать вас к последнему номеру *Liber*, где вы найдете исследование функционирования югославского интеллектуального поля, который отлично иллюстрирует то, что я сейчас вам рассказываю.)

Существует два пространства, но они соотносятся примерно как при торговле вслепую. Действительно, рассказывали, что в некоторых архаических обществах существовали безмолвные обмены³⁴: одно племя выкладывало определенный

-
31. Отсылка к спорам о современном искусстве вроде того, что был инициирован Жаном Филиппом Домеком в начале 1990-х гг. в журнале *Esprit*, к которым П. Бурдьё вернется с более подробным обсуждением в своем курсе о Мане (*Bourdieu P. Manet. Une révolution symbolique*, особенно P. 19, 26).
 32. На момент чтения этого курса Жан Дютур был одним из наиболее обласканных вниманием медиа представителей французской Академии, куда он был избран в 1978 году.
 33. Реакция аудитории связана с тем, что курс проходит в период, когда бывшую Югославскую республику раздирают непрекращающиеся конфликты, начавшиеся в 1991 году. 14-й номер *Liber. Revue européenne des livres* (дополнение к 98-му номеру *Actes de la recherche en sciences sociales*, июнь 1993 г.) полностью посвящен югославским интеллектуалам и этим конфликтам.
 34. Макс Вебер упоминает об обмене подобного типа в тексте, на который П. Бурдьё ссылается в начале этой лекции: «Одна из характерных форм неразвитой торговли — немой обмен при отсутствии личного контакта: предложе-

товар, другое забирало его и оставляло другой товар и т. д. Рынок, как я его понимаю, не слишком далек от этого: относительно независимые и объективно конкурирующие (потому что, конечно, их действия сказываются друг на друге) универсумы производства вступают в отношения с нишами, которые, в свою очередь, также являются независимыми универсумами (клиентка районного парикмахера «у Антони» не соотносится с клиенткой *Carita*: из своего журнала она знает, что *Carita* — это не для нее).

То, что я говорю, предполагает теорию производства, но также и теорию потребления. Действительно, если производители конкурируют за ниши, то клиенты со своей стороны совершают выбор на двух уровнях. Благодаря исследованиям потребления хорошо известно: сначала покупатели выбирают рынок и только потом — продукт. Все потребители, находящиеся в зале, знают, что у выбора два уровня: выбирают нишу в пространстве предложения, а потом в рамках того, что предлагается в этом подпространстве, выбирается [отдельный предмет]. Все это может показаться вам тривиальным, но это глубокая и важная перемена в представлениях, позволяющая понять функционирование полей производства материальных и символических благ. Возможно потому, что я не прояснил в достаточной мере этот анализ, некоторые вещи, касающиеся в моих работах интеллектуального, художественного и других полей, прочитывались неверно...

ние делается путем выкладывания товара на обычно используемом для этого месте, так же делается контрпредложение, и стороны торгуются, увеличивая количество предлагаемых объектов до тех пор, пока кто-то не уйдет недовольным, забрав свой товар, либо, наоборот, довольным, забрав товар контрагента. Эта форма в самом наглядном виде демонстрирует противоположность торгового обмена личностному побратимству» (*Вебер М. Хозяйство и общество*. Т. 2. С. 269–270).

Тройное расхождение с Вебером

Можно было бы дать щедрую интерпретацию Вебера, которая нашла бы в нем все то, что я сейчас говорю, и часто я так и делал, но это в то же время опасно. И если опасно сохранять понятие рынка, пусть даже видоизмененное, поскольку вас всегда могут свести к обычному представлению, точно так же опасно и приписывать слишком многое Веберу, поскольку скажут, что вы «веберианец» (и обычно это не комплимент), и то, что вы приписали Веберу, отождествят с тем, что Вебер на самом деле говорил (если бы только знали, что он на самом деле говорил... — впрочем, в свои лучшие моменты автор и правда может сказать то, что ему щедро приписывают...). Я полагаю поэтому, что важно высказать четыре стратегических пункта, в которых, как мне кажется, следует разойтись с Вебером.

Первое отличие отсылает к тому, что я показал в статье, вышедшей в *Archives européennes de sociologie*³⁵. Я дал критическую интерпретацию знаменитой главы из «Хозяйства и общества», посвященной религии, показав, что Вебер описывал отношения между священником, пророком и колдуном в качестве интеракций, то есть объяснительным принципом стратегий трех этих протагонистов религиозной борьбы он полагал их сознательные намерения соперничать со своими конкурентами. Например, он акцентировал то, что священник использует стратегии отлучения в борьбе с пророком. Интеракция, реальное столкновение, предполагает реальное присутствие; интеракции происходят только между людьми, которые действительно встречаются в одном и том же пространстве. Эту теорию

35. Bourdieu P. Une interprétation de la théorie de la religion selon Max Weber // *Archives européennes de sociologie*. 1971. Vol. 12. No. 1. P. 3–21.

религиозного взаимодействия, выписанную в категориях интеракций, я заменил теорией религиозного взаимодействия в категориях структур: священник и пророк могут никогда не встретиться. Точно так же *lector* может никогда не встретить *auctor*'а, а преподаватель философии может никогда не встретить философа (разве что в самом себе, ценной узурпации идентичности). Они, однако же, состоят в объективном отношении структурной конфронтации, то есть находятся в конкуренции в том смысле, который я только что указал.

Иначе говоря, интеракция — это не структура. Когда Уайт говорит «watch each other», он все еще имеет в виду сознательное намерение (производителей, следящих друг за другом). Конечно, конкуренты могут сознательно иметь друг друга в виду, но основание их действий не вполне сводится к представлению, составляемому им о своих конкурентах; оно включено в объективное положение, занимаемое ими по отношению к конкурентам, которое может воздействовать на них, знают они о том или нет, хотят или нет. Мелкий провалившийся автор обладает представлением о прославленном авторе, которое включено в его положение, и именно представление является производным положения, а не наоборот. Сводить отношения конкуренции к сознательному представлению конкурентов, следящих краем глаза друг за другом, присматривающих друг за другом, — значит закрывать себе возможность понять самое главное в практической или символической борьбе. В статье о социологии религии Вебера вы увидите, как это изменение точки зрения позволяет прояснить вещи, понимать которые Вебер — остающийся, по сути, в логике философии сознания, репрезентации, а не структуры и структурного бессознательного — самому себе запрещает. Этот удивительный ученый фиксирует их, но не может объяснить их в собственной модели. Иначе говоря, принцип различий между агентами — это их дифференцирован-

ная власть над рынком. Их власть над другими конкурентами может быть прямой, например, если она состоит в повышении входной платы, преграждающей доступ на рынок новым конкурентам, или косвенной, если она реализуется посредством власти государства, способного определенным образом влиять на рынок. Я еще вернусь к этому фундаментальному моменту: у Вебера, остающегося либеральным мыслителем в традиционном смысле этого слова, нет идеи власти государства над рынком. (Я немного расстроен, поскольку мог бы сказать все это в нескольких словах: «структура — это не стратегическая интеракция», тогда как я топчусь на месте, поскольку непросто найти простую формулировку этого различия. К тому же я прошу прощения у тех, кто уже слышали от меня все это по сотне раз и, должно быть, думают, что я тяну время, тогда как другим, возможно, кажется, что все это еще не слишком ясно.)

Второе различие — то, что я недавно выделил. Вебер говорит, что агенты конкурируют друг с другом за доступ к транзакции, за возможности обмена, и он описывает транзакцию лицом к лицу как своего рода компромисс, в котором каждый идет на уступки. Я же со своей стороны делаю нечто совершенно другое. Можно вернуться к религии, где это лучше всего понятно. Вебер настаивает на том, что священники в каком-то смысле договариваются со своими клиентами, чтобы удовлетворить, как только представится возможность, магические запросы, удовлетворяемые колдуном. Например, паломничество в Лурд отвечает на запрос в моментальных излечениях. В определенных обстоятельствах, например таких, как *aggiornamento* 1960-х гг.³⁶, священники

36. Термин буквально означает «обновление». Использовался папой Иоанном XXIII в его речи на открытии II Ватиканского собора в 1959 году, на котором была поставлена задача рассмотреть важный план реформ.

устраняют магические услуги колдовского типа, однако, если времена изменятся, под давлением структурных силовых отношений они, возможно, будут вынуждены снова найти место для благ колдовского типа. С точки зрения Вебера, обмены между профессионалами и профанами, производителями и потребителями — это транзакции, переговоры, компромиссы. В предлагаемой мной модели компромиссы существуют, но они структурно ограничены. Именно это я пытался выразить через тезис о двух уровнях у рынка: реальные рынки представляют собой совокупности разделенных подрынков с большими или меньшими зонами пересечения. В приведенном мной примере с писателями, занимающими крайние позиции, Ги де Кар и Роб-Грийе на самом деле не конкурируют, но на всем континууме есть участки перехлеста рынков и групп людей, которые не всегда способны определиться. Это заметно, к примеру, в отношении газет: существуют зоны наложения разных аудиторий, соответствующие участкам перехлеста предложения. Тем не менее мы не имеем дела с логикой прямой транзакции, и это, полагаю, пример наивности Вебера — думать, что религиозные производители напрямую детерминированы желанием удовлетворить потребности мирян. Именно в конкуренции между священниками и пророками производятся, словно бы непреднамеренно, блага, которые, как выясняется, приносят удовлетворение людям, имеющим, будучи мирянами, соответствующие ожидания. Это не логика делянки или исследования рынка: Церковь не занимается такими исследованиями. Мне могут возразить тем, что некоторые социологические исследования можно считать исследованиями рынка³⁷, но я считаю, что в достаточной мере разъяснил

37. Отсылка к традиции каноника Фернана Буляра (1898–1977), который переписывал тех, кто ходит на службу хотя бы раз в месяц, только на Пасху и т. д.

свою позицию по этому второму различию (идея двухуровневого выбора: выбор рынка и выбор предмета): сложно формулировать все эти вещи, когда надо двигаться быстро...

Третье различие связано с тем, что Вебер не расстается с теорией конкуренции между производителями за клиента, тогда как, с моей точки зрения, для понимания экономических феноменов в современном мире следует заменить конкуренцию между производителями за клиента такой конкуренцией между производителями за клиента, которая осуществляется через конкуренцию между производителями за власть над рынком, то есть за власть над клиентом, которую дает власть над государством. Это очевидно в случае рынка односемейного дома, с которым я работал, но точно так же это представляется мне верным и в случае рынка нефти, масел, пищевого масла и т. п. Объективная конкуренция между производителями осуществляется через конкуренцию за построение рынка (в частности, барьеров входа), которое реализуется при помощи государства: в частности, регламентация может способствовать созданию рынка, более или менее благоприятного для определенных категорий производителей. Это означает, в конечном счете, что рынок является социальным артефактом, созданным в значительной мере государством для конкуренции между производителями.

Здесь, чтобы быстро показать, чем я отличаюсь от Вебера, следовало бы рассмотреть то, что он говорит в этой маленькой главе о рынке, на которую я только что ссылался, о монополии, продаваемой по сословному принципу, принципу *Stand* (в смысле сословий старого порядка)³⁸. Он объясняет, что в докапиталистических обществах существовало статусное присвоение клиентелы:

38. Вебер М. Хозяйство и общество. Т. 2. С. 270–272.

избранное число людей, принадлежащих к определенным социальным категориям, обладало монополией на клиентелу, социально закреплённой делянкой. (Монополии такого типа все еще существуют. В прошлом году я как-то развивал тему профессий в англосаксонском смысле термина — *professions*, — чтобы показать, насколько спорной темой были профессии³⁹. Во Франции некоторые авторы импортируют теорию профессий из США, где она очень важна⁴⁰, но не проводят исторической критики генезиса этого понятия. Собственно, они не понимают того, что слово *profession* не переводится — оно вовсе не означает «свободных профессий». Эта теория профессий, которая была разработана Парсонсом⁴¹ и многими другими и тесно связанная с либеральной философией конкуренции, эффектом конкуренции, забывает о том, что профессии как таковые существуют в силу соглашения с государством, например благодаря государственному диплому, определяющему вступительную плату, благодаря титулованным, назначенным клиентам, определяющим незаконные формы ведения определенной деятельности, и т. д. Я не буду разбирать здесь далее эту ультралиберальную теорию...)

39. См. лекцию от 21 ноября 1991 г. в: *Бурдьё П. О государстве*; а также: *Bourdieu P., Wacquant L. Réponses. Pour une anthropologie réflexive*. Paris: Seuil, 1992. P. 212–213; новое дополненное издание: *Bourdieu P., Wacquant L. Invitation à la sociologie réflexive*. Paris: Seuil, 2014.

40. В своей функционалистской или интеракционистской форме социология профессий пережила новый расцвет во Франции в 1980-е и 1990-е гг. Этот феномен будет в каком-то смысле закреплён книгой Клода Дюбара и Пьера Трипье: *Dubar C., Tripier P. Sociologie des professions*. Paris: Armand Colin, 1998.

41. *Parsons T. The professions and social structure // Social Forces*. 1939. Vol. 17. No. 4. P. 457–467; *Bourdieu P. Éléments pour une sociologie de l'action / Bourricaud F. (trad.)*. Paris: Plon, 1955.

Вебер говорит, что капиталистические монополии не имеют ничего общего с сословными. Это монополии, завоеванные на рынке в ситуации свободной конкуренции благодаря имущественной силе. «Они зависят исключительно от рациональных экономических факторов»⁴². Это, я думаю, фундаментальная наивность Вебера как теоретика рационализации, формальной рациональности: интерпретируя экономическое развитие как процесс рационализации (этот момент я развивать не буду...⁴³), он полагает, что рынок, как он его определяет, — это прогрессивное движение в сторону рациональности, поскольку он является местом монополий, основанных на разуме. Монополия работает против рынка не так, как докапиталистическая монополия, опирающаяся на сословия и привилегии, а за счет рынка⁴⁴. Приведу примерную цитату, ее можно найти в конце первого тома, к которому я вас уже отсылал: «Единственная мирная форма приобретения экономической власти — это приобретение ее благодаря капиталистической монополии». Вебер, по сути, противопоставляет приобретение, завоевание рынка военному или политическому завоеванию. Здесь присутствует своего рода идеализация присвоения благ путем свободного обмена, предполагающая определенную историю философии.

В противовес двум этим монополиям следовало бы ввести третью теорию монополии, которую Вебер, на мой взгляд, упускает и которую я имел в виду, когда упомянул профессии: монополии, которые действуют, устанавливаются и поддержива-

42. Weber M. *Économie et société*. Т. II. P. 415; Вебер М. *Хозяйство и общество*. Т. 2. С. 271.

43. См., в частности: Бурдье П. *О государстве*. С. 299–301.

44. «Сословные монополисты утверждают свою власть над рынком и ограничивают его, а рациональный экономический монополист господствует через рынок» (Вебер М. *Хозяйство и общество*. Т. 2. С. 271–272).

ются благодаря власти над государством. Приведу тут же пример. В 1970-е гг. ряд крупных французских банков получил своего рода фактическую монополию на кредитование недвижимости, создав за счет воздействия на государство условия, благоприятные для политики установленного типа в области недвижимости. Также был бы очень [иллюстративным?] случай медицины: существуют монополии, которые завоеваны в борьбе за государство и поддерживаются, пока государство гарантирует существование клиентелы, приписанной к обладателям некоторых титулов. Вот почему борьба вокруг системы образования в современных обществах отличается такой ожесточенностью; капиталисты от образования обязаны своей монопольной позицией конкретному титулу... Это как специалист по анестезии и его медсестра...⁴⁵ Существуют чрезвычайно прочные социальные границы: у всех, кто обязаны монопольной позицией наличию у них титула, гарантированного государством, главной целью действий оказывается (конечно, они по-прежнему следят краем глаза за своими конкурентами) конкуренция с конкурентами вокруг государства, то есть в комиссиях, комитетах, лобби, в группах влияния и т. д. Когда правительство, как сегодня⁴⁶, меняется, мы видим, как различные лобби начинают суетиться вокруг новых правительственных инстанций. Это очевидное, чисто бытовое наблюдение является эмпирическим подтверждением, не хуже любого другого.

45. Отсылка к примеру, который П. Бурдьё иногда приводит и который он позаимствовал у Ирвинга Гофмана: *Goffman E. La Mise en scène de la vie quotidienne. T. I: La présentation de soi / A. Accardo (trad.). Paris: Minuit, 1973. P. 34-35.*

46. Курс проходит через несколько недель после выборов в законодательное собрание 1993 года, которые завершаются сменой политического большинства (к власти вернулись правые).

Государство создает рынок: пример рынка односемейного дома

Чтобы понять различие [между тем, что предлагаю я,] и анализом Вебера и выяснить, что это различие означает с точки зрения того, что такое рынок или поле производства, вкратце рассмотрю пример односемейного дома, на который я уже несколько раз ссылался. Если вам нужны подробности, отошлю вас к номеру «Экономика дома» журнала *Actes de la recherche en sciences sociales*. Это сдвоенный номер, вышедший два или три года назад: там вы найдете весь массив эмпирических исследований, которые я представляю здесь в виде философского заключения.

Говорить, что рынок, как я его понимаю, является структурой силовых отношений между производителями, занятыми борьбой за сохранение или преобразование этого силового отношения, в частности за счет действия на государство как обладателя средств сохранения или преобразования этого силового отношения (я тем самым только что дал вам здесь определение рынка), значит говорить, что рынок представляет собой социальную конструкцию, не имеющую ничего общего с той реальностью, рожденной *sua sponte* [спонтанно] из естественного движения конкуренции, о которой говорит неолиберальная теория. Рынок — это социальный артефакт (это не значит, что он нереален, наоборот, он страшно реален...), социальная конструкция, в которой государство играет определяющую роль за счет регулирующих действий.

Что же делает государство? Я начну с самого очевидного, с самого бесспорного (существует *minimum minimorum*, минимальные функции государства, с которыми согласны даже самые либеральные из маржиналистов), а потом перейду к тому, что обсуждается очень редко. Если использовать терми-

нологию некоторых неонституционалистов, таких маргиналистов, как Уильямсон, государство понижает *enforcement costs*, издержки введения условий, в которых возможен обмен: чтобы иметь возможность начать переговоры, не нужен револьвер, поскольку определенный социальный порядок задан условиями, обеспечивающими такой обмен. Государство также понижает *measurement costs*, издержки измерения: существуют стандартные меры и веса, и не нужно спорить, как это бывало в обществах без метрической системы, о каком именно локте идет речь — слишком высокого человека или слишком низкого; государство выполняет функцию гомогенизации, стандартизации и умиротворения. На несколько более высоком уровне вмешательства оно выступает арбитром всякого рынка, играет определяющую роль в отношении между фирмами и их подходами к решению проблем. Половинчатые либералы также согласны с этим: государство как арбитр на футбольном поле является гарантом соблюдения правил, оно выполняет функцию контроля. Например, на таком жестоком рынке, как рынок нефти, где бывают убийства, где самолеты случайно падают в Средиземное море⁴⁷ (то есть это все очень далеко от чистого и совершенного рынка...), государство пытается следить за тем, чтобы правила в общем и целом соблюдались. У меня нет времени цитировать авторов, но об этом говорили многие...

На более глубоком уровне государство, как я уже указывал в своих рассуждениях, играет определяющую роль в конструировании рынка, конструировании именно того, что называют предложением

47. Возможная отсылка к «делу Маттеи»: итальянский промышленник Энрико Маттеи, глава нефтегазовой компании *Ente Nazionale Idrocarburi* (ENI), погиб в октябре 1962 года вследствие авиакатастрофы, ставшей, вероятно, результатом преступного заговора.

и спросом. У него есть возможность воздействовать на спрос и даже, в конечном счете, производить его, во всяком случае, в значительной мере ориентировать его в каком-то определенном направлении. Обладая возможностью воздействовать на спрос и предложение, оно может в значительной мере влиять на саму реальность того, что называют рынком, на реализующиеся там трансакции и т. д. В то же время у него есть эта метавласть (вы помните, я говорил о том, что государство — это «мета»⁴⁸), позволяющая влиять на имманентные законы всех полей, на законы интеллектуального поля (в большей или меньшей степени), экономического и т. д. Оно, очевидно, является ставкой борьбы тех, кто претендуют на господство в каждом из полей. Это я и говорил недавно: оно может действовать на регламентацию, на права собственности и т. д.

Я попытаюсь сейчас все это быстро резюмировать, применив к случаю рынка односемейного дома, изученного мной. Поле производства всегда является еще и полем борьбы за власть над полем. Эта борьба часто принимает форму борьбы за государственную власть, то есть за то, что я называл государственным капиталом, который является властью регулятора. В случае рынка односемейного дома государство действует и на предложение, и на спрос. Оно участвует в производстве рынка, участвуя в производстве, с одной стороны, производителей, что достигается за счет субсидий, которые распределяются дифференцированно, и, с другой стороны, потребителей, что достигается за счет применяемых им дифференциальных пособий на приобретение собственности; оно благоприятствует определенным производителям, способствуя производству определенных категорий потребителей. Например — подробный ана-

48. См., в частности, лекцию от 21 ноября 1991 года в книге «О государстве» (С. 566).

лиз был бы довольно скучным и потребовал бы технических знаний, — если государство, распределяя жилищную помощь в той форме или иной, не проводит политику получения жилья в собственность, а помогает (это вымышленный пример, но он проще того, что соответствует реальности Франции последних лет) в строительстве жилья с умеренной арендной платой разного уровня, значит, оно очевидным образом благоприятствует одному вполне конкретному типу застройщиков. В 1970-е гг. банкиры изобрели новую форму кредитования, которая гарантировалась уже не ипотеками или собственностью, передаваемой по наследству, а заработной платой, получаемой человеком за всю его жизнь. Сегодня мы настолько привыкли к такому кредиту, гарантированному пожизненной зарплатой (когда вы подаете заявку на кредит, вас спрашивают о болезнях, размере вашей зарплаты, вашем зарплатном индексе⁴⁹, перспективах вашего индекса и т. д.), что мы просто уже не видим того, что речь идет о конкретном изобретении. В действительности в этом изобретении опирались на теорию индивидуума, который обладает некоторой денежной стоимостью, поддающейся оценке в масштабе всей жизни, и именно так изобрели кредит для профессиональных работников со стабильной карьерой. Банк покрывает свои расходы в каком-то смысле досрочно: он учитывает ожидаемую компенсацию своего аванса под гарантии, которые дает человек с прогнозируемой карьерой. Как только это изобретение стало доступным, понадобилось предложить для него рынок, чтобы оно стало социально рентабельным, а чтобы предложить ему рынок, понадобился специфицированный тип жилищной помощи, поскольку го-

49. Речь об индексе служащих: имеется в виду кредитование служащих пропорционально их «индексу», который произведен от занимаемого ими поста и их возраста.

сударство способно поощрять благодаря помощи служащим или кредиту жилищные субсидии, предлагающие реципиентам этого предложения подогнанный под них рынок.

Было несколько комиссий, в числе которых комиссия Раймона Барра и комиссия Жискара д'Эстена-Барро (это не какой-то доисторический период⁵⁰). В них входили защитники различных стратегий (банкиры со своим изобретением, которое нужно было провести, высокопоставленные чиновники, инженеры из Высшей горной школы, выпускники Национальной школы управления и т. д.), и у всех у них были особые интересы, связанные с их положением в бюрократическом пространстве, в поле производства или же в поле конкуренции за производство кредитов. И вот эти люди вели друг с другом переговоры. Там были управляющие муниципальным жильем, у которых были другие арендаторские интересы, представители муниципалитетов, которые хотели, например, каким-то косвенным образом контролировать электоральную клиентелу (если можно управлять своим электоральным фондом, ставя друзей на муниципальное жилье, можно также изменить электоральную карту за счет жилищной политики). Люди с абсолютно разными интересами вели переговоры о выработке внешне полностью чистых и совершенных законов, определяющих форму персонализированной жилищной помощи, которая замещала и деклассировала другую форму помощи. Благодаря этому законодательному, регламентарному решению сумели создать рынок, которого раньше не было,

50. Эти комиссии датируются второй половиной 1970-х гг. Замечание П. Бурдые связано с тем, что бывший премьер-министр Раймон Барр, бывший президент республики Валери Жискара д'Эстен и бывший государственный секретарь по жилью Жак Барро продолжали деятельность и на момент чтения курса.

и этот рынок был в каком-то смысле предложен реципиентам определенного типа предложения. Позитивистская наивность заставляет ставить в центр французского жилищного рынка производителей домов, и они, конечно, были представлены, но в конечном счете решали не так уж много. К тому же у крупных производителей и мелких деревенских каменщиков были совершенно разные интересы, так что первые объединились скорее с банкирами, а вторые — с социальным жильем. Они лишь казались агентами [жилищной политики], но были очень тесно связаны с банками, которые их финансировали.

Эта крайне сложная игра уводит нас от обычного описания рынка. В этой игре существовали силовые отношения, отношения борьбы, профсоюзы квартиросъемщиков, которые не играли большой роли на уровне этих комиссий, часто в силу того, что у них не было подходящей теории, чтобы сражаться на подобных территориях, которые либо слишком просты, либо слишком сложны... То есть были всевозможные агенты, и государство вместе с правительственными инстанциями действовало посредством законодательных мер одновременно на спрос и предложение, поддерживая спрос на развитие индивидуальной собственности, а не аренды. Представьте, что какое-нибудь идейное социалистическое правительство систематически проводило бы политику небольших съемных домов: альтернативы, которые у нас у всех сидят в голове, такие как великий исторический выбор «собственность против аренды», с которым в 1960–1980 гг. рано или поздно сталкивался любой гражданин, были бы выстроены иначе. Наше бессознательное было бы структурировано иначе, и статистические исследования (принимające определение проблемы, навязанное действием государства) по жилищным вопросам выявляли бы другие вещи, поскольку и сами вопросы были бы

инными. Например, за явной политической философией проводников этой реформы скрывалась сильная и действенная оппозиция «индивидуального и коллективного»: они желали поддержать борьбу с коллективизмом, заменив коллективное жилье индивидуальным, и думали, что мелкие индивидуальные собственники будут голосовать более консервативно (что, впрочем, верно...). Мне жаль, что приходится все это рассказывать впопыхах и беспорядочно, но в этой области присутствует неявная посылка, которая сидит у вас в голове, так что я могу опереться на вас, чтобы провести пунктирную линию.

Государственные меры влияют на спрос, и также государство радикально меняет «шансы на доступ к продаже», если говорить в терминах Вебера. Оно меняет структуру силовых отношений между конкурентами за доступ к продаже и делает это не наудачу, а соответственно силовому отношению в поле производства, которое выражается в этой политике. Все то, что я проговариваю слишком быстро, следовало бы развить. Например, поле производства включает производителей домов, но также финансирующих их банкиров. Следовательно, выборка, нужная, чтобы изучить рынок односемейного дома, должна включать и банки, иначе она окажется беспредметной.

Следовало бы продолжить, но у меня остается пять минут до конца... В проведенном мной анализе видно, что классическая оппозиция между динамикой и статикой, структурой и историей крайне искусственна. В каждый момент состояние силового отношения внутри поля находится под вопросом в самом этом силовом отношении, причем существуют подрывные силы: новички, мелкие производители, ищущие нишу, которая сама может стать целым рынком, если благодаря какому-то технологическому изобретению им удастся вытеснить продукты, производимые в господствующих ни-

шах, и т. д. По сути, это опять же Лейбниц⁵¹: статика является лишь частным случаем динамики; это скорее исключительное положение, в котором поле не слишком колеблется. Чтобы понять статику, структуру, необходимо, таким образом, понять силовое отношение, динамику. О поле можно сказать, что оно временно стабильно, когда силы сохранения и силы подрыва в общем и целом нейтрализуют друг друга, но тогда нужно спросить, в чем причина, поскольку такое состояние представляет собой исключение. Анализ, мной предложенный, является, очевидно, динамическим, поскольку поле производства — это поле борьбы между всеми участвующими агентами (профсоюзами, партиями, предприятиями, правительствами и т. д.) по вопросу субсидий, инвестиций и т. д.

На других территориях важным местом конфликта является фирма. Я не говорил о теории фирмы, но она важна: внутри поля производства каждая фирма сама является полем борьбы⁵². Это несколько избитая, но важная тема историко-эко-

51. См., например: «В силу этого закона [непрерывности] на покой надо смотреть как на прекращающееся, последовательно уменьшающееся движение. [...] Отсюда следует, что общее правило для неравных тел или для тел, находящихся в движении, должно быть применимо к телам равным или к телам, из которых одно находится в покое, как к частному случаю правила. Так и обстоит дело с истинными законами движения, но не с законами, найденными господином Декартом и некоторыми другими умными людьми» (*Лейбниц Г. В. Опыты теодицеи // Лейбниц Г. В. Сочинения в 4-х т. М.: Мысль, 1989. Т. 4. С. 359*). Точная формула, используемая П. Бурдые, возможно, позаимствована у Марсьяла Геру, который пишет, что Лейбниц пришел к «объединению всей системы физики, подведя статику как частный случай под правило динамики» (*Gueroult M. Leibniz. Dynamique et métaphysique. Paris: Aubier-Montaigne, 1967. P. 33*).

52. См.: *Bourdieu P. Le champ de l'entreprise: une étude de cas // Les Structures sociales de l'économie. P. 267–270; см. также: Ibid. P. 252–254.*

номической теории начиная с 1930-х гг. и знаменитой книги Джеймса Бернхема о борьбе между *owners*, собственниками, и *managers*⁵³: внутри больших фирм идет непрерывная борьба, в которой друг с другом столкнулись *shareholders* (акционеры) и *managers*, и борьба эта идет, в конечном счете, за права на собственность, за контроль над капиталом фирмы и над стратегией фирмы в конкуренции между фирмами. В этих видах борьбы, очевидно, много ставок. Я вернусь к этому в следующий раз. Это борьба на границах поля: в любом поле важная стратегия присвоения монополии состоит в радикальном преобразовании границ поля, позволяющем, соответственно, исключить из конкуренции опасных противников.

В следующий раз я проведу что-то вроде ускоренного курса по индивиду и попытаюсь показать, что символическое измерение имеет совершенно капитальное значение в тех видах борьбы, о которых я говорил сегодня. В предварительных обсуждениях в этом курсе я часто акцентировал то, что экономистская точка зрения ущербна, поскольку она сводит на нет символическое измерение экономической борьбы. Например, дом — это в высшей степени символической объект, связанный с домашними, философией семьи, с собственностью; это одна из самых нагруженных архаическими ценностями вещей. Экономическая борьба на определенном рынке всегда обладает некоторым символическим аспектом. Это всегда борьба по поводу классификаций, по поводу стратегий восприятия социального мира, и сегодня, возможно, в большей мере, чем раньше: чистая и строгая экономическая теория, намеревающаяся свести символическое к экономическому, в каком-то смысле комична в том обществе, в котором символическое составля-

53. *Burnham J. L'Ère des organisateurs / H. Claireau (trad.). Paris, Calmann-Lévy, 1947 [1941].*

ет само основание наиболее фундаментальных экономических механизмов.

Другой пример, который я рассматривал и над которым вы можете подумать к следующей неделе: то, что я сказал о борьбе по поводу профессиональных классификаций (я подчеркивал такие вещи, как коллективные соглашения, определение той или иной профессии⁵⁴ и т. д.); рынок труда также может быть описан в категориях, мной использованных, поскольку символический аспект (идентичность, профессиональное достоинство и т. д.) имеет ключевое значение во всех видах борьбы, местом которой он является. У рынка угля также есть чрезвычайно важный символический аспект: это борьба за определение того, что заменимо, а что — нет. Я вернусь к этому в следующий раз. Это будет не так скучно. Вы привыкли ко всему, что касается габитуса, предрасположенностей, но важно будет напомнить это, по крайней мере, чтобы вы поняли, насколько это связано с тем, что я сказал о поле. То есть в следующий раз я дам краткое резюме по вопросу символического аспекта борьбы и по вопросу габитуса.

54. См. лекцию от 13 мая 1993 года.

Лекция 17 июня 1993 года

Вопросы аудитории. — Борьба за классификацию в экономическом поле. — Три постулата homo economicus. — Первая оппозиция: индивидуальное и коллективное. — (Социально) ограниченная рациональность. — Вторая оппозиция: финализм и механицизм. — Иллюзия целенаправленности. — Третья оппозиция: микро и макро

Вопросы аудитории

НАЧНУ с пары слов о двойном вопросе, который мне задали. Во-первых, один из слушателей спрашивает меня, не нашел ли я чего-нибудь интересного в экономике промышленности и чем то, что я рассказываю, от нее отличается, наконец, меняет ли что-то для анализа тот факт, что на рынке конкурируют не индивидуальные агенты, а организации.

Что касается первого пункта, я могу дать лишь очень скромный ответ. Работы по экономике промышленности (я ее немного знаю, но не претендую на то, что полностью владею материалом, поскольку она просто огромна: каждый день выходят десятки статей и книг), очевидно, являются одним из источников, которыми я пользуюсь в этой работе. На самом деле, если ты начинаешь работать в научной логике, ты уже не можешь претендовать на абсолютную оригинальность и исключительность. В этом смысле вопрос об экономике промышленности несколько наивен: те из вас, кто могли хотя бы на мгновение подумать, что все, что я рассказываю, могло бы существовать без того, что было сказано до того, как я это сказал, совершили бы грубейшую ошибку. Ты постоянно пытаешься, и это очень сложно, собрать достижения, и, как я часто говорю, обращаясь к начинающим социологам (но среди начинающих есть очень талантливые), если бы мы были на высоте величайших социологов, мы бы и сами были

великими социологами. В том, что мы делаем, нет никакой тайны. Я попробовал сделать одно — придать более систематический вид [тому материалу, который мне удалось начитать]. Название, данное мной этому курсу, которое не раз пугало меня самого, следует понимать в этом смысле. «Социальными основаниями экономики» я хотел сказать то, что есть множество важных работ, но в современной ситуации не хватает анализа того типа, что предлагаю я: нет ничего по-настоящему систематического, что противостояло бы неомаржиналистской парадигме, представляющей себя как нечто чрезвычайно систематичное и не скрывающей своей поразительной империалистической заносчивости (я далее буду цитировать текст Беккера, где он строит планы захвата всех областей человеческой практики, ни в чем себя не ограничивая). Некоторые работают, не интересуясь этим вопросом, и они, возможно, добиваются некоторых успехов, но у намерения обосновать и систематизировать антропологическую теорию, которую можно было бы противопоставить этой парадигме, есть некоторое оправдание, хотя бы то, что она может послужить вам введением, если вы незнакомы с чрезвычайно разными работами, составляющими экономику промышленности. Эту функцию работа, проведенная мной, уже выполняет.

Кроме того, в этой литературе в качестве чего-то уже установленного рассматривается то, что таким на самом деле не является. Это очень часто происходит в специализированных научных направлениях: любая научная дисциплина опирается на универсум общих предпосылок, которые не обязательно проясняются. У науки тоже есть своя докса. Некоторые общепринятые идеи, некоторые предпосылки не проясняются, и порой люди очень удивляются, когда ученые эксплицируют свои предпосылки. Стареющие ученые, обращающиеся к философии, часто просто ужасны, поскольку они говорят совершенно наивные вещи, ведь их научная

работа опирается на неявные предпосылки, которые каждый принимает на свой счет и на счет других, поскольку согласие с этими предпосылками является, возможно, наиболее важной платой за вход. То есть мне кажется важным провести эту работу, хотя бы для того, чтобы спровоцировать других, которые могли бы возразить ей и, таким образом, продвинуться вперед.

На самом деле этот курс потребовал от меня в период его подготовки большой работы, а переход к нему оказался психологически довольно тяжелым во многом именно потому, что я задаю себе много вопросов. Порой мне случается спрашивать себя, нужно ли говорить то, что я говорю, стоит ли говорить, чем я занимаюсь: действительно ли это будет какой-то вклад в совокупность знаний, накапливаемых множеством людей, присутствующих в аудитории. К счастью, никто из вас не обладает всеми знаниями, представленными в аудитории; если бы это было не так, я, конечно, оказался бы в крайне затруднительном положении. С моей точки зрения, публика выполняет подобную тотализацию знаний (она пугает именно потому, что выполняет своего рода безмерное накопление разнообразных компетенций). В общем, я объяснил вам, что, по-моему, составляет принцип того, как я сам воспринимаю этот курс. Я вернусь потом ко второму пункту — меняет ли что-то в анализе тот факт, что конкурируют друг с другом именно институты и организации?

Я только что получил второй вопрос — о понятии инварианта у Леви-Стросса. Этот вопрос заслуживает длинного ответа, но здесь я могу дать только краткий намек: понятие инварианта весьма эластично, оно полезно для именованья одной из интенций социальной науки, которая заключается в поиске не вечных сущностей, а трансисторических инвариантов. В этом качестве оно полезно, но нужно также понимать, что из него делают: оно может стать массовой для нового антропологического эссенциализма.

Борьба за классификацию в экономическом поле

В прошлый раз к концу лекции я впопыхах сказал, что у полей борьбы, описываемых мной, есть важный символический аспект. Поскольку у меня осталось не более часа, чтобы рассказать вам об экономических предрасположенностях, я хотел бы просто упомянуть этот факт. Те разновидности экономической борьбы, которые представляются как нельзя более экономическими, то есть рыночная экономика в ее самом строгом варианте, никогда не сводятся к своему сугубо экономическому измерению, как его понимает экономизм. Анализы дара и символического аспекта обмена дарами, проведенные мной, применимы, просто в разной степени, ко всем обменам, считающимся сугубо экономическими. Я мог бы, к примеру, долго разбирать роль символического капитала, связанного с фирмами, роль давности существования фирмы, однако задержусь на другом аспекте, который вскользь упоминал на одной из предшествующих лекций: на борьбе по поводу классификаций. Борьба за классификации — один из фундаментальных аспектов экономической борьбы. Например, юридические классификации обладают первостепенным значением, и отчасти борьба между фирмами за присвоение государственной власти нацелена на то, чтобы заполучить эту власть производства и использования легитимных классификаций, легитимирующих практики. Эффекты сертификации, брендинга, качества — все это чрезвычайно важные символические эффекты. Можно было бы проанализировать в этой логике те виды борьбы, которые внешне вроде бы ориентированы лишь на слова, но которые на самом деле содержат в себе важные экономические ставки.

Мне хотелось бы подробнее поговорить об одной статье, вышедшей в 1984 году в *American Journal of Sociology*, — статье Мириам Дж. Уэллс под названием «Возвращение издольщины: историческая аномалия или политическая стратегия», но вы можете прочесть ее сами¹. Это анализ стратегий, используемых в США производителями клубники для контроля рынка труда, то есть стратегии, состоящие в восстановлении некоторых форм издольщины вместо наемного труда. В статье показано, как эта смена категории, тот факт, что рабочие стали называться иначе, позволил работодателям добиться новой формы господства или эксплуатации: независимые подрядчики были превращены в полностью зависимых агентов. В значительной части универсума труда (вчера в *Libération* было обсуждение похожего вопроса) дискуссии по поводу обозначения определенного поста — это в высшей степени важные вопросы, определяющие стабильность рабочего места, уровень зарплаты, уважение, которым пользуется работник, и т. д. Дело в том, что структура экономических обменов управляется тем, как эти обмены обозначаются, способом их представления. Представления о реальности составляют часть реальности. Игнорируя это, ограниченный экономизм, встречающийся как в неомаржиналистской, так и в марксистской традициях, абстрагируется от одного из наиболее фундаментальных аспектов экономических обменов.

Три постулата *homo economicus*

Нет возможности развить, но я обозначил этот пункт и могу теперь перейти от него к последнему моменту своего анализа. Я уже говорил, что для того, что-

1. Wells M. J. The resurgence of sharecropping: Historical anomaly or political strategy? // *American Journal of Sociology*. 1984. Vol. 90. No. 1. P. 1–29.

бы реконструировать систему экономических обменов, следовало на первом этапе заменить понятие рынка понятием поля, а на втором заменить понятие *homo economicus* понятием экономического агента, наделенного габитусом или предрасположенностями. *Homo economicus* — это на самом деле *homo academicus* (эта мысль пришла мне в голову просто в силу созвучия): теория *homo economicus* — это пример весьма распространенной в гуманитарных науках *fallacy*, которая состоит в том, что мысль ученого помещается в голову агента. Такое случается очень часто: структурализм Леви-Стросса вечно грешит таким соскальзыванием; ту же самую ошибку постоянно совершал и лингвистический структурализм. *Homo economicus* — это что-то вроде сверхэкономиста. Здесь можно было бы привести формулировку Лейбница: «Cum Deus calculat, fit mundus»²: пока Бог подсчитывает, экономический мир свершается. Рациональный вычислитель, предполагаемый экономистом, — это чудовищная фикция, которую в своей обыденной жизни не смог бы реализовать даже самый сведущий экономист. Прочитываю опять же Остина: он называет *scholastic fallacy*³ ошибку того, кто находится в состоянии *skholè*, досуга, и кто описывает действия людей, занятых срочными делами, так, словно бы они тоже находились в положении *skholè*. Вот почему я говорю: «*homo economicus = homo academicus*».

Следовало бы разъяснить эту теорию *homo economicus*. Поскольку я уже проделал в какой-то степени эту работу, то могу двигаться быстро. В США есть, с одной стороны, сторонники RAT (от Ratio-

2. Фраза Лейбница «Cum DEUS calculat et cogitationem exercet, fit mundus» (*Leibniz W.G. Dialogus // Die philosophischen Schriften*. Т. VII. Berlin: Gerhardt, 1890. P. 191) означает: «Когда Бог подсчитывает и выполняет свою мысль, мир совершается».

3. См. выше лекцию от 1 апреля 1993 года, с. 116.

nal Action Theory, теории рационального действия), а с другой — противостоящие им сторонники САТ (от Collective Action Theory, теории коллективного действия): первые отстаивают индивидуальное рациональное действие, а вторые — коллективное действие. Преимущество понятия габитуса в том, что оно позволяет избавиться от этой оппозиции, от этого большого спора. Антропология RAT, одно из наиболее типичных выражений которой обнаруживается в книгах Юна Эльстера (некоторые были переведены на французский⁴), является ультра-субъективистской, и не случайно то, что очень часто Эльстер выходит, не зная о том, на проблемы, [которые ставил] Сартр, например проблему постоянства субъекта, проекта. Я проговариваю все это очень быстро (и очень плохо...), но все ради тех, кто могут пойти дальше и сами разобраться⁵. Наиболее радикальным образом сегодня эта теория формулируется у таких философов, как Юн Эльстер, и таких экономистов, как Гэри Беккер. Я несколько раз уже упоминал Гэри Беккера, недавнего нобелевского лауреата [1992], который довел до предела откровенность своего *hubris*'а [чрезмерности, высокомерия], довольно распространенного среди экономистов. В предисловии к своей книге «Трактат о семье» он пытается представить экономическую теорию семьи и пишет следующее: «Экономический подход к семье предполагает сегодня, что индивиды максимизируют свою полезность, управляясь от своих базовых предпочтений, которые не претерпевают быстрых изменений во времени,

4. П. Бурдьё имеет в виду главным образом работу: *Elster J. Le Labeur et ses enfants*. К моменту чтения курса на французском были также доступны две другие книги Юна Эльстера: *Elster J. Leibniz et la formation de l'esprit capitaliste*. Paris: Aubier, 1975; *Elster J. Karl Marx, une interprétation analytique* / P.-E. Dauzat (trad.). Paris: PUF, 1989.

5. Уточнения см. в: *Bourdieu P. Sociologie générale*. Vol. 2. P. 915, 916.

и что поведение разных индивидов координируется явными или неявными рынками. Экономический подход не ограничивается материальными благами и желаниями, рынками, на которых проходят денежные трансакции, он не проводит концептуального различия между малыми и большими решениями, эмоциональными решениями и любыми другими. На самом деле, экономический подход задает рамку, применимую к любому человеческому поведению, ко всякому типу решения и к людям, придерживающимся любого стиля жизни»⁶. То есть эта экономическая теория составляет своего рода панлогизм, который намерен применяться к чему угодно. Она рассматривает индивиды, а также коллективы (фирмы, парламенты, муниципалитеты и т. д.) в качестве рассчитывающих агентов, действия которых можно интерпретировать в качестве ориентированных на поиск максимизации выгоды. В этой логике она объясняет как государство, так и *household*, домохозяйство; как брак, понимаемый в качестве экономического обмена услугами, производством и воспроизводством, так и предприятия. Эта панлогистская философия трактует индивида в качестве суверенного агента, подчиняю-

6. «It now assumes that individuals maximize their utility from basic preferences that do not change rapidly over time, and that the behavior of different individuals is coordinated by explicit and implicit markets. I argued in an earlier publication that the economic approach is not restricted to material goods and wants or to markets with monetary transactions, and conceptually does not distinguish between major and minor decisions or between "emotional" and other decisions» (*Becker G. S. Preface to the enlarged edition // Becker G. S. A Treatise on the Family. Cambridge-London: Harvard University Press, 1991 [1981]. P. ix-x*). Последняя фраза, процитированная П. Бурдые, судя по всему, взята не из этого предисловия, а из другой книги Гэри Беккера (который пишет, в частности: «I am arguing that the economic approach provides a useful framework for understanding all human behavior» — *Becker G. S. The Economic Approach to Human Behavior. P. 14*).

щегося рациональным ожиданиям, то есть рациональным представлениям о будущем, способного руководить совершенно рациональным отношением к будущему.

Первое положение: у этого индивида есть системы предпочтений, которые, как говорят экономисты, являются экзогенными, упорядоченными и стабильными, но экономисты никогда не задаются вопросом о том, как именно эти предпочтения были сформированы. Эльстер (вы можете сами его почитать и поупражняться) в своей речи постоянно переходит от нормативных высказываний («экономический агент должен делать») к позитивным («экономический агент делает»). Это и понятно: поскольку вопрос об экономических и социальных условиях возможности рационального поведения не ставится, а экономический агент полагается в качестве всегда обладающего рациональным поведением, описывать рациональное поведение значит описывать норму, которой меряются все экономические агенты, независимо от того, есть у них средства обладать экономическим поведением или нет. Низкооплачиваемый пролетарий, у которого с точки зрения экономической логики противоречивое экономическое поведение (например, он покупает энциклопедию в шести томах, хотя ему нечем платить за электричество), меряется, таким образом, молчаливо принятой нормой, которую определяет рациональное поведение того, кто в состоянии рассчитывать, так как никогда не ставится вопрос об условиях (в категориях экономического капитала, культурного капитала и т. д.), которые должны быть выполнены, чтобы получить возможность рассчитывать. Точно так же, как я уже не раз говорил, рациональные стремления предполагают такое отношение к будущему, у которого есть свои экономические и социальные условия возможности: вам не придет идея сделать какую-то ставку на будущее (например, в плане фертильности), если у вас

нет минимальной уверенности в настоящем. Поскольку эти вопросы не поставлены, описание рационального действия рационального *homo economicus* само по себе нормативно; это утверждение, поражающее своей этноцентричностью. Эта теория, которая, возможно, не применима даже к экономическому поведению чикагских профессоров экономики, становится своего рода законным упреком, когда применяется к чикагским гетто или развивающимся странам.

Второе положение: всякое поведение считается инструментальным (здесь можно вспомнить о проведенном мной анализе дара). Всякое поведение мыслится в категориях дуализма средство/цель, субъект/объект, а агенты полагаются в качестве рациональных в инструментальном смысле, то есть способных мыслить социальные отношения в следующих категориях: «Вот этот тип — он мне для чего-нибудь пригодится?», «Я даю ему, но сможет ли он мне отдать?» и т. д. Вот такая философия постулируется, и постулируется также, что все социальные агенты в то же время предрасположены, склонны ее принимать и способны отнести ее на свой счет.

Третье положение: экономические агенты автономны. Один из критиков этой традиции говорит об *atomic man*⁷, атомарных людях, которые сведены к состоянию монады без окон и без дверей⁸, у которых нет ничего, кроме способностей к расчету и которые взаимодействуют только в корыстном обмене. Вот, как мне кажется, три фундаментальных положения.

7. Возможно, речь идет о введении Роджера Оуэна Фридленда и А. Ф. Робертсона к книге, которая вышла под их редакцией: *Friedland R. O., Robertson A. F. (eds). Beyond the Marketplace: Rethinking Economy and Society. New York: Aldine de Gruyter, 1990. P. 27–29 (пассаж об «atomic man»).*

8. См. выше с. 148, сноска 6.

Есть одна вещь, которую мне нужно уточнить, просто чтобы вы иначе воспринимали то, что я скажу и что может в противном случае показаться вам очевидным: некоторые из моих читателей (не знаю уж, как они дошли до такого...) посчитали мою работу некоей разновидностью утилитаризма⁹. В связи с тем, что я собираюсь сказать о своих работах, думаю, вы сами зададитесь вопросом о том, как им удалось сделать из меня утилитариста. Я тем не менее смогу двигаться быстро, поскольку о главном уже рассказал на примере притчи про обмен дарами. Я просто достаточно абстрактно перескажу проведенные мной исследования, в частности связанные с тем, что стратегии участников обмена и особенно отношение к будущему — это практические стратегии, которые не требуют привлечения явных расчетов, то есть стратегии, которые относятся к логике протенции¹⁰, а не проекта. В случае совершенно рыночных экономических обменов можно провести тот же самый анализ, который я провел применительно к антропологии оснований обмена и дара. Философия действия, которую я намереваюсь развить, применяется также к поведению домохозяйств и в большем масштабе — к поведению фирм. Именно здесь я попробую ответить на вторую часть вопроса, мне заданного: хотя фирмы часто обладают «*brain trust*» и в целом инструментами рационального познания, принимаемые

9. П. Бурдьё, вероятно, имеет в виду интерпретации его работ, которые были предложены еще в 1980-х гг. «Антиутилитаристским движением в социальных науках» (*Mouvement anti-utilitariste en sciences sociales (MAUSS)*) и его активистом Аленом Кайе. См., в частности: *Caillé A. Don, intérêt et désintéressement. Bourdieu, Mauss, Platon et quelques autres.* Paris: La Découverte/MAUSS, 1994.

10. Это понятие Эдмунда Гуссерля (см.: *Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени.* М.: Гнозис, 1994) обозначает будущее, которое полностью содержится в настоящем, в отличие от проекта, который представляет собой будущее, которое еще надо создать, изобрести.

ими решения, если судить по тому, что я сам наблюдал, очень редко представляют собой рациональные расчеты, управляемые исключительно соображениями выгоды и ее максимизации.

Предлагаемая мной гипотеза состоит в том, что основанием экономических решений индивидов, домохозяйств, потребителей, а также предприятий является не рациональное сознание экономических агентов, а то, что я называю габитусом, то есть система предрасположенностей (которую я вскоре разьясню), выступающая одновременно систематическим и практическим порождающим принципом конкретных актов предпочтения. Это можно понять через аналогию: частным случаем этого габитуса является вкус (в предельно широком смысле — вкус к еде, но также вкус к одежде или вкус к определенному сексуальному партнеру — так, в XVIII веке говорили о «любовном вкусе»). Вкус является инкорпорированным принципом классификации, который приобретает в постоянно воспроизводящемся жизненном опыте и который ориентирует выборы агентов независимо от какого бы то ни было явного размышления. В выражении «я люблю это» выражается не что иное, как акт выбора, основание которого не выбиралось, поскольку габитус является невыбранным принципом всякого выбора. Выражение «невыбранный» могло бы навести на мысль, будто он представляет своего рода фатум, судьбу, что не вполне верно, поскольку этот невыбранный принцип всех выборов постоянно испытывает на себе воздействие всех тех выборов, что он производит: то есть на него могут оказать воздействие и изменить его сменяющие друг друга выборы. Если сделать из габитуса основание экономических выборов, это позволит избежать ряда оппозиций, которые мне представляются вредными, если не сказать смертельно опасными — оппозиции индивидуализма и коллективизма (индивидуальное

действие против коллективного, RAT против SAT), оппозиции механицизма и финализма (чем именно определяются человеческие поступки — причинами или доводами?), оппозиции, очень модной в американских дискуссиях и у социологов, и у экономистов, микро и макро, то есть исследования, сводящегося к элементарным единицам, к индивиду, и исследования, сводящегося к агрегированным ансамблям индивидов. Эти оппозиции кажутся мне фиктивными. Я попытаюсь показать вам, почему понятие габитуса позволяет обойтись без них.

Первая оппозиция: индивидуальное и коллективное

Первое положение: габитус — это коллективное индивидуальное. Действительно, поскольку мы наделены габитусом (то есть устойчивыми, постоянными и относительно систематическими предрасположенностями, к примеру вкусами), то в каком-то смысле являемся коллективизированными индивидами, поскольку социально сформированные предрасположенности являются общими (в определенной степени и с индивидуальными отклонениями и вариациями) всем социальным агентам, находящимся в одних и тех же условиях и подчиненных одним и тем же детерминациям. В «Отличии» я показываю, опираясь на статистику, что вкусы в социальном пространстве распределены не хаотически. Близость в социальном пространстве, выстроенном на основе принципов, способных дифференцировать классы социальных условий и, следовательно, классы социальных детерминаций, связана с близостью во вкусах: у людей, близких в этом пространстве, близкие вкусы. Иначе нельзя было бы понять социальную гомогамию, из-за которой, в общем-то, у людей из определенной среды намного бо-

лее высокая вероятность вступить в брак с людьми из той же самой среды. Когда брачный рынок становится свободным рынком, когда больше нет ограничений и когда браки не организуются семьями, которые бы ориентировались на соображения гомогамии или мезальянса, следует предположить, что люди выбирают друг друга, предпочитают друг друга в зависимости от систем предпочтений, объективно упорядоченных в силу того, что они являются продуктом одних и тех же условий. Следовательно, габитус является коллективным индивидуальным, так что это понятие позволяет обойтись без оппозиции индивида и общества, которая является одной из наиболее вредных оппозиций в социологии. Мне со своей стороны неприятно думать о том, что профессиональный социолог все еще может замыкаться в этой оппозиции, поскольку научно установлено, что индивиды социализированы, то есть подчинены детерминациям, способным изменять их на длительное время и в соответствии с ограничениями, характерными для конкретного социального положения. То есть индивидуальное и субъективное — это социальное, коллективное.

Так, в книге, которую мы только что опубликовали¹¹, в «Нищете мира», дается глубокий анализ различных свидетельств, в которых люди рассказывают о чем-то совершенно уникальном, единичном, о своих предельно личных страданиях; и анализ этих свидетельств показывает, что самое что ни на есть индивидуальное и единичное является целиком и полностью социальным: мы обнаруживаем присутствие социальных детермина-

11. «La Misère du monde» — коллективная работа под редакцией П. Бурдьё, в которой участвовали около двадцати исследователей, — была опубликована в издательстве *Seuil* за четыре месяца до этой лекции, в феврале 1993 года (переведено в: *Points Essais*, 2015).

ций, связанных с семьей или работой, в предельно единичных и уникальных субъективных предрасположенностях. Из этого нельзя вывести, что единичность растворяется или же что все индивиды похожи друг на друга, поскольку тем самым мы бы снова ввели оппозицию индивида и общества, которую я пытаюсь как раз изгнать. Некоторая сложность, связанная с попыткой утвердить то, что мне представляется аксиомой социальной науки, связана с тем, что у социальных агентов есть очень сильная бессознательная заинтересованность в уникальности, и тем в большей степени, чем более высокие ступени социальной иерархии они занимают (но это не значит, что другие к ней безразличны): результатом социологического понимания оказывается своего рода оскорбление, наносимое чувству чести, требующему отличия. В особенности это относится к интеллектуалам — они любят описывать себя в качестве заядлых индивидуалистов, но на самом деле они совершенные конформисты; это вообще одна из наиболее конформистских категорий, однако им жизненно важно отстаивать свою уникальность. Например, литературный труд — это труд с обостренным сознанием собственной уникальности. Он может приносить плоды, создавать замечательные вещи (я это вовсе не отрицаю), но эта патетическая заинтересованность в собственной уникальности, которая обнаруживается у большинства из нас, существенно затрудняет преподавание элементарных вещей, без которых наука и шаг ступить не сможет.

Второй вид сопротивления, хорошо продемонстрированный в «Нищете мира», — это сопротивление научному объяснению поведения. Социальные агенты плохо переносят мысль о том, что их поведение подчиняется объяснительным системам, и они, опять же, переносят это тем хуже, чем более высокие ступени в социальной иерархии занимают. Очень неприятно и болезненно, очень раз-

дражает (и я могу тут признаться, что для меня несвойственно: я — первый, кого это раздражает), когда чувствуешь себя детерминированным причинами, тогда как хотел бы детерминироваться доводами и резонами. По сравнению с психоанализом, который делает то же самое, но оставляет индивидам иллюзию уникальности, у социологии есть минус — она сводит все к причинам, общим причинам. Это обескураживает и это очень болезненно, но это так. Так или иначе, субъективности, которыми мы являемся, — это социализированные субъективности, и сама идея субъективности является продуктом социального. Это старая тема, и не случайно то, что ее специально акцентировал Дюркгейм. Он показывает, в частности в работах «О разделении общественного труда» и в «Самоубийстве», что сама реальность индивида является социальным изобретением, созданным за определенное время благодаря праву. Следовало бы всех персоналистов заставить читать замечательную статью Мосса о понятии личности¹² (но они меня после таких слов расстреляют... так что нет, главное, чтобы [главное, чтобы они не читали этого]). Я обязан сказать обо всем этом, потому что рассказ о результатах одного исследования предполагает, к сожалению, создание условий веры, способных благоприятствовать рецепции этих достижений, а социологии очень сложно передавать эти результаты, поскольку ей очень сложно добиться от социальных агентов того, чтобы по отношению к социальному миру они заняли позицию, конститутивную для научного взгляда. Она сталкивается с сопротивлением, поскольку задевает глубочайшие верования. Как я обычно говорю своим коллегам-ученым, когда пытаюсь объяснить им, почему так

12. *Мосс М.* Об одной категории человеческого духа: понятие личности, понятие «я» // *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. С. 326–352.

сложно заниматься социологией, социологи сравнимы *mutatis mutandis* с Амбруазом Паре, у которого была куча врагов, поскольку он занимался вскрытием трупов (но, конечно, героизацией заниматься не нужно: скажем только, что социологи совершают похожие, правда только в некоторой степени, вызывающие поступки, которые очень глубоко задевают интимные ценности).

Если сформулировать то же самое в более возвышенной манере (чтобы прошло как по маслу...), социальные агенты являются, по сути, историческими трансценденталиями [*смех в зале*]. Если сказать так, это выглядит лучше, правда? Главное сохранено, стоит только начать говорить в такой манере... [*П. Бурдьё смеется.*] Я хочу сказать, что социальные агенты — это категории восприятия, формы чувственности, в частности структуры конструирования социального пространства, конструирования времени, которые социально заданы и в значительной части являются продуктом интериоризации объективных структур миров, в которых мы оказались. Историки (особенно Люсьен Февр в своем «Рабле»¹³) показали, и очень просто, что, к примеру, наш опыт времени связан с историческим опытом, с историческими условиями возможности (появлением башенных часов и т. п.). Но если дойти до конца, если не ограничиваться этим, тогда наивное представление о субъективности, трансценденталистское представление в обычном смысле слова, то есть кантианское представление о субъективности, оказывается под вопросом, и мы вынуждены согласиться с тем, что темпоральные и пространственные фигуры, формы организации, которые мы применяем к миру, являются историческими условиями возможности.

13. *Febvre L.* Le Problème de l'incroyance au XVIIe siècle. La religion de Rabelais. Paris: Albin Michel, 2003 [1942], особенно P. 365 sq.

Приведу очень простой пример. Мы читаем слева направо и от начала до конца. В рассказе «Роза для Эмили», который я когда-то комментировал¹⁴, Фолкнер ставит своего рода ловушку для читателя, читающего его книгу так, как он привык читать, то есть с начала до конца: читатель к концу рассказа понимает, что он действовал, следуя некоторым предпосылкам, присущим самому факту чтения (то есть тому именно факту, что начинаешь в начале и заканчиваешь в конце, что благородный человек считается благородным и т. д.), когда обнаруживает, что безупречная героиня, стоящая в центре повествования, на самом деле убила своего любовника и в течение десяти лет жила рядом с трупом. Поэтому читатель обязан перечитать этот рассказ с конца и постепенно выявить свои собственные предпосылки, которые используются в чтении, все то, что приписывают книге, когда ее читают, даже не зная о том. Глупо говорить об этом, как делают некоторые, как о «договоре чтения»¹⁵. Действительно, если бы это был договор, если бы, прежде чем читать, я говорил: «обязуюсь прочитать слева направо», это было бы слишком очевидно, я знал бы, что это договор чтения. Этот же «договор чтения» договором по определению не является. То же самое относится к осмотру картины, и таких анализов можно было бы провести множество: самые что ни на есть элементарные акты нашей повседневной практики требуют определенной, исторически сложившейся философии темпоральности. Вот почему я говорю об «исторической трансценденталии». Дюркгейм говорил

14. См.: Bourdieu P. Une théorie en acte de la lecture // Bourdieu P. Les Règles de l'art. P. 523–533.

15. Eco U. Lector in Fabula / M. Bouzaher (trad.). Paris: Grasset, 1979; Véron É. L'analyse du contrat de lecture: une nouvelle méthode pour les études de positionnement des supports presse // Véron É. Les Médias. Expériences, recherches actuelles, applications. IREP, 1985.

о «первобытных формах классификации»¹⁶, что далеко не так круто... Наши категории, наши формы классификации связаны с социальным миром.

(Социально) ограниченная рациональность

Здесь я отошлю к отрывку из текста одного экономиста, Герберта Саймона¹⁷. Я, как уже говорил, использую стратегию, которая, поскольку ее задача в том, чтобы противодействовать экономической традиции, состоит в том, что из экономики мы берем все интересные в этом плане идеи. Саймон очень резко критикует теорию тотальной рациональности в стиле Беккера и взамен предлагает теорию ограниченной рациональности. По его мнению, рациональность является *bounded*, то есть она ограничена, связана, это закованная рациональность, как Прометей¹⁸. Она ограничена, поскольку человеческий разум не бесконечен. В бытовых ситуациях он не может проводить расчеты. Нужно было бы быть Богом-отцом, чтобы делать то, что, по словам экономистов, делают экономические агенты. Разум конечен, он считает слишком медленно, у него нет карманного компьютера, а если и есть, он не умеет им пользоваться, время идет слишком

16. Дюркгейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. С. 55–124.

17. Simon H.A. Administrative Behavior: A Study of Decision-Making Processes in Administrative Organization. New York: Macmillan, 1947 (фр. перевод: Simon H.A. Administration et processus de décision / P.-E. Dauzat (trad.). Paris: Economica, 1983); Newell A., Simon H.A. Human Problem Solving. Englewoods Cliffs: Prentice Hall, 1972. П. Бурдьё комментировал тексты Герберта Саймона в 1985–1986 гг. (Bourdieu P. Sociologie générale. Vol. 2. P. 985–987).

18. Отсылка к трагедии Эсхила «Прометей прикованный».

быстро и т. д. Этого уже немало; по сравнению с Беккером это заметное достижение. Но Саймон забывает о том, что это ограничение не является антропологической ограниченностью человеческого разума, по крайней мере не является только ею. У человеческого разума есть еще и социальные ограничения: это *socially bounded* разум. У Маркса в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» есть замечательная фраза: «Мелкий буржуа не может преодолеть пределы своего мозга»¹⁹. Социология, возможно, дает нам небольшой шанс [преодолеть пределы нашего мозга], указывая нам на то, что у нашего мозга есть социально заданные границы. Например, изучая систему образования, генеалогию нашего мозга, мы можем обрести шанс хоть в какой-то мере прояснить цепи, сковывающие наш ум. Наша рациональность скована цепями, социально ограничена, в конечном счете, именно потому, что наш разум — это социально конституированная спонтанность.

Лейбниц, чья теория свободы, по моему мнению, наиболее интересна (вот еще одна оппозиция и пре-

19. «Не следует только впадать в то ограниченное представление, будто мелкая буржуазия принципиально стремится осуществить свои эгоистические классовые интересы. Она верит, напротив, что *специальные* условия ее освобождения суть в то же время те *общие* условия, при которых только и может быть спасено современное общество и устранена классовая борьба. Равным образом не следует думать, что все представители демократии — лавочки или поклонники лавочников. По своему образованию и индивидуальному положению они могут быть далеки от них, как небо от земли. Представителями мелкого буржуа делает их то обстоятельство, что их мысль не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа, и потому теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводит практически его материальный интерес и его общественное положение» (Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. Т. 8. С. 148).

красная тема для сочинения: детерминизм и свобода), говорит о человеке как агенте: «Spontaneum est, cuius principium est in agente»²⁰ («Спонтанно действие, принцип которого в агенте»). Поэтому говорить о габитусе крайне важно. В механистических теориях (я к ним вскоре перейду) агент вообще ничего не значит, это просто атом, уравниваемый силами поля. Говорить о поле — значит, напротив, говорить, что у агента есть инерция, связанная с его историей; он не может выбирать что угодно. Важно говорить о габитусе и напоминать об этой инерции еще и потому, что это противоречит теориям тотальной свободы, согласно которым агент ежесекундно делает то, что хочет. Габитус напоминает о том, что мы суть спонтанность и что основание нашего действия в нас самих. Он льет воду на мельницу персонализма в его споре с альтюссерянами, которые говорили, что агент — это *Träger*, актуализирующий структуру²¹, что соответствовало стремлению изгнать агента. Парадокс в том, что, хотя меня часто относят к «структуралистам» (и это меня крайне раздражает), я всегда очень плохо переносил один аспект структуралистской традиции (причем почти на личном уровне — будет банальностью отметить, что в науке ученые часто вкладывают в свои занятия какие-то очень лич-

20. «Итак, самопроизвольность наших действий не может быть подвергнута сомнению, и Аристотель хорошо определил ее, сказав, что действие самопроизвольно, когда начало его находится в действующем лице: „Spontaneum est, cuius principium est in agente“» (*Лейбниц Г. В. Опыты теодицеи* // Сочинения в четырех томах. Т. 4. С. 333).

21. Французские неомарксисты, объединившиеся в 1960-х гг. вокруг Луи Альтюссера (см.: *Althusser L., Balibar É., Rancière J. Lire le Capital. 4 vol. Paris: Maspero, 1973–1980*), превратили термин «Träger», иногда использовавшийся Марксом, в один из ключевых терминов своего «антигуманистического» подхода, в рамках которого социальные агенты выступали всего лишь опорой или носителями роли, приписываемой им в процессе производства.

ные и наивные вещи), а именно это представление об агенте как всего лишь эпифеномене структуры. Я говорил себе, что агент существует: он шевелится, движется, импровизирует, он совершает ответные выпады, действия, он активен и т. д. Наделить агента этой лейбницианской спонтанностью, вписанной в габитус, значит порвать с тенденцией делать из него исключительно отражение структур.

При всем при этом такая спонтанность остается детерминированной и условной: социальные агенты суть продукты определенной работы социализации, которая делает их чувствительными к конвенциональным и условным стимулам. В совершенно механическом универсуме единственные возможные действия — это механические реакции на механические воздействия. В реакции никогда не может быть больше того, что есть в действии. Тогда как в порядке социализированной жизни действия вызываются конвенциональными стимулами: то, что вызовет реакцию у одного, не вызовет ее у другого. Здесь можно напомнить о совершенно тривиальных, но полезных моментах: мужчина и женщина, гуляющие по улице, заглядываются на разные витрины, поскольку они социализированы по-разному; люди с разным социальным происхождением не увидят одно и то же в одном и том же спектакле и т. д. То есть стимулы, которые могут стимулировать их, конвенциональны (являются продуктом дифференциальной социализации) и условны (функционируют в качестве стимулов только для людей, приученных воспринимать их в качестве таковых). С точки зрения морали здесь мы видим основание, на которое могла бы опираться попытка обрести свободу: задача состояла бы в том, чтобы выяснить, какие конвенциональные и условные стимулы определяют меня, попытаться осознать их и эксплицировать. Можно было бы работать в этом направлении. Я не буду развивать это далее (мне важно завершить то, что я хотел сказать

сегодня...), однако эта идея спонтанности как противоположности идеи свободы или идеи реакции/рефлекса кажется мне важной.

Такая конвенциональная и обусловленная спонтанность является историей. Слово «габитус» с этой точки зрения выбрано очень удачно: оно обозначает факт обладания²². Габитус как продукт прошлого опыта и система предпочтений является продуктом коллективной и индивидуальной истории. Чтобы это не казалось просто словами, я отошлю вас к замечательной книге Сидни Минц «Сладость и власть: место сахара в современной истории»²³, в которой разбирается удивительная история чувствительности к сахару. Вкусы складываются за продолжительное время благодаря организации производства и потребления, и наш вкус к сладостям является долгосрочным историческим продуктом. Это все довольно банальные вещи, однако их стоит зафиксировать, поскольку они должны опровергнуть ту разновидность философской антропологии, что нацелена на вечные истины (*homo estheticus* и т. д.). Габитус — это история, и любая система предпочтений является продуктом социальной истории социального универсума, в который мы погружены (не будем говорить о художественных вкусах, это еще очевиднее), и нашей социальной траектории внутри этого универсума. Вкусы являются родовыми, поскольку они разделяются всеми современниками, существующими в рамках одного и того же общества, и в то же время специфицированы траекторией. Достаточно задуматься на мгновение, чтобы понять, что тра-

22. По-латыни «habitus» — это перфектный инфинитив глагола «habere» («иметь»).

23. Mintz S.W. Sweetness and Power: The Place of Sugar in Modern History. New York: Elisabeth Sifton Books-Penguin Books, 1986 (фр. перевод: Mintz S. W. Sucre blanc, misère noire. Le goût et le pouvoir/R. Ghani (trad.). Paris: Nathan, 1991.

ектории являются предельно индивидуальными. Вот почему их так сложно анализировать научно. В древе жизни столько разветвлений, что невозможно, я уверен, найти две одинаковые траектории, так же как Лейбниц говорил, что нельзя найти два тождественных листа²⁴. Поскольку нельзя найти хотя бы две одинаковые траектории, индивидуальности ничего не грозит.

Вторая оппозиция: финализм и механицизм

Вторая оппозиция после первой оппозиции индивидуального и коллективного — это финализм и механицизм. Я разберу ее совсем вкратце. Это оппозиция сознания и вещи, в которую впал Дюркгейм («Социальные факты нужно рассматривать в качестве вещей»²⁵) и из которой так и не смог выбраться Вебер (основанием действия являются намерения²⁶). Габитус позволяет уйти от этой цепочки дуализмов, разработанных Декартом и картезианцами. (То, что я сейчас расскажу за несколько ми-

24. «Я вспоминаю, как одна знаменитая, обладающая возвышенным умом принцесса сказала однажды на прогулке в своем саду, что не верит в существование двух совершенно одинаковых листков. Один остроумный дворянин из ее свиты заметил, что их нетрудно найти, но, несмотря на усердные поиски, все же должен был убедиться собственными глазами, что в них всегда можно найти какое-нибудь различие» (*Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разумении // Сочинения в четырех томах. М: Мысль, 1983. Т. 2. С. 231–232*).

25. «Первое и основное правило состоит в том, что *социальные факты нужно рассматривать как вещи*» (*Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. С. 421*).

26. П. Бурдьё на предшествующей лекции напоминал, что он «не разделя[ет] веберовской философии действия как целенаправленного действия, ориентированного на явные цели» (см. выше с. 255).

нут, покажется вам слишком упрощенным. К тому, что я говорю, стоит применять здесь так называемый (на философском жаргоне) принцип милосердия²⁷: автора надо читать, доверяя ему как можно больше. Можно было бы также назвать этот принцип «принципом *isotimia*»²⁸ или «равного уважения»: к авторам, которых читаешь, надо относиться так же, как другие должны были бы относиться к тому, что ты пишешь... Этот принцип применяется очень редко... Если вы ко мне его примените, я могу сказать то, что собираюсь; в противном случае толку не будет...) Картезианцы, обращающиеся к дуализмам тела и души, субъекта и объекта, ставят проблему тела как объекта, на который требуется воздействовать или действие которого требуется испытывать. В крайней форме мы обнаруживаем эту проблему у таких авторов, как Гейлинкс²⁹ или Мальбранш: могу ли я объяснить, обходясь без Бога, то, что мир действует на мою душу или что тело, когда душа чего-то хочет, ей повинуется? Между двумя этими силами пролегает радикальный разрыв, и философы-окказионалисты крайне обеспокоены этой оппозицией. На самом деле думаю, что картезианцы представили крайнюю, наиболее последовательную форму философии сознания, поддерживающую и современную экономическую теорию. Как я уже не раз говорил, экономисты неомаржиналистского направления — это скрытые картезианцы: они принимают дуализм души и тела, а также сознания и вещи. Если им та-

27. Wilson N. L. Substances without substrata // The Review of Metaphysics. 1959. Vol. 12. No. 4. P. 521–539; Quine W. V. O. Le Mot et la Chose / J. Dopp, P. Gochet (trad.). Paris: Flammarion 1977 [1960], §13.

28. Термин «*isotimia*» П. Бурдые представил в лекции от 6 мая 1993 года, см. выше с. 123.

29. В своей коллекции «*Le sens commun*» П. Бурдые опубликовал работу: Lattre A. de. L'Occasionalisme d'Arnold Geulincx. Étude sur la constitution de la doctrine. Paris: Minuit, 1967.

кое сказать, они бы крайне удивились, но это можно доказать.

Итак, понятие габитуса предполагает не что иное, как отказ не только от оппозиции души и тела, но также сознания и тела. Понятие габитуса позволяет нам выдвинуть тезис о том, что существует своего рода сознание-тело, то есть последовательные, связные логики, поддающиеся социологическому анализу. Мы говорим, что существует поведение, которое можно сделать умопостижимым, но при этом его основанием не является логика, рациональный расчет, эксплицитные проекты и т. д. Габитус — это своего рода основание действия без намерения. Это не значит, что он слеп, что это простая рефлексивная реакция или инстинктивный автоматизм. Это очень сложно проговорить за короткое время...

Я хотел бы совсем вкратце показать, как то, что я говорю, позволяет выйти из затруднений, с которыми сталкивается бихевиористская традиция действия, понимающая последнее в качестве простой реакции на стимулы, то есть традиция, к которой относится Герберт Саймон, о котором я только что говорил. Я обращаю много внимания на Герберта Саймона, поскольку, если брать вопрос габитуса, я вижу в нем своего рода Тихо Браге. Он предпринял самую хитрую попытку выйти из апорий *homo economicus*. Сначала он относит себя к бихевиористской традиции и подчеркивает тот факт, что знание экономических агентов является неопределенным и неполным, поскольку вычислительные возможности человеческого разума ограничены. Потом он отвергает гипотезу глобальной максимизации, но сохраняет идею ограниченной или связанной рациональности, *bounded rationality*: агенты, возможно, неспособны собрать всю информацию, необходимую, чтобы прийти к решениям о глобальной максимизации, однако они могут совершать рациональные выборы

в рамках определенного числа ограниченных возможностей. То есть понятие максимизации (*maximizing*) он заменяет понятием удовлетворения (*satisficing*), что отсылает к своего рода рациональности средней дальности: нельзя быть радикально рациональным, люди пытаются достичь не максимума, а разумных оптимумов или приемлемых минимумов, а поскольку у них нет полной информации или же нет времени, чтобы ее проанализировать, они удовлетворяются ограничением ущерба. Здесь можно встретить понятие благоразумия (аристотелевское понятие φρόνησις — *phronēsis*³⁰ — переводят «благоразумием», *prudence*), но на этот раз в наивном смысле: не имея всей информации, необходимой для совершенно рационального выбора, люди предохраняются, ограждают себя от неопределенности.

Эта философия, которую я только что изложил, является совершенно негативной, поскольку она не отсылает к факту обучения агентов. По сути, Саймон пытается спасти парадигму рационального действия и сохраняет ее фундаментальные предпосылки. Он предполагает, что агенты пытаются максимизировать, но, за неимением лучшего, соглашаются, как говорят экономисты, на *second best*, компромиссный вариант, состоящий в ограничении убытков. В действительности все происходит совсем не так, и Саймон не выходит из оппозиции, в которой застряли экономисты и которая пронизывает тексты таких авторов, как Эльстер. На это понадобилось бы много времени, но мне было бы интерес-

30. «Фронесис» определяется у Аристотеля так: «Рассудительным кажется тот, кто способен принимать верные решения в связи с благом и пользой для него самого, однако не в частности — например, что [полезно] для здоровья, для крепости тела, — но в целом: какие [вещи являются благами] для хорошей жизни» (*Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 178*).

но прочитайте вам три страницы Эльстера, показав, как при переходе от одного предложения к другому, а иногда даже и в пределах одного предложения финалистская трактовка меняется на механицистскую. Эти постоянные переходы от финалистской философии к механицистской совершаются на уровне предлогов (финалист говорит «ради», а механицист «по причине»), то есть сущих пустяков.

Я очень быстро объясню, почему экономисты, сторонники RAT, постоянно балансируют между двух этих философий. С одной стороны, финалистская философия рассматривает агента в качестве чистого сознания, действующего со знанием дела (это выражение очень удачно и при этом оно вполне картезианское), по плану или проекту. Причина, основание действия — это разумный довод, то есть рациональное решение, детерминированное рациональной оценкой шансов. Такая философия неявно предполагается в большинстве работ экономистов, но также в некоторых исследованиях социологов. Я могу отослать вас к тексту «Понимать» в последней части «Нищеты мира»³¹, где анализирую проблемы метода, которые ставит интервью и, в частности, философия действия, предполагаемая в некоторых ситуациях простым фактом произнесения слова «почему». Например, в некоторых условиях спросить «вы безработный, но почему?» — это уже привнесение финалистской философии: неявно предполагается, что у того, кто сделал то, что он сделал, были конкретные разумные причины и что он сделал это на основе обдуманного выбора. С другой стороны, каузалистская или механицистская философия описывает действия в качестве мгновенных механических реакций на внешние стимулы: индивид — это просто физическая частица, которая реагирует в некотором поле сил.

31. Bourdieu P. Comprendre // Bourdieu P. La Misère du monde. P. 1389–1447.

Может показаться, что есть радикальное противоречие между механизмом, который вроде бы уничтожает свободу, и финализмом, который открыто обращается к свободе или разуму, однако, как я уже указал, используя выражение «со знанием дела [cause]», две позиции на самом деле полностью совпадают³²: социальные агенты действуют со знанием дела, то есть на основе решения, принятого на основе совершенного знания причин. Поскольку я сам доказывать это не буду, то просто процитирую одного очень проницательного экономиста, Брайана Лоусби: «Если знания совершенны и логика выбора полна и обязательна, выбор исчезает [П. Бурдьё предлагает другую формулировку: если я действую со знанием дела, если я полностью владею ситуацией, выбор исчезает]; не остается ничего кроме реакции по типу стимул-ответ. [...] Если же выбор реален [П. Бурдьё предлагает другую формулировку: если действительно есть возможность выбора], будущее уже не является достоверным, а если будущее достоверно, выбора быть не может»³³. Это все несколько прямолинейно, эта философия экономиста несколько спешит с проблемой контингентных будущих³⁴, и Вийемен бы содрогнулся

32. Развитие этого момента см. в лекции от 2 ноября 1982 года в курсе: Bourdieu P. Sociologie générale. Vol. 1. P. 297–338.

33. «If knowledge is perfect, and the logic of choice complete and compelling, then choice disappears; nothing is left but stimulus and response. [...] If choice is real, the future cannot be certain; if the future is certain, there can be no choice» (Loasby B. J. Choice, Complexity and Ignorance: An Enquiry into Economic Theory and the Practice of Decision-Making. New York: Cambridge University Press, 1976. P. 5).

34. «Контингентные» будущие отличаются от необходимых тем, что они могут произойти, но также и не произойти: «завтра морское сражение необходимо будет или не будет, но это не значит, что завтра морское сражение необходимо будет или что оно необходимо не произойдет; необходимо только то, что оно произойдет или не произойдет» (Аристотель. Об истолковании // Аристотель. Сочинения в четырех томах. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 102).

(отошлю вас к его книге «Необходимость и контингентность», в которой он подробно разбирает эту проблему контингентных будущих³⁵), но думаю (поскольку здесь я не могу привести полного доказательства, вы должны поверить мне на слово), что, когда предпочтения полностью даны сознанию, полностью осознающему все исходные данные и результаты действия, выбор исчезает. Понятие габитуса уходит от этой оппозиции и позволяет рассмотреть то, что большинство своих экономических решений (и решений вообще) мы принимаем инстинктивно, следуя чувству игры. Практический смысл приспособлен к ситуациям, в которых информация ограничена. Иначе говоря, в случае неопределенных ситуаций, которые описывает Саймон, мы обычно строим экстраполяции на основе предшествующего опыта, что дает возможность среагировать на ситуацию, основываясь на практических телесных схемах, позволяющих импровизировать ответы в сложной ситуации.

Это могло бы завести нас в достаточно сложные рассуждения, но здесь следовало бы показать разницу между этим практическим смыслом и ученым знанием, которое может использовать, к примеру, вычислитель. В своих знаменитых исследованиях психологи Адам Тверски и Даниэль Канеман занимались так называемой эвристикой решений³⁶. Они попытались систематически, в лабораторной ситуации измерить способность социальных агентов давать ответы на проблемы неопределенности, риска и т. д. Задавая вопросы, связанные с задачами на вероятности («У вас кость с шестью граня-

35. *Vuillemin J.* Nécessité ou contingence. L'aporie de Diodore et les systèmes philosophiques. Paris: Minuit, 1984.

36. Наиболее известная статья, ставшая результатом этих исследований, проводившихся в основном в 1970-е гг.: *Kahneman D., Tversky A.* Judgement under uncertainty: Heuristics and biases // *Science*. 1974. Vol. 185. No. 4157. P. 1124–1131.

ми, каковы ваши шансы выбросить одно очко?), а также с более сложными задачами, они показали, что агенты существенно ошибаются при оценке своих реальных шансов (наивная, но важная реакция состояла бы в замечании, что, если бы это было не так, не нужно было бы изобретать исчисление вероятностей). В лабораторной ситуации у агентов возникают серьезные затруднения при попытке ответить путем расчета на задачи, связанные с неопределенностью, но в реальной ситуации они могли бы дать реакции, адаптированные в силу переноса габитуса. Взять следующую задачу: «Вы на пешеходном переходе, в 50 метрах от вас машина, которая приближается к вам со скоростью 60 км/ч, вы идете со скоростью 3 км/ч, каковы ваши шансы успеть миновать переход, прежде чем вас раздавит автомобиль?» — таких задач мы встречаем по десятку за день и отвечаем на них благодаря габитусу. То есть не нужно видеть в них задачи, которые невозможно решить... Собственно, в жизни это вообще не задача (в том смысле, в каком задача или проблема — *problème*³⁷ — предполагает субъект и объект, что является отдельной философской темой), то есть мы сталкиваемся со сложными ситуациями, в которых нужно дать ответ (как ответить на теннисном матче — ударом справа или слева?). Ситуации такого рода требуют мгновенных реакций, основанных на практическом переносе прошлого опыта. Если же ставить практические вопросы в форме задач как философских проблем, и правда выясняется, что по статистике агенты неспособны решить их, если только они не математики или не специалисты по логике. Однако у них есть практический эквивалент логического решения этих задач. Когда на нас несется машина, у нас есть практическое чувство дистанции: есть у меня

37. Греческое слово «*problème*» (πρόβλημα) означает буквально «брошенное вперед», «то, что перед собой».

время перейти, задавит меня или нет, смогу ли я перебежать?

Практический смысл — это расчет без расчета, чувство игры, которое позволяет выпутываться как в физическом мире, так и в экономическом. Социоэкономисты Джордж Катона и Эва Мюллер³⁸ провели эмпирические исследования того, как экономические агенты принимают свои экономические решения. Я мог бы привести и другие работы: например, Роберт Фербер³⁹ провел исследование способов покупки автомобилей. Такие исследования в целом приходят к общему выводу, утверждающему, что экономические решения, касающиеся покупки повседневных благ, а также важные решения (покупка дома или автомобиля) очень редко бывают результатом рационального рассуждения, расчета, оценки, которая бы учитывала все параметры («Компенсируется ли время, которое я трачу на покупку бензина в супермаркете, скидкой, которая у меня получается, если я покупаю его в супермаркете, а не на соседней заправке?»). Эмпирические исследования, которые удалось провести, показывают, что экономические агенты никогда не рассуждают подобным образом, а если и рассуждают, то только в виде исключения. Так, решения о покупке дома, которые порой становятся обязательством на тридцать лет, принимаются на основе переноса убеждений⁴⁰. Например, люди основываются на советах и на прецедентах друзей и родственников («У меня такой дом, все

38. *Katona G., Mueller E.* A study of purchase decisions // L. H. Clark (ed.). *Consumer Behavior: The Dynamics of Consumer Reaction*. New York: New York University, 1955. P. 30–87.

39. См., в частности: *Ferber R.* The role of planning in consumer purchases of durable goods // *The American Economic Review*. 1954. Vol. 44. No. 5. P. 854–874.

40. *Bourdieu P., Saint Martin M. de.* Le sens de la propriété. La genèse sociale des systèmes de préférences // *Actes de la recherche en sciences sociales*. 1990. No. 81. P. 52–64.

отлично»). Предрасположенности габитуса, выбор собственного дома, а не съемного — все это распределяется не случайно, а сообразно социальным классам. Такие предрасположенности определяют основные принципы выбора, а внутри этих категорий, как только принято «решение» купить дом, а не снимать, начинают действовать всевозможные факторы, которые не имеют ничего общего с расчетом, например знакомство с тем, у кого есть та же самая вещь.

Иллюзия целенаправленности

К сожалению, я должен двигаться очень быстро... Экономические расчеты практического смысла — это расчеты без вычислителя, однако это адаптированные расчеты, что создает видимость целенаправленной рациональности. Это парадокс, но, хотя экономические агенты не подсчитывают, *все происходит так, словно бы* они делали это; даже если бы они подсчитывали, то не добились бы лучших результатов. («Все происходит так, словно бы» — это выражение играет ключевую роль в разрыве со *scholastic fallacy*. К сожалению, читатели забывают о нем, пропускают выражение «все происходит так, словно бы». Точно так же выражение «стремится к» составляет разницу между механической корреляцией и статистической, однако читатели говорят: «Он повторяется, постоянно говорит „стремится к“». Множество тонкостей строгой терминологии ускользает от читателей, особенно от философов, которые спешат все раскритиковать, чем поддерживается редуктивный и механистический подход философии, выстраиваемой как антитеза механизма).

Такое поведение парадоксальным образом приспособлено к среде, хотя это приспособление и не было задачей поиска. То есть оно выглядит

как целенаправленное поведение, тогда как на самом деле в габитусе есть что-то от инстинкта. Тот, кто был подчинен условиям и детерминациям, совпадающим с условиями, в которых он реализует свои, приобретенные таким образом предрасположенности, чувствует себя как рыба в воде в том социальном универсуме, в который погружен. Он спонтанно делает то, чего требует ситуация, у него есть чувство игры. Эта иллюзия целенаправленности возникает, следовательно, из-за того, что социальные агенты часто являются продуктом условий, в которых они реализуют предрасположенности, произведенные этими условиями. Предположим, к примеру, что в чрезвычайно стабильном обществе живет крестьянин, который никогда не покидал своей деревни. Поскольку объективные условия не менялись сколько-нибудь заметным образом с его детства и до зрелого возраста, ему достаточно дать ход этим приобретенным предрасположенностям, чтобы быть полностью подстроенным под мир, не испытывая ни кризиса, ни конфликтов. Во многих случаях габитусы дублируют объективные условия, однако это не всегда так. Предположим, что мир радикально изменился, и тогда мы будем наблюдать то, что я называю «эффектом Дон Кихота»⁴¹: Дон Кихот считает, что живет в рыцарские времена, тогда как на самом деле это уже другой универсум, и его предрасположенности будут в нем контрпродуктивными. Финалистская иллюзия действует, следовательно, только в случае постоянства мира. В других случаях она не действует, и случаи расхождения показывают полезность понятия габитуса.

Тем не менее в случае постоянства тоже нужно говорить о габитусе, даже если объяснение через габитус дублирует объяснение через условия.

41. Об «эффекте Дон Кихота» см.: *Bourdieu P. Sociologie générale. Vol. 1. P. 381; Vol. 2. P. 467.*

Не важно, что именно сказать — что агент действует так, как он действует, поскольку его заставляют так действовать объективные условия, или же что он действует так, поскольку его заставляет габитус, являющийся продуктом этих объективных условий. По сути, более всего габитус невидим именно в том случае, когда он выполняется в полной мере, когда он крутится сам по себе. Габитус отличается постоянством, он длителен, что способствует утверждению иллюзии постоянства вкусов, к которой склонны неомаржиналисты. Одна из причин, по которым габитусы постоянны, состоит в том, что они являются принципом отбора новых детерминаций, способных на них же повлиять. Тем самым они становятся следствием самоукрепления. Я использую термин «гистерезис габитуса» (это понятие очень любят экономисты⁴²) для обозначения тенденции габитусов (составляющей часть самого их определения...) сохраняться и за пределами условий их образования. В определенных ситуациях — это, собственно, и есть одно из следствий старения — габитусы продолжают отсылать к ситуациям, в каком-то смысле воображаемым, которых больше нет. Габитус отвечает не на ситуацию, как она есть теперь, а на ситуацию, в которой он был создан. Так, когда отец отказывает сыну в автомобиле («Знаешь, это невозможно, в твоем возрасте нельзя иметь машину»), причина в том, что он забыл, что статистика распределения автомобилей по возрастным группам совершенно изменилась, и то, что в его времена было чем-то

42. Термин «гистерезис» (от греческого глагола, означающего «опаздывать») означает феномен, сохраняющийся, когда его причина исчезла. П. Бурдьё использует его, в частности, в своей работе: *Bourdieu P. La Distinction*. P. 158, *passim*. Также это понятие используется физиками и экономистами (последние, к примеру, используют его в анализе потребления домохозяйств, которое не подстраивается моментально под уровень доходов).

необыкновенным, стало тривиальным, банальным и привычным. Определенная форма «эффекта Дон Кихота» состоит в эффекте гистерезиса габитусов и в расфазировке, связанной с расхождением между условиями, в которых люди были сформированы, и условиями, в которых они используют произведенные таким образом предрасположенности.

Другой момент: габитусы в общем и целом подстроены под объективные условия (спасибо, что дали мне еще четверть часа, иначе бы мне пришлось туго и я не довел бы до конца доказательства). Если не считать исключений и перемен, они обычно подогнаны под реальность. Полезность понятия габитуса стала для меня парадоксально ясной в ситуации, в которой проблема заключалась в том, что у людей не было габитуса, затребованного полем, в котором они оказались. Собственно, я стал использовать это понятие для того, чтобы понять проблемы, с которыми в Алжире сталкивались социальные агенты, габитусы которых были образованы в докапиталистических обществах, тогда как они попали в капиталистическую игру, в которой нужно было подсчитывать, экономить и т. д.⁴³ Это расхождение показало необходимость понятия габитуса. Габитус также помогает, к примеру, понять университетскую систему⁴⁴. В хорошо настроенном университетском мире, мире почти полного воспроизводства, учителя воспроизводятся, чаще безо всяких проблем, в учениках. В этом случае настройка габитуса на ситуацию настолько полна, что у понятия габитуса просто мало шансов проявиться. Иным образом складывается ситуация во время таких кризисов, как, например, 1968 год. (Я говорю это, поскольку это непросто. Вы можете

43. См.: Bourdieu P., Darbel A., Rivet J.-C., Seibel C. Travail et travailleurs en Algérie; Bourdieu P. Algérie 60.

44. См. сравнение со «старыми кабилами» в: Бурдьё П. Homo academicus. С. 351.

подумать: «Да, мы согласны, у людей есть привычки», но я хотел бы попытаться внушить вам, что это не так банально, как кажется.) В такой ситуации, как 1968 год, мне встречались знаменитые старые профессора, например в этом институте [Колледж де Франс], которые сдавались подобно старым кабилам, говорившим: «Нет, это невозможно, молодежь ныне пашет, не поворачиваясь лицом на восток...» (Больше всего на первобытные общества похожа университетская система, которая хорошо себя воспроизводит...) Габитусы могут, следовательно, сбиваться неожиданными ситуациями, которые опровергают надежды и ожидания. Мир становится другим, не тем, чем он должен быть. Когда социальный агент говорит: «Все пропало», он говорит, что мир не отвечает больше его ожиданиям; значит, эти ожидания суть продукт другого состояния мира. В этих сбившихся мирах отношение между габитусом и объективными условиями переворачивается, и тогда людям приходится отвечать на миры, которые сами им больше не отвечают.

Ожидания габитуса — это, очевидно, практические ожидания. Здесь следовало бы многое сказать о теории рациональных ожиданий⁴⁵, которая стала новым толчком для экономической теории. Она меня очень заинтересовала, поскольку я тоже работал с ожиданиями. Я предполагал, что благодаря габитусам у агентов есть ожидания, подогнанные под объективные шансы. Теоретики рациональных ожиданий выдвигают ту же самую гипотезу и говорят, что экономические агенты способны предвосхищать будущее, если они рациональны; то есть экономическую теорию их практик можно построить потому, что у них есть способность рационально предвосхищать будущее. Тогда как ожидания, о которых говорю я, являются не рациональными ожиданиями, основанными на расчете, а разумны-

45. См. лекцию от 3 июня 1993 года.

ми ожиданиями, основанными на своего рода квазиинстинкте, которым и является габитус. Я понимаю слово «ожидание» или «предсказание» в том смысле, в каком его используют в спорте («Он чувствует, что будет дальше»): речь о почти что телесных движениях, которые позволяют двигаться в направлении будущего, которое представляется, не будучи заданным в качестве такового в предварительном проекте. Эти разумные ожидания возможны, поскольку экономический мир разумен. Чтобы разумные ожидания могли сложиться, необходимо, чтобы в экономическом мире были объективные закономерности, так что ожидания являются инкорпорированным продуктом объективных закономерностей мира, позволяющим ориентироваться в нем. Наконец, понимание, достигаемое благодаря габитусу, — это факт ориентации в мире, в котором ты был сформирован.

Здесь следовало бы все это развить: логика габитуса — это логика потенциальностей. Кто-то из схоластов, возможно Фома Аквинский, говорит где-то, что габитус — это *esse in futuro*. Удивительно, что этот габитус, который является приобретенной предрасположенностью, продуктом прошлого (габитус у меня есть только потому, что я был социализирован, обусловлен и т. д.), требует лишь собственного увековечивания. Он постоянно продлевается в будущее и постоянно выдвигает гипотезу о постоянстве мира. Вот почему он укореняется, когда предсказывает неизменный мир, а если мир изменился, тогда он приводит к рассогласованию, несвоевременности, но это я обсуждать не буду...

Третья оппозиция: микро и макро

Я попытался показать, что понятие габитуса позволяет преодолеть сначала оппозицию индивидуального и коллективного, а потом и оппозицию механицизма и финализма, детерминизма и свобо-

ды. Теперь же я хотел бы вкратце показать, как оно позволяет преодолеть оппозицию микро и макро (именно в этом лучше всего, по-моему, проявляется его преимущество). Поскольку здесь потребовался бы очень длинный анализ, попробую дать совсем короткое резюме. Ряд экономистов, чтобы выйти из упомянутых мной затруднений, обращаются к понятию репрезентативного индивида. Они думают, что можно выдвинуть гипотезу, согласно которой основанием всех экономических действий, итоговый результат которых в общем и целом рационален, является репрезентативный индивид, действия которого были бы в каком-то смысле агрегированным результатом всех индивидуальных действий. Проблема агрегации, являющаяся сложной и, главное, теоретически трудной математической проблемой, играет тут главную роль. Можно ли перейти безо всякого качественного изменения от микромоделей, которые в экономике и социологии создаются на базе изолированного индивида (например, рационального вычислителя), к макромоделям, работающим для всего общества в целом, так что субъектом экономических действий стал бы этот метаагент, выступающий своего рода суммой всех индивидуальных агентов?

Мне очень помогла одна замечательная работа — статья Алена П. Кирмана «Гипотеза „репрезентативного индивида“: критический анализ»⁴⁶, вышедшая в журнале «Экономические проблемы». Автор показывает, что, как ни парадоксально, больше всего математических проблем возникает тогда, когда предполагается тождество агентов. Согласно

46. Kirman A. P. L'hypothèse de l'individu "représentatif", une analyse critique // Problèmes économiques. 1993. No. 2325. P. 5–141. Это перевод значительной части статьи: Kirman A. P. Whom or what does the representative individual represent? // Journal of Economic Perspectives. 1992. Vol. 6. No. 2. P. 117–136.

недавним работам по математической экономике, эти математические сложности снижаются и упрощаются, если предположить, что индивиды различны и что они тем или иным образом распределены. Внутренняя критика представлений о рассчитываемом индивиде и агрегации, которые составляют центр современной философии экономики, приводит, таким образом, к противоречиям, выйти из которых можно лишь путем, очень близким к тому, что я здесь предлагаю: модель, которую нужно построить, чтобы учесть «рациональность» (то есть тот факт, что экономический мир относительно рационален), должна учитывать взаимодействие гетерогенных индивидов с расходящимися интересами, индивидов (добавлю я от себя), настроенных на разные возможности.

Забыл сказать об одной важной вещи: один из антропологических постулатов, на которые опирается теория габитуса, состоит в том, что социальные агенты не безумны; если не брать исключений (которые составляют определенную проблему), у них обычно такие надежды, ожидания и предвосхищения, которые в общем и целом сообразны их возможностям удовлетворить их. То есть мы отправляемся от идеи, что существует такая настройка. Вопреки обыденной интуиции, особенно моральному негодованию, акцентирующему прямо противоположное («Люди сошли с ума, они покупают то, что им не по карману», «Молодежь сегодня...» и т. д.), научный анализ показывает, что эта подстройка надежд под возможности — гораздо более распространенное явление, чем можно подумать. По сути, понятие габитуса учитывает этот постулат, который помогает понять многие вещи: люди постепенно интериоризировали (а не просто «приняли», что является финалистским термином) объективные возможности, они подстроились под них и соответствуют им (но поскольку социальные агенты разные, они соответствуют разным ситуациям...).

Резюмирую, чтобы не тратить слишком много времени. Одна из сил предлагаемой мной теории в том, что она учитывает ошибку противоположной теории и ее кажущуюся истинность, что является примером правильной научной войны. Она на самом деле позволяет понять, что математические модели, которые строятся на основе гипотезы рациональности, не являются абсолютно ложными: поскольку у экономических агентов есть габитусы, то есть ожидания, подстроенные под их возможности, их потребительское поведение не является совершенно независимым от их доходов. У них есть разумные стремления, которые часто дублируются коллективным контролем. Этого я не смогу здесь развить: субъектом экономических действий редко является индивид. Это относится, например, к уровню домохозяйства: решения о покупке дома — это сложные коллективные решения, которые часто охватывают три поколения. Еще больше это относится к коллективным решениям той или иной фирмы, и здесь я отчасти отвечаю на вопрос, который мне задали: являются ли сами фирмы полями, где сталкиваются люди с противоположными габитусами, раз решения, принимаемые в этом процессе, оказываются столь сложными?

Во-первых, у людей есть габитусы, более или менее настроенные, порождающие разумные стремления и контролирующиеся коллективной властью групп, внутри которых осуществляются решения, поскольку сами эти группы подчинены инкорпорированным и внешним ограничениям. Во-вторых, в силу гетерогенности условий жизни предрасположенности сами являются гетерогенными. В то же время они стремятся по-разному подстраиваться под разные условия жизни. Рациональная настройка, наблюдаемая на глобальном уровне, не является результатом агрегации. На самом деле, понятие агрегации кажется мне чрезвычайно опасным: итоговые результаты всех индивидуальных дей-

ствий не складываются в соответствии с логикой агрегации. Достаточно вспомнить о том, что я говорил об относительных весах разных фирм в том или ином поле: итог действий агентов или фирм в определенном поле не представляет собой агрегацию систем предпочтений разных агентов, поскольку существуют силовые отношения и агенты, которые задают общее направление, тон и т. д. Короче говоря, агенты действительно кажутся рациональными, и можно, конечно, строить модели на базе рациональности, не впадая в полный абсурд, но причина именно в том, что агрегированные полезности рассматриваемых рынков (если пользоваться языком экономистов) были в значительной мере сформированы — как на индивидуальном уровне, так и на коллективном — силами рынка, то есть силами самого поля. Точно так же можно отказаться от мифа суверенного агента, свойственного картезианской экономической телеологии, не отказываясь от рациональности.

Итак, чтобы закончить парой слов (следовало бы также проанализировать диалектику габитуса и поля, но у меня на это нет времени), нужно было бы выписать философские следствия того, что было здесь сказано. Удивительно то, что к понятию габитуса — или какому-то его эквиваленту — часто приближались скорее консервативные мыслители, например английский мыслитель, которого вы, возможно, не знаете, — Оукшотт⁴⁷, или же Хайдеггер, некоторые рассуждения которого сближаются с теми, что я предложил в связи с понятием габитуса⁴⁸. Эти теории практической логики разрабатывались как противовес рациона-

47. *Oakeshott M. Rationalism in Politics and Other Essays. London: Methuen & Co, 1967; Оукшотт М. Рационализм в политике и другие статьи. М.: Идея-Пресс, 2002.*

48. Развитие этого и следующего момента см. в: *Bourdieu P. Sociologie générale. Vol. 2. P. 992–993.*

лизму людьми, которые занимали сторону традиции, неявной передачи, того, что передается помимо разума (рассказать об этом вкратце сложно...). Философия, имманентная этой антропологии габитуса, не является какой-то антирационалистической альтернативой, скорее это своего рода расширенный рационализм. В действительности вся моя программа состоит в том, чтобы дать рациональное основание ограниченному разуму, но не в смысле Саймона, а в смысле реалистического разума, антропологически подтвержденного, то есть немного разочаровывающего. Задача в том, чтобы предложить теорию нечеткости, которая сама не была бы нечеткой, теорию ограниченного разума, которая не будет ограничена разумом. Это крайне сложная позиция, тем более что я не питаю никакой теоретической или политической симпатии к авторам, которые, если и не вдохновили меня, то, по крайней мере, успокоили и послужили мне своего рода порукой.

Значение курса о «социальных основаниях экономического действия» в творчестве Пьера Бурдьё

Жюльен Дюваль

КУРС, прочитанный Пьером Бурдьё в 1992–1993 учебном году под названием «Социальные основания экономического действия», может показаться своеобразной передышкой в лекционных курсах, ранее посвящавшихся сложным темам и занимавших по несколько лет. Собственно, Бурдьё, избранный профессором Коллеж де Франс в 1982 году, в течение первых пяти лет читал курс по «общей социологии», в котором по большей части излагались теоретические основания его социологии, а особенно пристальное внимание уделялось понятиям габитуса, капитала и поля¹. После небольшого перерыва в преподавании он посвятил следующие пять лет вопросу государства, который понимался им в качестве своего рода точки фокусировки его исследований символической борьбы, местом которой выступает социальный мир. Поскольку в государстве он видел особенно сложный вопрос, то сначала подошел к нему косвенно, через право, и только потом взялся за него непосредственно, рассмотрев в 1989–1992 гг. генезис государства и обсудив значимые теории государства, предложенные в социальных науках².

В период 1993–1994 и 1997–1998 гг. в Коллеж де Франс проводили капитальный ремонт, поэтому Бурдьё, как и другие профессора, должен был

1. Bourdieu P. Sociologie générale.

2. Бурдьё П. О государстве.

перенести свои курсы в провинциальные или зарубежные университеты: свои исследования он представит в форме лекций, прочитанных студентам факультетов Лиона, Страсбурга, Амьена, Руана, а также Фрейбурга и Афин, на них он будет в основном рассматривать культурные поля и господство³. После того как в 1998 году Коллеж де Франс снова открылся, Бурдьё посвятил два года символической революции, осуществленной Мане⁴. Последний год преподавательской деятельности (2000–2001 гг.) станет своего рода общим заключением. Бурдьё будет показывать, что только анализ научного поля позволяет понять парадокс, в силу которого социально детерминированные индивиды, защищающие системы интересов, зачастую эгоистических, могут все-таки производить знания универсальной значимости. Этот учебный год завершится наброском социоанализа: Бурдьё применит свою теорию к самому себе, предложив, таким образом, окончательное доказательство плодотворности своей социологии⁵.

Во многих отношениях курс об экономике вписывается в два больших цикла, которые ему предшествовали. Одна из основных линий состоит в критике теории рационального действия, которая, хотя и не составляла тогда центр его рассуждений, несколько раз все же всплывала в курсе по общей социологии: например, Бурдьё по разным поводам указывал на то, что господствующая экономическая теория скрывает те же ограничения, что и «ультрасубъективизм» Сартра, который он долго и внимательно разбирал. Точно так же

3. Курсы будут носить следующие названия: «Экономика символических благ» (1993–1994), «Некоторые качества полей культурного производства» (1995–1996), «Резоны и истории» (1996–1997), «Господство» (1997–1998) (в 1994–1995 гг. курс лекций не читался).

4. Bourdieu P. Manet. Une révolution symbolique.

5. Bourdieu P. Science de la science et réflexivité.

он привлек внимание к колебанию теоретиков рационального действия между механистической философией и финалистской, которые в данном случае оказались эквивалентными и которые как раз и можно было преодолеть благодаря понятию габитуса⁶. В курсе об экономике также можно услышать отклик тех пяти лет, что были посвящены государству. Социолог понимает государство в качестве центрального экономического института, так что, не считая возможным анализировать «рынок» в качестве естественного продукта, как его представляют либеральные экономисты, он говорит о «социальном артефакте, в значительной мере сконструированном государством» и подчеркивает ту многообразную роль, которую государство играет в его функционировании: поддерживает доверие к экономике, регулирует рынки, способствует созданию спроса и предложения и т. д.

В курсе ставится задача критически обсудить экономику как науку и ее основания, а также представить систематическую альтернативу «неомаржиналистской парадигме, представляющей себя как нечто чрезвычайно систематичное и не скрывающей своей поразительной империалистической заносчивости» (17 июня 1993 г.)⁷. Для Бурдьё курс стал поводом вернуться к деталям различных исследований, которые на разных этапах его траектории сталкивали его с «экономическими» вопросами, и развить ту линию, которая, хотя и была несколько оттеснена исследованиями культурного капитала и культурных

6. См., в частности: *Bourdieu P. Sociologie générale. Vol. 2. P. 915–916.*

7. В этом смысле данный курс выступает моментом в дискуссиях с другими дисциплинами (философией, историей, а также правом в 1987–1988 гг. и историей искусства в курсе о Мане), которые Бурдьё предлагал вести во всех своих работах и особенно в курсах, читавшихся в Коллеж де Франс, то есть институте, девиз которого — *Docet omnia* («Учит всему»).

практик, присутствовала с самых первых его работ, проведенных в Алжире, ведь эти работы, опубликованные в 1977 году⁸, были посвящены именно экономическому поведению. Затем у него были возможности заниматься практиками потребления и исследованием предпринимателей, а за несколько лет до этого курса он провел важное исследование рынка односемейного дома, которое было отражено в специальном номере журнала *Actes de la recherche en sciences sociales* (No. 81–82, mars 1990). Для более полного позиционирования этого курса следует также, помимо идеологической ситуации эпохи, напомнить и о том моменте в траектории самого П. Бурдьё, которому этот курс соответствует. Курс, начавшийся 1 апреля 1993 года, определяется в том числе тем, что он читается вскоре после выхода двух важных книг: «Правил искусства» (вышли в сентябре 1992 года), которые Бурдьё намеревался развить впоследствии в работу о теории полей, которая не сможет игнорировать экономическое поле; и «Нищеты мира» (опубликована в феврале 1993 года), где содержится неявная критика экономического неолиберализма и его социологического двойника, методологического индивидуализма.

Бурдьё не скрывает того, что, посвящая курс «социальным основаниям экономического действия», он бросает самому себе своеобразный вызов, взяв на себя обязательство подвергнуть работы экономистов более обстоятельному анализу. В его курсах никогда не ставилось задачи излагать завершённые исследования в соответствии с заранее подготовленным планом, в котором все было бы продумано и предрешено; скорее, он делал из них повод мыс-

8. Bourdieu P. Algérie 60. (В этой книге воспроизводится примерно тот же текст, что был первоначально опубликован в 1966 году: Bourdieu P. Le Désenchantement du monde // Travail et travailleurs en Algérie, Paris: Centre de sociologie européenne, 1966.)

лить на публике и развивать свои актуальные исследования. Вот почему он сразу же предупреждает собравшуюся аудиторию: «На этот год я предложил тему, в общем-то безмерную», а потом добавляет: «Хочу сразу указать на границы своих планов. Я, конечно, не собираюсь заниматься критикой экономики, то есть речь не об одной из тех несколько претенциозных атак, у которых нет основания, помимо невежества» (1 апреля 1993 г.).

От кабийского дома до рынка домов

Для Бурдьё этот курс — прежде всего способ пересмотреть все свои исследования, касавшиеся экономики. Его размышления об экономике, хотя они начались давно и были связаны с разными поводами, к началу 1990-х гг. не были самым заметным аспектом его творчества. На самом деле в Бурдьё чаще всего видят изобретателя понятия культурного капитала. Его работы, наиболее известные «образованной публике», а также наиболее обсуждаемые конкурентами из числа социологов, — это, с одной стороны, книги, написанные им в соавторстве с Жаном-Клодом Пассроном о системе образования («Наследники» и «Воспроизводство»⁹), а с другой — «Отличие», в котором подчеркивается значение культуры в классовых отношениях. Отмежевываясь от сторонников «освободительной школы», которые в объяснении образовательных успехов ставили на первое место экономический фактор («отбор деньгами»), Бурдьё обращает внимание на ту незаметную, но решающую роль, которую играет культурный капитал. При этом он не от-

9. Bourdieu P., Passeron J.-C. Les Héritiers. Les étudiants et la culture. Paris: Minuit, 1964; Бурдьё П., Пассрон Ж.-К. Воспроизводство: элементы теории системы образования. М.: Просвещение, 2007.

рицал роль экономического фактора (он просто считал его более известным, поскольку он заметнее), но такое впечатление могло сложиться. Также он добавил к своему делу отягчающие, если можно так сказать, обстоятельства, назвав в 1968 году свою исследовательскую группу «Центром социологии образования и культуры», поскольку казалось, что этим названием подчеркивается опять же первенство культурного фактора. Выступая за «единую социальную науку», он при этом всегда характеризовал себя в качестве социолога, оставляющего экономику экономистам. Так, представляя понятие капитала в своем курсе по общей социологии, он почти не рассматривает «экономический капитал», полагая, что «это не [его] задача, не [его] работа, не [его] специальность»¹⁰.

В то же время уже с самых первых своих исследований он практиковал «экономическую социологию», подход, который, хотя и вышел из моды в XX веке, по крайней мере до 1980-х и 1990-х гг. играл важную роль в основополагающих для дисциплины работах, в первую очередь в социологии Дюркгейма или же Макса Вебера¹¹. Когда по завершении своей воинской службы в Алжире он принял решение остаться в стране, хотя первоначально намеревался вернуться во Францию, чтобы писать диссертацию по философии под руководством Жоржа Кангийема, одно из исследований, в которых он участвует, посвящено занятости¹².

10. Bourdieu P. Sociologie générale. Vol. 2. P. 246.

11. См. в особенности: Gislain J.-J., Steiner P. La Sociologie économique (1890–1920). Paris: PUF, 1995. Обзор работ Пьера Бурдьё, посвященных экономике, см. в: Garcia-Parpet M.-F. Marché, rationalité et faits sociaux totaux: Pierre Bourdieu et l'économie // Revue française de socio-économie. 2014. No. 13. P. 107–127.

12. Об условиях, в которых Пьер Бурдьё стал участвовать в этих исследованиях, и в целом об алжирском периоде его творчества см.: Perez A. Faire de la politique avec la sociolo-

Это коллективное исследование, проведенное Статистической службой Алжира вместе со специалистами из *Insee*, будет не раз использоваться в курсе 1993 года. Дело в том, что оно позволило ему задать линию размышлений, отправная точка которой обнаруживается в анкетах, применявшихся статистиками в Алжире, которые использовали те же понятия и категории (например, понятие «безработицы»), что и во Франции, словно бы они были универсально значимыми. Бурдьё обратил особое внимание на то, что, несмотря на практики, бесцеремонно навязываемые колониальными властями, алжирское общество оставалось проникнутым докапиталистическим модусом мышления, в котором труд, к примеру, — это обязанность, которую индивид должен выполнять по отношению к своей референтной группе, независимо от материального вознаграждения, которое он может из него извлечь. Это исследование «конкретного экономического сознания»¹³ лежит в основании социологии Бурдьё. В анализе «расхождения между конкретными установками и структурами экономики», наблюдаемого социологом у агентов, социализированных в рамках традиционного крестьянского общества и столкнувшихся в силу колонизации с требованиями «современной» экономики, постепенно прорисовывается не что иное, как понятие габитуса, поскольку оно обозначает то, что субъект всегда является субъектом социализированным, а также вопрос об отношении между габитусом и полем.

gie. Abdelmalek Sayad et Pierre Bourdieu dans la guerre d'Algérie. Marseille: Agone, 2018.

13. Цитаты в этом абзаце взяты из введения к статье: *Bourdieu P. La société traditionnelle. Attitude à l'égard du temps et conduites économiques // Sociologie du travail. 1963. No. 1. P. 24–44; переиздано в: Bourdieu P. Esquisses algériennes. Paris: Seuil, 2008. P. 75–98. Этот пассаж фигурирует также в: Bourdieu P., Darbel P., Rivet J.-P., Seibel C. Travail et travailleurs en Algérie. P. 313–316.*

Поскольку у Бурдьё еще не было собственной системы понятий, в публикациях, ставших результатом этого исследования начала 1960-х гг., он опирается на понятия, позаимствованные у других авторов и традиций — это «установки», «поведение», «капиталистическая организация, составляющая, по словам Вебера, огромный космос, существующий до индивидов». Тем не менее эти первые тексты не просто намечают размышления об экономике, которые будут развиты им в курсе 1993 года. Уже в 1963 году Бурдьё критикует склонность экономистов «рассматривать категории экономического сознания, свойственные капиталисту, в качестве своего рода универсальных категорий», опираясь в значительной мере на исследования Макса Вебера, посвященные специфическому историческому характеру «экономической рациональности» и генезису этого «экономического космоса», предполагавшего появление как определенных институтов (банка, кредита, денег, предприятия, отличного от домохозяйства и т. д.), так и новых способов мыслить и действовать. Его решение выбрать в качестве предмета исследования «конкретного экономического субъекта» сопровождается уже вполне эксплицитной критикой «этноцентризма» «экономической теории», которая забывает о том, что «функционирование всякой экономической системы связано с наличием системы, определенной установками по отношению к миру и, говоря точнее, ко времени». Социология Пьера Бурдьё с самого начала включала в себя пунктирное обсуждение экономической науки. Когда же позже укрепилась «теория рационального действия», в силу этого факта социология Бурдьё оказалась лучше вооруженной, чем некоторые социологические программы, развивающиеся параллельно с ней: социология труда или социология организаций были внешне гораздо больше ориентированы на экономику, но не смогли предложить более убедительной трактовки работ экономистов.

Еще одно размышление, мобилизуемое Бурдьё в курсе 1993 года, — то, что он посвятил дару и развил в ходе многочисленных возвращений к своему алжирскому опыту, особенно в «Наброске теории практики» (1972), а затем в «Практическом смысле» (1980). Важным источником в этом плане стал «Опыт о даре», который он считает «одним из величайших текстов антропологической науки» (1 апреля 1993 г.), в котором Марсель Мосс задается вопросом о силах, которые в «так называемых первобытных [или] архаических обществах» управляют обмена́ми, обнаруживающими «добровольный, внешне, так сказать, свободный и безвозмездный и, однако, в то же время принудительный и небескорыстный характер»¹⁴. Бурдьё, обращающийся также к критике, сформулированной Клодом Леви-Строссом во введении к сборнику сочинений Мосса, вышедшему в 1950 году, будет применять ее, чтобы предложить теорию дара, соответствующую его обычному стремлению избежать оппозиций объективизма и субъективизма, структурализма и феноменологической традиции. По его мнению, полное понимание дара должно объединять в себе вклады объективистской интерпретации и исследования туземного опыта: объективно дар является лишь моментом в серии обменов, но он может быть таковым лишь потому, что участвующие в нем переживают его как дар, то есть то, что не требует возврата. В отличие от обмена в капиталистическом обществе, который стремится стать мгновенным, наличным, непосредственным и «выключенным» из социальных отношений, обмен в экономике дара предполагает, что дар и ответный дар разделены определенным временем, что ответный дар не может быть полностью тождественным первичному дару. Задача в том, чтобы скрыть экономический аспект обмена; дар придумывается, чтобы сотворить общество,

14. Мосс М. Опыт о даре. С. 137.

то есть сделать так, чтобы каждый был должником и кредитором всех остальных. Он предполагает возврат, но отсроченный. Бурдье неоднократно подчеркивает роль, которую играет время, задающее дар в качестве дара за счет того, что оно заставляет забыть о том, что он уже был ответом на предшествующий дар и что социальная связь производится не чем иным, как этой реальной циркуляцией даров и ответных даров. Экономика дара парадоксальным образом производит зависимость, поскольку в этой экономике никто не может сказать, что он «никому ничего не должен».

Данный курс стал для Бурдье еще одним поводом вернуться к этим исследованиям, переработав их в некоторых пунктах. Он вносит в них некоторые поправки (например, он полагает, что не подчеркнул в достаточной мере в «Практическом смысле» коллективный характер отрицания, выстраиваемого вокруг дара, — см. лекцию от 8 апреля 1993 г.) и добавляет новые элементы, в частности обсуждение текста Жака Деррида о даре, вышедшего в 1991 году и заставившего Бурдье, как он сам говорит, «найти вещи, которые не были полностью [им] прояснены и которые [он] вынужден был отыскать, отвечая на его анализ». Бурдье сам удивляется тому, сколько времени он посвящает своему «введению о даре» (6 и 13 мая 1993 г.). Дело в том, что в рамках его творчества анализ дара все больше подкреплял далеко идущие размышления об «отрицании экономического интереса» и о противоположности традиционных обществ и дифференцированных. Различие между «экономикой „ты мне — я тебе“» и «экономикой дара» — это одно из проявлений оппозиции «экономической экономики» и «неэкономической экономики», характеризующейся разными формами отрицания.

Хотя в публикациях начала 1960-х гг. уже применялась эта игра слов, с цитатой из Макса Вебера («[...] экономическую историю ряда прошлых эпох

называли „неэкономической историей“»¹⁵), в более полном виде тема раскрывается в 1970-е гг. Когда он в процессе написания «Наброска теории практики» перерабатывает свои алжирские исследования и разрабатывает свою систему понятий, то думает о противопоставлении традиционных обществ и современных в том смысле, в каком они обычно ассоциируются с определенными экономиками, но также со способами господства, различающимися своей объективацией или институционализацией, поскольку наличие «полей» позволяет последним обществам осуществлять накопление «капитала», невозможное в первых. Именно в этой перспективе в статье 1976 года, включенной четырьмя годами позднее в «Практический смысл», он говорит о «по существу двойственной экономике» традиционных обществ, подчеркивая мимоходом, что «неэкономическая экономика» дара, сохраняясь и в наших обществах, находит «излюбленное свое убежище в области искусства и культуры, в месте чистого потребления, [отмеченном] отвержением всех тех отрицаний, которые на самом деле производит экономика»¹⁶.

В этот период он развивает ту же идею в текстах о полях культурного производства: эти универсумы увековечивают «логику докапиталистической экономики». По этой причине «экономика символических благ» бросает «вызов [...] всем видам экономизма», поскольку, как и дар, она «на практике — а не только в представлениях — работает и может работать лишь ценой постоянного коллективного вытеснения собственно „экономического“

15. П. Бурдьё использует эту цитату в: *Bourdieu P. Travail et travailleurs en Algérie*. P. 315, а также в статье: *Bourdieu P. La société traditionnelle // Esquisses algériennes*. P. 75.

16. *Bourdieu P. Les modes de domination // Actes de la recherche en sciences sociales*. 1976. No. 2. P. 122–132. Эти моменты будут рассматриваться также в «Практическом смысле».

интереса и истины практик, которую раскрывает „экономический анализ“»¹⁷. В 1960–1990-х гг. размышления Бурдые о докапиталистической экономике и «революции», предполагаемой развитием западного капитализма, обогащаются все большим числом источников: к исследованиям Макса Вебера (и Вернера Зомбарта — которого он впоследствии будет цитировать реже), используемым с самого начала, постепенно добавляются Марсель Мосс, Карл Поланьи и исследователи, которых он издает в своей серии «*Le sens commun*», в частности Мозес Финли, Альберт Хиршман и Эмиль Бенвенист.

В 1993 году Бурдые в значительной степени опирается на свои алжирские работы, но не меньше использует и исследования, проведенные им во Франции, куда он окончательно вернулся в январе 1960 года. Когда в 1965 году Европейский центр социологии подводит баланс своей деятельности за четыре истекших года, один из трех выделенных разделов получает название «Социология экономического поведения», которая отвечает необходимости изучать в антропологии и социологии «конкретных экономических субъектов», а не «рационального субъекта» экономической науки¹⁸. В этот раздел попали работы Раймона Арона и Жана Кюизенье, в те времена членов этого центра, а также значительная часть работ Бурдые и молодых исследователей из его круга. Люк Болтански и Жан-Клод Шамбордон, работая под его руководством, провели исследование «социологии кредита»¹⁹, в кото-

17. Бурдые П. Производство веры. Вклад в экономику символических благ // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.

18. Le Centre de sociologie européenne 1961–1965, ротапринт, 13 с.

19. Boltanski L., Chamboredon J.-C. La banque et sa clientèle (доклад, распечатано на ротапринте в Centre de sociologie européenne, 1963).

рой в некоторых отношениях развиваются вопросы, поставленные им на алжирском поле²⁰. Сам Бурдьё продолжает, по крайней мере до 1966 года, довольно тесное сотрудничество со статистиками и экономистами из *Insee*, которое, в частности, принимает форму коллоквиума в Аррасе, посвященного изучению одного общего места 1960-х гг., а именно «изменений во французском обществе». В этом контексте Бурдьё интересовался, в частности, вопросами фертильности и распространения потребительских товаров²¹. Тридцать лет спустя в курсе по экономике он будет ссылаться на эти работы.

На протяжении всех 1970-х и 1980-х гг. исследования, проводимые Бурдьё и его командой, по-прежнему касаются экономики, причем число таких работ не ничтожно. В 1974, 1976 и 1978 гг. двухлетние отчеты Центра социологии образования и культуры включают в себя раздел «Социология потребления и образов жизни», который в значительной части соответствует долгосрочной работе, которая приводит к публикации в 1979 году книги «Отличие»²². Фактически, хотя эта работа, конечно, стала результатом размышлений Бурдьё над социальными классами и его исследований культуры, он разрабатывает теорию вкуса, которая смыкается с вопросами экономической социологии. У образовательных стратегий и культурного потребления есть, к примеру, очевидный экономический

20. П. Бурдьё ставил вопрос о кредите в «традиционалистском обществе» еще в 1959 г. См.: *Bourdieu P. Logique interne de la société algérienne originelle // Le Sous-développement en Algérie*. Alger: Secrétariat social, 1959, переиздано в: *Bourdieu P. Esquisses algériennes*. P. 108–110 (раздел о кредите). См. также: *Bourdieu P., Sayad A. Le Déracinement*.

21. См.: *Bourdieu P. Différences et distinctions // Darras. Le Partage des bénéfiques*. P. 117–129; *Bourdieu P., Darbel A. La fin d'un malthusianisme?* P. 135–154.

22. Centre de sociologie de l'éducation et de la culture (доклады о деятельности за июнь 1974 г., июнь 1975 г., июнь 1978 г.).

аспект, и главная гипотеза «Отличия», согласно которой габитус — это порождающий принцип, который задействуется агентами во всех областях своей практики, предполагает, что модель, построенная для культурных практик, приложима и к экономическим в более прямом смысле слова практикам, таким как потребление или сбережение. «Отличие» действительно используется в курсе 1993 года: «По сути, можно сказать, что моя книга „Отличие“, в которой я анализирую социальный узуз товаров различных типов и вкус как социально сформированную систему предпочтений, — это книга об экономике потребления, которая напоминает о том, что всеобщие, внеисторические системы предпочтений, создаваемые экономистами для самих себя, являются чистым вымыслом» (13 мая 1993 г.).

В 1970-е гг. проводится также исследование пространства, образованного двумя сотнями крупнейших французских бизнесменов того времени²³. К этому же можно добавить то, что «Отличие», а до него статья об отношении между «титолом и постом»²⁴ развивают размышления о «рынке труда».

Вопрос о рынке занимает более важное место в 1980-х гг. В 1982 году в отчете о деятельности раздел «Рынок труда, рынок жилья и потребления» объединяет коллективные и индивидуальные работы, проведенные, в частности, Габриэль Балаз, Патриком Шампанем, Жаном-Пьером Фаре и Мишелем Голлаком²⁵. В 1986 году номер *Actes de la recherche en sciences sociales*, посвященный «Социальному конструированию экономики», открывается статьей Мари-Франс Гарсия, демонстрирующей важную

23. Bourdieu P., Saint Martin M. de. Le patronat.

24. Bourdieu P., Boltanski L. Le titre et le poste: rapports entre le système de production et le système de reproduction // Actes de la recherche en sciences sociales. 1975. No. 2. P. 95–107.

25. Centre de sociologie de l'éducation et de la culture. Rapport d'activité. Juin 1982.

инициативу, которая была затребована появлением «совершенного рынка», представляемого экономической наукой в качестве «естественного»²⁶.

В те же самые годы Пьер Бурдьё проводит с другими членами своего центра (Сала Бухеджа, Розин Кристен, Клэр Живри, Моник де Сен Мартен) исследование односемейного дома²⁷. Исследование включает несколько составляющих. Первый, на который Бурдьё часто ссылался в своих лекциях о государстве, относится к жилищной политике, поскольку она является результатом силовых отношений, которые устанавливаются в одном частном секторе административного поля. Другие составляющие, в действительности неотделимые от действия государства, больше связаны с пространством строителей односемейных домов и пространством покупателей, обладающих дифференцированными «предпочтениями».

Возвращение *homo economicus*

Итак, в курсе 1993 года продолжается диалог с экономической наукой, который Бурдьё начал довольно давно, однако этот курс приходится на относительно поздний период его творчества, когда социолог может, в частности, опираться на анализ рынка, предложенный им благодаря исследованию

26. Garcia M.-F. La construction sociale d'un marché parfait. О создании этой статьи, которая стала важным событием, см.: *Ducourant H., Éloire F. Entretien avec Marie-France Garcia-Parpet, autour de la sociologie économique, avec Pierre Bourdieu // Revue française de socio-économie. 2014. No. 13. P. 181–190.*

27. Это исследование становится основой для доклада 1987 года (*Éléments d'une analyse du marché de la maison individuelle. Paris: CNAF/Centre de sociologie européenne, 1987*), а затем для отдельного выпуска *Actes de la recherche en sciences sociales* под названием *L'économie de la maison* (1990. No. 81–82, 1990), статьи из которого переизданы в: *Bourdieu P. Les Structures sociales de l'économie. Op. cit.*

ситуации с односемейным домом. Хотя нет никаких сомнений в том, что главная задача курса (подойти к «проблемам [экономики] в том виде, в каком она ставит их, чтобы попробовать поставить их строже и, быть может, систематичнее» — 1 апреля 1993 г.) отвечает основному исследовательскому интересу Бурдьё, который сформировался у него еще на первых этапах и который он никогда не упускал из виду, было бы сложно абстрагироваться от контекста, в котором этот курс был прочитан. Как отмечает сам социолог, возвращение и закрепление теории рационального действия само по себе определяет «значимость и необходимость осмысления этих проблем». Действительно, хотя Бурдьё опирается, как и в 1960-е гг., на хрестоматийных авторов классической и особенно неоклассической экономики, в период подготовки курса он, очевидно, провел значительную работу, прочитав большой объем литературы, и на разных лекциях приводит много источников, отсылая к экономистам, которые в те времена были как нельзя более современными, причем некоторые из них в 1980-е гг. стали очень заметными фигурами, известность которых не ограничилась миром академической экономики.

Хотя курс и не ставит себе открыто такой цели, он включает в себя набросок социологии экономической науки, который будет развит Бурдьё в следующие годы, когда он посвятит отдельный номер *Actes de la recherche en sciences sociales* теме «Экономика и экономисты» (No. 119, septembre 1997) и публикует книгу Фредерика Лебарона об экономистах в серии *Liber*, основанной в 1997 году в издательстве *Seuil*²⁸. Эта дисциплина анализируется как «опреде-

28. *Lebaron F.* La Croyance économique. Les économistes entre science et politique, Paris: Seuil, 2000. Можно было бы также привести следующие работы: *Dixon K.* Les Évangélistes du marché. Paris: Raisons d'agir, 1998; *Cordonnier L.* Pas de pitié pour les gueux. Paris: Raisons d'agir, 2000.

ленное поле, то есть пространство дискуссий по самим основаниям дисциплины» (27 мая 1993 г.). Она образует дифференцированное и иерархизированное пространство. Господство, которого добился экономический анализ неоклассического, часто крайне математизированного направления, не исключает некоторые формы «гетеродоксии», однако последние всегда определяются своей сугубо подчиненной позицией. В этой связи Бурдьё использует аналогию с Тихо Браге, современником Джордано Бруно и автором невозможного синтеза коперниканских принципов и геоцентрических.

В нескольких кратких замечаниях Бурдьё использует и развивает свои исследования университетского, научного и интеллектуального полей. Экономика практически не упоминалась в *Homo academicus*, возможно потому, что эта книга об университетском поле, опубликованная в 1984 году, опиралась на исследование, проведенное по большей части около 1968 года и в начале 1970-х гг. Институционализация экономической науки, которая во Франции проходила на факультетах права, датируется концом XIX века²⁹, однако особое значение эта дисциплина приобретает в послевоенные десятилетия и еще большее — начиная с 1980-х гг.³⁰

29. Статья Люсетт ле Ван-Лемесль по этой теме была опубликована в 1983 году: *Le Van-Lemesle L. L'économie politique à la conquête d'une légitimité, 1896-1937 // Actes de la recherche en sciences sociales. 1983. No. 47. P. 113-117.*

30. В послевоенные десятилетия, когда «экономической культуре» отводится новое место, преподавание экономики распространяется, однако до 1970-х гг. из роста числа студентов эта дисциплина извлекает меньше выгод, чем другие (особенно такие, как филология и гуманитарные науки). Зато она значительно укрепится благодаря «второй демократизации» высшего образования. В результате распространения экономического образования за пределы чисто экономических специальностей в период 1979-1993 гг. в университетской системе наблюдается существенное увеличение числа выпускников с дипломами

Вместе с тем в те же самые 1970–1980-е гг. в рамках экономики наблюдается все большая математизация, а неоклассическая теория закрепляет свое владычество, подминая под себя два больших конкурирующих течения — марксизм и кейнсианскую макроэкономику. В своих лекциях Бурдьё цитирует многих крупных авторов — представителей этого «возрождения» неоклассической экономики, в частности представителей «чикагской школы» или же сторонников теории рациональных ожиданий. Пару раз он ссылается на Гэри Беккера, получившего, что «удивительно», Нобелевскую премию (октябрь 1992 года) за «расширение экономического анализа на новые области человеческого поведения и человеческих отношений».

Возвращение *homo economicus*, о котором Бурдьё упоминает в самом начале первой лекции, отсылает к неоклассическому наступлению, которое не ограничивается одной экономикой. В своем курсе Бурдьё несколько раз ссылается на Юна Эльстера, который, работая на пересечении между философией и социальными науками и занимая разные посты в Норвегии, Франции и США, стал одним из представителей «аналитического марксизма», программа которого состоит в том, чтобы переформулировать проблемы марксистской традиции при помощи инструментария теории рационального действия. Последняя стремится стать достаточно мощным течением и в социологии, что связано в особенности с фигурой Джеймса Ко-

по экономике, управлению или экономическому и социальному администрированию. См., в частности: *Le Gall B., Soulié C. Massification, professionnalisation, réforme du gouvernement des universités et actualisation du conflit des facultés en France*//ARESER. Les Ravages de la modernisation universitaire en Europe. Paris: Syllepse, 2008, особенно P.186; *Pavis F. L'évolution des rapports de force entre disciplines de sciences sociales en France: gestion, économie, sociologie (1960–2000)*//Regards sociologiques. 2008. No. 36. P.31–42.

улмана, который был выбран в 1991 году председателем Американской социологической ассоциации. В 1989 году в *Actes de la recherche en sciences sociales* была опубликована статья Лоика Вакана и Крейга Калхуна, посвященная происходящей в те времена перестройке американской социологии вокруг теории рационального действия (Rational Action Theory, RAT) и конкурентного направления — исторической и культурной социологии³¹. Бурдьё еще с 1960-х гг. следил за социологическими работами, выходящими в США, но стал обращать на них еще больше внимания с 1980-х гг., когда его работы постепенно начали распространяться и обсуждаться в Северной Америке. В 1992 году работой «Приглашение к рефлексивной социологии» отмечается его растущее присутствие в американском пространстве: книга, написанная по большей части по следам семинара, проведенного несколькими годами ранее в Чикагском университете, публикуется одновременно на английском и французском языках³².

Курс 1993 года показывает, с другой стороны, что от его внимания не ускользнули и американские исследования, которые к тому моменту в течение уже примерно пятнадцати лет занимались — каждое по-своему — возрождением некогда заброшенного или оттесненного проекта, заключавшегося в анализе экономических предметов инструментами, имеющими социологическое происхождение. Наряду с другими факторами укрепление в экономике математизированной неоклассической ортодоксии способствовало появлению «новой экономической

31. Wacquant L.J.D., Calhoun J.C. Intérêt, rationalité et culture. À propos d'un récent débat sur la théorie de l'action // *Actes de la recherche en sciences sociales*. 1989. No. 78. P. 41–60.

32. Bourdieu P., Wacquant L.J.D. *An Invitation to Reflexive Sociology*. Chicago: The University of Chicago Press, 1992; Bourdieu P., Wacquant L.J.D. *Réponses* (расширенное издание: Bourdieu P., Wacquant L.J.D. *Invitation à la sociologie réflexive*).

социологии» (*New Economic Sociology*)³³. Само это название в начале 1990-х гг. используется во Франции еще довольно редко, однако Бурдьё отводит заметное место в своих лекциях двум главным представителям этого направления — Марку Грановеттеру и Харрисону Уайту, у которых он обнаруживает некоторые идеи, близкие к своим (см. лекции от 3 и 10 июня 1993 г.). Также к концу 1992 года он опубликовал первый французский перевод Вивианы Зелизер — ее статью «Экономика и мораль» в журнале *Actes de la recherche en sciences sociales*³⁴.

Политические отголоски

Необходимо, однако, посмотреть чуть дальше. Неоклассическое наступление в пространстве экономической науки и социальных наук, очевидно, не чуждо идеологическим и политическим переменам того времени, о чем напоминает та роль, которую экономисты чикагской школы сыграли в дисквалификации кейнсианской экономической политики, которую они призвали заменить неолиберальной политикой при президенте Джимми Картере и в еще большей степени при Рональде Рейгане. В своем курсе Бурдьё почти ничего не говорит о политических процессах того времени, но некоторые отголоски этого курса, заметные в более поздней деятельности Бурдьё, заставляют, однако, принять их в расчет и соотнести место этого курса в траектории Бурдьё с интеллектуальным и политическим полем³⁵.

33. *Convert B., Heilbron J.* La réinvention américaine de la sociologie économique // *L'Année sociologique*. 2005. Vol. 55. No. 2. P. 329–364.

34. *Zelizer V.* Repenser le marché. La construction sociale du “marché aux enfants” aux États-Unis // *Actes de la recherche en sciences sociales*. 1992. No. 94. P. 3–26.

35. См.: *Bourdieu P.* Interventions 1961–2001. P. 211–216.

Как известно, избрание Бурдые в Коллеж де Франс наделило его определенным авторитетом, которым он был готов воспользоваться. С конца 1970-х гг. он стал давать больше интервью основным французским изданиям левого и левоцентристского направления (*Le Monde*, *Libération* и *Le Nouvel Observateur*), а также подписывать петиции по актуальным вопросам, что является неким ритуалом интеллектуальной жизни, которому он до той поры почти не уделял внимания. С первой половины 1980-х гг. в контексте, отмеченном также приходом к власти в 1981 году левых, он сближается с Мишелем Фуко. Они оба никак не могут определить, какую позицию занять по отношению к разочаровавшему их социалистическому правительству, причем еще до того, как в 1983 году оно переходит к экономической политике, приоритетом которой становится борьба с инфляцией. Они мобилизуются по инициативе Бурдые, когда министр иностранных дел называет исключительно «внутренним польским делом» подавление профсоюзов в Польше. Но они все-таки не занимают систематической критической позиции.

Со временем, однако, Бурдые начнет использовать свою растущую известность, чтобы влиять на публичные дискуссии и, в частности, на все более широкий консенсус, формирующийся во Франции, а также на международном уровне, как среди левых, так и среди правых, по поводу политики неолиберального направления. В своих выступлениях и таких инициативах, как создание парламента интеллектуалов, он стремится закрепить интеллектуальную модель, которая, как ему кажется, находится в опасности, характеризуясь критической функцией по отношению к действующим властям, будь они даже «левыми», которые снова окажутся у руля в период 1988–1993 гг., а потом с 1997 года. Начиная со стачечного движения декабря 1995 года он станет намного более заметной публичной фи-

гурой, однако движение в этом направлении было не резким, а постепенным и наметилось уже тогда, когда Бурдьё читал курс по экономике. Например, в середине 1980-х гг. в одном интервью национальному еженедельнику, которое совпало с периодом лицейского движения 1986 года, он открыто выразил обеспокоенность подъемом неолиберализма³⁶. К 1990 году публикация «Государственной знати»³⁷ и его курс о государстве дали ему возможность привлечь внимание к неолиберальной трансформации государства. За два месяца до курса опубликована «Нищета мира», которую он понимал именно в качестве публичной акции. Книга выходит за несколько недель до разгрома левых на выборах, показывая социальные издержки неолиберальных программ, проводившихся несколькими правительствами. Книга разоидется очень хорошо, а ее рецепция ускорит сближение между социологией и некоторыми направлениями профсоюзного и социального движения.

В курсе эти политические позиции в явной форме почти не отражаются³⁸, однако внимание, которое он уделяет в этот период экономике, нельзя отделить от политических моментов. Закрепле-

36. См., например: *Bourdieu P. À quand un lycée Bernard Tapie? // Libération, 4 décembre 1986. P. 4, переиздано как: Bourdieu P. Le refus d'être de la chair à patrons // Interventions 1961–2001. P. 211–216. Критика (нео)либерализма у П. Бурдьё во многом вписывается также в русло того важного текста, которым стала статья Пьера Бурдьё и Люка Болтански: Bourdieu P., Boltanski L. La production de l'idéologie dominante // Actes de la recherche en sciences sociales. 1976. No. 2. P. 3–73.*

37. *Bourdieu P. La Noblesse d'État. Grandes écoles et esprit de corps. Paris: Minuit, 1987.*

38. Можно разве что выделить призыв, брошенный Бурдьё в лекции от 10 июня 1993 года: «Представьте, что какое-нибудь идейное социалистическое правительство систематически проводило бы политику небольших съемных домов».

ние в среде экономистов модели рационального актора является не просто теоретической или академической ставкой, но и одним из аспектов распространения неолиберализма. Такие экономисты, как Фридрих Хайек, сыграли важную роль в политической идеологической работе, которая, начиная с 1940-х гг., была направлена на восстановление в переработанной и переоснащенной форме классического либерализма, ослабленного вследствие кризиса 1930-х гг. и послевоенной ситуации, когда сложился коммунистический блок, а «капиталистические» страны частично примкнули к кейнсианству.

Экономическая теория, обсуждаемая Пьером Бурдьё, не является чистой умозрительной конструкцией. Как и мысль Маркса в предшествующие периоды, она оказывает вполне реальное воздействие (которое Бурдьё обозначает выражением «эффект теории»), являясь одним из научных оснований неолиберальных программ, проводимых в 1980–1990 гг. Выступая в 1996 году на Генеральных штатах социального движения, он, к примеру, будет снова использовать метафору «великой цепи бытия», которую в данном курсе применяет к универсуму экономистов (27 мая 1993 года), но в этом выступлении он расширит ее на все поле производства идеологии³⁹. Точно так же «экономика счастья», которую он однажды упомянет⁴⁰, противопоставив ее экономизму господствующей неолиберальной экономической мысли, будет непосредственно связана с «другой систематиче-

39. *Bourdieu P. Les chercheurs, la science économique et le mouvement social (Intervention lors de la séance inaugurale des États généraux du mouvement social. P. 60–61. (Цитату см. выше: с. 181, сноска 9.)*

40. См. особенно: *Bourdieu P. Le mythe de la "mondialisation" et l'État social européen (Intervention à la Confédération générale des travailleurs grecs — GSEE) (1996) // Bourdieu P. Contre-feux. P. 46.*

ской теорией, способной составить конкуренцию теории, молчаливо одобряемой экономическим *hardcore*'ом», о которой идет речь в курсе (27 мая 1993 года). Также политические задачи в более явном виде будут представлены в 2000 году, когда социолог вернется к размышлениям 1993 года, придав им несколько иную форму: «Экономическая теория в своей наиболее чистой форме, то есть теория наиболее формализованная, никогда не бывает столь нейтральной, как она сама считает и пытается внушить. Неолиберальная экономика частью своих качеств, считающихся универсальными, обязана тому, что она укоренена, «*embedded*», в конкретном обществе, в системе верований и ценностей [...]. Программы, которые проводятся от ее имени или легитимируются за ее счет, поддерживаются множеством посылок, унаследованных в силу погружения в этот мир либеральной экономики, посылок, навязываемых миру Всемирным банком, Международным валютным фондом и правительствами. Таким образом они прямо или косвенно диктуют принципы „правления“ в том общепринятом экономическом, ориентирующемся на США смысле, согласно которому рынок — это оптимальное средство организовать производство и обмен в демократическом обществе»⁴¹.

Момент теории полей

Наконец, данный курс встроен и в собственную темпоральность творчества Бурдьё. Как было указано выше, «введение о даре» возвращается к некоторым уже опубликованным исследованиям, но не является просто повторением, поскольку Бурдьё вносит определенные новшества и дает слушателям, знакомым с его работой, повод раскрыть аспекты

41. Bourdieu P. Les Structures sociales de l'économie. P. 23.

или качества, оставшиеся незамеченными⁴². Эти рассуждения об экономике дара позволяют дать обновленную трактовку докапиталистической системы обмена, подготавливая критику экономической теории, которая, если парафразировать Дюркгейма, забывает о том, что в экономике не все является экономическим, о чем как раз и напоминают первобытные экономики. Тогда как на последних лекциях через понятие «экономического поля» вводится новая тема, которая, в свою очередь, будет переработана и обогащена в более поздних текстах, поводом для чего станет одна статья в *Actes de la recherche en sciences sociales*⁴³, а затем и работа «Социальные структуры экономики».

Этот анализ экономического поля включается в работу, которой Бурдьё стал заниматься еще в начале 1970-х гг., когда стал активно и систематично пользоваться понятием поля. Социолог считает, что у разных полей есть совокупность общих характеристик, но при этом каждое из них обладает частными свойствами, интересными именно в своей специфике, а также тем, что эти специфические качества создают «общий образ» родовых черт, менее видных в других социальных пространствах, тоже наличных⁴⁴. В силу этого он развивает «теорию полей», стремясь, с одной стороны, формализовать понятие поля, выразив его «общие качества», а с другой — перейти к «исследованиям поля», которые нашли бы отражение в монографиях: начиная с середины 1970-х гг. он опубликовал работы о литературном поле, научном поле,

42. Например: «В „Практическом смысле“ об этих вещах говорится очень вскользь и в общих чертах, так что некоторые из читателей книги, возможно, скажут: „Я такого не читал“» (8 апреля 1993 г.).

43. Бурдьё П. Поле экономики // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики.

44. Об этом см., в частности: Бурдьё П. Производство веры // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики.

поле бизнесменов, университетском поле, юридическом поле и, конечно, религиозном поле⁴⁵. Важной вехой стали вышедшие за семь месяцев до начала данного курса «Правила искусства»: в книге собраны углубленные исследования литературного поля XIX века, причем это пространство рассматривается в качестве «частного случая», позволяющего представить общую модель, пригодную для анализа совокупности универсумов культурного производства и для «науки о произведениях». В 1990-х гг. Бурдьё не раз объявляет, что готовит еще более общую работу, «Микрокосмы». Названия некоторых его курсов в Коллеж де Франс подтверждают то, что разработка этой «общей теории» входит в число его приоритетов: курс 1995–1996 гг. носит название «Некоторые качества полей культурного производства», курс о Мане заявлен под названием «Недавние исследования полей».

Выражение «экономическое поле» встречается в текстах, вышедших задолго до этого курса. Одна фраза в «Отличии» (1979) указывает, к примеру, на то, что оппозиция экономического капитала и культурного предполагает оппозицию «экономического поля» и «культурного поля»⁴⁶. В статье о бизнесменах (1978) также неоднократно использовалось выражение «экономическое поле», однако предмет исследования больше соответствовал «полю экономической власти», понимаемому как регион поля власти. Можно предположить, что Бурдьё, используя это выражение, все-таки по-

45. См., в частности: *Бурдьё П.* Генезис и структура поля религии // Социальное пространство: поля и практики; *Бурдьё П.* Поле науки // Социальное пространство: поля и практики; *Bourdieu P., Saint Martin M. de.* Le patronat; *Бурдьё П.* Homo academicus; *Бурдьё П.* Власть права: основы социологии юридического поля // Социальное пространство: поля и практики; *Bourdieu P.* Les Règles de l'art.

46. *Bourdieu P.* La Distinction. P. 396.

лагал, что ему необходимо точнее проработать понятие экономического поля.

Как показывает данный курс, эта задача предполагает более общий вопрос о понятии поля и о том, что отличает его от понятия рынка. Бурдьё долго не мог выбрать, какой из двух этих терминов использовать. Он сознательно заимствовал инструменты у экономического анализа рынков (например, понятие «барьер входа») и часто напоминал о том, что понятие власти сложилось у него в результате интерпретации веберовского исследования религии, которое «в конечном счете [...] описывает не что иное, как *рынок* религиозных обменов» (10 июня 1993 г.). Его близость к экономистам и статистикам, возможно, также побудила его прояснить эти пункты. Например, в начале 1980-х гг. исследователи из его центра вместе с сотрудниками *Insee* и исследователями «Школы регулирования» предпринимают попытку «сравнить понятия, используемые социологами и экономистами», в частности «понятия поля и рынка»⁴⁷; вполне вероятно, что Бурдьё реагировал, в том числе, и на эти рабочие собрания, когда на своем курсе в Коллеж де Франс в 1984 году набросал анализ промышленных «отраслей» как «вторичных полей» внутри экономического поля, отвечая на вопрос одного слушателя, который спросил его, «не является ли промышленное коммерческое и т. п. предприятие [...] отдельным полем»⁴⁸.

Применение понятия экономического поля, основанное на простой аналогии с полями, с которыми Бурдьё больше всего работал, было неудовлетворительно и по другой причине. Хотя он представлял формирование полей в рамках описанного Дюркгеймом перехода от обществ, ха-

47. См.: Rapport d'activité du Centre de sociologie de l'éducation et de la culture, потапринт, июнь 1982. P. 12.

48. См.: Bourdieu P. Sociologie générale. Vol. 2. P. 168–173.

рактизуемых «состоянием неразделенности», к дифференцированным обществам⁴⁹, в его исследованиях особенно подчеркивалась, возможно потому, что они ориентированы прежде всего на литературное поле, именно автономизация полей культурного производства по отношению к логике экономического поля⁵⁰. Однако такую идею нельзя было попросту перенести на экономическое поле: последнее является не микрокосмом, который формируется и оказывает сопротивление внутри макрокосма, а самим макрокосмом, который угрожает микрокосмам и пытается аннексировать их, навязав им собственную логику. Тот же аргумент можно сформулировать несколько иначе: поля культурного производства, которыми Бурдьё в основном занимался, по большей части подчиняются докапиталистической логике, так что поля эти представляются своего рода островками сопротивления экономической логике, тогда как экономическое поле, напротив, является основным местом «экономической экономики». Точно так же понятие специфического капитала, порой выделяемого в качестве субстанциального элемента самой идеи поля, поднимает отдельный вопрос в случае экономического поля, поскольку экономический капитал представляется тем, что проще всего конвертировать в другие виды капитала, а потому в этом смысле он оказывается в определенном смысле «наименее специфичным» из всех, имеющих в капиталистических обществах.

Разрабатывая понятие экономического поля, Бурдьё все время переходит от эмпирических исследований, особенно посвященных односемейно-

49. Например: *Bourdieu P. Sociologie générale. Vol. 2. P. 207–208, 1003–1004.* Разработанный Моссом анализ дара как «тотального социального факта» связан с этой предложенной Дюркгеймом схемой.

50. См.: *Bourdieu P. Les Règles de l'art.*

му дому, к общим положениям касательно полей, выдвинутым им, в частности, в курсе 1982–1983 гг.⁵¹, в числе которых и определение, согласно которому «поле — это поле сил и поле борьбы за трансформацию поля сил, в котором каждый из агентов применяет на практике ту силу, которой он в данном силовом отношении обладает, чтобы сохранить его или изменить» (3 июня 1993 г.). Также он разрабатывает это понятие как противовес экономическим подходам, использующим понятие рынка как отношения между атомизированными потребителями и ценой. Поле — это место конкуренции за доступ к обмену между конкурентами, в разной степени располагающими различными эффективными формами капитала (экономического, конечно, но также технического капитала, информационного, социального, символического), ограничивающими стратегии, которыми они могли бы воспользоваться. Как и во всяком поле, силовые отношения стремятся закрепляться в том виде, какой выгоден господствующим, которые накапливают такой капитал, что у них появляется власть над самим капиталом, даже если всегда сохраняется возможность подрыва, например со стороны «новичков». В этом плане экономическое поле является одновременно полем сил и полем борьбы, поскольку особенно важная ставка заключается в правилах игры, в определении которых участвует государство и на которые в то же время могут в очень разной степени повлиять различные конкуренты.

Когда в 2000 году Бурдьё сделает для «Социальных структур экономики» письменную, переработанную версию этой части курса, посвященной «экономическому полю», он соотнесет ее со своими текстами о рынке односемейного дома. Также он добавит ранее не публиковавшийся постскрипtum под названием «От национального поля

51. Bourdieu P. Sociologie générale. Vol. 1. P. 489.

к международному», в котором рассматривается вопрос экономической «глобализации», который станет крайне важным в политических дискуссиях конца 1990-х гг., а также несколько более теоретическая проблема — проблема масштаба (национального или международного), в котором структурируются поля. Действительно, Бурдьё, который ранее применял понятие поля в национальном масштабе, в 1990-х гг. все больше задается вопросами о феноменах интернационализации в культурных универсумах. Это развитие идей 1993 года об экономическом поле подтверждает то, что разработка этого понятия, никоим образом не сводясь к простому применению уже заданного понятия к еще одному частному случаю (экономике), осуществляется в ходе некоторого динамического процесса, включающего регулярное переопределение понятия под влиянием небольших видоизменений, производимых новыми исследованиями и вытекающими из них (или параллельными им) размышлениями. Курс 1993 года дает и другой пример этой динамики: заход через понятие конкуренции заставляет Бурдьё представлять понятие поля в довольно специфической манере. Если в других обстоятельствах он подчеркивал наличие специфического капитала или же автономную легальность того или иного микрокосма, то здесь он делает упор на тот факт, что понятие поля переводит внимание с отношения между спросом и предложением, то есть между производителями и потребителями, на конкурентные отношения между производителями (10 июня 1993 года).

В то же время разработка понятия экономического поля не будет лишь отступлением в творчестве, где главную роль играют поля культурного производства (коим Бурдьё посвятит опять же значительную часть своих курсов в следующие годы): рассуждения об экономическом поле, которые многим обязаны предшествующим исследованиям по-

лей культурного производства, станут для последних дополнительным стимулом. Сегодня краткая отсылка на редакторов газет (3 июня 1993 г.) заставляет вспомнить об исследовании, проведенном Бурдьё в конце 1990-х гг. и посвященном книгоизданию. Оно стало его первым просопографическим исследованием, в котором рассматриваются не индивиды, а предприятия, «фирмы»⁵².

Более развернутое рассуждение о журналистике (3 июня 1993 г.) еще более очевидным образом отсылает к исследованию журналистского поля, первая версия которого будет опубликована годом позже⁵³ и которое в ряде важных пунктов могло наследовать размышлениям об экономическом поле. Действительно, хотя Бурдьё сочтет полезным применить понятие поля к анализу журналистики, причина не столько в автономии этого универсума (автономии достаточно слабой), сколько в том, что он составляет пространство конкуренции, в котором производители еще до того, как будет произведена «аудитория», присматривают друг за другом, будучи детерминированы силовыми отношениями, сталкивающимися их друг с другом. Социолог подробно разовьет эту идею в работе «О телевидении», созданной на основе короткометражного фильма, снятого силами Коллеж де Франс в марте 1996 года. Рассуждение о журналистском поле начинается в ней с раздела с красноречивым названием «Части рынка и конкуренция», где есть почти открытая отсылка к содержанию кур-

52. Bourdieu P. Une révolution conservatrice dans l'édition.

53. Бурдьё П. Власть журналистики // Bourdieu P. О телевидении и журналистике. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. См. также более поздние тексты: Bourdieu P. Champ politique, champ des sciences sociales, champ journalistique (Cours du Collège de France, 14 novembre 1995); Бурдьё П. О телевидении // Бурдьё П. О телевидении и журналистике.

са 1993 года: чтобы прояснить влияние, оказываемое телекомпанией TFI на всех конкурентов, Бурдьё предложит, к примеру, сравнение с «полем экономических предприятий, [где] какое-нибудь мощное предприятие может практически полностью изменить экономическое пространство. Через понижение цен оно может перекрыть вход на рынок для новых предприятий, установив что-то вроде входного барьера»⁵⁴.

Здесь было полезно напомнить идеологическую ситуацию начала 1990-х гг. и стремление Бурдьё развить общую теорию полей, поскольку курс 1993 года может также читаться с этих точек зрения, однако главной задачей Бурдьё остается выработка анализа экономики на основе его социологии, причем выбранный им путь отличается, как он сам не раз подчеркивает, от критики, с которой социологи обычно обращаются к неоклассической экономике и к теории рационального действия.

Действительно Бурдьё, в противоположность большинству социологов, расценивал эту теорию в качестве одной из важнейших парадигм социальных наук. В 1991 году он вместе с Джеймсом Коулманом, главным представителем этой теории в американской социологии, выступил редактором одной книги⁵⁵. Точно так же он на протяжении всей своей карьеры следил за работой своего современника Гэри Беккера (родившегося, как и Бурдьё, в 1930 г.). «Расширенная экономика» или «общая экономика», разработанная им, в какой-то мере составляет параллель к обобщенному применению модели *homo economicus*, предложенному Гэри Беккером, причем две эти программы в те времена порой даже уподоблялись друг другу. В отступлении

54. Бурдьё П. О телевидении. С. 57.

55. Bourdieu P., Coleman J.S. (eds). *Social Theory for a Changing Society*. Boulder-San Francisco-Oxford: Westview Press; New York: Russell Sage Foundation, 1991.

на одной из лекций (17 июня 1993 г.) Бурдьё отсылает к критической оценке, предметом которой стали его работы для «Антиутилитаристского движения в социальных науках». В социологии и интеллектуальном мире 1990-х гг. эта группа далеко не единственная упрекала его в утилитаризме, экономизме или позиции «расколдовывания». По-прежнему коробило и такое понятие, как «культурный капитал». И если сегодня оно стало практически общеупотребимым в журналистском и политическом обиходе, тогда это было совсем не так: Бурдьё подозревали в том, что он сам внедряет логику расчета в сакральные сферы образования и культуры.

Социология Бурдьё вызывает реакции такого рода потому, что, касаясь как этого предмета, так и других, она ставит задачу преодолеть устоявшиеся формы дискуссии, привлекая аргументы, обычно считающиеся исключаящими друг друга. Бурдьё понимает, какое возмущение вызывает у многих экономистское «высокомерие», которое заставляет того же Гэри Беккера анализировать брак в наших обществах как результат подсчета выгод и издержек, однако он признает в нем и факт применения предпосылки, конститутивной для любого проекта науки социального мира. В теории рационального действия он отвергает не постулат, гласящий, что экономика в каком-то смысле повсюду или что всякое общество и всякий социальный универсум покоятся на экономике, а сведение экономики к «экономической экономике», которая, с его точки зрения, является далеко не универсальной и еще в меньшей степени естественной: он стремится, напротив, показать, что она является историческим продуктом, связанным с образованием в наших обществах относительно автономного или «обособленного» экономического поля. При этом, хотя и проводя различие между экономической экономикой и экономикой дара, он резко критикует этнологов, которые подогрева-

ют «ностальгию по потерянному раю», предлагая восторженное описание докапиталистических обществ (8 апреля 1993 г.). Очень важный аспект его аргументов состоит в отказе совмещать оппозицию двух экономик с оппозицией капиталистических и докапиталистических обществ. Постоянно возвращаясь к экономике дара, он при этом не считает ее «архаизмом» или специфической чертой древних обществ либо же тех, что находятся на грани исчезновения. Напротив, Бурдьё мог бы написать по примеру Марселя Мосса, что внешне бескорыстные обмены составляют «одну из фундаментальных основ наших обществ» и что «мораль и экономика подобного рода продолжают постоянно и, так сказать, подспудно функционировать и в наших обществах»⁵⁶.

Следовательно, у докапиталистических формаций нет монополии на экономику дара, которая сохраняется и в наших обществах, в их замкнутых универсумах, так что она пронизывает все условия. Бурдьё, впрочем, заявляет о своем плане, который он реализует в следующем году⁵⁷: посвятить курс «анализу принципов, общих различным формам символических обменов, начав с домашней экономики, перейти затем к экономике отдельных универсумов (искусства, науки, религии и т. д.), в которых происходят обмены, не сводящиеся к логике исключительно выгоды или „ты мне — я тебе“, и рассмотреть в итоге экономику бюрократических систем» (13 мая 1993 г.). Но внутри наших обществ у этих «островков» нет монополии на неэкономическую экономику. Последняя, на самом деле, преследует и предельно «экономическую» экономику,

56. Мосс М. Опыт о даре. С. 138.

57. «Экономика символических благ» станет темой одной из лекций, которые Бурдьё прочтет в рамках своих курсов, проведенных вне стен Коллеж де Франс в 1993–1994 гг. (*Bourdieu P. L'économie des biens symboliques.*).

и одна из главных заслуг, которую Бурдьё, видимо, признает за исследованиями Марселя Мосса, связана с тем, что последние «сдвигают антропологическую основу нашего экономического поведения, приводят в движение чрезвычайно глубокие вещи, которыми мы пользуемся»; в качестве примера он приводит «выдачу банкноты или возврат денег» (3 июня 1993 г.).

Во всех этих лекциях Бурдьё привлекает внимание к символической составляющей, которой пренебрегал как классический экономический анализ, так и большинство его критиков (в частности, марксистская традиция), но которая тем не менее продолжает занимать значительное место даже в самой что ни на есть экономической экономике. Его длинное введение, посвященное дару, поддерживается убеждением в том, что «анализы [...] символического аспекта обмена дарами [...] применимы, просто в разной степени, ко всем обменам, считающимся сугубо экономическими» (17 июня 1993 г.). Точно так же, ни в коей мере не отождествляя «экономическое поле» с безраздельным царствованием экономического капитала и силовых отношений, порождаемых его распределением, он, прорабатывая это понятие, постоянно обращается к роли символического капитала, заметной, к примеру, по респектабельности брендов, связанной с их возрастом, или по борьбе за право на определенный титул или звание. Таким образом, «чистая и строгая экономическая теория, намеревающаяся свести символическое к экономическому, в каком-то смысле комична в том обществе, в котором символическое составляет само основание наиболее фундаментальных экономических механизмов» (10 июня 1993 г.). Это мимоходом сделанное замечание отсылает, возможно, к основному тезису Бурдьё: в этом курсе социолог на материале частного вопроса экономики исполняет желание, на-

правляющее всю его деятельность: необходимо заставить оценить, как он сам говорит в своем курсе по общей социологии, «определяющую роль символического в социальных обменах»⁵⁸.

58. Bourdieu P. Sociologie générale. Vol. 2. P. 185.

Послесловие

Экономика и социальные науки: альтернатива бессилию экономических теорий?

Робер Буайе

Значение и актуальность курса,
прочитанного четверть века назад

ЕСЛИ БЫ мы следовали практике большинства экономистов, было бы достаточно ссылаться на новейшие академические публикации, которые должны служить суммой всех познаний этой дисциплины, представляя ее передний край. Таким образом, следовало бы отсоветовать читать транскрипцию курса, прочитанного в Коллеж де Франс в 1992–1993 учебном году, поскольку курс этот был преодолен более поздними работами самого Пьера Бурдьё и его последователей. Однако прочтение данного произведения позволяет опровергнуть данную точку зрения, поскольку курс этот вносит оригинальный вклад в понимание подхода Бурдьё, причем сразу в нескольких отношениях.

Сначала Пьер Бурдьё возвращается к нескольким гипотезам, предложенным для объяснения дара, феномена, парадоксального для современных теорий, которые, в конечном счете, принимают за нечто самоочевидное рыночный обмен, построенный на простом принципе «ты мне — я тебе». Это недостаточное внимание к истории объясняет, почему стандартный экономический подход настолько беспомощен, когда он сталкивается с капиталистическими экономиками: он просто-напро-

сто забыл о символической составляющей всякого экономического действия. Это видимое отклонение от темы, доказывающее, однако, свою плодотворность, практически невозможно в рамках статьи, которая была бы опубликована в академическом журнале, поскольку редко встречаются такие журналы, которые бы допускали подобное углубление в собственное поле.

Второй важный вклад этого курса — в строгом и безжалостном диагнозе заблуждений теории рационального действия, то есть понятийной рамки, которая и по сей день продолжает служить базовой матрицей большинству современных экономистов. На фундаментальном уровне это направление оказывается жертвой схоластического предубеждения — в том смысле, что оно «смешивает дело логики с логикой дела». Ученый одалживает, не скупясь, свои собственные мысли агентам, помещая эти мысли в их голову: рынок — не что иное, как абстрактный механизм ценообразования, а агент наделяется когнитивными и вычислительными способностями, достойными нобелевского лауреата. Если же ученый чуть более скуп, выполняемое им абстрагирование заставляет оценивать в качестве ничтожных величин фундаментальные параметры экономических реалий: историческое время уничтожается, поскольку все транзакции рассматриваются в том виде, словно бы они были мгновенными и синхронными, отсылка к репрезентативному агенту скрывает, но не слишком удачно, отсутствие рефлексии об отношениях между микро- и макроэкономикой. Эта эпистемологическая слабость стандартного анализа долгое время скрывалась силой, приобретенной экономистами в университетских инстанциях. Но она предстала во всей красе благодаря очевидной неспособности их моделей объяснить масштабный экономический кризис, разразившийся в 2008 году во всем мире. Пьер Бурдьё примыкает к течению гетеродоксов и вместе с ними загодя разоблачает ин-

теллектуальные причины этой неспособности, о чем как раз и свидетельствует данная работа.

Однако анализ не ограничивается критикой, поскольку социолог практикует еще и искусство дзюдо. Действительно, он мобилизует работы ряда экономистов и исследователей из разных областей социальных наук, чтобы изучить возможности такого подхода, который выдвинул бы на первый план генезис и приобретение экономических предрасположенностей. Используя в своей работе достижения таких авторов, как Торстейн Веблен, Альфред Маршалл, Макс Вебер, Йозеф Шумпетер, Герберт Саймон и Оливер Уильямсон, Пьер Бурдьё двигается по оригинальной траектории, которая приводит к его собственной теории экономического действия. Последняя и ранее становилась предметом многочисленных изложений и прояснений, однако система аргументов, разработанная в этом курсе, ранее в работах Бурдьё не встречалась.

Последний курс 1992–1993 гг. позволяет оценить пройденный путь. Нормативности *homo economicus* Бурдьё противопоставляет габитус, понимаемый в качестве «коллективного индивидуального». Соответственно, принцип рациональности утрачивает свой абсолютный характер и должен теперь определяться в соответствии с контекстом рассматриваемого поля. Ожидания основываются уже не на расчете, они не рациональны, а просто разумны, поскольку в них мобилизуются компетенции и интуиции габитуса. Наконец, поскольку надежды экономических агентов точно подоignаны под их шансы, индивидуальное и коллективное проникают друг в друга и смешиваются друг с другом в рамках диалектики поля и габитуса. Это один из способов преодолеть то досадное препятствие, которым для стандартной теории оказывается переход от микроуровня к макроуровню.

Есть и еще одна причина, заставляющая прочитать эту работу. Если в академических статьях и на-

учных трудах авторы обычно стараются скрыть процесс, часто долгий и трудный, который ведет к окончательному тексту, преимущество курса в том, что он показывает весь путь мысли, находящейся в движении, ее колебания, попытки создания новых терминов и, что еще важнее, фокальные точки, вокруг которых разворачивается аналитическая работа. Например, читатель сможет оценить роль первых работ Пьера Бурдье, посвященных кабилемскому обществу, в генезисе некоторых из его ключевых понятий: он пользуется этими работами как источником на протяжении всего этого курса. Наконец, свобода в выборе тона позволяет высказывать утверждения, которые были бы с гневом вычеркнуты при редакции, и в большинстве собранных здесь лекций заметно чувство юмора, которому вряд ли нашлось бы место в публикации какого-то другого рода. Пьер Бурдье показывает одновременно конечный пункт движения и путь, который к нему ведет, здание и леса, благодаря которым оно было построено. Соответственно, курс часто напоминает исследовательский семинар, поскольку описывает метод, позволяющий в большей мере стимулировать работу участников. Лучшей апологии и иллюстрации социальных наук просто не найти.

Отправляясь от этих посылок, можно подробнее изучить следующие основные вопросы: как дать точное определение полю и габитусу? В какой мере эти понятия позволяют мыслить историчность экономического действия и вариативность его реализации в различных пространствах? Есть ли основания утверждать, что Бурдье — теоретик воспроизводства, неспособный помыслить изменение и выйти на стратегии акторов? Не обращалась ли такая же критика и на теорию регулирования, подход которой демонстрирует определенное сходство с понятием габитуса? Наконец, если речь о вопросах, которые правительства и общественное мнение ставят сегодня экономистам («Почему вы не предсказали

этот большой кризис, начавшийся в 2008 году?» — спросила английская королева Королевскую академию), можно ли указать на появление альтернативных исследовательских программ, построенных на желании снова включить экономику в комплекс социальных наук?

Поле и габитус: как вернуть экономику в лоно социальных наук

Используют ли сегодня на практике экономические агенты, принимающие повседневные решения, те же самые когнитивные карты, что и профессиональные экономисты? Можно ли действительно свести экономические отношения исключительно к рыночному отношению между индивидами, наделенными одними и теми же силами, способностями и информацией? Не скрывает ли фигура *homo economicus*, рассматриваемого в качестве репрезентативного агента, отсутствие решения для проблемы перехода от микро- к макроэкономике? Есть ли основания считать, что государство везде и почти всегда дестабилизирует ход экономической деятельности? Позволяют ли, в конечном счете, теории равновесия мыслить историческое время и предполагаемые им трансформации? И наконец, разумно ли постулировать экономические законы, инвариантные во времени и пространстве?

На все эти вопросы Пьер Бурдьё дает своего рода наброски ответа, и не только благодаря эпистемологической и методологической критике предпосылок теории рационального выбора, но также посредством определенной концептуализации экономической деятельности (табл. 1).

1. *Теоретик*, не скупясь, одалживает конкретным экономическим агентам *ту самую рациональность*, которую он же и постулирует, чтобы объяснить чистую экономику. Можно заметить, что в ана-

лизе, который считает себя исключительно позитивным, просвечивает нормативный проект: если данные наблюдения не сходятся с данными теории, причина в некоей иррациональности агентов или несовершенстве рынков¹. Именно в этом можно усмотреть проект неоклассического фундаментализма, который противопоставляется применению гипотез рациональности и равновесия рынка как методологии, оставляющей открытым вопрос о существовании экономического равновесия и его большей или меньшей удовлетворительности по сравнению с оптимумом по Парето².

2. Отношения между *микрoэкономическим подходом* и *макрoэкономическим анализом* представляются проблематичными большинству социальных наук и особенно неоклассической экономической теории. С одной стороны, апология невидимой руки достигает кульминации в попытках создания теории общего равновесия, показывающей наличие равновесия, которое бы проистекало именно из многообразия техник производства и предпочтений. С другой стороны, большинство макроэкономических теорий постулируют тот или иной эквивалент репрезентативного агента. Теоретический анализ показывает, что, если не считать чрезвычайно строгих условий, которые не выполняются в конкретных экономиках, совершенное агрегирование невозможно. Даже если новейшие исследования, нацеленные на приблизительное агрегирование, обращаются к гипотезе гетерогенности агентов, экономист просто не располагает средствами, позволяющими объяснить эту гетерогенность.

1. Boyer R. L'avenir de l'économie comme discipline // Alternatives économiques. Hors-série «La science économique aujourd'hui». 2003. No. 57. P. 60–63.

2. Amable B., Boyer R., Lordon F. L'ad hoc en économie: la paille et la poutre // A. Autume, J. Cartelier (dir.). L'économie devient-elle une science dure? Paris: Economica, 1995. P. 267–290.

ТАБЛИЦА 1
 Неоклассическая экономика и экономическая
 социология

Характеристики	Неоклассическая экономика	Экономическая социология
Эпистемология	Тенденция к натурализации экономики (существование естественных законов в пространстве автономной экономики)	Конструктивизм и историческая контингентность (экономика как поле и дисциплина является социальной конструкцией)
Логика действия	Теория рационального выбора как она формулируется профессиональным экономистом	Взаимодействие габитуса и поля и возможные взаимодействия между полями
Соотнесение агентов	Горизонтальные и фундаментально эгалитарные отношения между агентами, опосредованные рынком	Отношение господствующего и подвластного внутри каждого поля и/или рынка
Природа агентов	Тождество или подобию целей и предпочтений агентов	Историческое формирование габитуса предполагает определенную гетерогенность агентов
Трактовка времени	Последовательность равновесий в отрезке виртуального или инструментального времени	Воспроизводство полей и габитусов, но также возможность их десинхронизации и кризисов
Роль государства	Исключительно или по существу нарушитель, негативно влияющий на частный расчет агентов	Часто учредитель рынка и основных экономических отношений
Политическая позиция исследователя	По существу, активист или инженер рынка. Прислушивается к интересам господствующих экономических акторов	Критическая роль аналитика и исследователя. Поддерживает подчиненные фракции общества

В этом и заключается интерес экономической социологии и особенно понятия габитуса Бурдьё — оно позволяет раскрыть эндогенные (в каком-то смысле) причины этой дифференциации. Если говорить в концептуальных категориях, представляется вполне ясным, что свойства поля не являются простой транспозицией характеристик агентов — они вытекают из интеракции последних.

3. Возможность учета времени также создает крайне сложную проблему почти для всех экономических теорий. В самом деле, время, которое учитывается экономистом, — это время расчета, предвосхищения, схождения к равновесию: это *логическое время*, по большей части виртуальное, поскольку это просто опора для мысленного эксперимента... самого теоретика; в лучшем случае это кинематографическое время, которое описывает процесс схождения к устойчивому и инвариантному равновесию. Но именно вопрос об *историческом времени* занимает центральное место в конструировании экономического агента, что подчеркивается самим определением габитуса у Бурдьё. Фактор изменения вводится благодаря развитию правил игры, которые управляют функционированием поля и в целом исторической трансформацией экономических институтов. Таким образом, экономическая социология, занимающаяся генезисом категорий, институтов и рынков, задает отправной пункт для историзации экономического анализа. То есть это альтернатива неоклассической истории, предсказания которой то и дело опровергаются все новыми и новыми инновациями. Последние то подаются в качестве чего-то радикального, но на поверку оказываются малозначительными, то, наоборот, приравниваются к поверхностным изменениям, но потом приводят к общей трансформации способа регулирования³.

3. Boyer R. Les économistes face aux innovations qui font époque // Revue économique. 2001. Vol. 52. No. 5. 2001. P. 1065–1115.

4. *Роль государства и политической сферы* также представляет определенную проблему для большинства экономических теорий. В самом деле, в анализе, который формализует взаимодействия между рациональными экономическими агентами, осуществляющиеся исключительно за счет рынков, всякое вмешательство государства оказывается под подозрением уже в силу особенностей самой этой конструкции. Если учение стандартной неоклассической теории понимать буквально, экономист может быть лишь защитником и пропагандистом рынка. Если же обратить внимание, напротив, на экономическую историю, легко заметить удивительную взаимодополняемость государства и рынка. В большинстве случаев, и не только во Франции с ее государственным капитализмом, власти выступают учредителями рынка. Чисто экономическая теория рынка представляется противоречием в определении. И, что неудивительно, само основание экономики, коим является учреждение денег, неотделимо от суверенитета и легитимности, обеспечиваемым государством и политической сферой⁴.

Таким образом, постулат чистой теории касательно возможности *замыкания экономического поля* на себя — то есть объяснение экономики исключительно экономическими факторами — вряд ли выдержит критику, поскольку он предполагает такую возможность разделения, которую опровергает ряд эмпирических данных. Хотя бы уже потому, что учреждение рынка соответствует процессу, для которого требуется стратегия определенных социальных акторов, а часто и легитимационная власть государства. Поэтому один из ответов состоит в применении гипотез и методов экономиста к социальным феноменам, к политике, праву, истории, демографии и, в конечном счете, к гене-

4. Aglietta M., Orléan A. *La Monnaie souveraine*. Paris: Odile Jacob, 1998.

зису различных технологий. Тогда замыкание осуществляется на уровне социальных наук при руководящей роли экономиста.

Необходимость исторической перспективы

Один из важных инструментов, использованных Пьером Бурдьё, — не что иное, как обращение к истории, позволяющее охарактеризовать генеалогию современных конфигураций и, таким образом, воспрепятствовать всякой попытке натурализации. Например, разве не задумывал он свой анализ творчества Гюстава Флобера в качестве подтверждения процесса *автономизации* литературного поля в XIX веке?⁵ Тогда как в создании тактового аукциона *отношение господствующих и подвластных* превращается именно вследствие образования нового альянса⁶. Примечательно и то, что в большинстве случаев поле устанавливается именно способностью мобилизовать *государственную власть*. Тот же самый фактор мы обнаруживаем во вкладе Пьера Бурдьё в экономику, когда он проясняет социальные условия возникновения рынков на примере, очевидно частном, но показательном, односемейного дома⁷. Жаль, что результаты этих разных работ не были сведены вместе (табл. 2). Ту же самую линию исследования развивает экономическая социология, причем, как это ни парадоксально, в США⁸ систематичнее, чем во Франции.

5. Bourdieu P. Les Règles de l'art.

6. Garcia M.-F. La construction sociale d'un marché parfait.

7. Bourdieu P. Les Structures sociales de l'économie.

8. Fligstein N. The Architecture of Markets: An Economic Sociology of Twenty-First Century Capitalist Societies. Princeton: Princeton University Press, 2001; Флигстин Н. Архитектура рынков. Экономическая социология капиталистических обществ XXI века. Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ,

ТАБЛИЦА 2

Генезис полей и рынков: некоторые примеры

Поля/рынки	Источники	Факторы появления		
		Специализация/автономизация	Господствующие акторы	Государственная власть
Система образования	«Homo academicus» (Бурдье, 1984)		+	+
Тактовый аукцион	«Социальное конструирование совершенного рынка» (La construction sociale d'un marché parfait, Garcia, 1986)		+	+
Литературное	«Правила искусства» (Les Règles de l'art, Бурдье, 1992)	+	+	+
Медиа	«О телевидении» (Бурдье, 1996)	+	+	+
Рынок односемейного дома	«Социальные структуры экономики» (Les Structures sociales de l'économie, Бурдье, 2000)	+		+
Бургундские вина	«Ученый фольклор и бизнес-фольклор» (Folklore savant et folklore commercial, Laferté, 2002)		+	+

Сравнение: сколько полей, столько и рациональностей

С точки зрения экономистов, теория потребителя стоит на двух столпах: предпочтениях, независимых от социального контекста, и максимизации полезности, которая зависит лишь от потребленных благ и затраченных усилий. Но обе эти гипотезы опровергнуты. Ясно, что в современных обществах нормы потребления составляют предмет интенсивных миметических процессов, которые сами подогреваются инновациями, предлагаемыми фирмами, чтобы увеличить свою норму прибыли⁹, однако макроэкономическая теория слишком редко принимает в расчет эту форму взаимозависимости. Точно так же цель, преследуемая индивидами, зависит от производительного, социального и политического контекста, так что одно направление институционализма постулирует даже, что контекст едва ли не полностью определяет цели, которые ставят себе индивиды как члены определенной организации или определенно общества¹⁰.

И опять же, экономическая история позволяет охарактеризовать различные типовые конфигурации. Например, почему средневековый крестьянин занимался диверсификацией мест, в которых находились его наделы? С точки зрения экономистов, изучающих современное сельское хозяйство, это абсолютно иррационально: этому крестьянину следовало бы объединить все свои земельные

2013; *White H.* From Network to Market. Princeton: Princeton University Press, 2002.

9. *Frank R. H.* La Course au luxe. L'économie de la cupidité et la psychologie du bonheur / M. Arav, J. Hannon (trad.). Genève: Markus Haller, 2010.

10. *Douglas M.* Comment pensent les institutions / A. Abeillé (trad.). Paris: La Découverte, 1999 [1986].

участки, чтобы экономить на масштабе производства. Но на самом деле такой вывод — просто анахронизм, поскольку, если он делается, значит сельская экономика Средних веков меряется аршином современного аграрного капитализма американского типа. На самом деле бедный крестьянин, сталкиваясь с непрогнозируемыми климатическими инцидентами, стремился обеспечить своему роду выживание за счет наибольшей диверсификации риска — паводка или заморозков на вершине холма. То есть никакой иррациональности; напротив, попытка приспособиться под стародавнюю систему регулирования, для которой характерны периодические голодные годы¹¹. Точно так же крупный английский землевладелец XVIII века не упускал случая защитить свои интересы, используя теорию физиократов, чтобы повлиять на налогообложение или величину таможенных пошлин. Третья конфигурация — американского или аргентинского сельского хозяйства, где инновации в области сельскохозяйственной техники увеличивают прибыли за счет эффекта масштаба производства. У всех этих трех случаев есть общая черта: господствующие социальные отношения определяют облик действий, или, если использовать понятия Пьера Бурдьё, поле и габитус соответствуют друг другу, выстраиваясь в конфигурации, которые нельзя свести к одной универсальной модели.

Тот же самый феномен обнаруживается при сравнении целей и средств, используемых профессиональным рабочим XIX века, сотрудником предприятия Генри Форда, служащими компании *Toyota* и венчурным капиталистом из Силиконовой долины (табл. 3). Не говоря уже о случае «трейдера»

11. *Boyer R. Cinquante ans de relations entre économistes et historiens. Réflexions d'un économiste sur les cas de la France et des États-Unis // Le Mouvement Social. 1991. No. 155. P. 67–101.*

ТАБЛИЦА 3
Сколько контекстов, столько и форм индивидуальной рациональности

Социальная позиция	Бедный крестьянин	Крупный землевладелец	Профессиональный рабочий	Веберовский управленец	Сотрудник крупного предприятия Форда	Венчурный капиталист	Треjder
Поведение							
Цель	Выживание в неопределенных условиях (климатические и рыночные случайности)	Абсолютная и дифференциальная рента	Профессиональная независимость	Эффективность управления	Доход на протяжении всей карьеры	Выявление инноваций, определяющих эпоху	Бонусы и участие в прибыли
Тип рассуждения/оправдания	Поддержать семейный доход	Физиократический	Работа, необходимая для поддержания образа жизни	Субстанциональная рациональность	Поддержка принципа конкуренции	Вклад в технический прогресс	Повышение ликвидности рынка
Тип действия	Диверсификация обрабатываемых участков	Защита земельной собственности, контроль политики	Сдельщина, оплата по продукции	Изобретение и координация формальных процедур	Лояльность фирме	Диверсификация инвестиционного портфеля	Риск как функция предполагаемого дохода

или «количественного аналитика», поведение которого, считающееся всем остальным обществом иррациональным, на самом деле является следствием определенной системы вознаграждения, основанной на разделении прибылей, а потому и на максимальном риске¹².

Парадокс в том, что именно в рамках современного государственного управления обнаруживается наиболее чистое выражение принципа рациональности, но в этом случае задачей является не интеграция капиталистической экономики за счет ценовых механизмов, а, скорее, изобретение и координация правил и протоколов, позволяющих ей процветать¹³. Если же продлить анализ до современного периода, не покажется ли примечательным то, что в эпоху финансиализации именно методы частного сектора привлекаются для реформирования государственного управления, которое было унаследовано от прошлой эпохи, когда оно и правда было функциональным, но совсем в другом режиме, в котором политик имел возможность осуществлять инициативы в области экономической организации?

Таким образом, как только принцип рациональности наделяется хоть каким-то конкретным содержанием, сама возможность микроэкономики универсального типа становится малоубедительной. Эта ортогональность микроэкономической теории — преподаваемой как едва ли не религиозное учение почти во всех университетах — по отношению к типичным фактам, обнаруживаемым в экономической истории, свидетельствует о нормативности дисциплины, ради которой жертвуют содержательностью.

12. *Godechot O.* Les Traders. Essai de sociologie des marchés financiers. Paris: La Découverte, 2001.

13. *Вебер М.* Хозяйство и общество.

По ту сторону воспроизводства — теория изменения

Хотя поверхностное прочтение работ Пьера Бурдьё наводит на мысль о фатальном социальном воспроизводстве, на самом деле, все аналитическое усилие направлено в них на прояснение факторов изменения и трансформации. Правда, первые работы, задачей которых было построение почти что аксиоматики и в которых рассматривалась система образования, и в самом деле могли создать впечатление чистой теории воспроизводства, практически не учитывающей исторические трансформации¹⁴. Однако в последующих разработках и при углублении теории, особенно в части понятий габитуса и поля, привлекается исторический подход, нацеленный на выявление генезиса, институционализации, затем факторов трансформации и, наконец, кризиса.

Непонимание критиков достигает максимума, когда речь заходит о понятии габитуса. В большинстве своем они пошли по простому пути этимологического анализа: габитус, получается, — это просто привычка, то есть механическое воспроизведение инвариантов, которое ведет к исчезновению автономии индивидов, другими словами к застывшей истории, характеризующейся постоянным господством одних и тех же обладателей капитала над подвластными¹⁵. И почти в каждой своей работе Пьер Бурдьё считает нужным разоблачить это непонимание. Судите сами: «Габитус [...] — это то, что было приобретено, но при этом габитус нашел основательное воплощение в теле в форме постоян-

14. Бурдьё П., Пассрон Ж.-К. Воспроизводство.

15. Caillé A. Don, intérêt et désintéressement; Favereau O. Théorie de la régulation et économie des conventions: canevas pour une confrontation // La Lettre de la régulation. 1993. No. 7.

ных предрасположенностей. Понятие [...] вписывается в *генетический* образ мысли, противоположный эссенциалистским модусам [...]. Габитус — что-то в высшей степени *генеративное*. [...] Габитус — это принцип *изобретения*, который, будучи произведенным историей, относительно свободен от нее: предрасположенности устойчивы, что влечет всевозможные эффекты *гистерезиса* (запаздывания, расхождения...) ¹⁶».

История вводится также благодаря тому, что инвестирование в определенное поле возникает в силу взаимодействия между пространством игры, определяющим ставки, и системой предрасположенностей, приспособленных к этой игре. «Иначе говоря, инвестирование — это исторический эффект согласования двух реализаций социального: реализации в вещах, за счет института, и в телах, за счет инкорпорации» ¹⁷. Соответственно, подгонка одного под другое — лишь частный случай, возникающий, когда институты и габитусы были порождены одним и тем же историческим процессом. Собственно, в первых работах Пьера Бурдьё рассматривается не что иное, как расхождения и осечки, случающиеся в слаженной работе поля, логика которого остается в силу такой слаженности незамеченной. «Возможно, именно благодаря частному случаю согласования габитуса и структуры такое понятие, как габитус, зачастую понимали в качестве принципа повторения и сохранения, хотя первоначально оно понадобилось мне как единственное средство, допускающее расхождения, обнаруженные в крайне специфической экономике Алжира шестидесятых годов [...] между объективными структурами и инкорпорированными, между экономическими институтами, завезенными и навязанными коло-

16. Bourdieu P. Questions de sociologie. Paris: Minuit, 1980. P. 134,

135.

17. Ibid. P. 35.

низацией (или же в наши дни — давлением рынка), и экономическими предрасположенностями, принесенными агентами, только-только вышедшими из докапиталистического мира»¹⁸.

В экономической сфере обнаруживаются различные примеры расхождения между габитусом и трансформацией поля. Так, первые директора Европейского центрального банка, который характеризовался инфляционистским подходом к способу регулирования, сложившимся после Второй мировой войны, пытались контролировать денежную массу по канонам монетаристской теории, убеждая правительства сокращать государственный дефицит. Должно было пройти больше десятилетия и должен был случиться кризис евро, чтобы они поняли то, что опасность связана с взрывным ростом кредитования, поддерживающего спекуляции недвижимостью и ценными бумагами, поскольку инновации и глобализация финансов изменили условия и цели денежной политики¹⁹. Точно так же конфликтные оценки денежной политики ЕЦБ со стороны политических лидеров Северной и Южной Европы определяются в некоторой части габитусами, сформировавшимися в существенно различающихся национальных контекстах²⁰. Наконец, вторжение габитуса застройщика-гендиректора в вашингтонскую политическую элиту дает нам карикатурный пример эффекта Дон Кихота, о котором Пьер Бурдьё упоминает в своем курсе²¹.

18. *Bourdieu P.* Méditations pascaliennes. P. 229.

19. *Boyer R.* Les financiers détruiront-ils le capitalisme? Paris: Economica, 2011.

20. *Boyer R.* The euro crisis: undetected by conventional economics, favoured by nationally focused polity // Cambridge Journal of Economics. 2013. No. 37. P. 533–556.

21. *Boyer R.* États-Unis/Mexique: le grand basculement // URL: <http://robertboyer.org/fr/etats-unis-mexique-le-grand-basculement/>, 2017.

Кроме того, в само понятие габитуса даже не включено то, что он подчиняется некоему монолитному, неизменному, фатальному и исключительному принципу. Пример алжирских бедняков-пролетариев демонстрирует опять же «существование расщепленных, расколотых габитусов, скрывающих под напряжением и противоречиями противоречивые условия формирования, которыми они были произведены»²². Таким образом, «габитус не обязательно является приспособленным или непротиворечивым [...] бывает так, что предрасположенности, следуя парадигме Дон Кихота, расходятся с полем и „коллективными ожиданиями“, которые конститутивны для его нормальности. Так бывает, в частности, когда определенное поле переживает глубокий кризис и его закономерности (и даже его правила) переворачиваются с ног на голову»²³. Эта теоретическая линия присутствует во всех работах Пьера Бурдьё, о чем бы ни шла в них речь — о труде в Алжире²⁴, развитии крестьянского общества в Беарне²⁵, кризисе университета²⁶, стратегиях приспособления во французских элитах²⁷ или же о женском вопросе²⁸. Не будем забывать также о симметричном вопросе, вопросе возникновения какого-либо нового поля, например поля сектора односемейного дома²⁹.

Как только поле образовано, его функционирование запускает некоторые силы, приводящие к переменам и определяющие историческое движение.

22. Bourdieu P. Méditations pascaliennes. P. 95.

23. Ibid. P. 230–231.

24. Bourdieu P. Sociologie de l'Algérie. Paris: PUF, «Que sais-je?», 1958; переиздано: «Quadrige», 2010.

25. Bourdieu P. Le Bal des célibataires.

26. Бурдьё П. Homo academicus.

27. Bourdieu P. La Noblesse d'État.

28. Бурдьё П. Мужское господство // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики.

29. Bourdieu P. Les Structures sociales de l'économie.

В этом отношении можно только пожалеть о том, что немногие экономисты прочли раздел под названием «Принципы экономической антропологии», которым завершается работа о социальных структурах экономики. По меньшей мере пять факторов способствуют изменениям, причем эта типология не ограничивается жесткими рамками изучаемого рынка.

1. Первый фактор обусловлен тем, что *господствующие агенты* поля обладают способностью навязывать «темп трансформаций [...] и [тем, что] специфическое использование времени является одним из главных инструментов их власти»³⁰. Нужно и правда вспомнить о том, что воспроизводство позиций в поле предполагает постоянное воссоздание неравенства в распределении той формы капитала, которая выполняет дискриминирующую функцию. Следовательно, сохранение господства не может основываться на тождественном воспроизводстве стратегий, поскольку оно предполагает также и инновацию. В этом отношении можно вспомнить о том, что художественное или литературное поле являет собой образец этого давления, заставляющего искать новшества и становящегося главной характеристикой.

2. Структура поля может измениться также благодаря проникновению в него *новых агентов*. Этот фактор, конечно, играет ключевую роль в экономике, поскольку давление инноваций, необходимых, чтобы найти новые источники прибыли, в определенные исторические периоды приводит к перевороту в производительных структурах. Эта динамика еще больше подкрепляется экономической конкуренцией, которую составляют другие страны или другие секторы. Этот фактор изменений обнаруживается в большинстве полей: распространение доступа к образованию на новые социальные фрак-

30. Bourdieu P. Les Structures sociales de l'économie. P. 309.

ции меняет работу системы, точно так же как обновление преподавательского корпуса университета влияет на его динамику³¹.

3. В свою очередь «изменения внутри поля часто связаны с изменениями вне поля. К нарушению границ добавляется *перекраивание границ* между полями»³². Особенно это важно в тех случаях, когда некоторые ключевые индивиды используют свою принадлежность к различным полям (академическому, политическому, экономическому) для перестройки одного из них, как показывает пример с винами Бургундии³³. Кроме того, наблюдается также образование новых секторов за счет специализации: например, в информационной индустрии производство программного обеспечения от производства оборудования, так что иерархия внутри сектора переворачивается, о чем свидетельствует эволюция распределения прибылей. И наоборот, некоторые радикальные инновации могут вести к созданию нового сектора за счет слияния старых: так, встреча информатики и телекоммуникации привела к смещению весьма устойчивых монополий, сложившихся в 1960-е гг. Это перекраивание границ особенно заметно в экономике, но также оно характерно и для множества других областей. Например, поле медиа все больше сказывается на академическом поле³⁴, рыночные отношения все больше проникают в художественную деятельность и т. д.

4. Говоря о коммуникациях поля с внешней средой, Пьер Бурдьё выделяет значение взаимодействий с государством. В самом деле, *конкуренция*

31. Бурдьё П. Homo academicus.

32. Bourdieu P. Les Structures sociales de l'économie. P. 311.

33. Laferté G. Folklore savant et folklore commercial: reconstruire la qualité des vins de Bourgogne. Une sociologie économique de l'image régionale dans l'entre-deux-guerres, thèse de sociologie. Paris: EHESS, 2002.

34. Бурдьё П. О телевидении.

за власть над государственной властью создает еще один важный фактор изменений. И этот фактор опять же играет ключевую роль в экономическом поле хотя бы потому, что даже либеральные стратегии так называемого возврата к рынку на самом деле апеллировали — вполне определенным и удивительным образом — к власти государства. Таким образом, современное развитие различных полей отмечено борьбой за возможность государственного вмешательства. Не исключено, что именно осознание этого факта объясняет увеличение числа политических выступлений Пьера Бурдьё, которых стало особенно много после 1995 года³⁵. Они находятся в русле его размышлений о значении характеристик государственной знати и значении оппозиции публичного и частного³⁶.

5. Наконец, *рассинхронизация габитуса и поля*, определяемая изменениями, влияющими на архитектуру разных полей, составляет часто встречающийся источник изменений и даже кризиса. Таков, например, случай общих изменений, затрагивающих демографию, стиль жизни или гендерные отношения и распространяющихся по всему спектру полей³⁷. Точно так же изменение в коэффициенте эквивалентности различных форм капитала может отразиться на целой серии полей, что приведет к расшатыванию способности к реакции у габитусов, сформированных в совершенно ином контексте. В некоторых случаях сложность взаимозависимостей между полями может послужить причиной кризисов, прямо или косвенно влияющих на их внутренние факторы господства. В работах Пьера Бурдьё встречается множество примеров подобного расшатывания (рис. 1).

35. Bourdieu P. Interventions, 1961–2001. Science sociale et action politique. Marseille: Agone, 2002.

36. Bourdieu P. La Noblesse d'État.

37. Bourdieu P. Les Structures sociales de l'économie. P. 313–314.

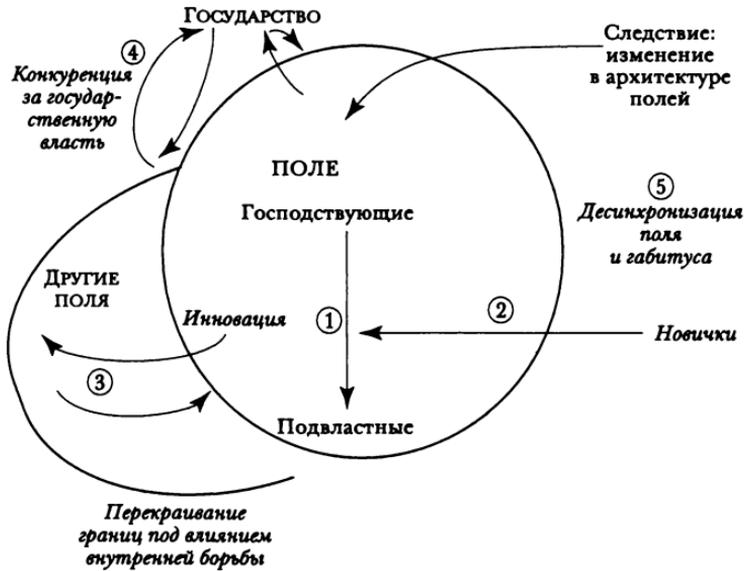

РИС. 1. Взаимодействия, вызывающие изменения

Сходство с теорией регулирования

Нельзя не поразиться сближению с рецепцией теории регулирования. Уровень анализа, конечно, разный, скорее мезоэкономический в случае габитуса и поля, макроэкономический в случае теории регулирования. Хотя последняя возникает в силу понимания ползучего, а потом и вполне открытого кризиса режима роста, установившегося после Второй мировой войны³⁸, критики неизменно разоблачают ее статический характер и постулат о тождественном воспроизводстве институтов капитализма. В значительной части эта оценка обусловлена коннотациями термина «регулирование» (гомеостатическое воспроизводство системы), которые обычно затуманивают точное определение того, что такое способ регулирования, понимаемый как временное

38. Aglietta M. Régulation et crises du capitalisme. Paris: Calmann-Lévy, 1976; новое издание: Odile Jacob, 1997.

равновесие сил, ведущее к эндогенной дестабилизации режима накопления³⁹. Не парадокс ли это? И в том и в другом случае понятия, разработанные для объяснения социального конструирования индивидов и институтов историей, интерпретируются как апология и иллюстрация воспроизводства под копирку, без каких бы то ни было трансформаций, как маргинальных, так и радикальных. В том же самом постоянно упрекали и Бурдьё, хотя его цель и состояла в том, чтобы за счет рефлексивного анализа предложить инструменты, позволяющие со временем преодолеть фатальность отношений господства, выражающихся в каждом из полей.

Таким образом, намечается определенное сближение творчества Бурдьё с исследованиями в категориях регулирования, что заставляет продумать общие черты и различия двух этих подходов (табл. 4), помня о том, что точка приложения первого подхода — социология, хотя он и определяет программную цель для социальных наук в целом, тогда как второй подход начинает с экономики и в силу развития своей исследовательской программы оказывается вынужденным налаживать связи сначала с историей и социологией, а затем с политическим анализом и правом.

С самого начала в работах, ориентированных преимущественно на макроэкономику — природу и развитие режимов накопления, а также на способы регулирования, — чувствовалась необходимость уточнить, какую именно теорию действия нужно принять. Отказ от *homo economicus*, наделенного обширной субстанциональной рациональностью, исключительной способностью к расчету, а также почти что совершенной способностью к предсказанию, привел к освоению понятия габитуса, понимаемого как матрица формирования поведения,

39. Boyer R., Saillard Y. Théorie de la régulation. L'état des savoirs. Paris: La Découverte, 2002.

ТАБЛИЦА 4
Теория полей, теория регулирования

	Теория полей	Теория регулирования
Общая концепция	Общество как совокупность более или менее независимых полей	Регулирование, конъюнкция цепочки институциональных форм
Мотив действия	Габитус как результат столкновения с одним или несколькими полями	Институционально дислоцированная рациональность
Отношения микро- / мезо- / макро	Свойства поля связаны с его структурными характеристиками Дифференциация в основе всякого поля	Прояснение макроинституциональных основ индивидуального поведения Разнообразие способов регулирования
Условия воспроизводства	Подгонка габитуса под поле, а ожиданий — под занимаемые позиции	Совместимость макроэкономической динамики, задаваемой различными институциональными формами
Факторы изменения	Борьба внутри поля Смещение границ и отношений между полями под влиянием этой борьбы Борьба за государственную власть	Борьба вокруг/за институциональные формы Изменение способа регулирования из-за расширения его логики Дестабилизация взаимодополнительности политической коалиции и способа регулирования
Формы кризиса	Длительное (структурное) рассогласование габитуса и полей Конкуренция среди господствующих открывает возможности для подвластных	Дестабилизация институциональных форм как опоры способа регулирования Неспособность выстроить политическую коалицию, поддерживающую перестройку институциональных сил
Критика в адрес теории	Теория воспроизводства Неспособность анализировать трансформации	Апология вечного капитализма Описание исключительно прошлого

несущая ярко выраженные следы истории⁴⁰. Развертывание исследовательской программы регулирования привело — скорее исподволь, чем с четко заявленной целью — к уточнению и переопределению этой составляющей теории.

Понятие габитуса предполагает, во-первых, *ограничение сферы*, по отношению к которой определяется действие, пусть даже оно считается рациональным. Если неоклассическая теория вынуждена предполагать, что каждый агент знает всю систему цен в целом, на самом деле, поскольку сбор соответствующей информации требует больших издержек, агенты вырабатывают рутины, позволяющие ориентироваться в экономической сфере, в которой они обычно действуют. Так, наемные работники и в еще большей степени коллективные организации, например профсоюзы, учитывают лишь ограниченное число переменных — потребительские цены, уровень безработицы, производительность⁴¹, — не будучи способными принять в расчет косвенные следствия, которые сложатся в силу макроэкономического воздействия ряда децентрализованных переговоров, сочетающихся друг с другом. В определенном смысле поведение задается по отношению к *пяти институциональным формам*, рассматриваемым теорией регулирования.

Во-вторых, цены — не единственный значимый индикатор, поскольку существенную роль играет *интериоризация правил игры* и эффектов, сказывающихся на других акторах. Эту точку зрения опять же проясняет пример переговоров по поводу зарплаты. Можно показать, что при одной и той же структуре предпочтений и целей наемных работников, с одной стороны, и предпринимателей — с дру-

40. Boyer R. La Théorie de la régulation. Une analyse critique, Paris: La Découverte, 1986.

41. Boyer R. Les salaires en longue période // Économie et statistique. 1978. No. 103. P. 27–57.

гой, уровень заработной платы и, соответственно, занятости зависит от модальностей взаимодействия акторов. Макроэкономические результаты существенно разнятся в зависимости от того, кто организован — только предприниматели или, наоборот, наемные работники, и от того, ведет ли переговоры профессиональная ассоциация с единственным профсоюзом⁴². Соответственно, экономисты (которые и являются большинство сторонников теории регулирования) обычно готовы приписывать приоритет правилам игры, а не габитусу, не отрицая при этом значения последнего как фактора объяснения социальной дифференциации и гетерогенности. В самом деле, если в силу политических потрясений институциональный контекст существенно меняется, можно объяснить перемену в макроэкономических закономерностях, не постулируя равноценного изменения в целях, преследуемых акторами⁴³. Один из примеров: французские крестьяне, которые в период между двумя мировыми войнами считались образцовыми мальтузианцами, становятся в 1960-е гг. настоящими продуктивистами, что приводит к перепроизводству, а потом и к критике со стороны экологов. Теория регулирования обычно ставит институциональное изменение выше индивидуальной инкорпорации, достигаемой за счет обучения, если вопрос касается трансформации макроэкономических закономерностей.

Эта концепция не запрещает признать, что цели и предпочтения агентов задаются историей и в истории, как утверждает один сильный вариант ин-

42. *Bowles S., Boyer R.* Labour market flexibility and decentralisation as barriers to high employment? Notes on employer collusion, centralised wage bargaining and aggregate employment // R. Brunetta, C. Dell’Aringa (eds). *Labour Relations and Economic Performance*. London: Macmillan, 1990. P. 325–353.

43. *Boyer R.* Cinquante ans de relations entre économistes et historiens.

ституционалистской теории⁴⁴. Эта *подвижность габитусов* оказывается фактором эволюции, дополняющим тот, что вызывается институциональным изменением, осуществляемым по политической указке. Такую двойственность можно проиллюстрировать одним примером. Чтобы проинтерпретировать преобразование французского капитализма в 1990-е гг., необходимо, конечно, проанализировать влияние финансового дерегулирования и усвоение международных норм качественного управления. Но также можно упомянуть изменение в концепциях крупных французских бизнес-групп и их управляющих, а также выявить силу конатуса капитала⁴⁵, возможно под влиянием смены поколений в кругах высокопоставленных бюрократов и предпринимателей.

Если сравнить по пунктам две эти проблематики, можно показать гомологию поля в трактовке Пьера Бурдьё и институциональных форм, не отрицая при этом того, что у двух этих конструкций разные цели и предметы.

1. Что касается описания анализируемого универсума, то у Пьера Бурдьё то, что принято называть обществом, возникает из *конъюнкции определенного числа полей*, которые стремятся автономизироваться, что является их основополагающей логикой, но на деле остаются взаимозависимыми в силу ряда механизмов, описанных подробнее ранее (движение акторов из одного поля в другое, конверсия одной формы капитала в другую и т. д.). В теории регулирования экономический режим возникает из *совместимости всего комплекса пяти институциональных форм*, определяемой *ex post* через индуцируемое ими поведение.

2. Наряду с этим сходством в двух этих подходах обнаруживается и важное отличие в понимании об-

44. Douglas M. Comment pensent les institutions.

45. Lordon F. La Politique du capital. Paris: Odile Jacob, 2002.

щества и экономики. С одной стороны, социология Пьера Бурдьё нацелена на построение общей теории полей, но она не задается явно сформулированным вопросом об *их сочленении* в том, что другие концепции могли бы назвать «обществом». С другой стороны, теория регулирования анализирует институциональные формы лишь как промежуточный этап в построении способов регулирования, понимаемых как *согласование* всей совокупности институализированных компромиссов, априори или в теории автономных.

3. Как поле, так и институциональная форма обеспечивают двойное движение от мезоуровня к микроуровню и наоборот. Как уже подчеркивалось, свойства поля складываются не из поведения *homo sociologicus*, а из динамического воспроизводства совокупности различий габитусов и неравенств в обладании различными формами капитала. Точно так же рассматриваемые в теории регулирования частные макроэкономические закономерности, связанные с каждой институциональной формой, не являются простой экстраполяцией того, что наблюдается на уровне каждого из акторов. Например, фордовское уравнивание заработной платы соответствует не поведению репрезентативной фирмы, а результату множества взаимодействий, в которых участвует большое число разнородных фирм, стратегии которых, однако, ограничены одними и теми же правилами игры.

4. Говоря в целом, оба подхода проясняют *коэволюцию*, с одной стороны, габитуса и поля и, с другой — стратегий акторов и институциональных форм. Эта черта особенно заметна в случае Пьера Бурдьё, так что она даже провоцировала критику — чрезмерную, как мы отмечали, — которая обосновывалась едва ли автоматической, если не сказать тавтологической, взаимной подгонкой ожиданий и реализаций, предрасположенности и положения в поле. Исследования регулирования в силу

самого своего устройства говорят лишь о результате взаимодействий на мезоэкономическом уровне, так что из-за отсутствия данных и исследований не представляется возможным разобраться с тем, что именно связано с институциональными изменениями, а что — с переменами в том, что микроэкономическая теория называет предпочтениями. Еще один признак, свидетельствующий о коэволюции институтов и поведения индивидов связан с последствиями импорта институтов из пространств, способ регулирования которых хотелось бы воспроизвести⁴⁶. Говоря в целом, возникает десинхронизация между поведением и новыми институтами, что, скорее, доказывает, что в реальности обществ, в противоположность абстракции теории, подвижность габитусов не управляется простой системой побуждений, создаваемых институтами. Понятие гибридизации нацелено на то, чтобы выделить процесс, в котором осуществляется взаимная адаптация поведения и институтов⁴⁷.

5. Наконец, в случае двух теоретических конструкций *промежуточный уровень*, составляемый *мезоуровнем*, важен в любом из двух вариантов — поля у Пьера Бурдьё или институциональной формы в теории регулирования. В самом деле, даже если можно найти общие законы, управляющие функционированием всех полей, необходимо учесть их взаимодействия, чтобы описать эволюцию всего их комплекса. То есть не существует прямого отношения между агентом и исследуемой тотальностью. Точно так же жизнеспособность определенной институциональной формы не может изучаться

46. Berger S., Dore R. (eds), National Diversity and Global Capitalism. Ithaca: Cornell University Press, 1996; Boyer R., Freysenet M. Les Modèles productifs. Paris: La Découverte, «Re-pères», 2000.

47. Boyer R., Charron E., Jürgens U., Tolliday S. (eds). Between Imitation and Innovation. Oxford: Oxford University Press, 1998.

на уровне лишь микро- или мезоотношений, необходимо рассмотреть совместимость эволюций, порождаемых ею на границе или даже внутри других институциональных форм. В определенном смысле в недавних работах по теории регулирования, где рассматриваются институциональная иерархия⁴⁸ или же институциональная комплементарность⁴⁹, в исследовании совместимости институциональных форм на мезоуровне предполагается два этапа перехода от микро к макро.

Таким образом, на определенном уровне абстракции две теоретизации движутся по сходным маршрутам, даже если теория регулирования фактически стремится продвинуться дальше в экспликации метода, способного преодолеть *дилемму макро/микро*, которая пронизывает весь массив социальных наук. В определенном смысле это требует выхода на множества уровней анализа, характерного для наук о материи. Не слишком ли долго конфликт между методологическим индивидуализмом и холизмом затемнял отношения между микро и макро?

Последняя точка схождения связана с ролью, приписываемой государству. И в том и в другом случае государственная власть составляет центр изменений большинства полей и институциональных форм. Это особенно относится к экономическому полю, исследованному Пьером Бурдьё, и точно так же отличительной чертой теории ре-

48. *Boyer R.* The variety and dynamics of capitalism // J. Groenewegen, J. Vromen (eds). *Institutions and the Evolution of Capitalism: Implications of Evolutionary Economics*. Northampton: Edward Elgar, 1999. P. 122–140.

49. *Amable B., Ernst E., Palombarini S.* Institutional complementarity: Labor markets and finance. CEPREMAP, 2000; *Amable B., Ernst E., Palombarini S.* Comment les marchés financiers peuvent-ils affecter les relations industrielles? Une approche par la complémentarité institutionnelle // *L'Année de la régulation*. 2002. No. 6. P. 271–288.

гулирования давно уже стало представлением государства в качестве почти что обязательного звена в трансформациях зарплатных отношений⁵⁰, форм конкуренции и интеграции в международный режим⁵¹. Эта роль еще более очевидна в случае институциональных компромиссов, определяющих социальное обеспечение, бюджетно-налоговую систему и природу государственных расходов. Если в ряде экономических теорий вмешательство государства расценивается в качестве возмущающего фактора, в данном случае оно приобретает роль конститутивную и учредительную.

Рефлексивность как условие формирования научного сообщества

Требование рефлексивности заставляет задаться вопросом о значении критерия научности. Может ли то или иное сообщество приписать себе научный статус, утверждая, что оно пришло к согласию по ряду понятий, методов и результатов, или же эту задачу нужно передоверить внешнему эпистемологу? К сожалению, консенсус внутри дисциплины не предполагает научности ее результатов, тогда как внешний аналитик может приступить к делу лишь спустя значительное время после формирования той или иной научной специальности. В действительности Пьер Бурдьё предлагает мерить усилие научности меркой перманентной рефлексивности — с одной стороны, исследователя, рефлексирующего свою собственную траекторию,

50. Boyer R., Orléan A. Les transformations des conventions salariales entre théorie et histoire // *Revue économique*. 1991. No. 2. P. 233–272.

51. Chartres J.-A. Le changement de modes de régulation: apports et limites de la formalisation // R. Boyer, Y. Saillard. *Théorie de la régulation*. P. 273–284.

а с другой — дисциплины, рефлекслирующей собственные основания. Это позволяет связать экономику экономистов и то измерение экономики, которое анализируется другими социальными науками.

Когда-то экономисты как представители отдельной профессии полагали, что их дисциплина достигла такого уровня формализма и научности, что попытки сотрудничать с другими социальными науками, которые так или иначе тоже изучают экономические отношения, перестали быть сколько-нибудь интересными. Некоторые фундаменталисты предлагали даже экспортировать во все остальные дисциплины инструменты, благодаря которым экономический анализ добился успеха. Для этого надо было, конечно, игнорировать совершенно иной диагноз, поставленный экономистами-гетеродоксами, а также диагноз, ставший возможным благодаря тому прояснению вопроса обмена в разных социальных науках, которым в своем курсе занимается Пьер Бурдьё.

Уподоблять концепции ученого и изучаемого им агента опасно, следовательно, необходимо признать скрытую нормативность чистой теории; ошибочно рассматривать агента как автономную единицу, которую социализирует исключительно рынок, так что стоит наконец преодолеть понимание рынка как абстрактного механизма ценообразования. Одним словом, крайне важно задаться вопросом об экономических и социальных условиях возможности рационального поведения.

Эта центральная идея Пьера Бурдьё обретает весь свой смысл тогда, когда требуется объяснить драматический интеллектуальный провал экономики как дисциплины в целом, который кое-как скрывается ее мощью на академическом или даже политическом уровне. Амбициозной программе исследования теории общего равновесия не удастся доказать существование невидимой руки, а именно саморегулирования рыночной экономики. Нео-

классическая макроэкономика настолько верна профессиональному канону, что делает немислимым, а потому и невозможным глобальный кризис, начавшийся в 2008 году. Прикладная экономика переживает значительный подъем благодаря развитию все более специализированных моделей, разрабатываемых в различных разделах экономики, однако их результаты часто противоречивы и не достигают того уровня всеобщности, который затребован наукой, которую стоит отличать от просто методики. Наконец, прорыв финансовой математики и надежды, возлагавшиеся на гигантские базы данных, приводят, судя по всему, к устареванию знаний экономиста. Это движение отдаляет его от изучения оснований дисциплины и склоняет к своего рода двойному подходу.

С одной стороны, теоретик становится нормативным: важно реформировать государственные стимулы и программы, чтобы сократить разрыв между его теоретической моделью, позволяющей достигнуть оптимума, и актуальной конфигурацией экономик, страдающих от различных бед. Тем хуже, если политическим процессам не удастся сгладить этот разрыв, поскольку это вопрос ресурсов политической экономии, а не собственно экономики.

С другой стороны, прикладная экономика не ставит больших целей, поскольку свои надежды она возлагает, по сути, на стохастический, исключительно индуктивный подход. Она исследует причинные связи, выявляемые ею благодаря все большему совершенствованию эконометрических техник, применяемых ко все более богатым базам данных. Важное препятствие — трудности с достижением уровня обобщения: все так же бродит призрак статистических закономерностей, равноценных законам наук о природе и их инвариантности в пространстве и времени.

Подобное раздробление участков работы экономистов позволяет утверждать, что данная дис-

циплина может ответить на большинство вопросов, которые ставят себе правительства и граждане, и именно поэтому скрывается крушение ее оснований и хрупкость ее результатов. Эпоха теоретического бриколажа, царящая сегодня, характеризуется процветанием современных аналогов Тихо Браге, однако Галилей почему-то заставляет себя ждать. Отсюда вытекает почти полный отказ от аксиоматического и дедуктивного метода, столь ценимого поколением экономистов-модернистов послевоенного периода.

В конструкции Пьера Бурдьё широко используется принцип рефлексивности. Это заставляет снова ввести символическое в экономическое. Также он показывает многообразие конфигураций как докапиталистических обществ, так и секторов экономики, которые вроде бы должны руководствоваться исключительно принципом «ты мне — я тебе». В самом деле, диалектика отношений между полем и габитусом позволяет также объяснить гетерогенность предрасположенностей внутри одного и того же поля, а также создание и эволюцию полей. Экономическое действие оказывается погруженным в общую теорию, признающую разнообразие интересов, форм капитала и способов распределения габитусов и полей. Тогда как чистая теория экономистов не выполняется даже в тех секторах, которые, считается, управляются логикой экономической наживы, например в финансовом секторе.

Однако же эта исследовательская программа оказала незначительное воздействие на экономистов как профессиональную корпорацию, даже если она в какой-то мере повлияла на группу социологов, следующих в чем-то Бурдьё. К тому же ядро стандартной экономики (на самом деле, ее «эмпиристский» поворот) отличается от неомарксизма, проанализированного в данной работе, и сохраняется в проводимой ей защите автономии экономики от остальных социальных наук. Эта не-

достаточная рефлексивность свидетельствует о траектории определенной парадигмы, вчера передовой, но сегодня регрессивной. В науках именно эта способность анализа условий возникновения, а потом и функционирования новой дисциплины объясняет динамизм сообществ исследователей. Это всегда не что иное, как практическая реализация понятия поля в применении к миру исследования. Так, к примеру, согласованность и прогрессивное развитие дисциплины обеспечиваются именно взаимодополнительностью исследовательских стратегий, которые разворачиваются между рутинной и инновацией⁵².

Здесь читатель, возможно, задаст себе самый важный вопрос: как объяснить то, что теоретическая конструкция, реализованная в категориях полей и габитуса, не вызвала большего интереса среди экономистов? Этот вопрос заставляет сделать еще одно усилие рефлексивности, которое было бы направлено не просто на исторические и социальные условия, определяющие причастность исследователя к той или иной парадигме, но также на факторы, структурирующие само академическое поле, в первом ряду которых доступ к власти, практически реализуемой государством. В этом смысле весьма поучителен отказ, который санкционировал создание секции Национального совета университетов под эмблематическим названием «Экономика и общество», нацеленной на возвращение экономики в лоно социальных наук. Это ни в коей мере не доказательство невозможности или бесплодности подобной научной программы — какой бы сложной она ни была — скорее уж силы академических интересов, инвестированных в современную организацию университета.

52. *Foster J.G., Rzhetsky A., Evans J.A. Tradition and innovation in scientists' research strategies // American Sociological Review. 2015. Vol. 80. No. 5. P. 875–908.*

Приложение

Резюме курса, опубликованное в ежегоднике Коллеж де Франс

В качестве предваряющего шага мы подвергли критическому анализу теории обмена дарами, которые обнаруживаются у классиков и современных авторов, у философов и экономистов. Это нужно, чтобы сформировать синоптический взгляд на совокупность проблем, поставленных анализом экономического обмена, и в частности вопроса, сформулированного Моссом, о «подлинной, великой и достойной уважения революции», которая приводит от экономики дара и ответного дара к экономике «ты мне — я тебе». Действительно ли эта революция охватила все области жизни, что неявно предполагается теми, кто, как Гэри Беккер, стремятся применить ко всем практикам (например, браку, понимаемому как экономический обмен услугами производства и воспроизводства) модель агента, занятого максимизацией? Завершилась ли она хотя бы внутри сферы, основанной исключительно на учреждающей тавтологии «*business is business*»?

Эти вопросы и многие другие, касающиеся коллективного и индивидуального генезиса экономического космоса и экономического агента, игнорируются господствующим экономическим подходом, который, будучи совершенно внеисторическим, абстрагируется (даже не понимая этого) от экономических и социальных условий возможности экономического универсума и экономического агента, совершая, таким образом, схоластическую ошиб-

ку в ее специфической форме, состоящей в том, что агентов наделяют теориями, построенными, чтобы объяснить их практики.

Таким образом, на первом этапе мы стараемся выявить предпосылки (почти всегда ранее оставшиеся непроясненными) воображаемой антропологии, которая поддерживает экономику в ее господствующем определении: дедуктивистскую эпистемологию, натуралистский эссенциализм (внеисторический и антигенетический), атомистический взгляд на индивидов, сведенных к рассчитывающему сознанию, моменталистский дисконтинизм универсума, лишённого инерции.

Соответственно, мы выдвигаем требование предложить другую систематическую теорию агента и *разумного* (а не рационального) действия, а также поля производства. Опираясь на результаты, которые были получены в поле самой экономической науки, однако были в ней проигнорированы или вытеснены на обочину, мы можем заменить понятие рынка (наиболее требовательные теории организации промышленности признают, что не могут ни обойтись без него, ни дать его точное определение) понятием поля производства: это поле сил, выступающее также полем борьбы, нацеленной на преобразование или сохранение силовых отношений между производителями, наделенными неравным капиталом в его различных формах (экономическим капиталом, культурным, символическим), является местом действия специфических механизмов и эффектов (опознаваемых преимущественно в форме барьеров входа, структурных эффектов отличия, эффектов «автоматической» настройки спроса и предложения, возникающей в силу гомологии между пространством потребителей и пространством производителей и т. д.). Для действительного объяснения практик требуется в каждом конкретном случае описать генезис и структуру наблюдаемого пространства объектив-

ных отношений (что мы сделали в случае «рынка» односемейного дома), обращая особое внимание на вклад, который институты, внешние собственно экономическому полю, такие как государство, могут внести в социальное конструирование поля производства (и потребления) и в его работу (поскольку конкуренция предприятий может, таким образом, принимать форму конкуренции за контроль над государственной властью), не забывая, вопреки обыкновению, о собственно символическом аспекте экономической борьбы.

С другой стороны, мы предлагаем заменить *homo economicus*, суверенного индивида, не имеющего иных качеств и характеристик, помимо едва ли не божественной способности к рациональному расчету, агентом, наделенным устойчивыми предрасположенностями, сформированными социальным опытом, как коллективным, так и индивидуальным. Понятие системы экзогенных предпочтений, упорядоченных и инвариантных, заменяется понятием вкуса, который, поскольку он является плодом всей коллективной и индивидуальной истории, представляется коллективным индивидуальным, социализированной субъективностью. Таким образом, появляется возможность, не обращаясь к совершенно прозрачному подсчитывающему сознанию (предполагаемому теорией «рациональных ожиданий») или же к логике «ограниченной рациональности» (как у Герберта Саймона, который ограничивается внесением поправок в господствующую «парадигму»), объяснить согласованность надежд и шансов, в силу которой экономическое поведение абсолютного большинства приобретает характер «разумности»; а кроме того объяснить то, что теория «рациональных ожиданий» или теория «репрезентативного индивида» не вполне опровергаются фактами: если и существует объективно просчитываемый и предсказуемый экономический порядок, это, скорее всего, объ-

ясняется тем, что глобально наблюдаемые эффекты являются кумулятивным следствием поведений, которые различаются так же, как экономические условия, ответственные за предрасположенности, продуктом которых эти поведения являются, но при этом обладают общей чертой как продукт более или менее подстроенных под эти разные условия предрасположенностей (если не считать исключений, которые тоже поддаются изучению).

Научное издание

ПЬЕР БУРДЬЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Курс лекций в Коллеж де Франс

(1992–1993)